ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

II (XII)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

P.1573.

«ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА»

Ответственный редактор *Д. Рязанов.*

В журнале принимают участие следующие товарищи:

Бакалов Г., Байч М., Баммель Г., Бергер А., Бобровников Н., Ваганян В., Веллер П., Виноградская П., Владимиров В., Воден А., Волгин В., Выгодский С., Глезерман Г., Голосовкер М., Гупперт Г., Гуревич Э., Дворин А., Деборин А., Завитневич И., Звавич И., Иоаннисян А., Кабакчиев Х., Каганович Е., Карев Н., Ковнатор Р., Косвен М., Кунисский С., Лифшиц М., Луппол И., Лурье Э., Максимовский В., Маркова О., Морозова В., Нечкин Д., Николаевский Б., Никсдорф К., Овандер Н., Паскаль П., Пелузо Э., Позняков В., Попов А., Попова В., Потемкин Ф., Рабинович А., Реуэль А., Рор В., Рубин И., Рубинштейн Л., Румер О., Рязанов Д., Семенов В., Сенилова С., Слепцова Н., Стеклов Ю., Страхова Н., Стэн Я., Топпер С., Топорков А., Удальцов А., Фокс Р., Фридлянд Ц., Цобель Э., Чернышев Б., Шиллер Ф., Шмюкле К. и др.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

II (XII)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1930 * ЛЕНИНГРАД

П, 19. Гиз № 39287.
Ленингр адский Областлит № 5746.
14 л. Тираж 5000

Д. РЯЗАНОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О «ГЕРОИНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ» ЕЛИЗАВЕТЕ ДМИТРИЕВОЙ

В шестой книжке «Летописей марксизма» тов. Луппол [1] уже установил, что известная героиня Парижской Коммуны Елизавета Дмитриева, судьба которой после так странно переплелась с делом «червонных валетов» в Москве, вышла замуж за одного из героев этого дела, И. М. Давыдовского. Не удалось только выяснить ее настоящую фамилию до брака и ее происхождение. Гильом и вслед за ним Сажин утверждали, что она была еврейкой; Тверитинов, в своих воспоминаниях о Чернышевском, называет ее Елизаветой Дмитриевной Томашевской; Книжник-Ветров, на основании одного отчета, не бывшего в руках тов. Луппола, установил, что Дмитриева, до выхода замуж за Давыдовского, носила фамилию Тумановской. Из того же отчета видно, что ее имя и отчество — Елизавета Лукинична. Конечно, последнее обстоятельство еще не опровергает утверждения Гильома и Сажина, что Дмитриева была еврейкой.

В декабре 1928 г. мы поместили в «Правде» письмо, с кратким биографическим очерком Дмитриевой и с просьбой к знавшим ее сообщить какие-либо сведения о ней и ее жизни.

В ответ на наше обращение мы получили несколько писем. Тов. Е. Смирнова сообщила нам в присланном письме показания ее отца Григория Викторовича Бартенева, сына члена I Интернационала Екатерины Григорьевны Бартеневой. Мы печатаем их целиком ввиду большого интереса для истории русского революционного движения.

«По поводу вашего письма в «Правде» могу сообщить следующее:

1) Настоящая фамилия «Тумановской» — К у ш е л е в а. Тумановская, как и Дмитриева — конспиративные псевдонимы. Это я знаю наверное, так как в 1874 — 1875 гг. по возвращении своем из-за границы Елизавета Лукинична Кушелева недолгое время жила в Ленинграде и часто посещала мою мать Екатерину Григорьевну Бартеневу, с которой в Женеве была близка по работе в I Интернационале.

2) У Елизаветы Лукиничны был брат Василий Лукич Кушелев, помещик Холмского уезда Псковской губернии (имение было родовое), очень наружностью похожий на сестру, что мы с моей матерью всегда отмечали, видя

[1] Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским.

его на губернских земских собраниях во Пскове, где я работал в земской статистике (94 — 95 годы), а мать моя была в ссылке. Об этом брате, не разделявшем взгляды своей сестры,[1] моя мать знала от Елизаветы Лукиничны.

3) О сибирской жизни Елизаветы Лукиничны приходилось слышать во Пскове же от возвращающихся ссыльных (Подбельская, Чернецкая). Насколько помню, говорили о ней, что Елизавета Лукинична со свойственной ей энергией — очень нуждаясь — всеми силами старается создать уют своему баловню мужу (Давыдовскому), который никакими житейскими «мелочами» не занимался. У Елизаветы Лукиничны были две дочери, которые тоже с матерью делали все возможное, чтобы лелеять своего великолепного трутня-папашу. Но больше о детях ничего не знаю».

В личной беседе Григорий Викторович Бартенев сообщил ряд сведений о своей матери и отце:[2] Виктор Иванович Бартенев был тоже членом I Интернационала и выступал в Женеве под именем Матвеева; он учился во второй московской гимназии, а затем в Московской школе живописи и ваяния. Это указание помогло разъяснить один интересный факт.

В 1918 г. Максим Горький передал тов. Зиновьеву портрет Маркса — в красках — написанный каким-то русским художником Матвеевым якобы с натуры. Теперь более чем вероятно, что этот портрет сделан В. Бартеневым, но не с натуры, а с фотографии, приложенной к первому французскому изданию «Капитала».

Сведения, сообщенные Г. В. Бартеневым, были подтверждены и дополнены племянником Елизаветы Лукиничны Ф. Томановским.

Елизавета Лукинична, по его словам, урожденная Кушелева. Ее родители жили в Петербурге и были домовладельцами. Она была замужем дважды. Первый муж ее был Михаил Николаевич Тумановский (вернее Томановский), второй — Иван Михайлович Давыдовский. До замужества жила с матерью-вдовой в Петербурге (отец умер в 50-х годах прошлого столетия), а выйдя замуж за Томановского, в именьи его брата В. И. Томановского, женатого на ее родной сестре. Именье находилось в Ярославской губернии, в Мышкинском, ныне Рыбинском, уезде близ г. Углича и называлось с. Красное. В 1870 г. Елизавета Лукинична уехала за границу, где участвовала в революционном движении и где проживала до смерти мужа, последовавшей в 1873 г. Получив извещение о его смерти, вернулась в Россию и жила уже в Москве (Неглинный проезд, в гостинице «Европа» против Малого театра). В Москве познакомилась с Давыдовским, за которого вторично вышла замуж. Во время процесса «червонных валетов», убежденная в невиновности мужа, выступала его защитницей, за что суд пригрозил ей удалением из зала заседания. Кроме этих сведений Федор Николаевич Томановский передал Институту фотографическую карточку Дмитриевой в возрасте 19 — 20 лет. Мы показали эту карточку Михаилу Петровичу Сажину, и он подтвердил, что это действительно Дмитриева.

---

[1] В «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» назван В. Кушелев, автор брошюры «Земский голос», Псков, 1912.

[2] Сведения эти использованы в статье Книжника «Е. Бартенева — социалистка и писательница» («Каторга и ссылка», 1929 г., № 11).

Ф. Томановский совершенно верно указал также, что фамилия Дмитриевой по первому мужу была не Тумановская, а Т о м а н о в с к а я. Весьма вероятно и его сообщение, что Дмитриева выехала за границу только в 1870 г. Иначе трудно объяснить, что ни в письмах швейцарских эмигрантов, ни в шпионских донесениях за период от 1867 до 1871 г. не упоминается ни ее настоящая фамилия, ни ее революционный псевдоним. Имя Дмитриевой появляется только в документах Парижской Коммуны — в апреле и мае 1871 г.[1]

Поскольку же речь идет о Дмитриевой, как деятельной участнице русской ветви I Интернационала, она впервые упоминается только в 1873 г. в известном «Мемуаре Юрской федерации».[2]

Русская секция Международного товарищества рабочих была организована в Женеве в начале 1870 г. Она была признана Генеральным советом 22 марта 1870 г. Во главе ее стояли Утин и Трусов, решительно выступавшие против бакунистов.[3] Они утверждали, что секция бакунинского Альянса не была принята Генеральным советом и в доказательство ссылались на слова одной «хорошо осведомленной особы, приехавшей из Лондона».

«Эта хорошо осведомленная особа,— сообщается в «Мемуаре Юрской

[1] В известной жандармской «Истории социально-революционного движения в России 1861 — 1881 гг.», глава десятая, авторы (Татищев и Голицын) могут сообщить о Дмитриевой только следующую сказку: «В самый разгар Коммуны 1871 г. энергическим деятелем ее была одна русская, г-жа Д м и т р и е в а — псевдоним девицы Г о н ч а р о в о й, сестры владельца майоратного имения Гончаровых в Калужской губернии («Полотняные заводы»). Ей пришлось бы погибнуть в Коммуне, если бы не участие и помощь дяди ее, сенатора второй империи, барона Дантеса, женатого на ее родной тетке (сестре жены поэта Пушкина)». Таким образом, Дмитриева оказывалась внучатной племянницей Пушкина и спаслась только благодаря заступничеству его убийцы!

[2] «Mémoire présenté par la Fédération jurassienne de l'Association internationale des Travailleurs à toutes les fédérations de l'Internationale», Sonvillier, 1873, pp. 199—201. Гильом перепечатал эти страницы в своей истории Интернационала, сопроводив их комментарием, который должен был извинить и оправдать странные для интернационалиста полемические выпады мемуара.

[3] К группе Утина тогда принадлежали Виктор и Екатерина Бартеневы, Ольга Левашова, Щербаков и Дмитриева.

федерации»,— была госпожа Дмитриева, подруга Утина, русская, как он, и, прибавим,— ибо это характерная деталь — еврейка, как и он, как Маркс, как Боркгейм (сотрудники «Zukunft» (в Берлине) и «Volksstaat» (в Лейпциге)), как Мориц Гесс, как Гепнер, редактор «Volksstaat», как Франкель, член Парижской Коммуны. Госпожа Дмитриева, известная также под именем гражданки Элизы, является фанатической поклонницей Маркса, которого она называет, на языке синагоги, современным Моисеем. Она провела некоторое время в его обществе в Лондоне и затем вернулась в Женеву, снабженная, очевидно, конфиденциальными инструкциями. Именно после ее приезда был снова поднят вопрос об Альянсе, и на общем собрании женевских секций сделано было пресловутое заявление, что Альянс никогда не был принят в Интернационал».

Перепечатывая это место в своей «Истории Интернационала»,[1] Гильом — через 34 года — прибавляет, что Дмитриева была в Лондоне в феврале 1871 г., а в подробном оглавлении-конспекте тома пишет: г-жа Дмитриева в Женеве в марте. Следовательно, Дмитриева уехала в Лондон в феврале и приехала с полномочиями в марте 1871 г.

Мы имеем теперь документальное подтверждение, что Дмитриева была действительно до Парижской Коммуны в Лондоне и близко познакомилась с Марксом и его семьей. Среди бумаг Маркса нашлось письмо к нему на французском языке, адресованное из Лондона и подписанное Elisabeth Tomanowska. Так как это единственный документ, подлинность которого не подлежит никакому сомнению, то мы даем ниже полный перевод письма Дмитриевой к Марксу.

Прошу извинить меня за мой запоздалый ответ, вчерашнее утро было у меня занято различными делами... устройством маленькой Эппльгарт, а вечером я по обыкновению чувствовала себя плохо.

В воскресенье вечером я буду дома, так как выхожу очень редко (напр. в ближайший вторник пойду на митинг с участием Бизли). Я прошу поэтому мадемуазель Женни не предупреждать меня, когда она захочет доставить мне удовольствие провести у меня вечер. Я всегда в ее распоряжении.

Благодарю вас за совет насчет хлорала и в особенности за ту доброту, с которой вы заботитесь о моем здоровьи. Конечно, я вовсе не желаю разрушать его, но, откровенно говоря, не люблю лечиться. Во всяком случае, если я обращусь к врачу, то только к женщине.

Что касается альтернативы, которую вы предвидите в вопросе о судьбах общинного землевладения в России, то, к несчастью, превращение его в мелкую собственность весьма вероятно. Все меры правительства — ужасающее и непропорциональное повышение налогов и повинностей — имеют своей единственной целью введение индивидуальной собственности путем уничтожения круговой поруки. Закон, изданный в прошлом году, уже уничтожает ее в общинах, население которых меньше 40 душ (мужских; женщины, к счастью, не входят в это число); официальная и либеральная пресса нисколько не стесняется расхваливать благодетельные последствия, которые она выводит из этой реформы. И действительно, такое прекрасное начало много обещает.

Я позволяю себе послать вам номер «Народного дела», в котором разбирается этот вопрос. Предполагаю, что вы, быть может, не имеете всех номеров этого журнала.

---

[1] Guillaume, L'Internationale, Paris, 1907, tome second, p. 158.

Вы несомненно знакомы с трудом Гакстгаузена, вышедшим в 1847 г., в котором описана общинная система в России. Если вы случайно не имеете его, то прошу сообщить мне об этом. Я имею экземпляр в России и могла бы его сейчас же послать вам.

Этот труд содержит много фактов и положительных данных об организации и управлении общин. В статьях об общинном землевладении, которые вы теперь читаете, вы увидите, что Чернышевский часто упоминает его и дает из него отрывки.

Я не хочу, конечно, отнимать у вас время, но если бы в воскресенье вечером вы имели в своем распоряжении несколько часов, то я убеждена, что ваши дочери были бы так же счастливы, как я, видеть вас у нас.

Прошу передать от меня привет г-же Маркс и принять уверение в моем искреннем уважении.

Елизавета Томановская.

P. S. Жму руки Женни и Тусси. Простите мне мое длинное письмо.

К сожалению, письмо не датировано. Несомненно однако, что оно написано до Коммуны. Закон о круговой поруке, ограничивший ее применение и изданный по словам Дмитриевой в прошлом году, был опубликован 17(29) ноября 1869 г. Номер «Народного дела», в котором помещена была указанная ею статья, — «Крестьянская реформа и общинное землевладение» — вышел 7 мая 1870 г. Таким образом, письмо Дмитриевой могло быть написано не раньше второй половины 1870 г. Но оно могло быть написано и в конце этого года или в начале 1871. Установить более точно его дату можно будет лишь тогда, когда нам удастся узнать, на какой день назначено было собрание с участием Бизли, на которое Дмитриева собиралась пойти в «ближайший вторник».

Из писем Утина к Марксу [1] можно извлечь еще некоторые данные о Дмитриевой. В письме от 17 апреля Утин просит Маркса навести в Париже справки о ней. Дмитриева уехала во Францию сейчас же после провозглашения Коммуны, чтобы принять в ней участие. Утин пишет, что уже три недели от нее нет никаких известий. После подавления Коммуны Дмитриева долго скрывалась, и только в начале октября 1871 г. ей удалось бежать в Швейцарию, где она, впрочем, оставалась недолго. В письме от 28 октября 1871 г. Утин пишет Марксу, что Дмитриева уже уехала из Женевы и что дочь его, Женни, может сообщить ему новости о ней. К сожалению, это все, что можно извлечь из писем Утина о судьбе Дмитриевой до ее отъезда в Россию. Зато очень много новых сведений дает его большое письмо к Марксу, писанное из Льежа 17 декабря 1876 г.

Мой дорогой отец!

Ты будешь не мало удивлен и огорчен содержанием этого письма. Речь идет о нашей Элизе и ее печальной истории. Недавно она решила сбросить свое инкогнито и свиделась в Петербурге с нашим близким другом Виктором Бартеневым. Мотив этого решения следующий: она вышла замуж, вскоре после своего отъезда, за бывшего управляющего своего покойного мужа. Этот парень, поскольку я могу судить по его корреспонденции, всегда был негодяем... Очень скоро после своего отъезда, т. е. три месяца спустя, она призналась мне, что одно время она спрашивала себя, не любит ли она этого человека, о котором все говорят дурно. Я сказал ей все, что думал, я старался отговорить ее от связи с этим человеком, я говорил ей, что в России

[1] Эти письма будут опубликованы в одной из ближайших книжек нашего журнала.

она найдет достойного ее человека, если она ищет предмета любви... Собрав все сведения, я описал ей этого человека. Она мне написала тогда, что действительно этот человек произвел на нее впечатление, но что иллюзия эта прошла, что она больше не думает об этом, что она задыхается в России и т. д. и т. д. Но иллюзия так мало прошла, что в один прекрасный день она оказалась его женой, а теперь она мать двух детей, муж ее в тюрьме по обвинению в принадлежности к обществу — не политическому, а мошенников, которые вымогали деньги обманными путями. Процесс будет иметь место в Москве, в феврале. Элиза серьезно любит своего мужа и говорит, что если он будет осужден, она последует за ним в Сибирь. Видно, таким образом, что этот человек имеет привлекательные черты. Видно также, что бедная женщина, привыкшая к роскоши и совершенно разорившаяся, верила в мечты о миллионах, которые рисовались воображению ее мужа. Теперь она находится в большой нужде. И вот «дочь нашего полка» явилась к Виктору и просила его обратиться за границу, через посредство г-жи Ольги,[1] чтобы достать ей 3000 рублей, которые она надеется вернуть через три года. Деньги эти необходимы ей, чтобы уплатить адвокату, который пожелал бы защищать ее мужа. Адвокаты — дороги. Так вот, поможем ли мы блудному, но несчастному ребенку или нет?

Я могу выделить ей тысячу франков, и я постараюсь ей доставить их, Ольга последует моему примеру и пошлет ей, вероятно, *две* тысячи. Но этого мало. Не сообщишь ли ты об этой истории Энгельсу? Он, наверное, захочет помочь ей. Затем Ковалевский — у него благородное сердце. Если кто-нибудь имеет право на нашу помощь, то это несомненно Элиза — в свое время она не жалела своего состояния ради нашего дела. Ковалевский может также оказать большую помощь и другим способом. Он знает много адвокатов в Москве. Не мог ли бы он немедленно написать своим друзьям и просить их, чтобы кто-нибудь взял на себя безвозмездно защиту этого человека, фамилия которого Давыдовский (общество носило название «червонных валетов»). В Москве есть несколько богатых адвокатов. (Если бы дело происходило в Петербурге, мой брат сделал бы это, но ввиду того, что оно будет разбираться в Москве, он не может отлучиться на месяц или шесть недель.) Если Ковалевский согласен это сделать, нужно, чтобы он потребовал ответа по телеграфу. Итак, деньги и адвоката.

Я очень занят и поглощен различными делами. Я не могу поэтому ни на одно мгновенье уехать отсюда, иначе я приехал бы лично поговорить об этом деле. Письмо будет передано тебе Натой.[2] Она сообщит тебе все необходимые детали.

До свидания. Обнимаю тебя и остаюсь преданным тебе до следующей революции.

Николай.

Видел ли ты французско-итальянский журнал, который издается в Женеве? Если нет, я пошлю тебе его. Он мне кажется подозрительным, хотя и направлен против юрцев. Бонапартист Бастелика фигурирует там вместе с Терцаги, как заклятые враги юрцев.

Тысяча приветов герцогине Аргайльской и Тусси.[3]

Я все же приеду в Англию в конце января на три дня.

Николай.

Это письмо Утина разъясняет теперь все вопросы, возникающие при чтении письма Маркса (от 9 января 1877 г.) к Ковалевскому, которое напечатано было в шестой книжке «Летописей марксизма». Теперь понятен и

---

[1] Ольга Степановна Левашова, сестра жены Жуковского Аделаиды Степановны. «Принадлежала к известной в России семье Зиновьевых, занимавших разные высокие посты», — говорит Дейч. («Русская революционная эмиграция 70-х годов».) Аделаида Степановна молодой девушкой проживала с матерью за границей и вышла замуж за Жуковского. Ольга, как известно из писем Бакунина, дала деньги на издание «Народного дела». Дальнейшая судьба ее неизвестна.

[2] Жена Утина, Наталия Иеронимовна Корсини.

[3] Жена и дочь Маркса.

осторожный тон обращения Маркса («Я ничего не знаю об ее муже и его невинности или виновности»). Ясно также, почему Дмитриева осталась без средств. Вероятно, Давыдовский продолжал увлекаться различными спекуляциями и в течение трех лет успел растратить все ее состояние. Он был, по всей видимости, не столько злостным «червонным валетом», сколько талантливым и обаятельным «джентльменом», — великолепным трутнем, как его называет Г. Бартенев, — из тех проевших выкупные платежи дворян, которые в первой половине 70-х годов впервые окунулись в мир ажиотажа и спекуляции. Может быть, Давыдовский и уверял Дмитриеву, что, нажив одним махом миллионы, они обязательно потратят их на «хорошие дела».

Дальнейшая судьба Дмитриевой после Парижской Коммуны вообще представляет только психологический интерес. Промелькнув метеором в апрельские и майские дни 1871 г., она — тоже своего рода «рыцарь на час» — опять исчезла в сумерках обывательской жизни. Больной и надорванный революционным порывом человек, она стала, как и Элеонора Маркс, ее бывшая приятельница, жертвой «иллюзии». Не только на суде, но и до конца жизни она была убеждена, что Давыдовский был невиновен, что только благодаря своей доброте и доверчивости он стал жертвой различных негодяев.

Сам Утин в сущности тоже принадлежал к породе «рыцарей на час». Очень скоро после приведенного нами письма к Марксу, не дождавшись «следующей революции», он, в порыве «патриотической тревоги», принял в 1877 г. под руководством известного дельца Полякова деятельное участие в снабжении русской армии и в награду получил разрешение вернуться в Россию, где и умер в 1883 г.

P. S. Статья уже была набрана, когда нам удалось, при помощи нашего лондонского корреспондента, Гарри Стивенса, точно установить дату собрания под председательством проф. Бизли. Извещение, что такое собрание с целью «выразить сочувствие Франции и потребовать от правительства признания республики» состоится в «ближайший вторник 10 января», имеется в «Beehive» от 7 января 1871 г. Таким образом, письмо Дмитриевой написано, вероятно, *7 января 1871 г.* накануне воскресенья (8 января), в которое она обещает быть вечером дома.

Г. БАКАЛОВ

КАК ПАРИЖСКАЯ КОММУНА БЫЛА ВСТРЕЧЕНА У БОЛГАР

Парижская Коммуна застала болгар под игом турок. Но уже чувствовалось, что приближается освобождение. Годом раньше была успешно закончена борьба за церковную независимость. Турецкое правительство в 1870 г. согласилось на выделение болгар, возглавляемых до того времени высшим духовенством греческой патриархии, в особый экзархат. Патриархия, конечно, не могла примириться с тем, что кроткие овцы болгарского православного стада ушли от стрижки; в то время как парижские бунтари «штурмовали небо», ей никак не хотелось отказаться от благ земных. Пришлось, однако, сдаться, и вскоре греческая патриархия угомонилась, провозгласив болгар схизматиками.

Но не только церковными распрями занимались болгары в эпоху Коммуны. Для них, собственно говоря, церковный вопрос был уже отодвинут на задний план новыми запросами жизни: «Пока разыгрывалась бесконечная комедия с церковным вопросом, — писал Христо Ботев, — другая пьеса появилась на подмостках балканского театра, нечто другое отвлекло внимание народа — появился политический вопрос», [1] т. е. вопрос уже о политическом освобождении Болгарии. Когда султан подписал «кокетливый фирман» об учреждении болгарской экзархии, «уже было поздно!». Фирман «не произвел того впечатления, какое он мог произвести 10 — 12 лет до того. Народ, который в течение этого времени не сидел сложа руки, а учился и развивался и вместе с тем почувствовал иные потребности, увидел, что не этого он хотел, не в этом кроется его будущее, его свобода, — увидел, что вместо греческого духовенства приходит другое духовенство, требующее те же права и власть, те же привилегии — и вот откуда пошла холодность и нерадение в устройстве экзархии... Вопрос потерял свою современность». [2]

«Свободе не нужен экзарх, — пел в стихах революционный публицист Любен Каравелов, — нужен ей Караджа!» Стефан Караджа руководил вместе с Хаджи Димитрием той повстанческой четой, которая летом 1868 г. отправилась из Румынии через Дунай в Болгарию. Правда, она была истреблена, но и турецкое правительство принуждено было пойти на уступки.

---

[1] Христо Ботев, Сочинения. София, книгоиздательство Ал. Паскалев, стр. 159.
[2] Там же, стр. 159—160

Чтобы добиться свободы, надо было поднимать революцию. Вот та основная идея, которая во времена Коммуны уже овладела пролетариями и полупролетариями бездомной болгарской эмиграции и прокладывала себе дорогу среди трудящихся масс в Болгарии. «Апостол революции» Василий Левский обходил города и села, сплетая свою сеть революционных организаций, которой ему удалось покрыть бо́льшую часть страны.

«Политический вопрос» в форме подготовки революции был в центре внимания передовой общественности Болгарии. Болгарских чорбаджиев (богатеев, торговую буржуазию) надо исключить из общего потока, ибо их вполне удовлетворяла достигнутая реформа или же мечты их не выходили за пределы добровольно дарованной самим султаном полуавтономии Болгарии, с султаном в качестве болгарского царя во главе (эта политика тогдашней болгарской буржуазии известна под названием «дуализма»).

Но чем более консервативны были верхушки буржуазии, тем более, в силу контраста, становились все левее и левее мелкобуржуазные слои, составлявшие подавляющее большинство населения Болгарии. Еще более левую позицию занимала эмигрантская голытьба, в лице своих вождей подымавшаяся до восприятия социалистических идей.

Когда грянула Коммуна, различные социальные элементы встретили ее по-разному. Как в настоящее время Октябрьская революция, так в то время Парижская Коммуна была пробным камнем для выявления классовых устремлений различных слоев болгарского общества.

«И наша журналистика, — свидетельствует Христо Ботев в своей посвященной Коммуне статье «Смешной плач»,— и она не отстала, и она заплакала о том, что бездушно, и прокляла то, что разумно».[1]

Ботев имел в виду легальную, выходившую в пределах Турецкой империи болгарскую печать. Из статьи Ботева видно, что газета «Македония», выходившая под редакцией крупнейшего вождя легалистов, эволюционистов, П. Р. Славейкова, высказалась против Коммуны. Не имея под рукой этой газеты, мы не можем установить этого точно, но из слов Ботева видно, что «бабушка Македония», как он ее иронически называет, писала, что только школа в состоянии «избавить Европу от социального переворота», на что у Ботева был готов ответ: не избавить от революции, а подготовлять к ней должна школа, но не старая, а новая школа, «школа Фурье и Прудона, Кювье и Ньютона — и школа жизни».[2]

Еще во время существования Коммуны в легальной печати появилась передовица о ней в солиднейшем журнале легалистов «Читалище», выходившем в Константинополе. Передовица эта, под названием «Размышления об общественном неравенстве», появилась без подписи. Это указывает на то, что автором ее был редактор журнала Лазар Иовчев, сделавшийся через несколько лет болгарским экзархом под именем Иосифа. Вот какие взгляды высказывает будущий глава болгарской церкви:

Сначала он опровергает социализм по старой манере, потом приводит Коммуну как доказательство правильности своих предубеждений против

[1] Там же, стр. 149. [2] Там же, стр. 150.

социального равенства: «Мы предоставляем политическим газетам описать и рассказать, что делается в этом красивом, но несчастном городе [Париже] и какие средства применяют на деле так называемые человеколюбивые республиканцы ради торжества их сумасшедших мечтаний. Сохрани господь наши земли и нашу родину от таких человеколюбцев! Волосы встают дыбом, когда читаешь о неистовых их делах, напоминающих нам жесточайшие времена, через которые прошло бедное человечество, и трудно нам, с одной стороны, удержать свой гнев против людей, злоупотребляющих благозвучным именем свободы для своих собственных целей, а с другой стороны — не сжалиться от души над страданиями красивой и благородной Франции, которая бедствует теперь, но имеет столь большое влияние на ход цивилизации в Европе».[1]

«Равенство в богатстве, — продолжает благонамеренный автор, — это сон, это, так сказать, умственный бред».[2] «Раз нам запретят иметь всякую частную собственность, семья и брак становятся невозможными, а общество превратится в какую-то чернь без всяких правил, без всякой нравственности, без всякой святости, без всякой любви. Вот каковы вкратце, и другими они быть не могут, последствия измышленной больными мозгами общности имуществ, и благо тем народам, у которых еще нет таких лжеучителей общественного благоденствия!»[3]

В защите святая святых буржуазного строя — частной собственности — и в нападках на коммунизм не только «Читалище», но и другое повременное издание, альманах «Летоструй», проявили не свойственный их степенному нраву пыл.

Рассказывая очень спутанно о попытках парижского народа избавиться от опозоривших французскую родину революционеров, автор статьи «Война между Францией и Пруссией» порочит «себялюбцев и бесчестных людей», «пожелавших воспользоваться злосчастьями своей родины, чтобы осуществить свои себялюбивые намерения».[4] Чтобы разоблачить эти эгоистические намерения, автор присовокупляет следующее примечание:

«Намерение этих людей состояло в том, чтобы захватить правление в свои руки, поставить Францию под свою власть и тогда захватить все имущества людей, чтобы разделить их между бедными. Эти себялюбивые намерения они прикрывают вуалью человеколюбия».[5] Социалистов, которых автор не осмеливается назвать, он считает «парижскими бродягами». «Одна идея только возбуждала их энтузиазм: раздел между собою чужих имуществ».[6]

Читая пошлые и беззубые проклятия идеологов болгарской буржуазии, становится понятным яростное нападение на них единственного в то время болгарина, стоявшего на уровне русского революционера-социа-

[1] «Читалище», кн. 14, от 15 апреля 1871 г., стр. 420. Разрядка наша.

[2] Там же, стр. 421. [3] Там же, стр. 424.

[4] «Летоструй или къщни календар за високосна година», 1872, Издава книжарницата на Хр. Г. Данов в Пловдив, Русчук, Битоля, стр. 177.

[5] Там же, стр. 177. [6] Там же, стр. 178. Разрядка автора

листа, единственного интеллигента в лучшем смысле слова — Христо Ботева.

В воспоминаниях современников не осталось следов, которые могли бы указать нам, как комментировалась Парижская Коммуна среди самого населения Болгарии. Но об эмигрантской среде у нас имеются показания современников.

В повести Ивана Вазова «Немили-недраги» беспокойные изгнанники ведут следующий разговор в кабаке:

— Чорбаджии [богатеи] — предатели и изменники!

— Всех надо зарезать! — отвечали другие.

— Долой чорбаджиев! Да здравствует народ!

— Да здравствует Коммуна! — заревел Спиро Македонский и крепко ударил кулаком по столу.

В своей мещанской ограниченности Вазов не видел разницы между коммунизмом и дележом. В той же повести «Немили-недраги» он рассказывает, как тот же самый Македонский порылся в гардеробе друга учителя. Догадавшись, кто сыграл с ним эту штуку, учитель, «полуулыбающийся, полусердитый», воскликнул:

— Ты опять меня обобрал!

В ответ Македонский, «чьи глаза светились и искрились», заревел:

«Да здравствует Коммуна»![1]

Свое дикое понимание коммунизма Вазов сглаживает тем, что изображает сторонника раздела имущества, Македонского, героем, рискнувшим перейти Дунай по льду, исполняя революционное поручение. Деньги, полученные от продажи краденой одежды, он употребил на путевые расходы по этому поручению.[2]

После рассказа Вазова становится понятным, что заставляло бедняцкую болгарскую эмиграцию в Румынии интересоваться Парижской Коммуной. Сам Вазов жил в то время в Румынии и вращался в среде эмиграции. Он называет ее «голодным пролетариатом». «Сон успокаивал хотя бы на время этих измученных бедностью людей, эти впавшие глаза, эти голодные животы, эти ослабевшие от скитаний ноги». «Завтрашний день был для них началом новой нужды, новой борьбы с жизнью». «Душа их будет снова отравлена видом богатства и великолепия на каждом шагу красивого румынского города [Бухареста]. До каких пор будет длиться такое существование? Что будут делать они в этой чужой стране?.. Румыния оказывала им гостеприимство, какое пустынный морской берег дает выброшенным бурей мореходам, сломленным и сокрушенным. Они были в обществе, но общество было для них пустыней. Дома, магазины, кошельки, сердца были для них закрыты. Жили только подаянием других, почти таких же нищих, как они сами. Голодные дни каждой недели чередовались регулярно, неизбежно, роковым образом. Работали они иногда в качестве поденщиков за несколько грошей, хватавших только на хлеб. Но и то не всегда. Мало кто мог заняться какой-нибудь, хоть и скромной, но верной мелкой торговлей. Было

---

[1] Иван Вазов, Сочинения, т. VI, стр. 49. [2] Там же, стр. 61.

накопленное». Такова программа парижских социалистов, на которую с таким ожесточением нападают паразиты и ленивые деспоты. Тьеровская республика не была в состоянии удовлетворить народные требования; следовательно, она должна была пасть, должно было создаться новое правительство, ибо в противном случае французской (и общечеловеческой) свободе грозил страшный враг. Парижское социальное временное правительство понимает все это и решило бороться до последней крайности; но и Тьер не дремлет... Теперешняя французская борьба не дело частных лиц, а всего народа, и от этой борьбы зависит, упасть или удержаться республике».[1]

Как ни неуклюже излагает Каравелов взгляды Бабефа и программу коммунаров, все-таки непосредственное демократическое чувство подсказало ему вышеприведенные сочувственные слова «социальному правительству» Коммуны. Но вскоре он начал колебаться, и рядом с сочувствием у него проскальзывают и сомнения. Неделю спустя он снова в политическом обзоре останавливает свое внимание на Коммуне:

«Французская междоусобная война продолжается, и обе враждующие партии дерутся с крайним ожесточением. Мы сознаем, что подобная революция в настоящее время для Франции не очень полезна: во-первых, теперь эта страна разорена внешним врагом, и в самом центре Франции остается и до сих пор огромная армия; во-вторых, потому что в течение года все промышленное производство прекращено, и жителям деревни угрожает голодная смерть; в-третьих, потому что наполеоновская и орлеанистская партии работают в настоящем очень энергично и делают всякие гнусные злоупотребления от имени Коммуны. Повторяем, мы не одобряем теперешнюю французскую революцию, но в то же время не осмеливаемся осуждать французский народ и проповедывать, как это многие делают, что этот народ ничего не достоин».[2]

Это двойственное отношение Каравелова к Парижской Коммуне очень характерно для него как типичнейшего мелкого буржуа. Он не осмеливается «осуждать» французский народ, но в то же время боится, что революция ухудшит положение этого народа. Аргументы Каравелова, кажущиеся трезвыми и резонными, приводятся и в настоящее время с подобными же целями всеми «благоразумными» оппортунистами мира. Все эти господа забывают, что революции не бывают, когда жизнь народов течет мирно и тихо, а вспыхивают они именно тогда, когда народы взволнованы расстроенной экономической жизнью, иноземным нашествием или обеими этими причинами сразу. Что касается «гнусных злоупотреблений», то ни у какой революции нет гарантии от них, но на то и существует революция, чтобы справиться не только с «злоупотреблениями» реакционеров, но и с самими реакционерами. Коммуна, как всякая революция, не являлась следствием злого умысла каких-то «бродяг», как «Летоструй» называл коммунистов, а результатом неизбежной самоохраны народа, что, впрочем, сознается и Каравеловым:

---

[1] «Свобода», II г., № 14 от 3 (15) апреля 1871 г.

[2] «Свобода», II г., № 15 от 10 (22) апреля 1871 г.

«Наполеон I, династия Бурбонов, Орлеанская династия, Наполеон III и, наконец, тьеровская республика вывели народ из терпения и заставили его кричать теперь на парижских улицах, что все, стоящее выше народа, не должно существовать. Глубокие и ядовитые раны, зияющие теперь на теле французском, не могут быть излечены ни тьеровскими реформами, ни жюль-фавровским либерализмом. Мы уверены, что никакие примирения и никакие соглашения не могут уже последовать между Версалем и Парижем, и революция должна дойти до конца, т. е. до своего насыщения». [1]

При столь решительной альтернативе позиция самого Каравелова все-таки остается нерешительной.

«За каким из обоих лагерей останется победа, мы не знаем; знаем только то, что если победит тьеровское правительство или теперешняя Версальская палата, то, по словам «Siècle», она вступит в Париж с большим торжеством и сразу убьет и то, что теперь сделано в пользу Франции. Вместе с версальским правительством, — продолжает «Siècle», — войдет в Париж и деспотизм, не выносящий никакой свободы, и народ потеряет и то немногое, что он приобрел своей кровью, — Франция дойдет до положения, в каком она находилась 2 декабря. [2] А есть ли такой честный француз, которому было бы желательно это? Кто бы не назвал такое положение гибелью, уничтожением и падением французской цивилизации? А если победит Париж, то революция распространится во всей Франции, и кровь будет течь много дней и много месяцев. Правда, эта революция убьет и тьеровскую республику, и орлеанистско-бонапартистскую партию, но в то же время она потрясет и весь мир и принесет ему или более счастливые дни, или более новый и более крепкий деспотизм». [3]

Вот это «или — или», составляющее трагедию каравеловского мировоззрения, свело его, в конце концов, с высоты вождя болгарской революции до тихой пристани пропагандиста «полезных знаний». «С одной стороны», торжество буржуазного Версаля приведет к «гибели, уничтожению и падению французской цивилизации», чего не пожелает никакой «честный француз»; «с другой стороны», боязнь перед торжеством пролетарской революции, которая распространилась бы широко и расшатала бы весь мир. «С одной стороны», революция убьет буржуазно-монархическую реакцию, «гнусных злоупотреблений» которой Каравелов боится при Коммуне; «с другой стороны», — кто знает? — не приведет ли мировая революция лишь к более окрепшему деспотизму?

Каравелов — весь в этих «с одной стороны» — «с другой стороны». Противоречивость положения мелкой буржуазии определила трагедию его жизни. Благодаря этим мелкобуржуазным колебаниям Каравелов начал свою болгарскую общественную деятельность [4] переговорами с болгарскими чорбаджиями из Бухареста (партия «старых») о принятии на себя редактирования их газеты «Отечество». Но затем он порвал с ними и перешел к «Молодой Болгарии». Не легко было ему нести крест духовного вождя

[1] Там же. [2] При перевороте Наполеона III в 1851 г. (*Г. Б.*) [3] Там же.

[4] Каравелов участвовал сначала в русской, а потом в сербской литературе, прежде чем перейти на службу болгарской революции в 1869 г.

революции, боясь крови или укрепления деспотизма в результате решительных революционных действий. Но он нес его без ропота до тех пор, пока организация революционной партии в Болгарии шла в гору благодаря бесстрашию и беззаветной преданности Василия Левского. Как только почувствовалось уныние после разгрома части организации и казни Левского, в Каравелове заговорила вторая душа мелкого буржуа, и он пошел на попятный, пока, наконец, совершенно не отошел от революции и не основал общество и журнал для распространения «полезных знаний» среди народа как предпосылки борьбы за освобождение. На почве этой измены делу революции произошел знаменитый спор между Ботевым и Каравеловым и раскол партии на верных революции и ликвидаторов-просвещенцев (1875 г.).

Если бы Каравелов был последовательным революционером, то, сознавая, что «никакие соглашения не могут уже произойти» между двумя лагерями, он сказал бы: да, мировая революция принесет «более счастливые дни», и потому: да здравствует Парижская Коммуна, зародыш мировой революции! Добраться до такой высоты революционного сознания Каравелову мешала его мелкобуржуазная двойственность. Но у него все-таки еще бился в груди ключ революционной энергии, и потому, в конце концов, он становится на сторону Коммуны, хотя смысл ее остался для него неясным и непонятным:

«Но как бы то ни было, а теперешняя революция вычистит очень много французских нечистот, заражающих не только французскую, но и европейскую атмосферу. Как хотите, но Тьер с Жюлем Фавром вместе представляют собой большие помои. Кроме того, Парижская Коммуна арестовала очень много попов и иезуитов, а монастырское имущество присвоено народу; и это одно уже великая заслуга парижского Центрального комитета». [1]

После кровавого подавления Коммуны Каравелов с горячим сочувствием к погибшим сообщает о казни коммунаров Буржуа, Росселя и Феррэ. «Мы думаем, — писал он в политическом обзоре «Свободы», — что если бы тьеровское правительство начало казнить всех клятвопреступников и изменников, то первым должен быть повешен Тьер, а за ним — весь министерский кабинет вместе с палатой».[2] Через неделю в «Свободе» передано грозное впечатление, произведенное в Англии убийством Росселя, а казнь Кремье рассказана следующим образом: «Он снял пальто и жилет и с незавязанными глазами крикнул: Стреляй! Да здравствует республ... Он не мог окончить слова». [3]

Во всей болгарской печати только Христо Ботев один определенно и решительно стал на сторону Парижской Коммуны. Его бессмертный для болгарской литературы «Смешной плач», такой же могучий и красивый, как его песни, является апологией Коммуны и предвидением последней и решительной революции пролетариата, названной в финале ботевской статьи «первым днем» истории человечества. Эта статья Ботева, насыщенная пламенной ненавистью к капиталистическому миру и непоколебимой

[1] Там же. [2] «Свобода», II г., № 25 от 4 декабря 1871 г.
[3] «Свобода», II г., № 26 от 10 декабря 1871 г.

уверенностью в торжестве идеалов Коммуны, заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью:

«Плачьте о Париже, столице разврата, цивилизации, школе шпионства и рабства; плачьте, филантропы, о дворцах страшных вампиров, великих тиранов, о памятниках глупости, варварства, воздвигнутых из отсеченных глав стольких предтечей, стольких великих мыслителей и поэтов, из обглоданных костей стольких мучеников за насущный хлеб, — плачьте, — никто не может успокоить сумасшедших, никто не может укротить бешеных!

«Проклинайте коммунистов за то, что они разорили вашу столицу и умерли с разбойничьими, по-вашему, словами: свобода или смерть, хлеба или свинца! Плюйте на их трупы и на трупы тех жертв цивилизации, которых вы обнимали или обнимаете в лице своих жен, своих сестер, своих матерей и теперь называете бешеными блудницами, потому что они имели еще силу захватить оружие и освободиться из вертепа разврата. Бросайте грязь и камни на могилу Домбровского, потому что он не сделался слугой какой-либо коронованной особы, а стал поборником великой идеи, высокой цели и стал грудью против предателей Франции и виновников стольких несчастий человечества.

«Весь мир оплакивает Париж, весь мир проклял коммунистов, и наша бедная журналистика тоже не отстала, она тоже заплакала о том, что бездушно, и прокляла то, что разумно. Смешной плач! Как будто от Нимрода [1] до Наполеона, [2] от Камбиза [3] до Вильгельма [4] война не представляет одно и то же зрелище, одну и ту же цель с одними и теми же средствами. Как будто Наполеон во имя цивилизации и Вильгельм во имя божьего промысла не наделали больше зла, больше варварства в XIX веке, чем, например, Александр Македонский со своими походами столько-то столетий тому назад? Но варварство, укоризны и проклятия находят там, где раб, человек, после того как на его слова, на его разум не обращают внимания, прибегает к крайности и борется не на жизнь, а на смерть, насколько ему позволяют средства; средства же эти низменные, потому что мало их, а ограничены они только потому, что их отняли у него хозяева. Тогда называют человека разбойником, развратником, низким и варваром. Таковы были и коммунисты.

«У христианства были свои мученики, пока оно называло раба «сыном божиим, сыном человеческим»; [5] они есть и у революции, чтобы «сделать

---

[1] Сын Куша и внук Хама (гл. X книги Бытия), по библейскому сказанию, считается основателем Вавилона и других городов.

[2] Луи Бонапарт, французский король.

[3] Персидский царь (529 — 522), сын Кира. [4] Прусский король.

[5] Поставленные в кавычках слова являются свободной цитатой, без указания источника, из брошюры Герцена «Старый мир и Россия», где сказано: «Христианство преобразовало раба в сына человеческого; революция преобразовала отпущенника в гражданина; социализм хочет из него сделать человека (ибо город должен зависеть от человека, а не человек от города). Христианство указывает людям на сына божия как на идеал — социализмом сын объявляется совершеннолетним, человек хочет быть более, чем сыном божиим, он хочет быть самим собой».

*

бродягу гражданином»; они есть и будут у социализма, «желающего сделать человека больше чем сыном божиим и гражданином — не идеалом, а настоящим человеком, и чтобы от него зависел город, а не он от города». Христианство, революция и социализм — монархия, конституция и республика, это — факты и исторические эпохи, от которых отречется только ум, не признающий прогресса человечества.

«Школа и только школа, — говорит бабушка Македония, — избавит Европу от социального переворота; школа и только школа, повторим мы, подготовит ее к этому перевороту; но не школа Златоуста и Лойолы, Вильгельма и Наполеона, а школа Фурье и Прудона, Кювье и Ньютона — и школа жизни.

«Коммунисты — мученики; ибо важны не средства в их борьбе за свободу, а идея этой борьбы. «И у свободы будут свои иезуиты», — говорит Гейне. [1]

«Пусть теперь наша журналистика остановит свои слезы, как удержит их и европейская журналистика, чтобы оплакать другие столицы, другие варварства и страдания, когда раб крикнет своему хозяину: кто ты такой, что плачешь? «Мужчина, женщина или гермафродит, зверь или рыба...» [2] И будет день — день первый».

Статья Ботева о Коммуне помещена была во втором номере его «Думы» от 25 июня (7 июля) 1871 г., т. е. после подавления Коммуны. Ботев не поддался унынию. Ведь на том участке международной революции, на котором он непосредственно работал, — и на другом, с которым у него были прямые связи, — на участке русского революционного движения, — дело шло не к убыли, а, наоборот, подвигалось вперед. Да и по характеру своему он не был таков, чтобы унывать. И поэтому, несмотря на жестокое поражение Коммуны, он не теряется, а высказывает твердую уверенность в конечном торжестве социальной революции.

Когда Ботев писал о Коммуне, о ней слышен был только вой шакалов; печать всего мира изливала потоки грязи на павших борцов, изображая их разбойниками, поджигателями, разрушителями, развратниками. Несмотря на это, Ботев берет коммунаров безоговорочно под свою защиту, вполне оправдывая их даже такими черными, какими представляла их печать буржуазии, даже допуская вмешательство «иезуитов свободы».

Вскоре после того, как была напечатана статья «Смешной плач», Ботев имел уже возможность узнать Коммуну в ее настоящем виде, как ее осветил Карл Маркс от имени Интернационала: работа Маркса о «Гражданской войне во Франции» появилась в сербском переводе в газете Светозара Марковича «Раденик» (Рабочий). [3]

---

[1] Как выше Герцена, так и здесь Гейне Ботев цитировал напамять. Точные слова Гейне, взятые из самого начала его «Английских фрагментов», следующие: «У свободы имеются свои апостолы, свои мученики и свои искариоты».

[2] Тоже свободная цитата из брошюры Герцена «Старый мир и Россия», где приведены слова Прудона к Наполеону: «Кто вы такой, г. президент... скажите: мужчина, женщина, гермафродит, зверь или рыба?»

[3] «Раденик», №№ 19 — 39, с 19 (27) июля по 2 (14) сентября 1871 г.

Тот факт, что немного позже (в 1874 г.) журнал Светозара Марковича «Рад» (Труд) рекомендовал сербским читателям следить за ботевской газетой «Знамя», а сам Ботев свои надежды на будущую балканскую федерацию основывал на людях, группировавшихся вокруг «Рада» и «Будућности», т. е. на сторонников Марковича, вполне доказывает, что Ботев следил за органами первых сербских социалистов и не мог пропустить работу Маркса о Коммуне. Его самого вопрос о Коммуне, как мы знаем, очень интересовал, а в защиту Коммуны ему так мало приходилось читать, что он не мог упустить случая получить моральное удовлетворение благодаря поучительному чтению «Гражданской войны во Франции». Маркс был ему известен, следовательно его работа не могла не возбудить у Ботева интереса, что доказывается хотя бы тем, что, живя душа в душу с Сергеем Нечаевым, Ботев не мог не знать изданный последним русский перевод «Коммунистического манифеста». Может быть, именно благодаря чтению «Гражданской войны во Франции» интерес к Марксу возрос до того, что вслед за выходом русского перевода первого тома «Капитала» Ботев достал его и «разжевывал его страницу за страницей, как некий иноземный фрукт». [1]

Свой взгляд на Парижскую Коммуну Ботев разделял с другим пионером социализма на Балканах, уже упомянутым Светозаром Марковичем, посвятившем Коммуне первые номера своей газеты «Раденик», являющейся на Балканах первым по времени периодическим изданием социалистического направления.

Первый номер газеты Марковича вышел 1 (13) мая 1871 г., между тем как ботевская «Дума» начала выходить сорок дней спустя, 10 (22) июня. Той же Коммуне Маркович посвятил позже еще две статьи: «Погибија Париске Комуне» и «Париска Комуна и Интернационал». Сочувствием Коммуне прославился и сербский поэт Гюра Якшич, назвавший ее «Красавицей Коммуной» («Лепотица Комуна»). Нельзя допустить, чтобы это осталось не известным Ботеву.

Коммуна так взбудоражила Ботева, что он решил высказать ей сочувствие от имени болгарских революционеров, что он и сделал, отправив телеграмму за подписью своей и своего друга Велико Попова, учителя болгарской школы в Галаце. К сожалению, патриотическое рвение первого биографа Ботева, Захария Стоянова, было настолько велико, что он скрыл и уничтожил подлинник этой телеграммы, переданной ему В. Поповым, чтобы осталось меньше доказательств коммунистических привязанностей Ботева. [2]

Под влиянием Коммуны Ботев изложил основы своих социалистических взглядов в форме «Коммунистического символа веры», где каждый из его, помнится, восьми тезисов начинается словами: «Я верую в коммунизм».

---

[1] См. письмо Н. Судзиловского (д-ра Русселя) ко мне в статье «Русские друзья Христо Ботева» («Летописи марксизма», кн. II).

[2] Копию телеграммы В. Попов отыскал в своих бумагах незадолго до своей смерти в 1927 г. В силу политических условий страны она еще не опубликована в болгарской печати.

Коммунистическое credo Ботева было также скрыто и уничтожено биографом З. Стояновым.[1]

Вспоминая свою попытку организовать среди болгарской эмиграции кружки исповедующих его коммунистический символ веры и таким образом впрыснуть коммунистическую живую кровь в жилы революционной партии Болгарии, Ботев надписал следующее на своей фотографической карточке, подаренной им В. Попову: «В память наших коммунистических подвигов брату Вел. Попову. Бухарест, 1 мая 1875 года. Хр. Ботев».

Стоит упомянуть еще о личной связи Ботева с каким-то участником Парижской Коммуны. Иван Вазов, часто встречавшийся с Ботевым в Галаце в 1871 — 1872 гг., вспоминает, что Ботев «ходил постоянно в сопровождении русского нигилиста, носившего ложное имя Флореско».[2] Об этом «русском нигилисте» Захарий Стоянов рассказывает, что, по сведениям самого Ботева, был он «не только коммунистом в теории, но сражался на парижских баррикадах с версальским войском», и делает предположение, что «неудивительно», если этот Флореско находился «под командой Домбровского».[3] Лично знавший Ботева Стоян Заимов более положителен в этом пункте: «Насколько мы помним по рассказу самого Ботева, — говорит он, — Домбровский поручил Флореско «командовать одной из главных парижских баррикад».[4]

К сообщениям последних двух авторов надо относиться очень осторожно, и доказать участие Флореско в Коммуне невозможно, не зная, кто скрывается под этим именем, так как, по словам Захария Стоянова, только Ботеву известна была тайна Флореско, а Ботев унес ее в могилу.[5] Как бы то ни было, а Иван Вазов, свидетель в этом отношении вполне достоверный, описал в печати и мне лично передавал такой рассказ. Однажды, разговаривая о Коммуне в присутствии Флореско, молодой болгарский купец заметил, что коммунары — бродяги. Тогда Флореско вскочил, стащил шляпу коммерсанта и, хлопнув ее о землю, вскрикнул: «Шапки долой, когда идет речь о ста тысячах мучеников, павших во имя идеи!»

Мы не можем закончить свое исследование скудных откликов на Парижскую Коммуну в Болгарии, не упомянув об отношении к ней организатора болгарской революционной партии, великого революционера Василия Левского. Если самый невзрачный низовик из эмиграции кричал с восторгом «да здравствует Коммуна!», считая ее своим другом и союзником против: его же собственных врагов — болгарских чорбаджиев и турецкого правительства, то не мог же вождь революции не сочувствовать

---

[1] Копия «Коммунистического credo» тоже отыскалась в бумагах Велико Попова, но тоже еще не опубликована.

[2] Иван Вазов, Съчинения. София, книгоиздательство Ал. Паскалев, т. VII, стр. 173.

[3] Захарий Стоянов, Христо Ботев, опит за биография. Русе, 1888, стр. 160 — 161.

[4] Стоян Заимов в разборе книги Зах. Стоянова о Ботеве, в «Сборнике Министерства народного просвещения», София, кн. I, стр. 223.

[5] З. Стоянов, там же, стр. 147. О тайне Флореско см. наше исследование «Христо Ботев и Сергей Нечаев» («Летописи марксизма», кн. IX — X).

Коммуне. Но Левский был малограмотен, ничего не печатал, а если и высказывался в личных беседах о Коммуне, то об этом не сохранилось никаких следов.

В его архиве, однако, нашлась ненапечатанная (а может быть и непосланная) корреспонденция в газету «Свобода». Эта корреспонденция проникнута сочувствием к Коммуне. Более того, учитывая опыт Коммуны, он делает практические выводы о целях и задачах болгарского революционного движения.

Коммуна дала толчок апостолу попробовать печатно высказать свою социально-политическую программу: демократическая республика при полном равенстве, на-ряду с другими такими же республиками на Балканах, которые вошли бы в единую федерацию. Так как эта программа охватывала собою максимум свобод, доступных экономической структуре Балкан в ту эпоху, то вполне понятно, что Левский отождествляет ее с программой самых крайних революционных движений за границей, хотя они, являясь плодом иной исторической формации, шли гораздо дальше. Однако сложные социальные противоречия, которые должна была разрешить Коммуна, не были ясны ее собственным деятелям. Еще меньше могли быть поняты они во всей своей глубине деятелями более отсталой в социально-экономическом отношении Болгарии.

Не вникнув в особый классовый характер борьбы «братьев-французов», Левский отождествлял ее с той борьбой, которую вел он сам и его партия. В его идеальной республике, «святой и чистой», как он ее называл, нет богатых и бедных, — есть только равноправные члены. Он следует, однако, к своему идеалу не по тому пути, по которому «братья французы» шли к той же цели: посредством социализации средств производства. Ему хочется избегнуть надобности ставить таким образом революционную проблему Болгарии. По его мнению, политическое освобождение болгарского народа должно совпасть с его социальным освобождением: «одним усилием» добиться того и другого — вот чего он хочет:

«Наступило время одним усилием приобрести то, что искали и ищут братья-французы, т. е. молодая Франция, молодая Россия и пр. Как дорого им это стоит! С какими потерями! Брат брата убивает. Теперь время предупредить это зло, когда брата убивает брат, сын убивает отца, отец убивает сына. Теперь это легко, и мы можем это сделать...» [1]

То, что мысль об избежании капиталистических противоречий, которые рано или поздно привели бы к гражданской войне («брат против брата» и пр.), была утопична; то, что тогдашняя болгарская революция могла только расчищать путь для этих противоречий и только в своем дальнейшем развитии создать элементы для их уничтожения, — все это не могло быть осознано деятелями той эпохи, эпохи революции «третьего сословия». Достаточно и того, что, верные своему революционному духу, они горячо приветствовали борьбу пролетариата, считая ее своею. Таким образом, они проникали умственным взором в будущее и завещали поколениям борцов

[1] Д. Т. Страшимиров, Архив на възраждането. София, т. I, стр. 83.

итти по пути пролетарской революции, если они хотят остаться верными духу первых болгарских революционеров.

В своей корреспонденции Левский, правда, не упоминает слова «Коммуна», а говорит о «молодой Франции», затем «молодой России» и пр. Но кто эта «молодая Франция» эпохи гражданской войны, вызвавшей кровопролитие, о котором сожалеет Левский? Кроме монархии Луи Бонапарта, к которой вполне понятна антипатия республиканца Левского, в то время выступали два республиканских течения: тьеровское и Коммуны. Но Версальская палата Тьера была в своем большинстве монархической; Тьер, заключивший с Бисмарком унизительный мир, направил французскую армию против восставшего за свою свободу французского народа. Ясно, что под «молодой Францией» Левский не мог понимать партию старого волхва Тьера, бывшего министром еще при Луи-Филиппе, тем более, что орган партии Левского «Свобода» считал, как мы уже видели, Тьера с компанией «помоями».

Ясно стало быть, что под «молодой Францией» Левский понимал Парижскую Коммуну. Это, впрочем, доказывается и дальнейшими его словами: «молодая Россия и пр». Он не говорит о молодой Италии, под которой определенно понималось итальянское освободительное движение против ига австрийцев. Он не указывает на какое-либо национальное движение, а указывает на Россию, понимая под «молодой Россией» социал-революционное движение против абсолютизма, которое, подобно Коммуне, «искало и ищет» социального равенства посредством гражданской войны.

Левский считал, что «теперь время предупредить это зло» — вторую борьбу, борьбу междоусобную, гражданскую, — что «теперь это легко, и мы можем это сделать». Он хотел одним ударом избавить Болгарию от будущей классовой войны, разрешить одновременно задачу своей эпохи и задачу будущего.

Теоретиком перескакивания через капиталистическую стадию являлся у болгар Христо Ботев. Он развивал эту теорию в своих публицистических статьях, надеясь на то, что, когда болгарский народ сметет с дороги все препятствия для своего подъема посредством политической революции, он разовьет остатки патриархального коммунизма в коммунизм высшей ступени и перейдет прямо в общество социалистическое, минуя капитализм.

То, о чем мечтали великие революционеры «третьего сословия», стоявшие на левом крыле полупролетаризованных и пролетаризованных его элементов, было не по плечу прозорливым одиночкам. Дело преодоления капитализма и осуществления социализма перешло в твердые руки болгарского пролетариата, который чтит в Парижской Коммуне великую предшественницу мировой революции.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПЕРЕПИСКА К. МАРКСА С НИКОЛАЕМ —ОНОМ

Предисловие

Письма Маркса и Энгельса к Николаю —ону были уже опубликованы — в переводе Г. Лопатина — сначала в «Минувших годах» за 1908 г., I — II, а потом отдельным изданием.[1] Книга представляет теперь библиографическую редкость, и мы поэтому решили вновь издать письма Маркса и Энгельса. В нашем распоряжении имеются фотографии этих писем. Оригиналы их были переданы Николаем —оном в Британский музей, который, как он писал мне еще в 1910 г., он считал наиболее безопасным местом для их хранения. Мы положили в основу нашего издания старый перевод Лопатина, но всюду сделали необходимые поправки, а также дополнения в тех случаях, когда Николай —он, по тем или другим причинам, позволил себе сделать сокращения.

В этой книжке мы печатаем только письма Маркса. Они дают много данных для истории борьбы Маркса с Бакуниным в I Интернационале, они освещают историю издания «Капитала» на русском языке, они вводят нас в научно-исследовательскую лабораторию Маркса и знакомят нас с его приемами работы; мы находим в них драгоценнейшие экскурсы в область теоретической экономии. Они также показывают, как основательно Маркс изучал социально-экономическое положение России.

Наше издание отличается от старого еще в одном отношении. Именно потому, что письма Маркса к Николаю —ону имеют такое огромное значение для изучения эволюции взглядов автора «Капитала» на русские экономические отношения, мы считаем крайне важным опубликовать и те материалы, которые дают возможность установить, кто «руководил» занятиями Маркса в этой области, кто так или иначе старался повлиять на него в этом отношении. Мы поэтому впервые печатаем и письма Николая —она к Марксу. Читатель, таким образом, получает в свое распоряжение переписку между Марксом и Николаем —оном и может гораздо легче разобраться в вопросе о том, в какой степени Маркс был дающей или получающей стороной. Но и сами по себе письма Николая —она представляют большой интерес для изучения истории русского марксизма, особенно той группы марксистов, которая известна под названием «чистых».

Современное поколение почти забыло Николая —она. А между тем было время, когда этот псевдоним был хорошо известен всякому русскому марксисту, которого интересовал вопрос о «судьбах капитализма в России».

К сожалению, биография Николая —она до сих пор очень мало известна. Николай Францевич Даниельсон, повидимому, эстонец по происхождению, родился в 1844 г. Получил коммерческое образование и с конца 1860-х годов служил в Петербургском обществе взаимного кредита, в котором и дослужился до звания главного контролера. Если бы не Октябрьская революция, он успел бы

[1] «Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю —ону с приложением некоторых мест из их писем к другим лицам». Перевел Г. Лопатин. СпБ , 1908 г

отпраздновать пятидесятилетний юбилей своего служения в одном из старейших обществ взаимного кредита. Умер Николай — он в 1919 г. Одним словом, по всем внешним признакам это был образцовый — и по знаниям, и по исполнительности — банковский чиновник. Широкая публика никогда не знала, кто был переводчиком «Капитала». Только после выступления Даниельсона на литературном поприще в 1880 г. под псевдонимом Николай —он, в журнальной и революционной среде стало известно, что за этим псевдонимом скрывается анонимный переводчик «Капитала».

Нам придется еще в особом очерке — «Бакунин и Нечаев» — более подробно коснуться истории перевода «Капитала» на русский язык. Первое письмо Николая —она показывает, что инициатива русского перевода исходила от кружка, имевшего связь с издательством Н. Полякова. То обстоятельство, что посредником между уполномоченным Полякова, Даниельсоном, и Марксом явился Н. Любавин, тоже близкий приятель Г. Лопатина, позволяет думать, что мы имеем дело с петербургским кружком, в котором принимали участие лица, связанные с так называемым «Рублевым обществом», организованным в конце 1867 г. в Москве по инициативе Волховского и Лопатина. Среди членов петербургского кружка мы находим М. Негрескула, который был женат на дочери П. Лаврова, Н. Любавина, Н. Даниельсона, И. Билибина.[1] Почти все они были членами и служащими Общества взаимного кредита, открывшего свои действия в 1864 г. Это общество, в первые годы своего существования, было по своему составу очень демократическим (минимальный взнос каждого члена составлял всего 30 р.). Вероятно, только Даниельсон занимал в этом обществе, как «спец», уже очень рано видное место.[2]

После ареста Лопатина в феврале 1868 г. наиболее выдающуюся роль в его кружке играл Негрескул, вместе с Нечаевым принимавший близкое участие в студенческих волнениях 1868—1869 гг. Хотя он был решительным противником «нечаевщины», он в декабре 1869 г. был арестован именно в связи с делом Нечаева. У Даниельсона в конце ноября 1869 г. был произведен только обыск, но 6 января 1870 г., вероятно, как и Лопатин, в связи с взятыми у Негрескула письмами и бумагами, он был арестован, но, за недостатком улик, через месяц освобожден.

Из писем Лопатина мы знаем, что кружок, через Негрескула связанный с Лавровым, сильно интересовался судьбой Чернышевского и собирал даже материалы для издания его сочинений.[3] В письме к Негрескулу (15 сентября 1869 г.) Лопатин между прочим спрашивает:

«Помните, вы писали как-то, что члены скита переводят Marx'a «Zur Kritik» и пр. Какая судьба постигла этот перевод, что он до сих пор не появляется в печати?»

Конечно, возможно, что речь идет и о переводе «Zur Kritik», но всего вероятнее, что Лопатин спрашивает именно о переводе «Капитала», так как ему несомненно было известно, из писем того же Негрескула или Даниельсона, что они задумали издать на русском языке «Капитал».

О попытке Любавина, бывшего посредником между Даниельсоном и Марксом, привлечь к переводу Бакунина мы расскажем в другой связи. После того как Бакунин отказался, перевод был предложен Лопатину, который, после удачного

[1] Впоследствии известный издатель. Напечатал перевод Оуэна, сделанный каракозовцем А. Никольским, другом Худякова и Лопатина, ряд переводов Лопатина, перевод «Антропологии» Тэйлора под редакцией и с введением И. Ивина [П. Лаврова]. Есть основание предполагать, что он является действительным издателем «Капитала». и книги Флеровского. Фирма Н. Полякова была, вероятно, только прикрытием. К сожалению, нам почти ничего неизвестно о Полякове, кроме рассказа в Дневнике С. Минцлова («Голос минувшего», 1917, № 9 — 10, стр. 234 — 23).

[2] В письме Лопатина к Негрескулу — оба они служили в Обществе взаимного кредита, — в котором он перечисляет своих кредиторов, сказано: «Д. получает (или по крайней мере, получал) большое содержание и не нуждается в своих деньгах».

[3] Именно Николай —он переслал, для издания за границей, Марксу рукопись «Писем без адреса» Чернышевского.

побега из-под ареста в Ставрополе в начале января 1870 г., успел, по дороге из Ставрополя через Петербург за границу, «вывезти» Лаврова из Вологды, побывать в Швейцарии, где имел объяснение с Бакуниным и Нечаевым, и теперь переселился в Лондон, чтобы быть поближе к Марксу, труд которого он принялся переводить тогда на русский язык.

Но и Лопатин не кончил работу. В конце 1870 г., бросив свой перевод, он отправился в Сибирь с целью освобождения Чернышевского. Правда, он надеялся закончить свой перевод после возвращения из Сибири. Из писем Николая —она к Марксу мы видим, что он вскоре должен был отказаться от этой мысли и предложил взять на себя эту работу Даниельсону, который, наконец, благополучно закончил этот перевод.

Из писем Маркса к Николаю —ону видно, что то доверие и расположение, которые он питал к Лопатину, он перенес на Николая —она. Даже в таком щекотливом деле, как дело Бакунина, он обращается к Николаю —ону. Следовательно, Лопатин рекомендовал Марксу Н. Даниельсона как товарища «по делу». И вплоть до того времени, когда Лопатин опять появляется в Европе, Маркс обращается к Николаю — ону. Характерно, что переписка Маркса с Николаем —оном в первый раз обрывается именно со времени приезда Лопатина в Лондон. Маркс имел тогда, кроме Лопатина, и таких консультантов по русским делам, как Ковалевский и Лавров.

Уже в письме от 12 декабря 1872 г. Маркс пишет Николаю —ону: «Во втором томе «Капитала», в отделе о поземельной собственности, я намерен заняться очень подробно русской ее формой». Николая —она это сообщение сейчас же заставляет «начать собирать сведения, имеющиеся по данному вопросу в русской литературе».

Но Маркс не ограничился только одним сообщением. В письме от 22 марта 1873 г. он обращается к Николаю —ону с прямой просьбой.

«Вы очень обязали бы меня, сообщив кое-какие сведения касательно взглядов Чичерина на историческое развитие общинного землевладения в России и о его полемике по этому поводу с Беляевым. Тот путь, которым эта форма собственности обосновалась (исторически) в России, представляет, конечно, второстепенный вопрос и вообще не имеет никакого отношения к вопросу о значении этого учреждения. Однако немецкие реакционеры, вроде берлинского профессора А. Вагнера и ему подобных, пользуются этим оружием, предоставленным в их распоряжение Чичериным. К тому же все исторические аналогии говорят против Чичерина. Как могло случиться, что в России это учреждение введено было как чисто фискальная мера, как сопутствующее проявление крепостничества, тогда как во всех других странах это же самое учреждение возникло естественным путем и представляет необходимую фазу развития свободных народов?»

Маркс поставил тот же самый вопрос, который после занимал и русских марксистов. Николай —он ответил ему целым исследованием. Характерно, что он привлек на помощь Костомарова, давшего ему целый ряд указаний. Утверждение Чичерина, что в эпоху Федора Ивановича было очень мало крестьянских земель, кажется Николаю —ону очень правдоподобным. Чичерин прав в своем споре с Беляевым. Община, известная нам при крепостном праве, обязана своим существованием фискальным мерам. Таким образом, Николай —он пришел к тому же самому выводу, к которому пришел после Плеханов, когда подверг «самокритике» свои же взгляды, высказанные им в «Наших разногласиях». В 1880-х годах он, в согласии с мнением Маркса, писал, что наша «деревенская община представляет собою не более, как одну из ступеней разложения первобытного коммунизма». В примечаниях ко второму изданию «Наших разногласий» Плеханов пишет, наоборот, что «в то время еще не было окончательно выяснено, что русская сельская община не имеет ничего общего с первобытным коммунизмом. Теперь это стоит вне сомнения». И в другом месте: «Повторяю, теперь уже доказано фискальное происхождение нашей общины». Как известно, Плеханов изменил свои взгляды под влиянием работы Кейслера. Но если в 1892 г.

Плеханов не хотел признавать за Чичериным никаких заслуг в обосновании новой теории происхождения современной общины с переделами, — «Чичерина считать нельзя, так как он не имел никакого понятия о древних формах землевладения в России», — то в 1896 г., в критике работ В. В. (Воронцова), Плеханов уже пишет:

«Окончательный вывод Чичерина неоспорим и теперь: действительно, нельзя уподоблять нашу современную поземельную общину родовым общинам первобытных народов; действительно, эта община есть продукт длинного исторического развития, смысл которого давно уже пора понять нашим народолюбцам».

Переписка Маркса с Николаем —оном возобновилась через пять лет — в ноябре 1878 г. Правда, Николай —он за время от августа 1873 г. до 7 марта 1877 г. время от времени писал Марксу и продолжал посылать ему книги. Так, из его письма от 16 (28) ноября 1875 г. мы узнаем, что именно он послал «Труды податной комиссии», которые так тщательно проконспектированы в сохранившихся тетрадях Маркса. Одно письмо Маркса, — вероятно то, которым он сопроводил посылку Николаю —ону последних выпусков французского перевода «Капитала», — затерялось. Как видно из ответа Николая — она, Маркс интересовался книгой Советова «О системах земледелия». [1]

Не получив ответа, Николай — он в свою очередь умолкает, чтобы возобновить, со своей стороны, переписку в марте 1877 г. На этот раз он делает Марксу предложение: так как вопрос о земельной собственности имеет для России огромное значение, то, может быть, Маркс возьмется написать по этому вопросу статью для какого-нибудь русского журнала (например для «Отечественных записок»).

Это письмо осталось без ответа. Следующее за ним не дошло. Маркс ответил только на письмо от 28 октября (9 ноября) 1878 г. Перерыв в переписке он объясняет просьбой проживающих в России друзей, которые просили его на время перестать им писать во избежание возможных неприятностей. В первый раз Маркс указывает Николаю —ону на огромный теоретический интерес, который представляет изучение экономического развития Соединенных Штатов. Письмо заканчивается следующей просьбой:

«Вы очень обязали бы меня, сообщив мне кое-какие сведения о нынешнем состоянии русских финансов, которое должно быть вам известно ввиду ваших занятий банковым делом».

Николай —он взялся основательно за работу. Через два месяца — 5 (17) февраля 1879 г. — он прислал огромное письмо, в котором дает очерк финансового положения России и, в частности, податного обложения крестьян.

Маркс ответил только 10 апреля 1879 г. [2] Задержка произошла как вследствие болезни его жены, так и его собственной. Зато Маркс считает необходимым вознаградить своего добросовестного корреспондента за долгое молчание и пишет ему большое письмо, представляющее огромный как биографический, так и теоретический интерес. Соображения Николая —она о значении транспорта в деле развития капиталистического обращения дают повод Марксу, в ответ на «крайне интересное и замечательное письмо», набросать поразительно глубокий по содержанию меморандум о влиянии железных дорог на экономическое развитие. В заключение Маркс объясняет Николаю —ону, почему он не считает возможным провести действительную аналогию между Соединенными Штатами и Россией.

Ободренный поощрением Маркса, Николай —он продолжает свои дальнейшие исследования. В письме от 14 (26) июля 1879 г. он дает сравнительный очерк положения крестьянского и помещичьего хозяйства. Он исследует механизм обращения и роль посредников между потребителем и производителем хлеба, между городом и деревней, он показывает, как быстро уменьшается доля крестьянина

[1] К этому времени относится подробный конспект работы Энгельгардта «Химические основы земледелия», который имеется в одной из тетрадей Маркса.

[2] Лопатин в это время уже был опять арестован и вернулся в Лондон уже после смерти Маркса.

и растет доля кулацкого и торгового капитала. «Русский крестьянин, в силу своей крайней экономической зависимости, дает возможность шлезвиг-голштинскому помещику согнать с земли земледельческое население и превращать пахотную землю в пастбища и усиливать в то же самое время экономическую зависимость России от Западной Европы».

Николай —он изучает внутреннее обращение между городом и деревней. Он исследует встречное движение платежных средств в провинцию на место закупленного сырья и движение платежных средств, полученных на месте вывезенного сырья, из провинции в промышленные центры для закупки товаров провинциального потребления. Николай —он обращает внимание Маркса и на влияние, которое оказывает изображаемая им экономическая революция на правовые отношения, в особенности на обычное право.

В письме от 17(29) марта 1880 г. Николай —он переходит к изучению товарного и пассажирского движения. Он подсказывает Марксу выводы, которые вытекают из его исследований.

«Вы, без сомнения, имели случай разобраться в данных, полученных вами за последний год, данных, показывающих, какое влияние оказывают на деревню новые экономические факторы; как среди крестьянства происходит процесс дифференциации на два совершенно различных слоя крестьян: на домохозяев, имеющих хотя бы и жалкое хозяйство, и на таких, которые совершенно бедняки, которые, не имея скота, должны прекратить обработку своей земли; как эти последние при переделах земли получают на свою долю худшие участки; как постепенно удлиняются сроки переделов, так что мы наблюдаем уже признаки того, что в недалеком будущем крестьянское землевладение примет характер частной земельной собственности; как ослабляются общинные узы; как выступает на сцену меньшинство крестьян в виде маленьких капиталистов (accapareurs); как они, со своей стороны, уступают место своим более богатым соперникам; как правовые и моральные отношения крестьянства подчиняются новым экономическим влияниям; как, коротко говоря, старые экономические отношения вытесняются новыми, изображенными Щедриным в лице Грациановых, Деруновых и т. д. с их новой культурой».

В письме от 21 августа (2 сентября) 1880 г. Николай —он сообщает Марксу новые результаты своих исследований и проводит на этот раз интересную параллель между Англией и Россией в области обращения. В заключение он опять возобновляет предложение, сделанное им в марте 1877 г., но в другой форме.

Если Николай —он до сих пор ограничивался ролью секретаря, собирающего материалы для Маркса, то теперь он вступил на путь самостоятельного исследователя, использующего указания учителя и его метод. Он все время надеялся, что работа его будет использована Марксом в следующем томе «Капитала» и таким образом дойдет до «публики». Теперь он начинает терять эту надежду и делает последнюю попытку убедить Маркса взяться за немедленную обработку данных, касающихся России.

«Вероятно, во втором томе «Капитала», — пишет он Марксу, — эти явления будут изложены вместе с порождающими их причинами. Но эти явления, а также и те, которые я вам сообщил в своем последнем письме, имеют, независимо от чисто теоретического интереса, и практический интерес; вот почему было бы желательно сообщить о них публике. Если вы найдете, что эти факты заслуживают вашего внимания, то не согласитесь ли вы написать для какого-нибудь русского журнала статью о «Нашем пореформенном хозяйстве». В случае утвердительного ответа, я вам пошлю все имеющиеся у меня таблицы. В случае же вашего отказа, друзья мои советуют мне поместить эти таблицы в каком-нибудь журнале, объяснив содержащиеся в них факты. В настоящее время, вместе с приближением кризиса, факты эти приобретают особенный интерес. Произведя эту работу без теоретического освещения, ее лишают значительной части не только теоретического, но и практического интереса. Вот почему вы бы сделали хорошее дело, взяв эту работу

на себя. Если вы откажетесь, — что было бы печально, — то я вынужден буду ограничиться сообщенными мною вам в моем последнем письме заключениями и привести, с вашего разрешения, те взгляды, которые я нашел в вашем письме».

Маркс на этот раз ответил очень скоро. Жена его в это время доживала уже последние месяцы. Здоровье самого Маркса тоже внушало большие опасения.

«При этих условиях все то немногое время, какое мне удается урвать для труда, неизбежно уходит у меня исключительно на такие работы, которые должен во что бы то ни стало закончить. Ведь всю наиболее важную для широкой публики часть вы уже закончили — разработка таблиц и истолкование содержащихся в них фактов. Было бы жаль, если бы вы отложили опубликование вашего труда, которого я ожидаю с величайшим нетерпением. Вы можете свободно располагать всем, что вы найдете полезным для вашей цели в моих письмах. Боюсь только, что это будет не особенно много, так как я послал вам лишь несколько отрывочных заметок».

Николай —он воспользовался разрешением Маркса и сейчас же приступил к работе. «Когда я получил ваше письмо, — пишет он 18 (30) ноября, — я начал писать статью с анализом фактов, содержащихся в статистических таблицах. Вы не найдете в них ничего нового, за исключением таблицы на стр. 129 (примечание). Как вы убедитесь, я широко воспользовался вашим любезным разрешением цитировать ваши письма. Так как я был ограничен временем, то я не смог выполнить всей своей программы и вынужден был довольствоваться лишь частью ее. То, что уже сделано, не сделано с надлежащей полнотой: кроме цензора, журнал имеет издателя, который впадает в трепет, лишь только упоминают ваше имя в его присутствии».

Таким образом, статья, которая сразу выдвинула Николая — она в первые ряды русских экономистов, написана была под непосредственным влиянием и руководством Маркса и при его сотрудничестве. Она была напечатана в журнале «Слово» (1880 год. октябрь) под тем же самым названием, которое Николай —он предложил Марксу, —«Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». [1]

Нет возможности оценить все огромное значение работы Николая —она в истории нашей общественной и экономической мысли, если мы забудем, — а это делают все наши историки «легального марксизма» в России, — что статья Николая —она далеко не тождественна и по содержанию, и по построению с книгой его, вышедшей под тем же заглавием в 1893 г. [2] Правда, его статья была перепечатана, с весьма незначительными изменениями, в его книге, но, превратившись в первый отдел совершенно нового труда, писанного при другой обстановке, носящего печать новой эволюции ее автора, она производила совершенно иное впечатление, чем то, которое она оказала на Плеханова и первых русских — не «чистых», а революционных — марксистов.

В то время как другой выдающийся «чистый» марксист 1870-х годов, Н. Зибер, ограничивался только экономической теорией, а в статьях по экономике занимался только западно-европейскими порядками, Николай —он дал первый, основанный на глубоком и тщательном изучении фактов, опыт приложения мар-

[1] В журнале статья была напечатана в первом отделе, стр. 77 — 142, с приложением десяти таблиц без особой пагинации. В наших руках имеется отдельный оттиск с другой пагинацией (1 — 66). На нем имеются следующие прибавки по сравнению с текстом в журнале: Дозволено цензурой, С-Петербург, 5 ноября 1880 г. В типографии В. Безобразова и К° (Вас. Остр., 8 линия, № 45). Таблицы печатаны в тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), т. е. в той же типографии, в которой печатались все три тома «Капитала» в переводе Николая —она. Таблица на стр. 129, о которой он замечает, что он ее не посылал Марксу, показывает рост населения в зависимости от величины крестьянских наделов.

[2] Покойный т. Воровский (Орловский)—в книжке «К истории марксизма в России» — только упоминает Николая —она, «печатавшего в 1880 г. в «Отечественных записках» свои нашумевшие впоследствии «Очерки». Тов. Ангарского — «Легальный марксизм» — интересуют только «Очерки», вышедшие в 1893 г.

кенстского анализа к явлениям русской экономической действительности. Предшествовавшая его работе по времени статья Н. Русанова — «Современные проявления капитализма в России» («Русское богатство», 1880 г., № 1 и 2) — была только плодом «недозрелой мысли» весьма недозрелого марксиста. Бойко написанный этюд был сейчас же забыт — еще раньше, чем молодой автор, под влиянием Л. Тихомирова, отказался от своих взглядов.

Конечно, недостаточно было убедиться, что капитализм выходит победителем в борьбе с «народным производством», чтобы стать социал-демократом, но не решив этого предварительного вопроса, нельзя было поставить в порядок дня вопрос об «освобождении труда», о роли рабочего класса в России. Плеханов в начале 1880-х годов высоко ценил работу Николая —она и опирался на выводы его в «Наших разногласиях».

«Г. Николай —он, гораздо основательнее знакомый с нашим пореформенным хозяйством, чем все русские революционные и консервативные самобытники вместе взятые, не колеблется признать, что само «Положение» (о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости) было у нас «лебединой песнью старого процесса производства» и что последовавшая за ним деятельность законодательства, направленная в совершенно противоположную сторону, «по результату оказала более существенное влияние на весь народный хозяйственный быт», чем крестьянская реформа. По мнению этого писателя, «приложению капитала к земле, исполнению его исторической миссии у нас мешает «Положение», наделившее производителей орудиями труда. Капиталистическому же хозяйству способствует вся пореформенная государственно-хозяйственная деятельность... Течение капиталистическое, однако, видимо пересиливает. Все данные говорят в пользу того, что все бо́льшая и бо́льшая часть производителей экспроприируется: уменьшение доли производителя в продукте и увеличение доли капиталиста, происходящее на наших глазах, заставляет все бо́льшую и бо́льшую часть первых бросать землю, не «обряжать» ее. При этом и в самой общине происходит весьма любопытное явление: нехозяйственным хозяевам общество начинает отводить худшую землю (все равно не обрабатывают ее), сроки же переделов земли хозяйственных домов все увеличиваются и увеличиваются, так что мы присутствуем при акте превращения общинного пользования в индивидуальное». Господин Тихомиров совершенно игнорирует выводы замечательного исследования г. Николая —она».

В примечании к этому месту, сделанном во втором издании, Плеханов пишет: «В то время, когда я писал эти строки, была напечатана только первая часть исследования г. Н. —она. В своем законченном виде оно появилось лишь в 1893 г. и далеко не оправдало тех ожиданий, которые возлагались на него мною». В предисловии к переписке Энгельса с Николаем —оном мы вернемся к работе последнего, но теперь уже должны указать, что вторая часть книги Николая —она только механически связана с первой, которая является перепечаткой «замечательного исследования».

Значение первой работы Николая —она состоит не только в том, что он неопровержимо доказал развитие «капитализма в земледелии», как пишет Плеханов. Он, кроме того, дал образцовый анализ всего механизма капиталистического накопления: транспорта, денежного и кредитного обращения, всех методов, при помощи которых «капиталистический принцип производства» наносил удар за ударом «народному способу производства». В соответствующей части своей работы Плеханов просто ссылается на выводы Николая —она, всегда противопоставляя их выводам В. В., на работы которого опирался Тихомиров.

Но не только Плеханов тщательно изучал работу Николая —она. И более молодое поколение русских марксистов «грызло» ее взасос, зная уже, что автор ее был не только переводчиком «Капитала», но и непосредственным корреспондентом Маркса, имевшим возможность, как это видно было из его цитаты, использовать недоступные другим идеи и замечания Маркса.

Если Николай —он, в письме от 1(13) февраля 1881 г., жалуется, что пресса «бойкотирует» его статью, то это было преувеличение. Наоборот, редко какому-либо автору, — а это была первая печатная работа Николая — она, —удавалось произвести такое сильное впечатление не только на широкую читающую публику, но и на весь писательский мир. Тема была слишком скользкая, основательность работы Николая —она требовала не менее основательного ответа, и пока оппоненты его «раскачивались», грянуло 1 марта 1881 г. Оно сильно ударило по всей легальной журналистике, заставив «Отечественные записки» и «Дело» значительно снизить тон, а такие журналы, как «Слово» и «Новое обозрение», совершенно погубило.

Как раз в последнем журнале появилась обстоятельная статья старого могикана русской журналистики, соратника и ученика Чернышевского, М. А. Антоновича. [1]

«Статья Николая —она, — писал он, — составляет в высшей степени редкое и очень отрадное явление в нашей журналистике. Это не статья, а обширное исследование, настоящий политическо-экономический трактат, который богаче, выше и дельнее разных магистерских и докторских ученых диссертаций. Масса материала собрана в ней, громадная, подавляющая; содержание ее в очень много раз превышает ее объем. И какой обширный, многосторонний материал! Он касается почти всей нашей экономической жизни и относится почти ко всем отраслям общественной экономии. Здесь собрано все, что есть и что можно было достать, все существующие и явившиеся в свет (встречаются, впрочем, и не явившиеся) данные и сведения относительно: железных дорог, их деятельности, пассажирской и грузовой; государственных долгов и вообще всех постоянных и текущих затрат на эти дороги; банков и их деятельности; выпусков бумажных денег; внешней торговли, преимущественно хлебной вывозной; хлебной производительности; движения курсов; цен на хлеб и т. п. Вероятно, потребовался не один год на собирание этого материала, разбросанного и зарытого по разным малоизвестным и малодоступным изданиям, почти не циркулирующим в книжной торговле. Изумительна масса материала, но еще лучше его обработка. Все данные анализированы и систематизированы просто артистически; таблицы автора верх статистического совершенства. Цифры располагаются в ряды по разным точкам зрения, и разные ряды указывают отношения, существующие между разными рядами условий; потом они располагаются по разным периодам времени, по месяцам, по годам, по двухлетиям, четырехлетиям и т. д.; за абсолютными числами следуют те же числа, приведенные к общей единице, показываются отношения между числами предыдущими и последующими как по месту в ряду, так и по порядку во времени; кроме частных таблиц, есть таблицы общие, сводные, для наглядного представления отношений между разными экономическими агентами, обработанные по указанному методу и с такими же подробностями. И всех таких таблиц в статье более 20. Немногие из наших статистических изданий могут похвалиться такою искусною и осмысленною обработкою материалов... Словом, статья Николая —она, даже просто как сборник, выше всяких похвал. Самый заклятый противник выводов, обобщений, взглядов и идей автора согласится, что фактическая сторона статьи и ее фактическая [?] обработка делает автору большую честь».

После этого восторженного отзыва Антонович — тоже специалист в области банкового дела — делает ряд критических замечаний, на которые Николай —он ответил в следующей книжке «Нового обозрения». [2]

Но в особенности должен был обрадовать Николая —она отзыв Маркса: «Я с величайшим интересом,— пишет он 19 февраля 1881 г.,— прочитал вашу

---

[1] «О реформах крестьянской и общественно-хозяйственной» («Новое обозрение», 1881 г., январь, стр. 103 — 141).

[2] Замечания на статью Антоновича «О реформах крестьянской и общественно-хозяйственной» («Новое обозрение», 1881 г., февраль, стр. 177 — 189). Об этом ответе Николай —он упоминает в своих письмах к Марксу 1 и 24 февраля 1881 г.

статью и нахожу ее «оригинальной» в лучшем смысле этого слова. Этим объясняется ее бойкотирование. Как только вы прорветесь через сети рутинной мысли, вы можете быть уверены, что на первых порах вы встретитесь с бойкотированием, так как это единственное оборонительное оружие, находящееся под рукою у рутинеров в момент их первого замешательства, и они отлично умеют владеть им».

Маркс обещает, как только «его житейский корабль вступит в более спокойные воды», высказаться более подробно насчет его «Очерков», а пока ограничивается только несколькими указаниями.

«Ближайшая вещь, которой вам следовало бы заняться, по моему мнению,— это — изумительное возрастание задолженности крупного землевладения, причем вы могли бы показать вашим лэндлордам, этому высшему классу представителей агрикультуры, как они «кристаллизуются» в общественной реторте под названием «новых столпов общества».

Как внимательно читал Маркс очерки Николая —она, показывает одно замечание по их поводу, от которого он «не может удержаться». Это — поразительный анализ данных об урожаях от 1870 до 1880 г., приводящий Маркса к выводу, что «среднее годовое производство за этот период оставалось на одной и той же высоте и отличия в характере отдельных годов и маленьких годовых циклов были результатом исключительно одних только естественных факторов».

В письме от 24 февраля 1881 г. Николай —он принимает к сведению замечания Маркса. Он соглашается, что «упустил из виду» вопрос о возрастании задолженности помещиков. Он признает, что не заметил те «небольшие годичные циклы», на которые указывает Маркс. «Слона-то я и не приметил».

Статья Лафарга,[1] о которой идет речь в письмах Маркса и которую Николай —он старался пристроить сначала в «Новом обозрении», а потом в «Слове», напечатана была только в 1882 г. в «Устоях».

Со стороны Маркса переписка заканчивается письмом от 13 декабря 1881 г. Оно имеет большой биографический интерес. Маркс сообщает в нем о смерти жены.

«Вплоть до настоящей минуты я все еще не могу выходить из дому; я был очень близок к тому, чтобы совсем покинуть «этот скверный мир». Врачи хотят послать меня на юг Франции или даже в Алжир».

14 марта 1883 г. Маркс умер. Николай —он в письме к Элеоноре Маркс немедленно предлагает выслать все необходимые материалы и копии писем Маркса к нему.

Д. Рязанов.

---

[1] «Движение поземельной собственности во Франции». Перепечатана нами во втором томе сочинений Лафарга (Издание Института К. Маркса и Ф. Энгельса).

1

[Николай — он К. Марксу][1]

С.-Петербург, 18 [30] сентября 1868 г.

Милостивый государь!

1) Значение вашего труда — «Капитал. Критика политической экономии» — побудило одного из здешних издателей (Н. П. Полякова) взяться за издание на русском языке этой работы. Различные внешние обстоятельства делают желательным выпустить в свет одновременно с первым также и второй том. Поэтому, как уполномоченный издателя, я покорнейше прошу вас, если вы это сочтете возможным, высылать мне, по мере их отпечатания, отдельные листы второго тома.

2) Чтобы ознакомить русскую публику с вашими более ранними произведениями, необходимо, если и не перевести их, то, по крайней мере, дать изложение их в нескольких рефератах. К сожалению, во всей Пруссии мы из ваших трудов ничего не могли найти, кроме следующих: «К критике политической экономии» (1859), «Нищеты философии» (1847) и «Манифеста Коммунистической партии»; мы не нашли даже ваших знаменитых «Немецко-французских летописей». Поэтому я почтительно прошу вас либо выслать нам эти ваши произведения, либо же сообщить нам, где их можно найти.

3) Полагаясь на вашу доброту, мы надеемся, что вы перешлете нам ваш портрет, которым мы снабдим перевод.

4) Наконец, мы просим вас указать нам литературу по рабочему вопросу в Соединенных Штатах, ибо здесь, в С.-Петербурге, я не мог найти никаких соответствующих работ.

Если вы согласитесь выполнить наши просьбы, то я прошу вас адресовать ваши письма в С.-Петербург, а книжные посылки в Берлин, Oberwallstrasse, 5 (Н. Любавин).

Связанные с этим издержки будут тотчас же пересланы по указанному вами адресу.

С глубоким уважением

Н. Даниельсон.

Адрес: С.-Петербург, Общество взаимного кредита, в здании Государственного банка.

P. S. Это письмо пересылается вам через меня, ибо мы не убеждены, что адресованные вам письма не перехватываются русской почтой. Однако

я прошу вас послать свой ответ прямо в Петербург, господину Н. Даниельсону по вышеуказанному адресу.

Н. Любавин, Berlin, Oberwallstrasse, 5.

2 октября 1868 г.

[1] [Переслано через посредство Н. Любавина.]

2

[К. Маркс Николаю — ону]

1, Modena Villas, Maitland Park. London N. W.
7 октября 1868 г.

Милостивый государь!

В ответ на ваше письмо могу сообщить следующее:

1) Вам не следует дожидаться второго тома, так как появление его, быть может, замедлится еще месяцев на шесть. Я не могу подготовить его к печати до окончания и появления в свет некоторых официальных расследований (enquêtes), предпринятых в течение прошлого и позапрошлого (1866, 1867) годов во Франции, в Северо-Американских Соединенных Штатах и в Англии. К тому же первый том представляет собой законченное целое.

2) Социалистической литературы в Северо-Американских Соединенных Штатах не существует; там имеются только рабочие газеты.

3) Прилагаю по вашей просьбе мою фотографию.

4) Что касается моих сочинений, писанных на разных языках и вышедших в свет в различных местах, то я и сам не имею полного собрания их. Большинство их уже не находится более в продаже. Итак, не имея возможности удовлетворить ваше желание по этому пункту, — la plus belle fille de France ne peut donner que ce qu'elle a,—[1] я принужден ограничиться коротенькой заметкой о моей литературно-политической деятельности, которой вы, быть может, воспользуетесь для предисловия к вашему переводу.

Д-р Карл Маркс родился в Трире (Рейнская Пруссия) в 1818 г.

1842—1843: Главный редактор «Рейнской газеты» («Rheinische Zeitung») в Кельне. Эта газета насильственно закрывается прусским правительством. Маркс уезжает в Париж и издает там (1844), совместно с Арнольдом Руге, «Немецко-французские летописи» («Deutsch-Französische Jahrbücher»). В конце 1844 г. Гизо изгоняет Маркса из Франции, вследствие чего Маркс перезжает в Брюссель. Издает, совместно с Энгельсом, «Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и К°» (Франкфурт-на-Майне, 1845). Это сочинение, — так же, как и статьи Маркса в «Немецко-французских летописях»,—направлено против идеологического мистицизма гегелевской и вообще спекулятивной философии. Затем в Брюсселе были выпущены: «Нищета философии. Ответ на философию нищеты» П.-Ж. Прудона (Брюссель и Париж, 1847), «Речь о свободе торговли» (Брюссель, 1847) и, наконец, в начале 1848 г., совместно с Фридрихом Энгельсом, «Манифест Коммунистической партии» (Лондон).

Вслед за взрывом февральской революции Маркса изгоняют из Бельгии, но

*

в то же время он получает приглашение от временного французского правительства вернуться во Францию и уезжает в Париж, а в апреле 1848 г. переселяется в Кельн, где издает «Новую рейнскую газету» («Neue Rheinische Zeitung») с июня 1848 г. по май 1849 г.

Там же выпущены им:

«Два политических процесса» (Кельн, 1849). (Эта брошюра содержит изложение судебных процессов и защитительные речи Маркса. В первом из этих процессов Маркс обвинялся в оскорблении королевского прокурора, а во втором — после прусского государственного переворота (Мантейфель) — за призыв к восстанию. В обоих случаях присяжные вынесли Марксу оправдательный приговор.) В мае 1849 г. «Новая рейнская газета» закрывается прусским правительством, а Маркс изгоняется из пределов Пруссии. Он отправляется снова в Париж, но, будучи снова изгнан из Франции, переселяется в конце октября 1849 г. в Лондон, где живет и поныне. Здесь им были опубликованы:

«Новая рейнская газета. Политико-экономическое обозрение» (Гамбург и Нью-Йорк, 1850).

«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (Нью-Йорк, 1852).

«Разоблачения о процессе коммунистов в Кельне» (1853). Два издания — одно в Базеле, а другое в Бостоне.

«Летучие листки против лорда Пальмерстона» (Лондон, Бирмингам и Глазго, 1853 — 1854).

«К критике политической экономии» (Берлин, 1859).

«Господин Фогт» (Лондон, 1860).

1851—1861. Ряд статей на английском языке в американских периодических изданиях: «New-York Tribune», «Putnam's Review» и «New-American Cyclopaedia».

1864. «Учредительный адрес Международного товарищества рабочих» (International Workingmen's Association), изданный под названием «Воззвание к рабочему люду Европы», а также устав этого союза, окончательно принятый позже (1866), на Женевском конгрессе Международного товарищества рабочих.

С тех пор Маркс состоит непрерывно членом Генерального совета (General Council) этого товарищества, а также секретарем совета для Германии.

1867. «Капитал» и пр.

Преданный вам

Карл Маркс.

[1] [Самая красивая девушка Франции не может дать более того, что у нее есть.]

3

[Николай — он К. Марксу]

С.-Петербург, Государственный банк,
30 сентября [12 октября] 1869 г.

Милостивый государь!

До сих пор ни в русской, ни в заграничной литературе не появлялось еще работы, которая правильно осветила бы не с официальной или буржуазной точки

зрения судьбы и экономическое положение русского крестьянина, фабричного рабочего, ремесленника или вообще русского рабочего класса. Причиной этого была масса препятствий, — большею частью официального характера, — на которые натыкались исследователи.

Некоему Флеровскому впервые удалось обойти так или иначе эти препятствия и ознакомиться до мельчайших подробностей с экономическим укладом и жизнью русского мужика. Результатом его пятнадцатилетних изысканий был труд «Положение рабочего класса в России». Разумеется, автор использовал, кроме своих собственных наблюдений, и все официальные данные.

Посылаю вам эту книгу в надежде, что она даст вам необходимый материал для следующих частей вашего классического труда «Капитал» и т. д.

С глубоким уважением

Н. Даниельсон.

4

[Николай — он К. Марксу]

С.-Петербург, 11 [23] мая 1871 г.

Милостивый государь!

Переводчик вашего труда «Капитал», после своего отъезда от вас осенью прошлого года, не имел времени продолжать свою работу, так как он находился постоянно в разъездах. В своих первых письмах он писал, что, после своего возвращения, он сам закончит перевод, но, когда это возвращение оказалось отсроченным на неопределенное время, он попросил меня взять на себя окончание перевода. По своем приезде сюда он рассказывал, что вы выразили желание целиком переработать для русского перевода первую главу вашей книги «Товар — Деньги». Не будете ли вы так добры, — если вы не переменили вашего намерения, — ввиду того, что перевод близок к окончанию, прислать мне означенную главу, а также и желательные вам изменения в других местах вашей книги (например, относительно Н. Сениора). Так как, по всей вероятности, первая глава вами еще не переработана, то вы меня очень обязали бы, если бы определили приблизительное время ее присылки.

«Наш общий друг» [1] рассказывал в дружеском кружке лицам, интересующимся продолжением вашего труда, что издатель вашей книги, в силу каких-то коммерческих расчетов, не желает печатать второго тома вашей книги, уже готового у вас в рукописи, до тех пор, пока не будет распродан первый том. Мы здесь нашли издателя, от имени которого я могу предложить вам следующие условия. Вы подсчитываете расходы (на бумагу, печать, корректуру и т. д.). Мы вам тотчас посылаем нужные суммы. Вы издаете второй том от вашего имени, а при распродаже книги ведете счет доходов по трем рубрикам: погашение израсходованной суммы, гонорар автору, отчисление определенного процента (как вы сами решите, например 2, 3, 4%) за время пользования деньгами, которое идет на то, чтобы удешевить издание на русском языке. Я не знаю, как ваша книга расходится в других странах, кроме Германии, но что касается Петербурга, спрос на нее очень большой. «Наш друг» рассказывал, что то же самое можно сказать и о вашей «Zur Kritik».

«Наш друг» находится сейчас в очень тяжелом положении, худшем, чем когда он уезжал. Впрочем, надежда его не покидает. Подробности после.

По желанию «нашего друга» я послал вам различные книги и статьи, между прочим и «О земельной собственности», автор которой, по его словам, очень интересует вас. Если вам желательно, то я могу послать вам и другие экономические работы того же автора. Я не посылал их вам до сих пор, потому что я не был уверен, получили ли вы первые. Между прочим, я послал вам также письмо Флеровского о том, как он собирал материалы для своей книги.[2] Получили ли вы также все это?

С глубоким уважением

Н. Даниельсон.

Адрес: Россия, С.-Петербург. Государственный банк, г. Стулову.

[1] [Лопатин.] [2] [Письмо это с предисловием Д. Б. Рязанова напечатано в «Летописях марксизма», кн. IX — X.]

5

[К. Маркс Николаю — ону]

Лондон, 13 июня 1871 г.

Милостивый государь!

Я с удовольствием займусь переработкой «первой главы», но я не могу приступить к этому делу ранее, чем через две недели. Вследствие восьминедельной болезни у меня накопилось много работ, которые должны быть выполнены в первую очередь. Тогда же пришлю вам и список разных мелких исправлений.

Что касается до продолжения моего труда, то сообщение «нашего друга» есть результат какого-то недоразумения. Я нахожу необходимой полную переработку первоначальной рукописи. К тому же мне нехватало до настоящей минуты некоторых необходимых документов, которые, однако, должны же прийти, в конце концов, из Северо-Американских Штатов.

«Наш друг» должен вернуться в Лондон из своей торговой поездки. Корреспонденты той фирмы, по поручению которой он разъезжает, пишут мне по временам из Швейцарии и из других мест. Все дело рухнет, если он отложит свое возвращение, и сам он навсегда потеряет возможность оказывать дальнейшие услуги своей фирме. Соперники фирмы уведомлены о нем, ищут его повсюду и, наверное, заманят его в какую-нибудь ловушку своими происками.[1]

Очень благодарю вас за дружескую присылку разных русских книг. Все получено мною в исправности. «Примечания к Дж.-Ст. Миллю» у меня есть, но я был бы рад получить и остальные экономические сочинения того же автора.

Несмотря на мою болезнь, я выпустил недавно брошюру листа в два. Как переслать ее вам?

Так как я много разъезжаю, а потому часто не бываю дома, то прошу вас направлять впредь ваши письма и посылки по нижеследующему адресу одного из моих друзей без всякой передаточной надписи: A. Williams, Esq.[2] Он живет

в моем доме, а потому и адрес его тот же, что мой, т. е. 1, Maitland Park Road, Chalk Farm, N.-W. London.

Преданный вам

М.

[1] [Речь идет о Г. А. Лопатине и его поездке в Сибирь за Н. Г. Чернышевским.]

[2] [Под этим псевдонимом старшая дочь Маркса — Женни (впоследствии вышедшая замуж за коммунара Лонге), напечатала в рошфоровской «La Marseillaise» ряд корреспонденций о жестоком и унизительном обращении в английских тюрьмах с осужденными фениями. Статьи эти вызвали в Англии взрыв общественного негодования и повели к официальному следствию и устранению указанных в них зол. В дальнейших письмах к Николаю —ону Маркс подписывается —А. Вильямс.]

6

[Николай —он К. Марксу]

С.-Петербург, 20 июня [2 июля] 1871 г.

Милостивый государь!

Очень благодарю вас за обещание послать «первую главу» и т. д. Жаль, что сообщение «нашего друга» основывалось только на недоразумении, хотя из вашего письма можно заключить, что выход второго тома отсрочен не на неопределенное время, но что книга, вероятно, скоро выйдет в свет.

Вы предупредили мою просьбу, выразив желание прислать мне «летучие листки» («Flysheets»). У меня к вам по этому вопросу еще большая просьба. Дело в том, что с зимы этого года я не имею никаких сведений о деятельности Генерального совета. «On the war» (о войне) — так называлась последняя полученная мною листовка. Благодаря последним строгостям нашей заграничной цензуры я давно уже не получаю органов Интернационала. Поэтому я очень прошу вас прислать мне все публикации Генерального совета по следующему адресу: Берлин, Poste restante, Herrn Kirschbaum, но не позже, чем до 2 (14) июля.

Я думаю, что вас заинтересуют некоторые сведения о судьбе произведений вашего ученика (в экономических вопросах — по крайней мере, у нас его считают таковым) — Лассаля. Как вы знаете, в русском переводе появились все небольшие брошюры Л[ассаля]. Первый том, выпущенный в количестве 3 000 экземпляров, разошелся в два-три месяца: огромный успех. Второй том (Г-н Юлиан Шмидт, Бастиа-Шульце, Лессинг, Фихте и т. д.) не был пропущен цензурой. Не безынтересен тот круг, в котором эти сочинения вызвали большое сочувствие. Они вызвали его, между прочим, среди мелких торговцев провинциальных городов. На-днях я имел беседу с одним из таких торговцев. Сделав несколько замечаний об основных принципах Лассаля, он воскликнул: «Эта книга должна была бы сделаться нашим евангелием!» Этот факт характерен тем, что он не одинок. В другом городе несколько купцов сложились и послали деньги для покупки первого тома, чтобы распространить его в провинции. Особенное впечатление в этом кругу производят: «Программа рабочих» и «О сущности конституции». Так как у нас в России в настоящее время идет речь о замене подушного налога другим и так как правительственный проект (вместо подушного налога ввести подворный) на

чрезвычайных собраниях губернского земства, которым он был передан, был большею частью забаллотирован, так как земства требовали, чтобы все сословия были привлечены к платежу налога и чтобы был введен подоходный налог, то, ввиду этого, вышеупомянутые купцы и т. д. предложили свои собственные проекты, причем они опираются исключительно на Лас[саля], а, стало быть, подходят к вопросу гораздо серьезнее. Эти проекты они рассылают в губернские управы. Как вы себе легко можете это представить, — и как они это прекрасно понимают, — все это носит печать величайшего дилетантизма, без всякой подготовительной теоретической разработки, и поэтому они и сами пытаются обогатить свои познания в этом направлении, просят у нас указаний и т. д. Русский писатель, который писал в этом направлении, этим людям сравнительно очень мало известен, потому что нет собрания его сочинений (впрочем, в ближайшем будущем таковое появится), а иностранных языков они не знают. Вот почему мы рассчитываем на успех вашего труда. Я не говорю уже о том нетерпении, с которым ваша книга ожидается нашей молодежью.

Я могу сообщить вам новость: все политические преступления переходят теперь из ведения III Отделения в руки суда (без присяжных). Прежде все шло сперва в III Отделение, а оттуда в суд. Теперь остается один только суд, и все допросы производятся в присутствии членов суда.

Если вам безразлично, с чего начать,— с переработки ли первой главы или с мелких поправок в других частях книги,— то мы очень просили бы вас начать с последних. В этом случае руки у нас были бы свободны, и мы могли бы приступить к печатанию второй главы. Так что к тому времени, когда вы окончили бы переработку первой главы, у нас была бы отпечатана вся остальная часть книги и оставалось бы только отпечатать первую главу. Очень прошу извинить меня, что я докучаю вам этим, но я рассчитываю на вашу доброту и снисходительность.

Вы говорите, что «наш друг» должен к вам вернуться. Да, он так бы и сделал, если бы мог. Но он этого сделать не может. Уже около месяца, как мы не имеем о нем никаких сведений. Торговая экспедиция разорилась, и его задержали за долги. На следующей неделе я сообщу вам некоторые подробности.

С глубоким уважением

Н. Д.

Письма — по прежнему адресу.

7

[К. Маркс Николаю — ону]

22 июля 1871 г.

Любезный друг!

Вы должны извинить меня за столь поздний ответ. В последнее время я до такой степени был завален работой, что едва находил время для сна.

Поэтому я не мог и подумать о том, чтобы сделать что-нибудь относительно «Капитала». Однако же на будущей неделе я приступлю к этому делу и вскоре приготовлю все, что вам требуется.

Я уже давно заготовил пакет для Берлина, но, к несчастью, вследствие какой-то ошибки, он не был отослан и до сих пор еще находится у меня.

Поэтому пришлите мне, пожалуйста, новый адрес для Берлина, и я отправлю тогда пакет без всякого промедления.

Здесь получены самые тревожные известия о нашем «общем друге», но я надеюсь, что они окажутся ложными или, по крайней мере, преувеличенными.

Если бы вам удалось найти в Берлине какого-нибудь корреспондента, который согласился бы служить посредником по отношению к некоторой части того торгового дела, которое мне приходится вести в Петербурге, то это было бы очень полезно; по отношению к некоторым товарам этот кружный путь мог бы оказаться короче, чем прямой. Прямая линия далеко не во всех случаях, как это воображают себе математики, есть самая кратчайшая.

Истинно ваш

А. Вильямс.

8

[Николай—он К. Марксу]

С.-Петербург, 31 июля [12 августа] 1871 г.

Милостивый государь!

В настоящее время у меня нет ни в Берлине, ни в других местах за границей знакомых. Ниже следует адрес, по которому вы можете посылать то, что вы желаете, в форме письма. Будет лучше, если вы при этом не приложите письма и отошлете пакеты неоплаченными. Вот адрес г. Полякова: С.-Петербург, Васильевский остров, 10-я линия, № 5. Для писем остается старый адрес.

Известия о «нашем общем друге» не ложны. Его положение в высшей степени опасно и может стать хроническим.

С глубоким уважением

Н. Д.

9

[Николай—он дочери К. Маркса Женни]

С.-Петербург, 31 августа [12 сентября] 1871 г.

Глубокоуважаемая мадемуазель!

Простите мне, что я обращаюсь к вам, но очень прискорбные известия, проникшие и в нашу печать, заставляют меня просить вас ответить хотя бы несколькими словами на следующее. Сегодня в газетах появилось известие о том, что ваш отец тяжело заболел. Ввиду слабости его организма, все знакомые его находятся в большой тревоге. Не будете ли вы настолько любезны, чтобы написать мне, насколько соответствуют действительности эти слухи и в каком положении вообще находится теперь его здоровье. Надеясь на исполнение моей просьбы, прошу еще раз о снисхождении.

С глубоким уважением

Н. Даниельсон.

Адрес: Г. Стулову, Государственный банк, С.-Петербург, Россия.

10

[Николай—он К. Марксу]

17 [29] октября 1871 г.

Милостивый государь!

Закончив вполне первый том «Капитала», мы остановились в ожидании обещанной вами переработки первой главы. Но затем нам стало жаль лишить русскую читающую публику мастерского изложения этой главы, ибо, — если отвлечься от абстрактности ее, — она, на наш взгляд, одна из лучших в книге. Чтобы не задерживать выхода книги (мы решили ее выпустить не позже декабря этого года), мы приступили уже к печатанию. Мы решили приложить в конце книги переработанную первую главу (если вы не изменили своего намерения), а также различные другие мелкие изменения (читатель, разумеется, ничего не потеряет от двух вариантов первой главы). Считаясь с этим, мы просим вас сообщить нам, к какому приблизительно времени мы можем ожидать получения рукописи. На-днях я послал вам произведения одного из лучших русских публицистов и критиков, Добролюбова. В часы отдыха они доставят вам настоящее наслаждение. Надо заметить, что автор умер очень молодым: ему было только двадцать пять лет. Он был другом автора «On Mill's Pol. Economy» («Примечаний к политической экономии Милля»).

Вопрос о реформе налогов рассматривается теперь в особой комиссии под председательством Валуева. Эта комиссия занимается теперь специально, политической стороной этой реформы.

С глубоким уважением

Н. Д.

11

[К. Маркс Николаю—ону]

9 ноября 1871 г.

Дорогой друг!

Прилагаю при сем несколько изменений текста, представляющих отчасти просто исправление опечаток. Некоторую важность имеют только изменения, относящиеся к страницам 192, 201, 288, 205а (сноска) и 376, так как тут дело идет отчасти о самом содержании текста. [1]

Было бы бесполезно дожидаться переработки первой главы, так как за последние месяцы все мое время до такой степени поглощено разными текущими делами (да и в ближайшем будущем мало надежды на улучшение по этой части), что я никак не могу приняться за мои теоретические труды.

Конечно, в один прекрасный день я положу конец всему этому, но бывают обстоятельства, когда чувство долга принуждает вас заниматься вещами несравненно менее привлекательными, чем теоретические исследования.

Горячо благодарю вас за все ваше участие ко мне и моим трудам. С сочинениями Эрлиба [2] я отчасти уже знаком. Я сравниваю его, как писателя, с Лессингом и Дидро.

Недавно я получил несколько курьезных номеров «Московских ведомостей».
Искренно ваш

А. В. [A. Williams.]

[1] [При этом письме был приложен список исправлений к тому «Капитала», который не помещается здесь, так как все эти исправления были приняты во внимание при издании русского перевода этого тома.] [2] Добролюбова.

12

[Николай—он К. Марксу.]

С.-Петербург, 15 [27] марта 1872 г.

Милостивый государь!

Наконец, печатание русского перевода «Капитала» окончено, и я могу переслать вам экземпляр книги. Я рассчитывал закончить эту работу к концу декабря; не моя вина, что она затянулась дольше. Вначале мы хотели снабдить книгу портретом автора, который был даже выгравирован. Но опять-таки это нам не удалось, и не по нашей вине: цензура не допустила этого. Она же не разрешила поместить его портрет в иллюстрациях.

Отзывы наших журналов об этом труде я, разумеется, вам перешлю. Я не думал, что уведомить вас об окончании печатания придется мне, я полагал, что это сделает «наш общий друг». Его самого мы не видели, но он послал нам полное описание своих скитаний. Оказывается, что он вынужден был провести 11 месяцев в тюрьме, что его судили не за политическое дело, а за проживание по чужому виду. Суд первой инстанции приговорил его к поселению в Сибири; суд следующей инстанции освободил его от этого приговора и наложил на него лишь денежный штраф в сто рублей. Вслед за этим он был освобожден с обязательством не покидать Иркутска. Таковы его дела. Впрочем, я уверен, что он сам вас обо всем известит. Я же готов, если вам есть что передать ему, играть роль посредника, и письма ваши будут пересланы по адресу «нашего общего друга».

После того как автор «Примечаний к политической экономии Милля» отсидел свое время, он был отправлен в Якутскую область в город Вилюйск. Этот город имеет 311 человек жителей, находится на расстоянии 710 верст к северу от Якутска и на расстоянии 9 500 верст от Петербурга.

Я давно уже хотел обратить ваше внимание на неточность в IV томе сочинений этого автора, на тот случай, если бы вы захотели на него сослаться. Дело в следующем:

Цензура не разрешила поместить в журнале, где появились эти этюды, всю первую главу в том виде, в каком она появилась в IV томе. Все напечатанное на стр. 1—58 отсутствовало в русском журнале; вместо этого был ряд страниц, которые вошли также в IV том, именно стр. 58—62. Далее: стр. 24, строка 5, после должно следовать то, что находится от 6-й строки стр. 31 до 19-й строки стр. 33, а за этим идет пример стр. 24—31, а после этого текст стр. 33, строка 20-я, считая сверху. Последние три строки стр. 33 и две первые строки стр. 34 нужно совершенно выпустить. Эти пять строк не имеют здесь никакого смысла, ибо ими заканчивался другой критический этюд, извлечение из которого приводится здесь

автором. На стр. 40 есть большой недосмотр, именно после 14-й строки выпущена цитата из Милля, книга 2-я, глава 2-я, §§ 3, 4, 5, 6.

Чтобы письма не терялись, я попросил бы вас посылать их отныне заказным образом по следующему адресу: С.-Петербург, мое имя. Общество взаимного кредита, Казанский мост, дом Лесникова.

С глубоким уважением

Н. Д.

13

[К. Маркс Николаю —ону]

Лондон, 28 мая 1872 г.

Милостивый государь!

Ответ мой запоздал так сильно собственно потому, что я все время надеялся послать вам, одновременно с письмом, первые выпуски 2-го немецкого издания «Капитала», а также перевода его на французский язык (Париж). Но немецкий и французский издатели до такой степени затянули печатание, что я не могу долее откладывать ответа.

Прежде всего очень благодарю вас за прекрасно переплетенный экземпляр вашего перевода. Перевод я нахожу мастерским. Мне было бы приятно, если бы я мог получить еще один непереплетенный экземпляр для Британского музея.

Мне очень жаль, что безусловно непреодолимые помехи (в самом строгом смысле этого слова) не позволили мне приступить к переработке моего сочинения для второго издания ранее конца декабря 1871 г., а между тем эта переработка оказалась бы очень полезной для русского издания.

Хотя французское издание, — выходящее в переводе г. Руа, переводчика Фейербаха, — и выполнено великим знатоком обоих языков, тем не менее он переводил временами чересчур уж буквально. Поэтому я был принужден переделать по-французски целые отрывки, чтобы угодить литературным вкусам французской публики. Зато современем будет легче переводить с французского на английский и на романские языки.

Я до такой степени переутомлен и встречаю столько помех моим теоретическим трудам, что в конце сентября намерен покинуть наше торговое дело, которое в настоящее время лежит главным образом на моих плечах и которое, как вы знаете, имеет свои разветвления по всему свету. Est modus in rebus (во всем нужна мера); и я не могу дольше,— по крайней мере в течение некоторого времени,— заниматься зараз двумя родами дел столь различного характера.

Известия, сообщаемые вами о «нашем общем друге», очень обрадовали меня и мою семью, Мало людей есть на свете, которых я так люблю и так уважаю <You will much oblige me by> .

Вы очень обяжете меня, переслав прилагаемое письмо доктору В. Баранову по такому адресу: Г-же Багговут-Гросс. Театральная площадь, дом барона Кистера.

В надежде вскоре услышать о вас дружески преданный вам

A. B. [A. W.]

Один из проживающих в Швейцарии крикливых шарлатанов — М. Бакунин — откалывает такие штуки, что я был бы очень благодарен за всякое точное сведение об этом человеке, а именно: 1) о его влиянии в России и 2) о той роли, которую играла его особа в пресловутом процессе.

14

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 23 мая [4 июня] 1872 г.

Милостивый государь!

Так как вас, наверное, заинтересует судьба русского перевода «Капитала», то я могу вам по этому поводу сообщить следующее. В цензуре, куда эта книга была, согласно закону, сдана на три дня, книгу рассматривали два цензора, которые дали свое заключение о ней цензурному комитету. Еще до просмотра решено было в принципе, уже из-за одного имени автора, этой книги не задерживать, но при этом в высшей степени внимательно проштудировать и поискать, нет ли мест, которые могли бы разрушить или поколебать основы экономического строя. Вот резюме постановления, единогласно принятого комитетом и переданного на заключение главного управления по делам печати. «Хотя автор по своим убеждениям и является всецело социалистом и вся книга носит совершенно определенно социалистический характер, чему доказательством служат следующие страницы (страницы мне неизвестны), но, принимая во внимание, что изложение может быть названо далеко не всем доступным, что оно имеет строго математическую научно-доказуемую форму, то (кажется, как будто комитет вполне удовлетворился доводами и в общем обратился в социалистический клуб) комитет признал преследование судом невозможным и вследствие этого решил выпустить книгу в свет».

Выпуская в свет эту книгу, цензурный комитет рассчитывает главным образом на то, что ее никто не прочтет. Вот сведения по этому поводу: книга вышла в свет 27 марта, а до 15 мая продано 900 экземпляров (отпечатано всего 3 000 экземпляров).

Бо́льшая часть журналов и газет дала о ней рецензии. Все — без исключения — отзываются о ней с большой похвалой. Всесторонней критики до сих пор еще нет. К сожалению, «Моско́вская газета»[1] еще совсем не отозвалась. От этого органа можно ожидать курьезнейших мнений.

С некоторого времени мы не имеем никаких сведений о «нашем общем друге». Письма я ожидаю не раньше конца мая.

Кроме посланного вам сочинения о «Капитале»,[2] я на-днях пошлю вам и другие вещи.

Я собирался отослать свое письмо на почту, когда я получил ваше письмо от 28 мая. Для переводчиков лестно любезное мнение относительно перевода. Книгу я пошлю на этих днях.

Мне очень приятно было узнать от вас, что вы намереваетесь отказаться от всякой нетеоретической работы. Для самого дела это будет чувствительный ущерб.

Я постараюсь удовлетворить вашему желанию получить справки о Б[акунине] возможно скорее. Я думаю, что «наш общий друг» во время своего пребывания в

Лондоне вам сообщил уже многое о нем. Сейчас я могу вам только сказать 1) что он (Б.) никогда не имел особенного влияния. В настоящий момент о каком бы то ни было его влиянии не может быть речи ввиду глупой и некрасивой роли, которую он играл в этом процессе. 2) К несчастью, эта роль не вскрылась во время суда, хотя он и был главою всего дела. Все знаменитые прокламации (в которых он призывает к убийствам, поджогам и т. д.) были составлены им: он сам скрывал это с величайшим старанием, чтобы не повредить своей репутации на Западе. Его адъютант Нечаев (перед которым он чувствовал «респект») утаил это в своих собственных интересах. Некий Негрескул должен был разоблачить это перед судом, но он умер от чахотки до процесса. Его (Б.) роль была глупа потому, что он позволил Нечаеву одурачить себя и внимал его болтовне, как изречениям оракула.

С глубоким уважением

Н. Д.

[1] [«Московские ведомости»]. [2] [И. И. К—на, Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса («Вестник Европы», май, 1872 г.]

15

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 20 июля [1 августа] 1872 г.

Милостивый государь!

Я посылаю вам сборник «Русские общественные вопросы», некоторые рецензии[1] на «Капитал» и «Письма без адреса» (автора «Примечаний к политической экономии М[илля]»). Рецензии я не отсылал до сих пор, ибо я ожидал конца отзыва в «Биржевой газете».[2] Но они, вероятно, опомнились и решили, что отзывы, подобные сделанному уже ими, совершенно не подходят к ним, и поэтому предпочли не печатать вовсе второй статьи. «Письма и т. д.» были написаны автором тотчас же после законодательного решения крестьянского вопроса. Я слышал, что вскоре выйдет пятый том его произведений, и так как в этих «Письмах» идет речь также и о том, что̀ заключает в себе том пятый, то было бы не худо поместить их в этом томе. Быть может, издатель уже имеет копию этих писем (они никогда не были напечатаны); но, принимая во внимание, что начало четвертого тома (напечатанного тоже с рукописи) не свободно от ошибок, я посылаю вам копию, сверенную с оригиналом, в надежде, что вы будете так любезны и перешлете ее, по прочтении, издателю.

В «Сборнике» есть несколько статей, которые, я думаю, заинтересуют вас своими фактическими данными о положении различных вопросов в России. Не ожидайте от авторов теоретической оригинальности или особенного ума: в настоящее время в нашей литературе не найдется ни того, ни другого. Но это добросовестные работники. Там есть две статьи Флеровского (Берви) (VI, XIII), автора «Положения рабочего класса в России» (между прочим: второе издание этой книги задержано цензурой).

Пыпину (опекуну детей Чернышевского), желавшему выпустить в свет критические, библиографические, исторические и историко-литературные статьи Чернышевского, было дано понять, что если хотя бы одна статья этого автора

появится в свет, то издатель будет без дальнейших разговоров выслан из столицы. При этом следует заметить, что многие из этих вещей увидели свет во времена, тяжелые для свободного слова,— в 1855—1856 гг.

Там есть одна статья Жохова «Нерешенные пункты в крестьянском вопросе», в которой вы найдете указания на современное положение крестьян как частей государственного организма, т. е. на состояние их, созданное Положением 19 февраля 1861 г. Вы здесь найдете также, как создалось это «Положение», какую роль играли помещики. Если вы заинтересуетесь вопросами, разбираемыми в этой статье, если вы пожелаете познакомиться с материалом, служившим для подготовки «Положения», если вы захотите увидеть делегатов-помещиков в их полной наготе, когда они с циничной откровенностью защищали свои священные права, когда они на предложение «Комиссии» отпустить крестьян с их землею отвечали, что подобное предложение есть плод зловредных учений социализма и коммунизма, что «Комиссия» дала себя увлечь учениями Прудона, всей просвещенной Европой признанными непригодными к делу, когда они отстаивали малые наделы земли для крестьян, так как крупные были бы для самих крестьян обременительны,— если, говорю я, вас все это заинтересует настолько, что вы пожелаете ближе ознакомиться с самими материалами, которые Скребицкий собрал под названием «Крестьянский вопрос в царствование Александра II», и напишете мне, чтобы я вам выслал этот труд, весьма добросовестно составленный, то я посылкой Сборника достиг своей цели. У Скребицкого вы найдете, как шло дело реформы, все мнения, возражения помещиков, все их проекты, и т. д. С характером этого труда вас до известной степени ознакомит означенная работа Жохова.

25 июля [6 августа.]

Десять лет реформ отошли в вечность. Теперь наступило время контр-реформ. Хотя эти знаменитые десять лет знамениты лишь тем, что сейчас же за одним шагом к реформе делалось два шага назад, чтобы парализовать его действие, но все же до сих пор не было случая, чтобы правительство отступилось от открыто провозглашенного общего принципа какой-нибудь реформы. На-днях, однако, случилось и это. Я уже послал вам новый закон о печати, согласно которому отменяется суд, разбирающий дела о печати (единственная гарантия свободы печати), и вместо него вводится административный произвол (мотивы!), т. е. министр получает право уничтожить собственной властью каждую неприятную для него книгу, сочинение и т. д.; суд же принижается до роли лакея, решающего вопрос не о виновности или невиновности, — решение в первом смысле уже постановлено министром,— а о том, какому наказанию подвергнуть автора или издателя неприятного для администрации сочинения. Но это только внешняя сторона дела. Одновременно с этим законом издан был тайный указ, в силу которого все дела о печати, начатые во время действия прежних законов в судебных инстанциях, были объявлены уничтоженными (не улаженными, а просто уничтоженными), без того, однако, чтобы издатели могли требовать какого бы то ни было вознаграждения. Как вы видите, священные права собственности топчут в случае необходимости с полнейшей свободой, а одновременно растаптывается и элементарное понятие о законе: закону дается обратное действие.

Но, быть может, кто-либо найдет, что этот закон касается лишь меньшинства, так называемого образованного класса. Здесь, однако, распространяется слух, проникший даже в печать, будто, принимая во внимание страшный рост за последнее время крестьянских недоимок, что указывает на неспособность крестьян вести самостоятельное хозяйство (чтобы убедиться в неосновательности этого утверждения, достаточно просмотреть цифры на стр. 768—769 статистического сборника «Россия» и вспомнить Земское положение, согласно которому сельскохозяйственные расходы отделены от государства и подчинены земству, т. е., без того чтобы сокращать бюджет государства, введен новый бюджет—земский), будто правительство имеет намерение поставить крестьян в административную зависимость от помещиков, другими словами — вернуться опять к крепостному праву. Если этот слух и окажется необоснованным, то, во всяком случае, уже самое возникновение его указывает на то настроение, которое господствует в законодательных сферах.

Неужели общество, ради интересов которого пострадал Утин, не примет никаких мер против этих разбойников? В каком положении находится вообще это дело?

Верно ли, будто конгресс назначен в Гааге? Будьте любезны прислать мне его программу.

Вместе с этим я посылаю вам статью из «Вестника Европы»: «Опыты земской статистики»,[3] из которой вы сможете увидеть, что у нас величина v в формуле $\frac{m}{v}$ стремится стать отрицательной величиной, т. е. что из каждых ста единиц, производимых рабочим, у него отнимают сто пятьдесят! Это показывает, куда привели нас «знаменитые десять лет реформ»! Недаром голодный тиф стал у нас хронической болезнью.

Когда вы думаете справиться со вторым изданием «Капитала»? Будет ли сделано в нем много изменений? Для меня эти вопросы очень важны, так как я рассчитываю, что к концу года будет распродано русское издание и что, следовательно, надо бы к этому времени закончить все подготовительные работы (перевод, изменения и т. д.)

Я передал Баранову ваше письмо. Он решил сам ответить вам.

С глубоким уважением

Н. Д.

[1] Как вы увидите, к ним, в отличие от немцев (Г. Зибеля, Шеффле и др.) нельзя применить слова Лихтенберга: «Люди склонны думать, что они способны прочесть всякую книгу, в которой ничего не говорится о кривых линиях или алгебраических формулах, если они только понимают язык, на котором она написана. Но это в корне ложно»! (1778 г.). Примечание Николая —она. [2] [Правильно: в «Биржевых ведомостях».] [3] [«Вестник Европы» 1872 г., 7. Автор статьи — М. Прокофьев.]

16

[К. Маркс Николаю — ону.]

15 августа 1872 г

Дорогой сэр!

Надеюсь, что вы уже получили первую часть второго немецкого издания, которую я послал вам несколько дней тому назад. Я вышлю вам также первые

шесть выпусков французского издания, которые выйдут на-днях. Нужно сравнить оба издания, так как во французском я в некоторых местах сделал дополнения и изменения.

Ваше интересное письмо мною получено, и я отвечу на него на этих днях. Получил я также посланную вами рукопись и статью из «Вестника Европы».

Пишу сегодня второпях, чтобы обратиться к вам с просьбою по одному специальному делу самого неотложного свойства.

Бакунин все эти годы старался взорвать своими тайными происками Интернационал, но в последнее время до такой степени прижат нами к стене, что нашел себя вынужденным сбросить, наконец, маску и отколоться открыто от Союза вместе с руководимыми им глупцами. Он был главным руководителем нечаевского дела. Так вот, этому Бакунину было как-то предложено перевести на русский язык мою книгу. Часть денег за перевод была им получена вперед; но, вместе того чтобы доставить свой труд, он написал или велел написать некоему Любавину (так, мне помнится, звали человека, который вел это дело по поручению будущего издателя) в высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо. Это письмо могло бы мне весьма пригодиться, если бы я мог получить его немедленно. Так как это — чисто коммерческое дело и так как при пользовании этим документом не будет названо никаких имен, то я надеюсь, что вы добудете мне это письмо. Но не следует терять ни минуты времени. Если вы можете прислать мне это письмо, то нужно сделать это сейчас же, потому что в конце этого месяца я уезжаю из Лондона на Гаагский конгресс.

Искренно ваш

А. Вильямс.

17

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 9/21 августа 1872 г.

Милостивый государь!

Я надеюсь, что вы получили письмо, которое вы ожидали (с некоторыми пояснениями). [1] Вы из него увидите, что оно отнюдь не только коммерческого характера, и, при использовании его, этого не следует забывать. В особенности следует остерегаться некоторых русских, находящихся в Швейцарии: длинные уши и в особенности длинные языки были причиной несчастья «нашего общего друга». Тот, кто до меня сообщал вам сведения о «нашем общем друге», должен был бы вспомнить, с кем он говорил об этих делах. В будущем ему бы следовало остерегаться таких ложных друзей.

В мае я необдуманно писал вам, что о влиянии Б[акунина] не может быть и речи. Оказывается, однако, что от времени до времени его посещают, чтобы выразить ему свое поклонение.

Мне хотелось бы знать, верен ли слух, что Б[акунин] принимал участие в нападении, которому подвергся Ут[ин].

Не будете ли вы любезны сообщить мне о результате дела. Мне было бы также очень приятно, если бы вы мне прислали отчеты о заседаниях Гаагского конгресса.

Я очень благодарен вам за присланную мне книгу.

«Наш общий друг» просит сообщить вам, что «все мелочи, оставленные им у вас, он рассматривает как залог своего обязательства появиться у вас и что он постарается в скорости исполнить это свое намерение».

С глубоким уважением

Н. Д.

[1] Здесь есть нечто большее. 20 мая 1870 г. Ба[кунин] пишет, между прочим: «В половине февраля этого года я получил предложение от Комитета оставить все другие свои занятия (т. е. перевод) и переселиться в Женеву, чтобы посвятить себя исключительно русским делам. Я и многие другие ожидали осенью 1870 г. народного движения (что, собственно, не делает чести его проницательности). Это ожидание оказалось необоснованным (!)... В ожидании народного движения я хотел быть ему полезным всеми моими силами. Локарно 27 мая 1870 г.».

18

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 28 октября [9 ноября] 1872 г.

Милостивый государь!

Согласно вашему желанию, вам в конце августа было послано интересовавшее вас письмо. Тот, кому было поручено это дело, просил сообщить ему, получили ли вы это письмо или нет. Так как у нас нет об этом никаких сведений и мы поэтому опасаемся, что оно пропало на почте, между тем как при случае оно может пригодиться нам, то мы просим вас сообщить нам, получили ли вы письмо. Если вы его получили, то мы хотели бы узнать, могло ли оно оказать вам пользу, и вообще, в каком положении находится все дело.

Очень благодарен вам за первый выпуск французского перевода. Прошу вас быть любезным и сообщить мне, где появятся рецензии на него. На-днях я надеюсь послать вам написанную одним русским экономистом критику этого труда (рукопись).

С глубоким уважением

Н. Д.

На случай, если бы ваше письмо не застало меня, старый адрес остается в силе.

19

[К. Маркс Николаю —ону]

25 ноября 1872 г.

Мой дорогой друг!

Пересланное мне письмо пришло во-время и сделало свое дело.

Если я не написал вам ранее и если, даже в эту минуту, посылаю вам лишь несколько строк, то исключительно потому, что мне требуется получить предварительно от вас, если это возможно, другой, строго коммерческий, адрес, по которому я мог бы свободно писать вам.

Выдача Нечаева и интриги его учителя Бакунина заставляют меня сильно беспокоиться за вас и за нескольких других друзей. Ведь эти люди способны на всякую гнусность.

Я не могу достаточно сильно выразить мою благодарность за внимание к моим трудам и за хлопоты, которыми обременяете себя вы и другие русские мои друзья.

Искренно ваш

А. Вильямс.

Пожалуйста, ответьте на эти строки как можно скорее.

20

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 21 ноября [3 декабря] 1872 г.

Милостивый государь!

«Наш общий друг» пишет между прочим:

«Друзья, я не знаю, известно ли вам, что в ночь со второго на третье августа я покинул Иркутск, чтобы больше в него не возвращаться. Но... после десятка неудавшихся попыток путешествовать комфортабельно я сочинил план, на который мои друзья смотрели как на безумный. Этот план требовал от меня мужества, физической силы, выдержки, крепкого здоровья и еще раз мужества...

«Раздобыв ружье, я отправился на двухвесельной лодке (душегубке) вниз по Ангаре. Я греб изо всех сил, так что делал по семьдесят, восемьдесят, сто и даже сто двадцать верст в один день. Ночи я проводил либо на островах, либо в прилегающей к реке тайге, а позже и в глухих деревушках. Питался я то взятой с собой провизией, то плодами охоты, то черным хлебом, который я покупал. Целые дни проводил я под лодкой, укрываясь от ливней. Я назывался различными именами и приписывал себе разные профессии. Когда я счастливо миновал все знаменитые пороги Ангары, среди оглушающего шума воды, окруженный огромными волнами, окатывавшими мою лодку снизу до верху, между скал, которые возвышались со всех сторон, я достиг реки Енисея, сделав в двадцать четыре дня 2 500 верст. Тут я решил пробраться через тайгу на так называемый Староачинский тракт. Мне пришлось в течение немногих часов встретить до десяти свежих медвежьих следов; мучимый всевозможными насекомыми, я благополучно добрался до Западной Сибири и 2 сентября был уже в Томске. Эта удача влила в меня так много доверия к себе, что я в течение пяти дней своего пребывания в Томске совершенно не менял своей наружности и ходил по городу так же беззаботно, как я это делал в Париже и Лондоне. В результате этого я был 6 сентября арестован среди бела дня на главной улице...

. . . . . .

«Когда я подумаю, что мог бы теперь быть в Лондоне... Чего еще мне жалко, так это дневника, который я вел во время своего путешествия и который, наряду с некоторыми юмористическими заметками, заключал в себе много заметок, касающихся географии, этнографии, филологии, естествознания, экономии, политики и т. д.»...

Если вы не желаете пользоваться теперешним адресом, то пишите по старому, он вполне надежен (т. е. г. Стулову, Г. Б.)

Здесь все спокойно (что касается Б[акунина)].

С нетерпением ожидаю вашего ответа на мои прежние письма. О здешних делах в другой раз.

С глубоким уважением

Н. Д.

21

[К. Маркс Николаю —ону]

12 декабря 1872 г.

Дорогой друг!

Из прилагаемого вложения вы узнаете результаты Гаагского конгресса. В заседании следственной комиссии по делу Alliance'а я прочел письмо к Любавину, под условием строжайшей тайны и не называя имени адресата. Однако тайна не была соблюдена, во-первых, потому, что в комиссии заседал в числе прочих бельгийский адвокат Сплингард, который был в действительности просто агентом альянсистов, а во-вторых, потому, что Жуковский, Гильом и К° (в предвидении грядущего и ради его предотвращения) заранее рассказывали направо и налево это дело, конечно по-своему и с апологетическими прибавками. Вследствие этого комиссия, в своем докладе конгрессу, была вынуждена сообщить относящиеся к Бакунину факты, содержавшиеся в письме к Любавину (причем я, понятно, не назвал его имени; но друзья Бакунина знали уже о нем из Женевы). Спрашивается теперь: имеет ли право комиссия, назначенная для опубликования протоколов конгресса (в составе которой нахожусь и я), сделать публичное употребление из этого письма или же — нет? Решение этого вопроса зависит, конечно, от Любавина. Однакоже считаю нужным заметить, что со времени конгресса эти факты, без всякого нашего содействия, давно уже обошли всю европейскую прессу. Принятый этим делом оборот тем неприятнее для меня, что я рассчитывал на безусловную скромность и требовал ее самым настойчивым и торжественным образом.

Вследствие исключения Бакунина, а также Гильома [из Интернационала], их Alliance, держащий в своих руках наши секции в Италии и Испании, немедленно открыл повсюду против нас клеветническую войну и, в соединении со всякими испорченными элементами, стремится вызвать распадение на два лагеря. Однако его окончательное поражение несомненно, и он только поможет нам очистить Интернационал от нечистоплотных и слабоголовых элементов, вкравшихся в него там и сям.

Злодейское покушение друзей Б[акунина] на бедного У[тина], совершонное в Цюрихе, есть несомненный факт, и сам Утин находится в эту минуту в очень опасном положении со стороны здоровья. Это разбойничье дело уже рассказано во многих газетах Alliance'а (между прочим, в мадридской «Emancipacion») и будет фигурировать во всех подробностях в нашем публичном отчете о Гаагском конгрессе. Та же самая разбойничья шайка произвела еще два таких же нападения на своих противников в Испании. Вскоре она будет пригвождена к позорному столбу перед целым светом.

Судьба нашего милого «общего друга» глубоко волнует всю мою семью.

У меня есть план — помочь ему путем дипломатического вмешательства из Константинополя. Может быть, это удастся.

Присланная вами рукопись [1] все еще находится у меня, так как У[тин] не в состоянии заняться ее печатанием, а Элпид[ин] принадлежит к той же шайке негодяев. Рукопись очень интересна.

С нетерпением ожидаю обещанной критики (рукописной), а также всякого печатного материала, которым вы обладаете по этой части. Дело в том, что один из моих друзей желает написать статейку касательно приема, встреченного моей книгой в России.

Печатание французского перевода приостановилось вследствие одной несчастной случайности, но через несколько дней оно начнется снова. Готовится также итальянский перевод.

В заключение еще одна просьба. Мой зять, французский эмигрант, доктор медицины Лафарг, желал бы, если это возможно, посылать в какой-либо русский журнал периодические сообщения или по естественным наукам, или же об общественно-политических событиях в Италии и Испании (а также и во Франции). Но его материальное положение не позволяет ему делать этого даром, и, кроме того, он может доставлять свои статьи лишь на французском языке.

Мне очень хотелось бы получить книгу профессора Зибера (Киев) о «Рикардо и его теории стоимости и капитала», так как в этом сочинении говорится, между прочим, и о моей книге.

Дружески преданный вам

А. Вильямс.

Во втором томе «Капитала», в отделе о поземельной собственности, я намерен заняться очень подробно русской ее формою.

Еще одно. Мне хотелось бы напечатать что-нибудь о жизни и деятельности Черн[ышевского], чтобы вызвать сочувствие к нему в Западной Европе. Но для этого мне нужны фактические данные.

[1] [«Письма без адреса» Чернышевского.]

22

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 15 [22] декабря 1872 г.

Милостивый государь!

Вы хотите хлопотать за «нашего общего друга» в порядке дипломатическом. Мне кажется, однако, что всякая просьба, исходящая не от родных, а тем более исходящая от иностранцев, в состоянии ему только повредить, так как она может придать данной личности важность в глазах правительства. Но это зависит от средств, какие вы хотите применить.

Я послал вам Зибера и, кроме того,— в качестве материала по вопросу о русской земельной собственности — Скребицкого и книгу Головачева «10 лет реформ». Во избежание всяких недоразумений, я должен сообщить вам, что посылка книг у нас оплачивается только до границы, так что вы, вероятно, должны будете заплатить за отправку их от границы до Лондона. Я не могу ничего изменить в этом. Около двух лет назад я, во избежание этого, по

просьбе «нашего общего друга», послал вашей дочери с английским судном несколько русских опер; я не знаю, получила ли она их. Я хотел бы знать, какое впечатление произвели на вас и ваше семейство эти оперы.

Я надеюсь, что просьба ваша касательно вашего зятя может быть удовлетворена. В один журнал («Знание») можно посылать статьи во вопросам естествознания (условия: 50 рублей за печатный лист оригинальной работы и 35 рублей за лист реферата, компиляции), а в другой — статьи по различным социальным вопросам, касающимся Западной Европы. Но непременно требуются пробные статьи.

Что касается сведений о жизни и личности Ч[ернышевского), то я попытаюсь достать их и прислать вам. Здесь приходится принимать в расчет те же соображения, что и в деле «нашего общего друга». Мне кажется, однако, что 1) положение Ч[ернышевского] не может быть ухудшено, 2) описание его научной и публицистической деятельности не может ему повредить, 3) пора, наконец, сделать известным это возмутительное юридическое убийство.

Обвинение обосновывалось, между прочим, на одном подложном письме. Ему не было позволено приводить доказательства в свое оправдание. Кроме того, его обвиняли за его писания (выходившие под цензурой!). Его обвиняли в сношениях с эмигрантами, а именно он написал письмо Герцену, в котором приглашал его прекратить свою публицистическую деятельность, так как она, по мнению автора, вместо того чтобы приносить пользу, оказывает лишь решительный вред. Я постараюсь достать этот процесс и пришлю его вам. Я не думаю, чтобы я мог раздобыть достаточно материала для его биографии. Между прочим, его статьи, вырванные из книжек журналов, образуют двенадцать томов, и их невозможно собрать. Он написал критические, полемические, экономические (которые вы большей частью получили), исторические, библиографические и т. д., и т. д. работы, и лишь по этим работам можно судить об его большой учености, эрудиции. Он перевел: «Политическую экономию» Милля, «Историю XVIII века» Шлоссера (причем он обещал два тома своих примечаний, чего он, к сожалению, не мог выполнить), шесть томов «Всеобщей истории» Ш[лоссера] и часть «Истории XIX века» Гервинуса.

Л[юбавин] готов исполнить ваше желание, т. е. сделать публичное употребление из письма, но при следующем условии: так как документ был доставлен Л[юбавиным], так как при этом он выступает в качестве обвинителя, так как он не хочет взять на себя роли анонимного обвинителя, так как он убежден, что подобный документ должен быть напечатан полностью, то он желает, чтобы было выставлено его имя. Только при этом условии он готов исполнить ваше желание.

С глубоким уважением

Н. Д.

23

[К. Маркс Николаю —ону]

18 января 1873 г.

Дорогой друг!

Вместе с вашим письмом я получил Зибера, Головачева и пять томов Скребицкого. Право, мне, наконец, совестно, что вы входите для меня в такие большие издержки. Сердечно благодарю вас за все!

Оперы тоже были получены в свое время и доставили моей дочери большое удовольствие. [1] Но она думала, что они были высланы ей одной знакомой русской дамой, а теперь просит меня передать ее живейшую благодарность неизвестному доброжелателю. [2] «Знание» еще раньше само обращалось ко мне с предложением сотрудничества, но у меня нет времени для подобных работ. Что касается Лафарга, то он пошлет через вас свою пробную статью.

Относительно Ч[ернышевского] скажу, что это ваше дело решить: должен ли я говорить только об его научных заслугах, или же могу затронуть и другую сторону его деятельности. Во втором томе моего сочинения он будет фигурировать, конечно, только как экономист. Значительная часть его сочинений мне известна.

Что касается «нашего общего друга», то вы можете быть уверены, что я предприму то, о чем уже говорил,—пока я все еще ожидаю некоторых сведений по этой части из Константинополя,— но я, конечно, не сделаю ничего такого, что могло бы компрометировать его или кого бы то ни было.

Что касается Л[юбавина], то я предпочту, скорее, выбросить из готовящегося к печати следствия всю относящуюся к нему часть, чем подвергнуть его самомалейшей опасности. С другой же стороны, смелость есть, может быть, наилучшая политика. К тому же, судя по одному печатному произведению, выпущенному Бакуниным в Швейцарии не от собственного лица, а от имени одного из его славянских друзей, они намереваются представить публике свой собственный отчет о всей этой сделке, как только обстоятельства позволят им сделать это. Нескромность, совершонная их сообщниками в Гааге, была умышленной и, как я предполагаю, была рассчитана на то, чтобы запугать их обвинителей.

Но, с другой стороны, я не могу судить о том, к каким последствиям может повести опубликование этого дела, а потому я желал бы, чтобы наш друг сообщил мне через ваше посредство свое окончательное решение, после того как он еще раз спокойно пересмотрит и обсудит этот вопрос.

Второй выпуск французского перевода появится только через несколько дней. Задержки в выходе вызываются всякого рода случайностями, которые затрудняют в настоящее время всякое дело в Париже при существовании там осадного положения. Трудно поверить, сколько работы требует от меня пересмотр этого перевода; вероятно, мне стоило бы гораздо меньшего труда, если бы я с самого начала выполнил все дело сам. И притом, благодаря всем этим редакционным заплаткам и заштопкам, весь перевод носит характер литературного кропанья (Stümperwerk).

В последних номерах парижского «Экономиста» за прошлый год имеется критика Блока на мою книгу; она служит новым доказательством полного падения теоретической мысли у научных представителей среднего сословия.

С наилучшими пожеланиями на Новый год, дружески преданный вам

А. Вильямс.

[1] [Речь идет о русских операх «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», пересланных Николаем —оном, по просьбе Г. А. Лопатина, старшей дочери Маркса, Женни, чтобы познакомить ее немного с русской музыкой. См. письмо 22.] [2] [На посылке не было обозначено имени отправителя.]

24

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 16/28 января 1873 г.

Милостивый государь!

Очень благодарю вас за 5—6-й выпуски «Капитала», которые я получил из цензуры.

Что касается опубликования письма, то дело обстоит попрежнему. Л[юбавин] настаивает непременно на том, чтобы его имя было выставлено. Если вы имеете случайно под рукой газету, в которой была описана эта история, то я вас попрошу вырезать эту статью и переслать мне.

Мне очень жаль, что я не могу сдержать свое обещание и прислать вам работу Юлия Жуковского о «Капитале». Так как автор вынужден отказаться от литературной работы, то он уничтожил все рукописи.

Около двух лет тому назад «наш общий друг» просил меня, во время своего пребывания здесь и позже в своих письмах оттуда, переслать вашей дочери несколько опер, чтобы тем как-нибудь отблагодарить ее за услуги, которые она ему оказала в качестве учительницы английского языка, и впоследствии он в своих письмах справлялся, выполнил ли я его просьбу. В следующем письме я передам ему благодарность его бывшей учительницы.

На этих днях я получил письмо от «нашего общего друга», в котором он, между прочим, сообщает о слухе, что Ч[ернышевский] сошел с ума. Этот слух, по его словам, очень правдоподобен, потому что в последнее время Ч[ернышевский] был лишен физических удобств (пищи, белья и т. д.), и это в местности, климатические условия которой такие же, как на Новой Земле и Шпицбергене.

Чтобы получить данные о жизни Ч[ернышевского] я обратился к его друзьям. Один из его друзей, который с юности был с ним вместе и поэтому отлично его знал, боится теперь произнести его имя. Но этого мало. Когда он в 1866 г. получил от Ч[ернышевского] роман, который носит чисто эпический характер, в котором автор относится к своему герою точно так, как Теккерей к Пенденнису, роман, рисующий общественное движение 40-х годов в столице и в провинции, впечатление, произведенное Крымской войной на общество и общественное движение, явившееся результатом ее, освобождение крестьян и т. д.,— когда, стало быть, он получил этот роман, то он не нашел ничего лучшего, как этот роман... сжечь!.. И от такого человека я надеялся узнать что-либо близко касающееся Ч[ернышевского]! Другой друг Ч[ернышевского] обещал мне собрать все желаемые сведения; он не ручается, однако, что эти сведения будут полны. Я его особенно просил достать мне сведения о публицистической деятельности Ч[ернышевского], потому что он как раз в это время был дружен с ним. Достойно внимания, какое впечатление он производил на своих литературных противников: все журналы были заняты им, все они неодобрительно отзывались о нем. И если его имя появляется теперь в газетах, то лишь как ругательное слово...

Я посылаю вам сатиры единственного уцелевшего умного представителя литературного кружка Добролюбова — Щедрина. Его типы при самом появлении своем сделались столь же популярными, как типы Островского и т. д. Никто не

умеет лучше, чем он, подмечать тривиальную сторону нашей общественности и высмеивать ее с бо́льшим остроумием. Кро́ме нечаевского (277) и мясниковского (101) дел, международного статистического конгресса (277 — 305) и т. д., вы найдете здесь характеристики типа, который вы уже знаете, но который у нас появляется лишь сейчас и представителями которого, между прочим, являются «С.-Петербургские ведомости» и «Вестник Европы», — типа умеренного либерала (пенкосниматель у Щедрина), V, IV, типа концессионера и т. д.

С глубоким уважением

Н. Д.

25

[К. Маркс Николаю —ону]

Лондон, 22 марта 1873 г.

Мой дорогой сэр!

Вы очень обязали бы меня, сообщив кое-какие сведения касательно взглядов Чичерина на историческое развитие общинного землевладения в России и о его полемике по этому поводу с Беляевым. Тот путь, которым эта форма собственности обосновалась (исторически) в России, представляет, конечно, второстепенный вопрос и вообще не имеет никакого отношения к вопросу о значении этого учреждения. Однако немецкие реакционеры, вроде берлинского профессора А. Вагнера и ему подобных, пользуются этим оружием, предоставленным в их распоряжение Чичериным. К тому же, все исторические аналогии говорят против Чичерина. Как могло случиться, что в России это учре́ждение введено было как чисто фискальная мера—как сопутствующее проявление крепостничества,— тогда как во всех других странах это же самое учреждение возникло естественным путем и представляет необходимую фазу развития свободных народов?

Истинно ваш

А. Вильямс.

26

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 20 марта [1 апреля] 1873 г.

Милостивый государь!

Когда я узнал, что вы хотите писать о русских земельных отношениях, я начал собирать сведения, имеющиеся по данному вопросу в русской литературе. Чтение книги Иегера «Современный социализм»[1] побудило меня сообщить вам по этому вопросу исторические данные. Оказывается, что вы обнаруживаете то же самое желание. Но теперь невозможно послать вам эту полемику; до того я должен вырвать из журналов соответствующие статьи. Мне кажется, что статья Ч[ернышевского] «Чичерин как публицист» вам не известна. Это блестящая критическая работа, в которой автор с едким юмором опровергает главные мысли Ч[иче]рина. Эту работу я вам также пришлю вместе с главными сочинениями по вопросу о земельной собственности. Историческая сторона этого вопроса сравнительно мало обработана. К сожалению,

книгу Беляева («Крестьяне на Руси») я нигде не мог найти, между тем в ней приводится масса интересных фактов. Кое-что вы можете найти в работе К. Славатинского «Дворянство в России». Если вы можете получить «Киевские университетские известия» за 1870—1872 гг.,[2] то вы там найдете статью о положении крестьян в России начиная с царствования Бориса Годунова. Некоторый материал дадут вам «История гражданских законов в России» Неволина и «Русское гражданское законодательство» Победоносцева (если они отсутствуют в Британском музее, то я их пришлю вам). На-днях вы получите полную библиографию этого вопроса вместе с брошюрами и книгами, которые мне удастся достать. Но, помимо исторической стороны дела, интересно проследить причины разложения общины в настоящее время, чтобы показать, что освобождение крестьян не имело никакого непосредственного влияния на это (Ад. Вагнер утверждает, наоборот, в своей брошюре «Die Abschaffung etc.», стр. 47, что крепостное право и община тесно связаны между собой и что отмена первого влечет за собой разложение последней). В своих прежних письмах я имел повод указать на некоторые условия, вызывающие это явление.

С глубоким уважением

Н. Д.

Ч[ернышевский], родившийся в Саратове в 1830 г., был сыном священника. Он воспитывался в духовной семинарии (саратовской). Его отец, имевший большие познания в языках, передал их своему сыну. Неудовлетворенный теми знаниями, которые дала ему семинария, Ч[ернышевский] оставил это заведение в возрасте 16-ти лет и поступил в Петербургский университет. В Петербурге он познакомился с Введенским, переводчиком Диккенса, оказавшим некоторое влияние на его развитие тем, что он познакомил его с иностранной литературой. К этому времени относится сделанный им перевод повести «Dodd's family abroad». Посещая филологический факультет, он продолжал свои лингвистические занятия. 1847 год является критическим в его духовной жизни: так как филология его больше не удовлетворяла, то он обратился к изучению политической и социальной жизни Европы; своим занятиям он отдавался с меньшим усердием, чем раньше. 1848 год оказал на него большое влияние; он имел тогда обыкновение посещать кофейни, чтобы следить за иностранной политической печатью. В 1850 г. он окончил свои занятия в университете. Написанная им для получения степени магистра диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности», СПБ., 1856 г. (ее теоретическая основа явилась исходным пунктом критической деятельности Чернышевского и Добролюбова), была отвергнута университетом. По окончании университета он постепенно отошел от филологических занятий, с тем чтобы заняться немецкой философией, экономическими и политическими науками. Все же его первые печатные работы — филологического содержания, а именно: «О взаимоотношении между славянским языком и санскритским», а также разбор филологической деятельности Гильфердинга («Отечественные записки», 1853 г.). В 1850 г. он принял должность учителя русского языка в кадетском корпусе, где оказал большое влияние на других преподавателей. О влиянии отдельной личности не может

быть и речи, так как лица, знавшие его, утверждают, что он возвышался над всеми, с кем имел общение; все изумлялись его учености. В 1852 г. он был вынужден, по семейным обстоятельствам, вернуться в Саратов, где он занял место учителя гимназии. В 1853 г. он вернулся в Петербург и стал принимать деятельное участие в «Отечественных записках» и в «Современнике». С 1855 г. «Современник» выходил под его редакцией и следуя его программе; с 1858 г. он стал работать в сотрудничестве с Добролюбовым. В июне 1862 г. он был арестован по обвинению в государственной измене на основании анонимного письма; в марте 1864 г. был признесен над ним приговор, согласно которому он был сослан в Сибирь на семь лет каторжных работ.

Как вы видите, эти подробности очень недостаточны. Их нужно дополнить данными: 1) об его духовной жизни, 2) об его литературной деятельности и 3) об его процессе. Что касается первого пункта, то мне о б е щ а л и достать его переписку; что касается его литературной деятельности, то одно лицо, очень хорошо знавшее его, обещало мне дать описание соответствующих фактов.

Весьма точная биография его напечатана в «Колоколе» Герцена (1864 г.) Здесь этого года не имеется.

Н. Д.

[1] Held's «Die deutsche Arbeiterpresse d. Gegenwart u. dgl.» У Иегера очень занятно по своей наивности определение социализма. [2] Здесь они запрещены.

27

[Н и к о л а й —о н К. М а р к с у]

Петербург, 10 [22] мая 1873 г.

Милостивый государь!

У Б е л я е в а, книга которого «Крестьяне на Руси» является лучшей монографией о социальном положении крестьян в ходе исторического развития, на мой взгляд, много недостатков. И прежде всего я назову славянофильство автора, которое затемняет взор его и мешает ему видеть вещи такими, какими они были. например, в эпоху Ивана IV. Но об этом после. 2) Далее, как заметили уже его рецензенты Устрялов и Вешняков, он написал не историю крестьян вообще, а историю крепостного права. 3) Так как он не пишет вовсе историю, то он сообщает главным образом только факты, без всякой связи их с другими социальными явлениями. Он почти никогда не указывает на общие причины, имевшие те или иные следствия. Так, например, у него не встречается даже названия монголов, в то время как этот народ, произведший переворот во всей жизни русских, оказал известное влияние и на жизнь крестьян. Как мы увидим впоследствии, монголы, перенесшие на русскую почву свои государственно-правовые идеи, совершили действительно радикальный переворот в земельных отношениях. Но Бел[яев], повторяю, не упоминает даже о монголах. Но, несмотря на свои недостатки, его история до сих пор наилучшая в своем роде.

Не довольствуясь знакомой мне литературой по этому вопросу (см. ниже), я просил нашего историка Костомарова назвать мне источники. Выдвинув перед

ним вышеуказанные соображения, я прибавил к этому, что Беляев описывает очень точно положение общины в XVI веке, но ничего не говорит об ее положении в XVII и XVIII столетиях. К[остомаров] ответил мне на это: «Этот вопрос не был разработан, и вообще вопрос о земельной общине еще ждет своего историка». *Я:* Б[еляев] не говорит ничего о том, как повлияли на земельные отношения крупные политические события. Так, например, у него нельзя найти нигде указания насчет действия на эти отношения монголов, между тем у Неволина я нашел замечание, что монголы, вместе с завоеванием России, внесли в русскую жизнь «начала своего государственного права, по которому вся земля, находившаяся под властью хана, была его собственностью» (Неволин, «История гражданских законов», т. IV, стр. 136, 151). Кост[омаров]: «Это бесспорно: русское государственное право — монгольского происхождения». *Я:* Б[еляев], рассматривая царствование Ивана IV как эпоху, когда крестьянская община пользовалась величайшей самостоятельностью, говорит в то же время (стр. 99, 98), что в это же самое царствование «была особенно развита раздача земель в поместья и вотчины служилым людям». К[остомаров]: «Эти люди совершенно не понимают характера Ивана IV. Он был пешкой, в его царствование нужно отличать два периода, в зависимости от лиц, имевших на него влияние». (Ср. его характеристику Ивана IV в «Вестнике Европы» за 1872 г.).

Я не вполне согласен с ним. Что представлял собой Иван как личность, это — дело второстепенное. Чтобы выяснить вопрос, возможны ли те или иные отношения или явления, разумеется, очень важно составить себе ясное представление о всем характере общественной жизни в известную эпоху. Определив на основании подобных исследований основу, на которой зиждется вся государственная жизнь, можно довольно правильно решить, возможно ли то или иное влияние. Русская история распадается на два очень резко отличающихся друг от друга периода: до-монгольский и после-монгольский. Для изучения государственного права в до-монгольский период могут, между прочим, послужить сочинения: Сергеевича — «Вече и князь», СПБ., 1867, и Хлебникова — «Общество и государство в до-монгольский период», С.-Петербург, 1872. Здесь можно видеть, как постепенно идея древне-русского (или, лучше, древне-славянского) государственного права, — полнейшая экономическая и политическая автономия отдельных княжеств и общин, право веча по произволу выбирать и смещать князей, право законодательства, суда и т. д., — как эта идея постепенно вытесняется чуждым монгольским элементом. [1]

Очень важно с этой точки зрения изучить эпоху Ивана III и IV. Очень важно изучить те средства, при помощи которых князья стали из лиц, вполне зависевших от веча, хозяевами всей русской земли. Чтобы еще более убедиться в роли, сыгранной монголами, надо в особенности обратить свое внимание на такие земли, которые меньше всего подверглись татарскому господству — именно на северно-русские области: Новгород, Псков и Вятку. Важным вспомогательным источником может служить здесь произведение Костомарова «Северно-русские народоправства», СПБ., 1863. «Князь, — говорит автор (стр. 54),—не мог приобретать в новгородской земле имений ни покупкой, ни принятием в дар, не мог брать закладников, т. е. совершать сделок; это же распространялось и на его дружинников...» (стр. 155). Князь не мог лишать волостей, раздавать их

в собственность. «Непосредственно перед своей гибелью Новгород заботится о том, чтобы «великий князь в боярские вотчины не вступался» (стр. 220). Но великий князь требует, «чтобы Новгород дал нам села и волости» (стр. 224), и говорит: «взять мне половину всех волостей владычных монастырских во всей земле (новгородской), а Новоторжские все — где бы то ни было» (стр. 225). В 1548 г. имения (новгородские, владычные, архиерейские и боярские, были раздаваемы московским детям боярским» (стр. 235). [2]

Так община, — корни которой кроются в доисторической эпохе со времени прибытия варяжских князей, — не только начинает вводить в законодательство свое обычное право, но идея ее настолько глубоко проникла в древне-русскую общественную жизнь, что она перешла и в политическую жизнь. Какой характер носила эта община — можно увидеть из названных ниже сочинений.

Так, Щапов, пишущий теперь историю цивилизации в России (отдельные части этого труда можно найти в периодической литературе. Цитируемое мною место заимствовано из главы: «Миросозерцание, мысль, труд, женщина в истории русского общества»; в главе этой показано, следовательно, под влиянием какого мировоззрения развивалась древне-русская община), — так Щапов говорит: «В первобытные времена фетишический страх таинственных сил природы и грубой физической силы человеческой был первым естественно-психологическим мотивом к соединению первоначальных физиолого-генеалогических, родовых союзов в гражданское общество, на первый раз в форме первобытных общин... Этот... общинно-устроительный процесс совершался, таким образом... при всеобщем страхе таких непостижимых сил природы, которые обусловливали, например, неудачу в хищнической войне, в звериных и иных промыслах, в сохранении жизни и т. д.; разрозненные славянские роды, жившие в лесах, все более и более чувствовали потребность в общих, взаимно-вспомогательных средствах сохранения и обеспечения жизни... Им необходимо было наибольшее число таких «сильных мужей», «храбрых воинов», богатырей, которые бы защищали, охраняли и спасали их от... страшных хищных зверей, татей и разбойников... В общине, в миру не страшно было жить и в диком черном лесу, среди страшных хищных зверей: на миру и смерть была красна... Далее, страх грубой физической силы таких «сильных мужей», как богатыри-разбойники, тати и убийцы, был новым естественным побуждением, вызвав «маломочных смердов» к соединению в общины, к основанию «вервей»,[3] «миров». И в то же время страх этот был одним из самых первых естественных мотивов к распространению общинной колонизации по северо-востоку Европы, колонизации так называемых «черных земель» и «черных диких лесов». Страх насилия сильных мужей — татей и разбойников... невольно заставлял искать убежища в лесах и жить в беспрестанном ожидании насилия, грабежа, разбоя, хищничества. «Оттого у них, — говорит Маврикий, — недоступные жилища в лесах, при реках, болотах и озерах; в домах своих они устраивают многие выходы на всякий опасный случай... вообще живут большею частью в страхе». Φοβῶ μᾶλλον ἢ Σῶρος ἐιοντες. При таких опасениях всем маломочным людям не оставалось никакого другого спасения, никакого другого средства самосохранения и самообеспечения от насилия сильных мужей, как только уходить в лес и там соединяться в общины и совокупными, общими силами бороться с деспотической, порабощающей, хищнической силой сильных мужей». И вот, в эпоху

разложения родового быта..., когда вообще «вставал род на род»..., в эти времена полнейшего господства грубой физической силы и права сильного, созидались общины, миры. Страх этой силы... невольно... заставлял всех маломочных смердов заключать между собою согласие... составлять общины или, по выражению «Русской правды», «вкладываться в виру, из дружины прикладываться к вире, к людям», к миру, с тем, чтобы всею «дружиною», «всем вложившимся в виру людям», сообща, общими силами искать всякого зловредного сильного человека, «убийцу, татя, разбойника», и выдавать его «на поток и разграбление» («Русская правда», сб. Калачева (LXXXVIII — XC). «Иже будет кто убит в своде или в пиру, явлено ему платити по вервине (т. е. по складу общины, мира); а иже убьют огнищанина в разбои и убийцы не ищут, то вирное платити, в ней же вире (верви) голова начнет лежати», т. е. той общине, где найдут убитого. Точно так же «Русская правда» предписывала общинам совокупными силами охранять от хищнической и разбойнической силы свои общинные угодья: «аще будет рассечена земля, или на земли знамение есть, им же повинно, или сеть, то по верви (миром) искати в соби татя; еще кто украдет бобр или сеть, или разломает борть, или посечет дерево на межи, то по верви (миром) искати татя в собе» (Щапов, Миросозерцание и т. д. — «Отечественные записки, 1873, март, стр. 66 — 69). Леонтович, «Древне-хорвато-далматское законодательство», стр. 92. «Круговая порука была одной из главных основ администрации Полицких общин. Это начало с полной силой выступало в особенности по вопросу о внутренней и внешней безопасности общин. Платеж дикой виры (как в «Русской правде») — главное проявление круговой поруки — составлял повинность общин, несших ответственность за своих членов: в Полицком статуте вражба (дикая вира) прямо отнесена к числу общественных «данак», стоит рядом с десятиною и т. п. государственными повинностями (Полицкий статут, стр. 14). Неся ответственность за своих членов, община обязана была «стати», защищать их от нападений и обид, пользовалась широким правом мести против чужих и своих... (р. 9). Члены общины, в силу солидарности отношений, обязаны были содействовать своими частными средствами общественному порядку и благочинию... Всякий должен «чуваши» открывать и преследовать явных преступников и нарушителей земского мира, иногда под угрозой значительных штрафов (зарок)...» (Леонтович, Древнее хорвато-далматское законодательство — в «Записках Новороссийского университета, 1868, Одесса).

Под влиянием тех же самых или почти тех же самых побуждений происходило образование торгового класса как некоторого целого (ср. Костомаров, «Северно-русские народоправства», СПБ., 1863, т. II, стр. 223 и сл., и Никитский, «Очерк внутренней жизни Пскова», СПБ., 1873, стр. 168 — 170). В течение всего до-монгольского периода общинные права все более и более укрепляются. При татарском господстве политическое значение народа все более и более падает. Все силы направлены на свержение ненавистного ига. Московские князья, которые являются теперь уже не избранниками народа, а татарскими наместниками, приобретают все бо́льшую и бо́льшую силу. Начинается политическая и административная централизация. Иван III, собиратель русской земли, до того пропитан татарским духом, что он раздает не принадлежащие ему земли. Оба эти явления (собирание земли, централизация и раздача земель в поместья), несомненно, носят не случайный характер. Очень интересно проследить у Неволина (собра-

ние сочинений, т. IV, историю поместья. Первоначально поместья раздаются служилым людям как жалование за их службу; впоследствии их дети получают право распоряжаться этими землями; наконец понятие поместья связывается с понятием вотчины.

В московский период русской истории можно различить следующие земли: 1) Черные — принадлежащие непосредственно общинам. 2) Вотчины боярские, владычные или архиерейские и монастырские... Последние по происхождению были исстаринные, т. е. уступленные волостью, городом; жалованные, т. е. подаренные князем (позднейший период); вкладные, т. е. пожертвованные частными лицами, и, наконец, приобретаемые покупкой... Сначала монастыри могли свободно приобретать земли, но Иван IV ограничил это право... В соборном приговоре 11 мая 1551 г. сказано: «Вперед архиепископам, епископам и монастырям вотчины без царева великого князя ведома и без докладу не покупати ни у кого, а князем и детям боярским и всяким людям вотчин без докладу не продавати жь»... Здесь же было определено отобрать у монастырей земли, приобретенные незаконно (следовательно, были и такие): «А которые царевы великого князя поместные и черные земли задолжали у детей боярских и у христиан и насильством поотоймали владыки и монастыри или которые земли писцы наровя владыкам и монастырям подавали, а сказывают владыки и монастыри те земли своими, а иные починки поставляли на государевых землях: а того сыскати чьи земли были исстари и затем те земли и учинити» («Акты археографической экспедиции», т. I, № 227). Равным образом не было дозволено, без государева позволения, отказывать земли по духовной. В том же приговоре 1551 г. читаем: «А которые те вотчины свои в монастыри по душам до сего государева приговора отдавали без государева докладу, и те вотчины имати на государя, да за них по мере деньги платити, да те вотчины отдавати в поместия». С развитием поместного права, вотчины все более и более принимают характер поместий и из частной собственности обращаются в государственное имущество» (Беляев, О поземельном владении в Московском государстве — «Временник императорского московского общества истории и древностей российских. Москва, 1851, р. 17). Следовательно, взгляды князей почти те же, что у татар, ибо подобное явление было невозможно в до-татарский период.[4] 3) Княжеские или подклетные земли, впоследствии дворцовые. Они возникли только после того, как князья укрепились в тех или иных частях России. Князь — безраздельный собственник подобных земель (стр. 19). 4) Поместные, т. е. такие, которые князья раздавали боярам и другим лицам, находившимся в их услужении, чтобы они жили на доходы с этих земель (ср. Неволин, т. IV, Беляев, Сергеевич, Костомаров и др). С распространением завоеваний увеличивалась и масса поместных земель (Беляев, стр. 26, 31). «К концу рассматриваемого периода (т. е. в эпоху Ивана IV),' — говорит Сергеевич, — в образе вознаграждения служилых людей произошло важное изменение, положившее начало новому порядку вещей. Вместо того, чтобы раздавать служилым людям свое золото и серебро, князья начали наделять их недвижимыми имуществами, с обязанностью служить до тех пор, пока длилось владение пожалованными недвижимостями... Отсюда явился класс людей, обязанных

службою великому князю... передавая же поместья только служилым людям, власть великого князя тем самым становилась вне зависимости от доброй воли его слуг. Первые следы нового порядка относятся к XIV веку... но сколько-нибудь значительного развития он достигает только к концу рассматриваемого периода». (Сергеевич, «Вече и князь», стр. 410, 411). Но не следует при этом забывать, что в прежний период князья, даже если их звали на княжение, не могли, согласно характеру своего положения, владеть вотчинами. В некоторых областях, как мы это видели, например в Новгороде, они, по смыслу своего договора с вечем, не могли владеть недвижимостью.

В каком состоянии находилась в это время земельная община? Какое влияние оказало на нее двухсотлетнее татарское иго? Из всего вышесказанного ясно, что все бремя централизации пало главным образом на нее. Если князья могли распоряжаться монастырскими и боярскими землями, т. е. такими землями, собственники которых пользовались известным влиянием, то ясно, что им не приходилось стесняться с беззащитными чёрными землями. Действительно, как возникли огромные княжеские земли? На чей счет развивались поместья? Утверждение Чичерина, что в эпоху Федора Ивановича было очень мало крестьянских земель, кажется мне очень правдоподобным. [5]

«Крестьяне, — говорит Беляев, — как мы знаем из многих памятников, преимущественно потому и оставляли общину и покидали данную землю, что им приходилось невмочь платить лежащие на земле подати, — вообще тянуть тягло». («Русская беседа», 1856, № 7, стр. 115). «Мы находим много жалоб со стороны общин, — говорит Чичерин, — на то, что члены их разошлись по разным местам, а остающиеся должны выплачивать подати за выбылых». («Опыты» и т. д. стр. 114). Общинная связь, первоначальной целью которой была защита членов общины, должна вместе с развитием централизации (а следовательно и бюрократии) утрачивать все более и более свое значение; община была слаба перед новым принципом, развившимся под защитой татар; все преимущества, дававшиеся соединением в общины, были уничтожены. Осталась только уплата непосильных налогов, которая была обеспечена круговой порукой общины. Из приведенных мест ясно, что Беляев и Чичерин согласны между собой в том, что это было одной из главных причин разложения общины. Костомаров, рисующий в своем Стеньке Разине очень мрачными красками положение крестьян в боярских и в монастырских владениях, Костомаров, говорящий, что «от всех тягостей, поборов, бесправия (например, хозяин мог посылать вместо себя крестьянина на истязание; если дворянин медлил явиться на службу или оказывал непослушание, вместо него наказывали крестьян и т. д.) много было причин к побегам», прибавляет к этому: «состояние посадских и черных волостей бывало нередко еще тяжеле, оттого тяглые бегали из своих общин и отдавались в крестьяне и холопы частным владельцам («Акты археографической экспедиции, т. III, стр. 144 — 145. Ср. также Горчаков, Монастырский приказ. СПБ., 1868, р. 37), [6] а правительство возвращало их на свои места. Посады и черносошные земли были обременены бесчисленными повинностями». Здесь автор описывает эти повинности... «Общинное устройство, по которому все это требовалось не с каждого лица, а с целой общины, увеличивало тягость повинностей... Злоупотребление служи-

лых людей, посылавшихся на кормление, дурные стороны правосудия увеличивали тягостное положение жителей. Воеводы, посылавшиеся на кормление, смотрели на должность как на доход... Они грабили иногда по-разбойничьи... Наглость их была особенно безмерна в отдаленных провинциях... Суды их были до крайности продажны... Сила выборного управления... упала... Выборы производились под влиянием воевод, и притом только богатыми членами общины... От всех злоупотреблений жители разбегались; пустели целые посады и большие села». «Удивительно, — замечает иностранец (Флетчер), — как люди могут выносить такой порядок и как правительство, будучи христианским, может быть им довольно. Суд в провинции был тяжел, и правительство, в виде льгот, давало грамоты, дозволявшие судиться не иначе, как в Москве... (понятно, как такой порядок должен был отозваться на крестьянах)» («Исторические монографии», т. II, стр. 222 — 234). «Все это показывает, что причины побегов, и вообще недовольства обычным ходом жизни, лежали во внутреннем организме государственного порядка... Пойманных наказывали кнутом и водворяли на месте жительства... но такие не уживались и бежали в леса, образуя разбойничьи шайки» (стр. 235). Вместе с торжеством монархии, централизации и с падением федеративной системы масса беглых ушла на юг, где они образовали казачество. Здесь собирались все недовольные новыми порядками. Все более и более развиваясь, «в половине XVI столетия казачество охватывало более чем пол-Руси, а народное недовольство гражданским порядком давало ему пищу и силу. В казачестве воскресли старые, полуугасшие стихии вечевой вольности: в нем старо-русский мир оканчивал борьбу с единодержавием» (стр. 211 — 212). В эпоху Стеньки Разина возникла борьба между старым и новым порядком, но первый, «не заключая в себе никаких новых жизненных начал, был бессилен, чтобы проложить новый путь русскому народу. Поэтому эпоха эта, громкая, кровавая, блестящая, оказалась для русского народа бесплодна». Но размеры восстания показывают, как велико было в народе недовольство новым строем. Вместе с казнью Стеньки этот строй окончательно восторжествовал.

На основании всего вышеизложенного мне кажется, что Чичерин прав в своем споре с Беляевым. Община, известная нам при крепостном праве, обязана своим существованием фискальным мерам. В отношении ее не придумали ничего нового; но после того как все развитие новой жизни лишило ее всех связующих мотивов, это же развитие дало правительству возможность скрепить насильственно, и притом тягчайшими цепями, распадающееся учреждение. Прежде члены общины были связаны общностью интересов; позже, когда община увидела свое бессилие и была близка к разложению, она была насильственно связана фискальными интересами правительства. Но отсюда не следует заключать, что общинный дух вымер: там, где община еще не потеряла своей силы, там, где она могла охранять интересы своих членов, там она сохранилась без внешней поддержки. Пример — артели.

* * *

В 1861 г. произошло освобождение крестьян. За этим наступил черед других реформ: судебной реформы, земской реформы, реформы военного дела и т. д. Каждая из этих реформ влекла за собой рост бюджета. Налоги выросли чудовищным

образом. Местные и земские бюджеты непрерывно растут. Вот один пример того, какие последствия вызывают налоги на местное производство: «В известной местности разводят много конопли; маслобойное производство свободно от налога. Крестьяне заводят во множестве маленькие маслобойки, помещающиеся в крестьянской избе, и бьют масло. Кому нужно масло — везет коноплю к масленику, платит ему за выбой масла и везет домой масло и жмаку — масло ест сам, жмаку отдает в корм скоту..., так что почвенные частицы возвращаются полям. Но вот явилось земство, земству нужны деньги... земство облагает маслобойки налогом. Это сейчас же отражается на всем маслобойном деле. Количество маслобоек уменьшается, они остаются только у богатых масленников, жмака сходится в одни руки и продается масленниками в большие хозяйства гуртом, en gros; еще увеличился налог — мелкие хозяйства совсем уничтожаются, являются хорошо организованные маслобойные заводы; крестьяне уже не возят бить коноплю на маслобойки, не возвращают к своему хозяйству жмаку, но продают коноплю и покупают в городе масло. Жмака скопляется в больших заводах и уже идет на откормку скота в больших хозяйствах и в городах, вывозится за границу или идет на топливо... почвенные части не возвращаются на поля, почва истощается... То же самое можно сказать относительно винокурен, пивоварен, крахмальных и сахарных заводов». (А. Энгельгардт, «Химические основы земледелия». — «Отечественные записки», 1873, апрель. Автор теперь сам сельский хозяин, прежде он был профессором химии.) Пресса и лица, которые имели возможность сами наблюдать факты, единодушно утверждают, что экономическое положение крестьян нисколько не улучшилось от освобождения их. Названный выше автор доказывает в своем сочинении «Вопросы русского сельского хозяйства», что сохранилась даже барщина, только под другим названием. «Самые выгодные в нашей местности хозяйства (в Калужской губернии), — пишет он, — те, в которых земля обрабатывается кругами за пользование покосами, лесами и т. п. Эти хозяйства, имея монополию относительно доставки крестьянам всего, что нужно, — лесов, покосов, выгонов, — за исключением денег, обрабатывают у них круги целыми деревнями, причем богачи-крестьяне имеют выгоду, а бедняки окончательно разоряются. Эти хозяйства не требуют ни оборотного капитала, ни агрономических знаний от хозяина. Все агрономические затеи в этих хозяйствах (машины, турнепсы и т. п.), — в том бестолковом виде, как они применяются, — просто блажь и выносятся хозяйством только потому, что труд достается крайне дешево, почти даром (стр. 219)... Крестьяне тех деревень, которые должны работать на подобных условиях, беднеют, и особенно незажиточные малосемейные дворы» (стр. 213). Можно привести много аналогичных примеров. Какое влияние могут иметь такие условия на общину? Такое же, как и в эпоху Ивана IV и Федора Ивановича. Члены общины начинают чувствовать бремя круговой поруки, и в особенности наиболее зажиточные из них. Разумеется, им невыгодно — при наличии круговой поруки и неплатежеспособности бедных членов общины — платить за других. Подобные зажиточные члены стараются выделиться из общины. В феврале 1870 г. они получили право оставлять общину. Но какое отношение имеет теперешнее разложение общины к общинному принципу?

Разумеется, община может сохраниться до тех пор, пока она в состоянии удовлетворять требованиям своих отдельных членов. Но если, под влиянием внешнего давления, она не в состоянии удовлетворить этих требований, то она теряет свой raison d'être. Но, независимо от этого, тот принцип ассоциаций, которого требует теперешняя экономическая жизнь, имеет мало общего с русским общинным принципом. Русская община, как и всякая другая, возникла не под давлением экономических потребностей, но в силу необходимости обеспечить общие интересы своих членов; под влиянием этого в русской общине развилась почти исключительно административная сторона. Та община, которая существовала в древней Руси, почти неотличима с чисто экономической стороны от теперешней; то же самое дробление земли на мелкие участки, те же периодические переделы ее. (Хотя Чичерин оспаривает существование переделов в древне-русской общине, но даже сам С. Соловьев становится в этом вопросе на сторону Беляева. Соловьев — глава той школы, к которой принадлежит Чичерин. Ср. Полицкий статут статьи, 95—120 (особенно 102). Tacitus, Germania, p. 26: «Arva per annos mutant et superest ager».)

Совершенно бесполезно обсуждать то, что получилось бы, если бы монголы не вторглись в Россию. (Ср. Костомаров, «Северно-русские народоправства»). Но и история Новгорода, — области, в которой влияние татар было наименьшим, — показывает, что в этой области имелись многочисленные зачатки для совершенно иного развития... Когда Чернышевский и другие указывали на эту сторону вопроса, когда они говорили, что не следует препятствовать свободному развитию общинного принципа, так как этот принцип уже имеется налицо, то противники его возражали, будто Ч[ернышевский] хочет навязать новый, не свойственный русской жизни элемент. Но Ч[ернышевский] стремился — в согласии с новыми требованиями новой жизни — стать в этом вопросе на экономическую точку зрения. Теперь противники общинной земельной собственности указывают, что она является бременем для самих крестьян в силу круговой поруки, т. е. они рассматривают общину как (так сказать) платежную, административную единицу. Защитники же общины возражают: дайте общинному принципу дальнейшее экономическое, производительное развитие, и это облегчит положение общины как платежной единицы; и обратно, благодаря росту платежей колеблется ее положение как производительной единицы, благодаря чему община теряет свою платежеспособность. Но никто не обращает внимания на такие голоса: зародился новый принцип — принцип индивидуализма...

Но мое письмо растянулось гораздо больше, чем я это предполагал. Я хотел, стало быть, показать, что на общину, как и на все другие отношения русской жизни, больше всего оказало влияние господство татар; что двухсотлетнее порабощение изменило взгляды, характер русского народа, приучило его к покорности; что оно изменило его отношение к князьям (и это изменение было не к выгоде народа); что это господство развило до неимоверных размеров централизацию и поместное право, короче говоря — перенесло на русскую почву монгольский принцип государственного права; что все эти явления, вместе взятые, дали толчок приравниванию крестьян к рабам, возложили на них непомерное бремя налогов и тем ослабили общественные связи. Центральная же власть, окрепнув, оказалась настолько сильной, что не только подавила недовольство, выразившееся в

восстании Стеньки Разина (восстании, охватившем сотни тысяч бунтовщиков), но и насильственно связало общину, сделав из нее исключительно платежную единицу, причем в это же самое время все другие стороны общинного принципа потеряли, под давлением всех неблагоприятных условий, всякую возможность дальнейшего развития. Наконец, теперь, после освобождения крестьян, сам закон дал возможность богатым членам под давлением не только прежних, но и новых, неблагоприятных обстоятельств выкупать земли у общины и лично выходить из нее, что, конечно, должно влиять весьма неблагоприятно на большинство крестьян; но наступающая капиталистическая эпоха — во всеоружии экономической науки [7] и промышленного опыта Западной Европы — принижает еще больше их экономическое положение [8]...

Полная литература вопроса имеется в каталоге Межова. Межов, «Полный каталог книг и статей по крестьянскому вопросу, появившихся с 1784 по 1864 г.» СПБ. 1865.

Главным сочинением о фактической стороне вопроса является: Собрание сочинений Неволина, СПБ., 1858, тт. IV, V, VI. Мне сказали, что в Британском музее имеется очень полное собрание русских исторических сочинений. Только поэтому я не шлю вам ни этого сочинения, ни работ Костомарова. Если это не так, то я вас прошу написать мне об этом, чтобы я мог переслать вам эти книги.

Иванов, Систематическое обозрение поместных прав, СПБ., 1837. Костомаров, Исторические монографии. СПБ. (особенно т. II, Стенька Разин). Победоносцев, Заметки для истории крепостного права в России. («Русский вестник», 1858, №№ 11, 12, 16) К. Аксаков, О состоянии крестьян в древней России. Сочинения, т. I, стр. 415 — 494. Беляев, Законы и акты, установлявшие в древней России крепостное состояние; в «Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России». Изд. Н. Калачевым. СПБ., 1859, т. II; в этом «Архиве» имеется вообще много сведений по данному вопросу. Во II томе можно найти также: Костомаров, Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? Белевская вивлиофика, изд. Елагин, 21 стр., Москва, 1858, т. е. писцовая книга Белевского у[езда] 1632; очень важная для истории того времени, когда Борис Годунов прикрепил крестьян к земле. А. Щапов, Земство («Век», 1862, №№ 7 — 8 Там же, №№ 5 — 6, его же «Сельская община».) Аксаков, «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности» («Московский сборник», 1852). Вот заключение: «Русская земля была из начала наименее патриархальная — наиболее семейная и наиболее общественная (т. е. общинная) земля». Хомяков, Современный вопрос. (Сочинения, т. I. Об общинной собственности.) Лешков, Общинный быт древней России («Журнал Министерства народного просвещения, 1856, т. 91). Лешков, Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII столетия. Москва, 1858. Энгельман, О приобретении права собственности на землю по русскому праву. СПБ. Панаев, Община. («Современник», СПБ., 1858.) Леонтович, О крестьянах юго-западной России («Университетские известия», 1863, № 10 — 11). Чичерин, Областные учреждения. Москва. Чичерин, Опыты по истории русского права. Москва, 1858. Беляев, Первое возражение Чичерину. («Русская беседа», 1856, Москва, № 1. Второе — там же, № 2.) С. Соловьев, По вопросу о сельской общине. («Русский вестник», 1856, № 22, Москва.) Вл. Милютин, О недвижимых имуществах духовенства в России. «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Москва, 1859, т. 4; 1860, т. 3. Беляев, Возражение на предыдущую статью. («Русская беседа», № 4, 1856.) Иванишев. О древних сельских общинах в юго-западной России. («Русская беседа», 1857, № 4.) Лазаревский, Посполитые крестьяне в Малороссии. Неволин, О пятинах и погостах новгородских в XVI веке (в «Записках Географического общества», т. VIII, СПБ., 1853). Гор-

чаков, Монастырский приказ. СПБ., 1868. Горчаков, Земельные владения всероссийских митрополитов, патриархов и архиереев. СПБ., 1871, Сергеевич, Вече и князь. Москва, 1867. Хлебников, Общество и государство в до-монгольский период русской истории. СПБ., 1872. Хлебников, О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПБ., 1869. Павлов, Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Никитский, Очерк внутренней истории Пскова. СПБ., 1873. Утин и Лазаревский, Собрание важнейших памятников древне-русского права. А. Градовский, История местного управления в России. Самоквасов, Древние города в России. СПБ., 1873. Соловьев, Карамзин и др. [книги по] истории России. Костомаров назвал только следующие источники, так как вопрос об общинной земельной собственности требует еще обработки: Полное собрание русских летописей. — Писцовые книги. Акты, изданные археографическою экспедициею. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России — «Русская правда», изд. Калачева, 1847; Судебники и др., которые можно найти в книге «Северно-русские народоправства» Кост[омарова].

Еще одно. На стр. 2 этого письма я сказал, что, для того чтобы уяснить себе возможность существования известного института в известную эпоху у какого-нибудь народа, необходимо изучить все институты этого народа в эту эпоху, вместе взятые. Но этого еще мало. По большей части существует очень мало писанных источников для подобного рода исследований, да и эти обыкновенно не захватывают у известного народа всех институтов вместе. В этом случае для понимания совокупности всех институтов необходимо предпринять сравнительное изучение всех писанных памятников всей расы (в данном случае славянской расы), потому что в этих старых славянских обычаях и законодательствах заключаются зародыши общественных отношений позднейшего времени. Особенно важно изучение таких памятников, происхождение которых можно приписать тому времени, когда рассматриваемая раса еще не рассеялась и не образовала отдельных народов. Но когда раса рассеется, то в ней естественно сохраняется масса обычаев и институтов, которые существовали у нее искони, но которые, подвергшись новым влияниям, постепенно преобразуются, оставаясь, впрочем, еще долгое время в виде тэйлоровских культурных пережитков. Но, чтобы определить присущие всей расе признаки,— общее исследование относится к области антропологии,— первостепенное значение приобретает изучение памятников таких народов, которые подвергались меньше всего внешним влияниям, между тем как сравнительное изучение других народов, подвергавшихся бо́льшим внешним влияниям, дает полную картину, так сказать, родовых признаков всей расы. Только подобное изучение дает правильный критерий для оценки не только различных институтов известного народа и для правильного толкования летописей и письменных памятников, но также и для правильной оценки взглядов того или иного ученого на изображаемую им эпоху. Я не буду говорить об исследованиях Палацкого, Шафарика, Иречека и др. в этой области: они уже известны. Я обращу только ваше внимание на следующую монографию: «Древнее хорвато-далматское законодательство» Ф. Леонтовича (Одесса, 1868, в «Записках Новороссийского университета»). Здесь он рассматривает Полицкий статут (Полица, это — община, принадлежащая теперь к спалатскому округу; жители ее, в силу ее географического положения, были избавлены от всякого внешнего влияния), виндольские законы, закон города Загреба, — законы, возникшие в древности

и коренящиеся в старинных обычаях. В них сохранились многие институты, общие в старину всем славянам. Так, например, Полицкий статут очень поучителен для выяснения вопроса об общине. Это — чисто общинно-деревенский статут. Вот некоторые подробности его.

Текст Полицкого статута в Jan Kukulewic Sakeinski, Arkiv za povestnica jugoslavenska u Zagrebu 1859, кн. V, pp. 225—318. Вот заглавие (перевод): Во имя Господа Бога. Аминь. Статут полицкий. Настоящий Статут вновь составлен из старого; лета господня от Иисуса Христа 1400. Обычаи — древнейший источник полицкого законодательства. Много статей взято непосредственно из народных обычаев, — «обычаи» и «закон» легли в основание большинства постановлений Статута (ст. 63)... Сам Статут нередко предоставляет судьям руководиться старыми обычаями (ст. 64, 39, 42, 105). Другой источник Статута — старые законы; они входили в Статут целиком или с изменениями. «Хоче стари законь,— есть законь стари,— то е био стари законь и пр.» (ст. 55, 78, 126, 173, 194). Старейший сборник неизвестен: имеются только позднейшие переработанные списки. Заглавие несомненно указывает на старый сборник полицких законов, существовавших до 1400 г. и послуживших главным основанием нового Статута (ст. 67). Главные предметы, исчерпывающие все содержание Статута суть: союз нескольких сельских общин или просто союз одной жупы без всякого намека на «грады» и городскую жизнь, — союз, удержавший полную самостоятельность при самом слабом и отдаленном подчинении «иной господе», — устройство такого союза, отношение его к своим членам и т. д. Его по справедливости можно назвать сельско-общинным уставом. В нем все возводится прежде всего к жупе, общине, селу; он не знает иных интересов, помимо интересов своей жупы с отдельными общинами. Нигде хозяйственное устройство древней сельской общины не изложено так обстоятельно, как в Полицком статуте, этом сельскохозяйственном уставе, тем более драгоценном, что в основе его лежат старые обычаи, бывшие когда-то общими для всех славян. (ст. 69). Полица носит название жупы, опчины жупской, опчины полицкой... Жупа полицкая, это — союз меньших территориальных общин — катуней и сел. В состав союза входило 12 катуней. Катуни — общины с исключительно земледельческим характером. Почти $^1/_5$ часть Статута наполнена постановлениями о поземельных отношениях «од земаль, — котаревь, гаев, испошь», водах, путях, межах и т.п. Села имеют свои отдельные земли пахотные и лесные, свои пастбища и т.п. (ст. 70). Отдельное село живет на опченной, пополной земле — общей собственности целой общины; в безраздельном обладании сел находится вся общинная земля. Допускаются по селам и переделы, «диления», по жребиям (ждрибове, дио), между членами общины — диониками, сусидями, главами. Тот же порядок принят по владению лесами и др. общими угодьями. Исключение — пастбища, всегда остававшиеся в безраздельном обладании общин. Полицкие, как и виндольские общины имеют характер вполне автономических союзов. Во главе общины стоят вече и выборные старшины — главные органы сельского самоуправления. Кроме территориальной общины Полицкому статуту известна также вервь, дружина вервная, подобная сербской задруге, имевшая характер семейной общины (?). (Подробности о верви см. ниже)... Катуни и вервные дружины — основные

формы общественной жизни поличан... (ст. 75, ст. 76). Во главе общественных учреждений Полицы стоит збор, виче, или просто опчина и князь; вполне от нее зависимые старшины полицкой жупы: князь, воевода, прокаратуры (ст. 78). В Статуте есть указание на то, что на вече собиралась сама община, без предварительной инициативы со стороны князя или других главарей (ст. 79). Предметы ведомства веча были: издание законов, суд по гражданским и уголовным делам, выборы в общественные должности и множество других административных дел. Из Статута видно, что составление законов на вечах, при участии всего народа, было исстаринным обычаем Полицы. Община, до позднейшего времени, считалась главным деятелем в сфере законодательной; о законодательной власти князя, помимо общины, нет нигде ни слова. Далее общине предоставляется право «вазимати» великого князя, «ставити» прокаратуров, судцев и др. главарей. Полицкое вече напоминало не сеймы польские или чешские с их аристократическим устройством, но демократические сходки старых славян или позднейшие веча Новгорода и Пскова. Пук, народ, община — главная сила, заправлявшая всеми действиями веча новгородского и полицкого (ст. 80). Народоправство старых общин нигде не сохранилось в такой свежести и целости, как в Полице с ее вечами и собором — главными органами общинной власти (ст. 81). Звание князя имело в Полице издавна характер выборной должности (83, 103). Полицкий статут очень подробно развил учение о правах на вещи. В нем точно определяется различие между правом полной собственности и простым владением, между частным и общим имуществом... Частною собственностью может быть то, что́ кто-либо «отдельно нашел и добыл или прибавил после раздела с теми, с кем имел участие в племенщине» (ст. 74). Это показывает, что пока лица находятся в союзе верви, до тех пор все, что бы они ни приобрели, считается «опчено, заедно» (ст. 112). Основанный на исстаринных обычаях Полицкий статут дает верную картину хозяйственного быта сельских общин, державшийся в старое время у всех славянских народов. Земля находится в общем обладании сел. Пашни каждого села составляют общую принадлежность всех сельчан, обрабатываются ими по отдельным участкам. Владельцами таких участков были отдельные семьи и дворы. Учреждать новые межи, разделяющие участки, можно было только с согласия всей общины (ст. 101, 104, 106, 111, 241). Общинное владение необязательно. Допускается раздел. Леса находятся в безраздельном пользовании сельчан. Испаши (пастбища) — главный предмет общинного пользования. Раздел их безусловно запрещается Статутом (ст. 113). То же относится к дорогам и водам.

В Виндоле общины пользуются полнейшею автономиею... Виндольские законы не заботятся о ней, она крепка в обычаях... В общественных делах община играет одинаковую роль с князем, иногда же она обходится и совсем без его вмешательства. Судные пошлины идут в пользу общины... Система круговой поруки развита виндольскими законами очень подробно как исстаринный народный обычай... (ст. 14 — 18). Отсутствие рабства (ст. 18). Управление целого Виндола основывалось на двух противоположных началах: общинном народоправства (куп) и личном (князь). Куп — общая народная сходка (ср. купы или копы в юго-западной России у Иванишева) всех виндольских общин. Куп — собрание не только законодательное, но играет роль и общинного суда

(ст. 69). Местные сходки—вече (виче) (ст. 25). «Старые сходки славян основывались на непосредственном участии всех членов общины. Выборные лица — сатники (соответствуют новгородским и псковским посадникам). Внутреннее устройство виндольской общины во многом напоминает старый Псков и Новгород с их развитой системой народоправства, с их вечами, посадниками и пр. То же можно сказать о положении князя. Князь виндольский — не столько государь, как старшина, в лице своем объединявший общины. Влияние его на главнейшие общественные дела вообще слабо: преобладание в них за общиной, народом. Разница их от князей новгородских та, что выбор их в Новгороде вполне зависел от общины. То же сходство и в гражданском праве, сбор — общинная собственность. В уголовном праве — следы установлений, принадлежавших самой глубокой древности. Виндольский устав представляет необыкновенное сходство с «Русской правдой», основанное на развитии одних и тех же общественных обычаев и порядков. Члены общины, в случае какой-нибудь шкоды, обязаны были итти на помощь по первому требованию обиженного, обязаны были преследовать и выдавать преступника». (Ф. Леонтович, «Древнее хорватско-далматское законодательство».) (Ф. Леонтович, «О значении верви по «Русской правде» и Полицкому статуту сравнительно с задругою юго-западных славян» в «Журнале Министерства народного просвещения», СПБ., т. 137, 1867, стр. 1—19). «Вопрос о верви до последнего времени оставался для русской науки темным. О верви было только немного известно по неясным указаниям «Русской правды»... Недавно опубликованный (1859) Полицкий статут ближе знакомит нас с славянской вервью. Составленный из старых обычаев Статут этот ясно говорит о верви как о старинном славянском учреждении, вполне раскрывает юридическое значение ее как учреждения, весьма близко подходящего к задруге (стр. 2) или заедину — первой форме общины юго-западных славян. Сравнительное изучение свидетельств о верви в «Русской правде» и Статуте приводит к несомненному заключению, что оба памятника говорят об одном и том же институте, но только в разные эпохи его развития: мы увидим, что «Русская правда» раскрывает преимущественно судебно-административное значение верви, а Статут идет дальше, развивает общее значение верви, мало касаясь ее отношений к суду и администрации... Краткая «Правда» говорит о верви только в одной статье. Пространная же дает больше указаний в статьях об убийстве, «оже станет без вины на разбои, о поклепной вире, о знамениях и бобре». («Русская правда», изд. Калачева, CXXIX.) Из этих статей видно, что вервь, вервинина (вервинна), дружина, люди и людье — явления, повидимому, однородные; но тождественны ли они по внутреннему значению, в чем заключается сущность верви,— «Правда» говорит неясно. Она дает ей несомненное судебное значение, ставит ее в связь с институтом виры... и только. Значения ее в жизни — «Правда» не уясняет... На верви лежит обязанность платить виру (дикую виру, вервное)... Платеж такой (ст. 3). обязателен, главным образом, когда убийцы нет налицо. Вервь свободна от платежа виры за убийство в разбое, без свалки, когда неизвестен сам убитый. С другой стороны, вервь может «прикладываться, влагаться в виру, помогать» своим членам сообща (вообчи) в платеже пени. Кто не вступит в договоры виры — платит сам за себя. Наконец, по верви разыскивают татя (вора), если «будет рассечена земля

или на земли знамение есть», или «кто украдет бобр или сеть, или разломает борть, или посечет дерево на меже». Отсюда ясно, что в основании верви лежал не один договор виры. Даже и не он один был главным условием ее существования: к ней могли принадлежать и не влагавшиеся в виру. Они не могли только рассчитывать на подмогу в случае взыскания пени. Сущность же основы верви, без которой теряется ее юридическое значение, «Правда» не объясняет. Для нее главное значение имел вопрос об уплате виры; о верви говорится мимоходом как об учреждении, коренившемся в обычаях... (ст. 5) В Статуте полицком мы встречаем довольно полные указания на самую сущность верви, именно в значении общины, но только не территориальной, а семейной, — учреждения однородного с задругой юго-западных славян. Нет никакого основания считать вервь (врвь, врьвь — Статута) Полицы новым или заимствованным учреждением. Полицкий статут трактует о ней как о славянском учреждении глубокой древности (ст. 6), «почело од искони». Устав составлен на основании старых обычаев; утверждение последних — вот главная цель его. Такие же обычаи изложены в статьях, касающихся верви. (Примечание: Многие статьи ссылаются на старые обычаи как на главный свой источник (ст. 10, 55, 222 и пр.). Вообще Полицкий статут представляет во многих статьях разительное, иногда буквальное, сходство с «Русской правдой» и «Псковской губною грамотою». Общая их основа — старые славянские обычаи.) Есть повод заключить, что когда-то вервь была общим учреждением и у сербов, а может быть и у других славян. У сербов до сих пор существует выражение врьвник (родственник). Статут полицкий утверждает вервь как вполне развитое учреждение. Вот статьи, где главным образом говорится о верви: статья 49, русский перевод: «Если кто убьет ближнего или вервного (врвнога) из-за племенщины его, принадлежащей ему (убитому) в собственность, то убийца лишается своей части (в наследстве) — она отдается другому, по разделу племени». Здесь ближний отличается от вервного, но оба имеют общую связь в племенщине, следующей в разделе, по «разлогу» племени. Ст. 102: «Где есть гай (роща, лес), там делить его следующим образом: прежде всего, если вервь владеет племенщиною, вступающею в раздел по бащине между селами, то дележ производить не иначе, как по верьвям и «мири» — по хозяевам, дворам и племенщинам: сколько верви идет по бащине, столько должно отойти к ней и по дележу гая. Если вервь не владеет племенщиною, как это бывает в селах с многими участками, то гай делить так: прежде всего и наиболее, как ведется исстари, делить на старые и законные жеребьи, но раздел может соизмеряться и с дворами». (Примечание: В 101-й статье говорится вообще о разделе полей и лесов, когда село хотело разделить между собою леса и поля, говоря, что не может или не хочет сообща (заедино) пасти или владеть.) Леса. следовательно, делятся по вервям — частям сел, а в ней по жеребьям (ждрибове) или числу хозяев, дворов и племенщин, т. е. вообще хозяйств. Вервь владеет племенщиною сообща, по бащине, отличается от верви, состоящей из отдельных участков (дионików), владеющих отдельными жеребьями (участками, ждрибове). В обоих случаях вервь обнимает «главы и подворницы» (хозяев и дворы)... Ст. 171: «Кто хочет устроить мельницу (коловае млинске) там, где ее прежде не было, тот может устроить ее на своем собственном участке. Если одним участком владеют братья или иная дружина вервная, то участник, желающий устроить мельницу, не может устроить этого без согласия других, кого касается участок».

Братьям здесь противополагается вервная дружина. Она состоит из отдельных участков (дионików). Братья и дружина живут в одном участке, в отличие от отдельных лиц, на «особитых дионицах», не принадлежащих к союзу верви. Ст. 114: «Без суда не отнимать племенщины, а если она остается в спокойном состоянии без оповеди в течение 30 лет, то никто не может насильно брать, ни искать (по суду). Если племенщиною владеют братья ближние или дальние или вервные, то споры между братьями вервными разбираются только вервью. Ей принадлежит суд по кривдам, особенно всякий суд по племенщине, принадлежащей верви». Здесь различаются братья близкие и дальние от вервных. Вервь обнимает и тех, и других, владеет отдельною племенщиною — вервною. Ясно раскрывается здесь также автономический характер верви — главного судьи по спорам между вервными братьями. Племенщина вервная стоит на-ряду с отдельною (особитою), бывшею во владении лиц, не принадлежавших к верви. Вот прямые указания Статута на вервь (ст. 9). Вервь состоит из братьев, живет на племенщине без раздела или распадается на участки (дио). Племенщина имеет значение общего союза братьев, состоящих в союзе верви. Вервь слагается, далее, из дионików одного села... Дионики или братья вервные — прежде всего главы, соседи (сусиди) — составляют вервную дружину. Дружина живет на племенщине вервной одним или несколькими дворами. Главная основа верви — «держание племенщины ка е врвитчна (врвна)» (ст. 10). Солидарность верви наглядно высказана в 31-й статье Статута: «До тех пор, пока не разделятся братья или другие участники, до тех пор для них все «заедино» — и добро и зло, и корысть и убыток, и долги (кому они должны и кто им должен) — все для них общее, пока не разделятся. После раздела каждый знает только свою часть (дио)». Здесь вообще высказано то, о чем «Русская правда» подробнее говорит в статьях о верви и дикой вире; пока не разделится вервь, члены ее, пользуясь общею корыстью и неся сообща убытки, подлежат взаимной ответственности, обязаны общею порукою — неотъемлемою принадлежностью всякого общинного союза старого времени. В верви все члены равны между собою. Племенщина — общая собственность всей верви; хозяйство вервное, со всеми доходами и расходами, ведется сообща, целою дружиною. Отдельные участники верви ограничивались в распоряжении своими участками, жеребьями, в особенности в праве отчуждения их лицам, не принадлежащим к союзу (ст. 11). С разделением верви на «дионица особита», отдельные участки, прекращалось юридическое значение верви. С этих пор каждый знает свой «дио», без общей повинности и солидарности вервного союза. Такой раздел верви, по 30-й статье Статута, предоставляется свободной воле ее членов. Статут мало касается судебного значения верви, преимущественно развитою в «Русской правде». Но общий строй полицкой верви не оставляет никакого сомнения в тождестве ее с подобным же учреждением «Русской правды». В этом еще более убеждает нас сравнение верви с задругою, разносторонне развитою в других памятниках юго-западных славян. Играя по делам уголовным роль верви «Правды», задруга вместе с тем вполне сходна с вервью «Полицы» по своим внутренним отношениям и устройству. Поэтому едва ли возможно сомневаться в тождественности этих институтов с вервью «Русской правды»... (ст. 12). Задруга, заедин (zadrûha, zajedin) — названия общины, удерживающиеся до сих пор у южных славян. Задругу можно видеть также в дружине некоторых памятников — она известна «Правде»

и Полицкому статуту в смысле верви. Наши летописи называют дружиною не только сподружников княжеских (бояр и пр.), но и всякий иной союз, например ремесленную артель, называвшуюся по летописям XIV века дружиною (ремесленные дружины состояли из старшин и друго в, дружины — ср. Лешков «Русский народ и государство», Москва, 1858, стр. 367). Из «Русской правды» видно также, что дружиною назывался также союз лиц, принадлежащих к верви. То же самое — по Полицкому статуту и сербским грамотам (ст. 13). Несомненно также, что задруга тождественна с родом «Законника Душана». Братья и род «Законника» = братьям ближним и вервным, вервной дружине «Полицы»... Теперешняя задруга Военной Границы носит название Communio. Задруга живет в одном дворе, куче, на одном огнище. (Примечание: Укажем здесь также на огнищан «Русской правды», живших, как можно заключать, на одном огнище, т. е. принадлежащих к одной задруге.) Двор слагается из нескольких семейств, составляет одну общину, тесно связанную сожительством на одном месте... (ст. 14). Глава — выборный представитель общины — господарь, владыка, старшина, староста — вполне от нее зависимый. Во всех важных случаях требовалось согласие всех членов общины. Члены — полноправны и равноправны. Принцип ассоциации, лежавший в основе задруги, высказывался в особенности в отношениях имущественных и в учреждении круговой поруки... Отношения имущественные основывались на равноправии всех членов задруги. Бащина (племенщина, дедина) усвояется не главе общины, но всем ее членам вместе... Глава управляет только делами задруги, заведывает ее имуществом (ст. 15). Имущество задруги, по сказанию о суде Любуши, могло оставаться в нераздельном обладании или вступать в равный раздел между ее членами. Отчуждается оно не иначе, как с согласия всего союза... При полном господстве задруги всякое приобретение членов считается общим достоянием союза (Tkalatz, «Staatsrecht des Fürstentum Serbiens», 1858, стр. 62, 63). Юридический характер задруги, в этом случае вполне сходный с вервью «Русской правды», высказывается в общей поруке членов (Jireček, Sl. pr. I, стр. 68). Пока задруга не разделилась, это — юридическое лицо, подлежащее, в определенных случаях, ответственности наравне с отдельными лицами. Эта черта свойственна всем древним славянским памятникам (ср., например, Душанов Законник ст. 48, виндольские законы, ст. 16). Из всех этих постановлений видно, насколько сильна была связь между задругою и ее членами; они обнимали все общественные и частные отношения. С упадком задруг слабеет и связь. По гражданскому Законнику (сербскому) 1844 г. отдельный член задруги отвечает за себя сам по всяким полицейским и уголовным делам. Государство обращается уже не к общине, а к ее отдельным членам... раздел задруги возможен только с общего согласия ее членов (ст. 17). Современная задруга, по исследованиям Миличевича («О задругах в народе сербском», 1857), в своих существенных чертах не изменилась сравнительно с задругой первых исторических эпох... Исстаринное и общее существование задруг у всех славян, по справедливому замечанию Воцеля («O staročeském dědickém právu», 1861, ст. 7), ясно доказывает глубокую древность их... Корень задруг надо искать в доисторической, племенной жизни славян. Там же коренится и вервь «Русской правды» и Полицкого статута.... (ст. 18)... Верви и задруги представляют переход к чисто

общинным формам жизни... Солидарность, удержавшаяся и в современных задругах южных славян, становится теперь тяжелым бременем для отдельных лиц. Повинность общей поруки и ответственность влечет задруги к упадку. Вынесши на своих плечах политическую независимость Сербии в период последней борьбы, сербская задруга, по словам Миличевича, стремится к распадению на отдельные «инокоштины»... В задруге развиваются и поддерживаются главные элементы политической независимости Черногории... (ст. 19). Вервь, в конце концов, не есть учреждение, навязанное пришлым элементом, но есть учреждение старинное, общеславянское, сходное с задругой южных и западных славян» (Леонтович: из «Журнала Министерства народного просвещения, т. 134, стр. 1—19, СПБ., 1867).

Для сравнения русского права с правом остальных славянских народов и др.:

Iireček, Slovanske pravo v Čechach a na Morave, 1865—1866. Tkalatz, Staatsrecht des Fürstentums Serbiens, 1858. Зигель, Законник Стефана Душана. СПБ., 1872. Padberg, Die ländliche Verfassung in d. Provinz Pommern, 1861. Гильфердинг, История балтийских славян. Он же, Босния. Герцеговина. Старая Сербия. Mazejevsky,[9] Historya prawodawstv słowianskich. Warszawa. Первое издание—1832—1836, второе—1856—1865, 6 vol. Palacky, Srovnáni zákone cara Stefana Dučana srbskeho v najstaršim řady zemskym w Čechach, в Museo krolevstvi českeho, 1837. Wozel, O staročeskem dedickem pravu v Praze, 1861. Гильфердинг, Письма об истории сербов и болгар. Москва, 1855—1859.

Среди книг «нашего общ[его] др[уга]», имеющихся у вас, вы найдете очень хороший русско-французский словарь Макарова и работу Васильчикова «О самоуправлении».

Если вам нужны будут еще некоторые подробности и книги по истории деревенской общины, то я всегда готов оказать вам содействие в этом.

С глубоким уважением

Н. Д.

[1] «Хотя татары,— говорит автор на стр. 21,—не остались в России и не поделили между собою завоеванных земель, тем не менее русская земля сделалась «улусом» ордынского хана; вместе с тем центр русской политической жизни переместился за пределы России — в Орду... Народ... находится в необходимости подчиниться всем требованиям орды. Занятие столов (тронов) перестает зависеть от воли народа: ханы жалуют их, кому хотят. Таким образом самостоятельное решение важнейших общественных вопросов... заменяется молчаливым выполнением воли сильного завоевателя. Татары не отменили веча, но, как скоро центр государственной жизни переместился в Орду, исчезли поводы призывания граждан к участию в общественных делах...» (Сергеевич, «Вече и князь», ср. стр. 274). «Князья,— говорит Неволин (т. III, стр. 137),—были посредниками между своим народом и монгольскими ханами и, по ослаблении, прекращении их владычества, сделались непосредственными обладателями прав, им принадлежавших. После сего, естественно, все земли, лежавшие в пределах известного княжества, могли быть рассматриваемы как собственность княжеская». [2] Горчаков, Монастырский приказ, СПБ., 1867, стр. 121 и сл. [3] Наша древняя «вервь»,— говорит Грановский в своем сочинении «О родовом быте у древних германцев»,— представляет нечто, соответствующее германской «Mark» (Архив Калачева, 1855, СПБ., стр. 152); Ф. Леонтович, «О значении верви по «Русской правде» и Полицкому статуту», р. 5. Вервь = общине. [4] История монастырских земель представляет тем больший интерес, что, согласно Коллинзу и др., в царствование Алексея Михайловича около $^2/_3$ русских земель принадлежало монастырям и

духовенству (Горчаков, «Монастырский приказ», стр 21, 146). Но русские цари своей централистской политикой, делившей земли на облагаемые налогами и на поместные, не могли оставить в покое эту огромную массу земель, принадлежавшую духовенству и монастырям. Этим объясняется стремление секуляризировать их, продолжавшееся вплоть до царствования Екатерины II, которая превратила, наконец, монастырские земли, вместе с сидевшими на них крестьянами, в государственную собственность. (Горчаков, стр. 121 — 200, и Павлов, «Исторический очерк секуляризации церковных земель в России», Одесса, 1871). [5] «Поместья были даваемы из казенных и черных волостей». Сочинения Неволина, т. IV, стр. 229; см. также Чичерин, Опыты и т. д., стр. 90 — 175; Горчаков, Монастырский приказ, стр. 105 — 176; Чичерин, Областные учреждения, стр. 556 — 570. [6] «Многие монастыри после монгольского ига подвергались разграблениям от окрестных жителей, удельных князей и разбойников. Некоторые из таких монастырей искали приписки к другим, имеющим возможность оберегать себя и свои вотчины... и в то же время пользующимся привилегиею непосредственной подсудности в делах гражданских московскому государю» (Горчаков, Монастырский приказ, стр. 37). [7] Разумеется, мы не обладаем еще остроумием г. Гюара дю-Палли. В «Comptes rendus des séances de l'Académie des Sciences de Paris», 1873, v. 76, p. 839, можно было прочесть: «Господин Гюар дю-Палли прислал заметку относительно употребления одной «микстуры, содержащей динаморфные эманации», чтобы увеличить количество труда, которое может доставить рабочий в определенное рабочее время. [8] Чтобы уяснить это себе, достаточно лишь вспомнить экономическое значение развития средств сообщения (железных дорог, пароходов и т. д.): покупку кулаками у крестьян хлеба на местах производства по весьма низким ценам, скупку его агентами оптовых торговцев, значительный вывоз за границу при почти хроническом голодном тифе на местах... банки, кредит и т. д. и т. д. [9] «Статуты, связывающие собою нить немецкого права с нитью права славянского — «Статуты полабских славян». T. 1, III. Abteilung, § 174. «Саксонское зерцало (Sachsenspiegel)... несомненно заключает в себе и славянские источники» (177). «В постановлениях частного права прежде всего обращает на себя внимание общее владение недвижимою собственностью всех родичей; система владения, в основании своем имеющая много общего с славянскою системою, находится в Sachsenspiegel как бы наперекор немецкому праву, т. е. дозволяется жить таким образом не только братьям, но и лицам, не находящимся между собою в кровном родстве... Достойно внимания также постановление касательно предоставления пастбищ в пользу жуп (общин), а также о наказаниях тех, кто окажется виновным в порче чужого поля в ночное время, в засеве или в причинении смерти лицам, от которых ждут наследства» (§ 179, Mazejewsky).

28

[Николай — он К. Марксу]

Петербург, 12[24] июля 1873 г.

Милостивый государь!

В ответ на ваше письмо от 22 марта, в котором вы просили изложить сущность спора между Беляевым и Чичериным, я послал вам некоторые работы (Чичерина, Беляева, «Крестьяне на Руси», Горчакова, Сергеевича, Неволина, Скалдина и т. д.), а кроме того литературу, как и некоторые мои мысли об этом вопросе, а также указания, где что́ можно найти. Так как я не получаю от вас никаких известий и только из газет узнал тревожные слухи о вас, то я очень хотел бы знать, насколько обоснованы эти слухи. Весьма возможно, что до вас не дошли ни книги, ни письма; в таком случае Беляева и Неволина трудно будет еще раз достать. Поэтому я попрошу вас прислать мне более надежный адрес, так как мне лишь теперь удалось получить ответ Беляева Чичерину (а также — Милютин, О

земельном владении духовенства в России; Соловьев, По вопросу о сельской общине; Панаев, Община; Иванишев. О древней сельской общине в юго-западной России). Кроме того, уже по отсылке моего письма, в июне месяце, вышли прекрасные работы комиссии (под председательством Валуева), созданной для исследования положения сельского хозяйства в России («Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования современного положения сельско-хозяйственной промышленности в России»), где собраны самые точные сведения, которые можно только теперь иметь.[1] Все это я отошлю вам тотчас же по получении вашего письма, так как я не хотел бы, чтобы эти книги пропали: вряд ли было бы возможно их снова раздобыть.

В каком положении находится вопрос относительно писем и т. д.?

В ожидании вашего ответа остаюсь с глубоким уважением

Н. Д.

Благодарю вас за присылку немецких и французских экземпляров «Капитала».

[1] Согласно содержащихся в этом докладе данных, отношение всех налогов к сумме всех доходов выражается следующим образом: 1) для помещиков от 1½ до 20%; 2) для крестьян (государственных) от 60 до 160%; 3) для крестьян (бывших крепостных) от 70 до 562%. (Доклад. Приложения, т. I, часть III. Ценность денежных повинностей и отношение ее к доходности.)

29

[К. Маркс Николаю — ону]

Лондон, 12 августа 1873 г.

Мой дорогой сэр!

В последние месяцы я много и тяжко болел, и мое здоровье находилось даже одно время в очень опасном состоянии вследствие постоянного переутомления. В особенности пострадала моя голова, так что можно было опасаться апоплексического удара, да и в настоящее время я все еще не способен работать более нескольких часов в сутки. Вот единственная причина, почему я не отвечал так долго на ваше письмо и до сих пор не поблагодарил вас за драгоценное собрание книг, которое вы имели любезность прислать мне.

Конечно, вы уже получили, — по крайней мере, я так понял ваше письмо, — три экземпляра «Капитала» в одном пакете, а сегодня я посылаю вам последний выпуск того издания, которое выходило отдельными тетрадками.

Мы печатаем в настоящую минуту «Разоблачения» касательно Alliance'a. (Вы знаете, вероятно, что секта титоталлеров[1] называет себя в Англии этим именем.) Так вот я желал бы знать самый дешевый [2] способ отправить вам довольно значительное число экземпляров этой вещи. Что касается письма, относящегося к главарю этой ханжеской компании, то мы все еще держим его в резерве.

Очень благодарю вас за последнее длинное письмо и не премину сделать из него в свое время надлежащее употребление. Оно имеет для меня большую коммерческую ценность.

Истинно ваш

А. Вильямс.

[1] [Приверженцев полного воздержания, отвергающих все спиртные напитки и во всякой дозе. Здесь означает бакунистов, воздерживавшихся от участия в политической борьбе]. [2] [Читай: наиболее надежный.]

30

[Николай — он К. Марксу]

Петербург, 10[22] августа 1873 г.

Милостивый государь!

Очень благодарю вас за присылку второго издания «Капитала». Я получил три полных экземпляра, а также и последние выпуски.

Если вы захотите прислать мне обещанные «Разоблачения», касающиеся Альянса, то вот адрес: Mrs. Kirschbaum, Bruxelles, Poste restante. Но этот адрес годится лишь до 1/13 сентября.

Я посылаю вам следующие журнальные статьи:

Беляев, Первая критическая статья на сочинение Чичерина о сельской общине («Русская беседа», Москва, 1856, № 1). Он же, Вторая статья. («Русская беседа», 1856, № 2, стр. 114 — 141). Иванишев, О древних сельских общинах в юго-западной России («Русская беседа», № 3, 1857). С. Соловьев, Спор о сельской общине («Русский вестник», 1856, № 22, Москва). В. Панаев, Община. («Современник», 1858, № 3, СПБ.). Вл. Милютин, О недвижимых имуществах духовенства в России, Москва, 1859 — 1860. Две статьи. Первая помещена в четвертой книге «Чтений в Обществе истории и древностей» за 1859 г., вторая — в третьей книге тех же «Чтений» за 1860 г. — и превосходное исследование профессора. Ф. Леонтовича, Древнее хорвато-далматское законодательство — в «Записках Новороссийского университета». Одесса, 1868.

Мне жаль, что я не мог до сих пор послать обещанных биографических материалов. Хотя я сам считаю теперь полезным опубликование возможно полной биографии, но те, которые обладают необходимыми сведениями, придерживаются другого взгляда. Они вполне убеждены, что опубликование этого только повредит Ч[ернышевскому].

С глубоким уважением

Н. Д.

31

[Николай — он К. Марксу]

Петербург, 23 февраля [7 марта] 1874 г.

Милостивый государь!

Разрешите мне просить вас передать прилагаемое письмо «нашему общему другу». Простите, что я беспокою вас, но я не знаю его адреса.

В первом номере журнала «Знание» Зибер начал ряд статей под заглавием: «Экономическая теория Маркса». Цель этих статей популяризировать экономические взгляды автора и критически анализировать их. Что касается критической части, то, на мой взгляд, он во многом прав. Но «общий друг», вероятно, передаст вам эти номера.

Когда можем мы ожидать появления второго тома?

С глубоким уважением

Н. Д.

32

[Николай — он К. Марксу]

Петербург, 21 марта [2 апреля] 1874 г.

Милостивый государь!

Я опять вынужден докучать вам и попросить вас оказать любезность, передав прилагаемое письмо «нашему общему другу».

Извините, что я снова обращаюсь к вам.

Преданный вам

Н. Д.

33

[Николай — он К. Марксу]

Петербург, 29 сентября [11 октября] 1874 г.

Милостивый государь!

Позвольте мне еще раз побеспокоить вас. Дело в следующем. Вот уже три недели, как я не имею никаких известий о «нашем общем друге». Из Кенигсберга я получил от него три письма и, с своей стороны, написал ему тоже три письма, но ни на одно из них я не получил ответа. Так как я знаю его аккуратность, то я не понимаю, чему приписать его молчание.

Окажите мне любезность и сообщите мне, что́ вы знаете о нем и где он находится теперь, или, если это возможно, сообщите ему содержание этого письма.

Я надеюсь, что вы не откажете в удовлетворении моей просьбы.

С глубоким уважением

Н. Д.

34

[Николай — он К. Марксу]

Петербург, 16 [28] ноября 1875 г.

Милостивый государь!

Только теперь мне удалось получить экземпляр «Трудов податной комиссии», находящийся в моем распоряжении. Они выпущены в ограниченном количестве экземпляров и не предназначаются для публики. Узнав от «нашего общего друга», что вы изучаете теперь экономическое положение России, я посылаю вам 10 томов этих «Трудов» (в особенности важнейший, 22-й том). Но этими книгами меня ссудили только на два-три месяца. Важнейшие данные сообщаются в разработках материала (в особенности том 22-й, часть 3-я, отдел 1-й). Взгляды публики сгруппированы в работах Майкова и Ольхина. В феврале я, во всяком случае, дам вам знать, можете ли вы задержать у себя эти книги еще. Я прошу вас, по получении этих книг, сообщить мне тотчас же об этом, так как мне было бы очень неприятно, если бы они пропали.

На-днях я пошлю некоторые данные о дебете и кредите крестьянского хозяйства в Европейской России и некоторые статьи.

С глубоким уважением

Н. Д.

35

[Николай—он К. Марксу]

Петербург, 10 [22] декабря 1875 г.

Милостивый государь!

Вы были очень любезны, послав мне последние выпуски французского издания «Капитала».

До сих пор мне не представился случай увидеть книгу Советова, о которой вы говорите. Во всяком случае, если я найду, что она может быть вам полезной, то я пошлю ее вам. Вы уже знаете главные типы земледельческого хозяйства. Что вас в особенности интересует, это—хозяйство подсечное, лесоподсечное или огневое и переложное. Что касается первого типа, то я посоветую вам прочесть книгу Чубинского: «О состоянии хлебной торговли и производительности северного района». Собранные им в его книге факты очень любопытны и дают весьма ясное представление об этой системе. Что касается общинной связи самих производителей, то вы, без сомнения, знакомы с ней по очерку Лалоша («Сельская община в Олонецкой губернии» — «Отечественные записки», 1874, № 2). Этот очерк был вам, вероятно, передан нашим «общим другом» вместе со статьями Энгельгардта. Эти очерки и исследования Леонтовича («Сборник государственных знаний», под редакцией Безобразова, т. II, ч. 2, стр. 35 — 91) дают представление об общине in statu nascendi, о первобытной общине. Что касается второго типа хозяйства, переложного, который существует в южных степях, то с ним нас знакомит Чаславский («Отхожие земледельческие промыслы» — в сборнике Безобразова, т. II. Я просил одолжить вам этот «Сборник», чтобы вы могли его прочесть). Кроме Чаславского, вы найдете сведения об этом типе хозяйства у Сабанеева: «Зауральский край», Москва, 1874, и в «Трудах экспедиции для исследования хлебной торговли и производительности России», СПБ., 1869—1875, которое я вам пошлю.

Желая вам успеха в вашей работе, имею честь быть преданным вам

Н. Д.

36

[Николай—он К. Марксу]

Петербург, 7 [19] марта 1877 г.

Милостивый государь!

Вы, надеюсь, получили книги, которые я послал вам (три выпуска «Статистического временника», «Сборник сведений об артелях», Буняковского — «Антропобиологические исследования», Васильчикова — «Землевладение и земледелие» и, наконец, только-что вышедшее в свет исследование Соколовского — «Очерк истории сельской общины», СПБ., 1877). Огромное значение имеет для нас разрабатываемый Васильчиковым вопрос. Но так как последний, как вы сами убедитесь, далеко не мудрец, так как, кроме того, в его распоряжении находилось сравнительно мало данных, то нередко его заключения не согласуются с фактами. Примером может

послужить история деревенской общины: автор не хочет ничего знать о методе, приведшем к столь блестящим результатам, например в этнологии, т. е. о методе объяснения происхождения известных социальных явлений на основании фактов, которые мы сами можем наблюдать в обществах, живущих, так сказать, в первобытных условиях. Так, например, он не обращает никакого внимания на интеграцию рассеянных на большом пространстве крестьян, при приросте населения, в общины с переделами, как мы это наблюдаем, например, в западной Сибири, северной России, в области Войска Донского (Гагемейстер, «Статистическое описание Сибири»; Лалош, «Сельская община в Олонецкой губернии»; «Отечественные записки», 1874, № 2; «Донские областные ведомости»; «Ставропольские губернские ведомости» и пр.). Вы, впрочем, сами заметите, что эта работа, при всех своих крупных достоинствах, не лишена и недостатков. Но так как вопрос о земельной собственности имеет для нас, как я уже раньше сказал, огромное значение, и так как вам известны не только западно-европейские и все русские источники, которые использовал Васильчиков, но еще и многие другие (разумеется, печатные) то, может быть, вы возьметесь написать по этому вопросу статью для какого-нибудь русского журнала (например, для «Отечественных записок»). Благоприятный ответ с вашей стороны был бы нам очень желателен.

В каком положении находится второй том вашего труда? Я слышал, будто он появится в этом году. Верно ли это?

С глубоким уважением

Н. Д.

37

[Николай — он К. Марксу]

Петербург, 28 октября [9 ноября] 1878 г.
Общество взаимного кредита, Казанский мост,
д. Лесникова, или лучше: 27, Мойка, кв. 3.

Милостивый государь!

Около шести-семи месяцев тому назад я вам писал: 1) по поводу второго издания русского перевода первого тома «Капитала», так как в книжных лавках нет уже больше ни одного экземпляра. При этом я спрашивал у вас, не собираетесь ли вы сделать некоторых изменений во французском и во втором немецком издании. 2) По поводу второго тома я покорнейше просил вас, если он будет печататься, присылать мне, по мере печатания, листы оригинала неоплаченным образом.

Кроме того, я послал вам некоторые экономические работы, вышедшие у нас за последнее время.

Так как я до сих пор не получил никакого ответа от вас, то, зная вашу аккуратность, я очень беспокоюсь о судьбе моих писем. Мне было бы очень неприятно, если бы и эти книги пропали. (Я имею теперь для вас еще одну статью Чичерина: «Немецкие социалисты. Ф. Лассаль и Карл Маркс», Чупрова второй том и др., которые я вам не посылаю по той же самой причине.) Поэтому я прошу вас ответить на мой вопрос.

С глубоким уважением

Н. Д.

38

[К. Маркс Николаю — ону]

Лондон, 15 ноября 1878 г.

Мой дорогой сэр!

Сегодня я получил ваше письмо, помеченное 28-м октября. Письмо, на которое вы ссылаетесь, я вовсе не получил. Возможно, что оно было перехвачено немецкою почтою или просто затерялось: прусское правительство до такой степени тормошит своих почтовых чиновников, что много писем «исчезают» нивесть куда просто из-за неурядицы. Фактически, последнее письмо, которое я имел честь получить от вас, было помечено 7-м марта 1877 г.

Перерыв моей переписки с вами был просто результатом предостережений, полученных мною около этого времени от моих проживающих в России друзей, которые просили меня перестать на некоторое время писать им, так как мои письма, несмотря на свою безвредность, могли причинить им всякие неприятности и беспокойства.

Касательно второго издания «Капитала» позволю себе сделать следующие указания:

1) Я желал бы, чтобы разделение на главы — то же относится и к их подразделениям — было сделано согласно с французским изданием.

2) Чтобы переводчик постоянно и тщательно сверял второе немецкое издание с французским, так как последнее содержит много важных изменений и добавлений (хотя, правда, я был вынужден не раз, особенно в первой главе, делать изложение более плоским — ради удобств передачи его по-французски).

3) Я нахожу полезным сделать для вашего второго издания еще несколько изменений и постараюсь изготовить их вам не позже, как через восемь дней, чтобы иметь возможность выслать их вам в следующую субботу (сегодня у нас пятница).

Как только второй том «Капитала» поступит в печать, — что вряд ли случится ранее конца 1879 г., — вы сейчас же начнете получать корректурные оттиски указанным вами путем.

Я получил из Петербурга несколько печатных произведений, за которые очень благодарю вас.

Из полемики Чичерина и некоторых других против меня мне ничего не попадалось на глаза, за исключением того, что вы сами выслали мне в 1877 г. (Статья Зибера в «Отечественных записках» и еще другая — кажется, Михайловского — в том же журнале.) Профессор М. М. Ковалевский, проживающий здесь в эту минуту, говорил мне, что статья этого курьезного якобы энциклопедиста Жуковского вызвала в ответ довольно оживленную полемику о «Капитале».

Английский кризис, предвозвещенный мною на стр. 351 французского издания (сноска), наконец разразился в течение этих последних недель. Мои друзья, теоретики и простые дельцы, просили меня в то время выбросить эту сноску, потому что она казалась им недостаточно обоснованной; до такой степени они были убеждены, что кризисы в Северо-Американских Соединенных Штатах, в Германии и Австрии должны, так сказать, учесть («escompter») английский кризис.

Первой страною, где дела пойдут вновь по восходящей линии, будут Северо-Американские Соединенные Штаты. Только улучшение наступит здесь при совершенно изменившихся условиях и притом — изменившихся к худшему. Тамошний народ тщетно будет стараться освободиться от монополизирующей силы и (поскольку дело идет о непосредственном благополучии масс) от гибельного влияния крупных компаний, которые со времени гражданской войны с все более ускоренным темпом овладевают промышленностью, торговлей, землевладением, железными дорогами и финансами. Лучшие американские писатели громко провозглашают, как неопровержимый факт, что война против рабства, правда, и разбила цепи негров, но, с другой стороны, поработила белого производителя.

Я считаю, что наиболее интересное поле для исследователя-экономиста представляют теперь именно Соединенные Штаты и в особенности период от 1873 (со времени сентябрьского кризиса) до 1878 г., т. е. до наступления хронического кризиса. Перемены, которые потребовали в Англии для своего постепенного развития целых столетий, осуществились здесь в течение всего лишь нескольких лет. Но наблюдатель должен обращать свое внимание не на более старые, приатлантические штаты, а на новые (из которых Огайо представляет поразительнейший пример) и новейшие (например, Калифорния). Многие глупцы в нашей Европе, вообразившие себе, что корень зла кроется в теоретиках, вроде меня и других, могли бы почерпнуть целительный урок из чтения официальных американских отчетов.

Вы очень обязали бы меня, сообщив мне кое-какие сведения о нынешнем состоянии русских финансов, которое должно быть известно вам ввиду ваших занятий банковым делом.

Истинно ваш

А. В.

39

[К. Маркс Николаю —ону]

Лондон, 28 ноября 1878 г.

Мой дорогой сэр!

Посланные вами три книги я получил и очень благодарю за них. Мои русские друзья уже подготовили меня к тому, чтобы ожидать от Чичерина довольно слабого произведения, но действительность превзошла мои ожидания. Он, очевидно, не знаком даже с начатками политической экономии и воображает, будто бы пошлости Бастиа и его школы, будучи высказаны от его собственного имени, превращаются в оригинальные и самоочевидные истины.

На прошлой неделе я не имел возможности взяться за пересмотр «Капитала». В настоящую минуту я уже справился с этим делом и нахожу, что, — за исключением тех изменений, которые должны быть сделаны переводчиком после сличения второго немецкого издания с французским, — необходимо будет сделать еще лишь очень немного новых изменений, которые вы найдете далее в этом письме.

Первые два раздела («Товар и деньги») и «Превращение денег в капитал» должны быть переведены только с немецкого оригинала.

На стр. 86, строка 5 снизу, нужно читать: «В действительности стоимость каждого отдельного аршина есть только овеществление части затраченного на совокупное количество аршин общественного количества труда».

В главе XVI французского издания (это место не имеется в главе XIV немецкого издания) в прибавленном абзаце о Дж.-Ст. Милле (стр. 222, 2-й столбец, строка 12 снизу) следует читать: «Я всегда исхожу из предположения, — говорит он, — что существующий порядок вещей, который преобладает там, где рабочие и капиталисты составляют различные классы» и т. д.

Следующие два предложения, а именно: «Странная оптическая иллюзия, которая заставляет видеть всюду положение вещей, которое существует на нашем земном шаре только в виде исключения! Но пойдем дальше» — нужно вычеркнуть, а следующее предложение гласит: «Милль хочет верить, что нет никакой абсолютной необходимости, чтобы это было именно так — даже при таком экономическом порядке, при котором рабочие и капиталисты составляют различные классы».

Кризис, а следовательно и стачки, закрытие фабрик и банкротства продолжают бурно свирепствовать в промышленных графствах; но наши лондонские газеты употребляют все усилия, чтобы замять и заглушить эти неприятные, но неопровержимые «инциденты». Они не хотят пугать публику. Поэтому человек, читающий только лондонские статьи о состоянии денежного рынка, получает лишь очень скудные сведения по этому вопросу.

Искренно ваш

А. Вильямс.

40

[Николай —он К. Марксу]

5 [17] февраля 1879 г.

Сведения, собранные в прилагаемой таблице, обнимают собой то, что можно было собрать о состоянии платежных средств и платежей русских крестьян. Относятся они не ко всей России, а только к Европейской. Мало того, некоторые губернии доставили сведения очень неполные, так что их пришлось совершенно исключить из расчета. Относительно платежных средств в расчет принят только доход, получаемый крестьянами от земли: ни отхожие промыслы, ни кустарная промышленность, ни другие посторонние заработки во внимание не приняты.

В России резко выделяются три типа крестьян: бывшие помещичьи, бывшие государственные и бывшие удельные. Есть, впрочем, еще несколько групп податных сословий, но их относительно мало, да и сведений о них сколько-нибудь полных — нет. Таковы малороссийские казаки, башкиры, татары и др. инородцы. Так как экономическое положение этих трех главных групп, вследствие исторических и др. причин, различно, то мне и хотелось формулировать это различие цифрами. Но произвести три параллельных исследования, по трем главным типам, опять-таки вследствие недостатка данных не удалось, а пришлось две последние группы, т. е. крестьян государственных и удельных, соединить в одну; притом те и другие имеют более общих черт между собой (хотя не по всем губерниям), чем государственные и помещичьи или удельные и помещичьи. Вследствие

этого явилось два типа, около которых сгруппированы данные: 1) крестьяне бывшие помещичьи и 2) крестьяне бывшие государственные и удельные. Далее оказалось нужным выделить крестьян 9 западных губерний, так как одна из главнейших тягостей, именно выкупные платежи за землю, сильно понижены сравнительно с остальной Россией. Данные о них сгруппированы особо. Неполные сведения доставили три остзейских губернии, Бессарабия и Область Войска Донского; все эти местности пришлось из расчета исключить. Таким образом, в расчет вошли 37 губерний Великой, Малой и Новой России и 9 западных губерний. Обращаюсь к таблице: 1) число плательщиков и 2) подушная подать (столбцы таблиц 2, 12, 5, 15, III).

По всей Европейской России числится тягловых единиц или ревизских душ (Податн. ком., т. XXII, стр. 11, столбец 10)		22 709 094
платящих подушную подать по смете на 1872 г. всего	41 132 624 р.	
В расчете нет: малороссийских казаков, башкир и др. и 5 назван. губ., всего		2 452 000 душ
которые все платят подушной подати	4 572 474 р.	
		в расчете 20 557 362 души
		платят 36 560 150 р. подушной подати

3) Число десятин в их владении (III, 313). Основанием для данных этих рубрик послужили главным образом 1) для государственных крестьян цифры, имеющиеся на стр. 54—64 XXII тома, но по некоторым губерниям они изменены по данным таблицы 26—35 стр., а также по данным стр. 400—464; 2) для бывших помещичьих—данные стр. 26—35, но с ограничениями по сведениям стр. 400—464. Все это относится до числа десятин, находящихся во владении крестьян 37 губерний, как государственных, так и помещичьих, и до государственных крестьян 9 западных губерний. Что же касается до земли, находящейся во владении бывших помещичьих крестьян 9 западных губерний, то определить с какою-нибудь точностью эту цифру очень трудно. Приведу цифры: В военно-статистическом сборнике «Россия» (стр. 203) мы находим данные о количестве земли, находящейся во владении бывших помещичьих крестьян. С другой стороны, у нас есть сведения из Главного выкупного учреждения о количестве земли, к выкупу которой приступлено к 1 октября 1875 г. Сравним их по 9 западным губерниям.

	По данным Статистического сборника в распоряжении бывших помещичьих крестьян было земли	По сведениям Главного выкупного учреждения к 1 октября 1875 г. приступлено к выкупу
Виленской губ.	802 000 десятин	706 696 десятин
Витебской »	881 000 »	859 479 »
Волынской »	1 529 000 »	1 614 016 »
Гродненской »	618 000 »	646 837 »
Киевской »	1 337 000 »	1 363 787 »
Ковенской »	661 000 »	699 689 »
Минской »	1 503 000 »	1 559 670 »
Могилевской »	1 265 000 »	1 222 739 »
Подольской »	1 145 000 »	1 194 362 »
Всего	9 741 000 десятин	9 867 275 десятин

По данным же стр. 26 — 35 XXIII тома в 9 западных губерниях на долю бывших помещичьих крестьян приходится 9 928 466 десятин. Из сличения этих цифр видно, что по некоторым губерниям уже приступлено к выкупу большего количества земли, чем числилось, и даже в общем итоге цифра десятин земли, к выкупу которой уже приступлено, больше той, какая по данным первого столбца находилась во владении всех бывших помещичьих крестьян. Всех их числится по 9 западным губерниям 3 017 158, а к выкупу приступили по 1 октября — 2 689 000 душ.

Итак, сколько-нибудь верные, хотя и приблизительно, данные о числе десятин можно получить и путем вычислений. Именно приходится предположить, сколькими бы десятинами земли владели бывшие помещичьи крестьяне 9 западных губерний, если бы они все приступили к выкупу, принимая, что среднее число десятин, приходящееся на душу по каждой губернии отдельно, остается такое же, как и у тех, которые к выкупу уже приступили. При расчете таким образом и поступлено.

4) Платежи за землю (III, 4, 14). При определении платежей за землю я руководствовался приемом Штофа (XXII, стр. 84), именно вычислил, сколько бы приходилось платить крестьянам бывшим помещикам, если бы все они приступили к выкупу той земли, какая по вычислениям столбца 3-го приходится на их долю. Цифры, полученные таким образом, меньше действительных. По данным Синих книг Сельско-хозяйственной комиссии оказывается, что по 17 губерниям, которые дали сведения по этому предмету, крестьяне, не приступившие еще к выкупу, находящиеся на оброке, платят в среднем на 18,29 % больше тех, которые к выкупу уже приступили. Сведения о платежах за земли крестьян бывших государственных и удельных взяты из таблиц стр. 54—64 и 86 и 87.

Государственный земский сбор: 5) подушный и 6) поземельный — из таблиц стр. 19 — 43, причем каждая сумма разбита на соответственные рубрики (III, 6, 7, 16, 17.) Оклады с души и с десятины брались средние по губернии. Из суммы государственного земского сбора, платимого подушно, исключены по каждой губернии цифры, выражающие платежи мещан (стр. 45).

7) Местные земские сборы. Из исследований Руковского «О сметах и раскладках губернского и уездного земских сборов» (Труды Ком. СПБ., 1870, стр. 1) известно, что до открытия земских учреждений земских сборов по последней смете было назначено 5 186 000 руб. По открытии же земских учреждений, по смете на 1868 г., земские сборы составили 14 570 000 руб., т. е. они увеличились на 9 380 000, или на 180 %. По смете же на 1872 г. по 31 губернии без 11 уездов приходилось платить 17 000 000 да 3 170 000 р. в губ. без земских учреждений, т. е. всего 20 170 000 р. Данные столбцов 8 и 20 взяты из XXII тома, стр. 289—323; по тем же губерниям (например, по Воронежской), где прямо не показаны цифры налога, уплачиваемого крестьянами, взята средняя плата с десятины по всей губернии. Для губерний же, где земские учреждения еще не введены, данные взяты из таблиц стр. 328—337, причем сумма разбита пропорционально числу десятин. Для западных губерний, следовательно, взяты цифры таблиц а, б, г, д и е, по каждой губернии особо. — 8) Общественный

сбор и 9) лесная подать у государственных крестьян (III, 18, 19). Общественный сбор, бывший в свое время у крестьян всех наименований, перешел у помещичьих крестьян (а потом и у удельных), на основании «Общего положения о крестьянах», ст. 31, в собственность последних, между тем как тот же самый сбор, назначавшийся для определенных целей, у государственных крестьян сохранился как особый предмет государственного дохода. (Подробности у Ольхина, XXII т., ч. II, стр. 307—310). Данные взяты из таблиц стр. 16—18 и 66—67. Замечу в скобках, что при окончательном суммировании всех крестьянских платежей Штоф почему-то пропустил лесную подать. 10) Столбцы 9 и 22 изображают итоги всех крестьянских платежей (кроме мирских), по каждой губернии отдельно. — 11) Количество крестьянских платежей на мирские нужды удалось собрать из 37 губерний только по 27. (Синие книги и Труды Податной комиссии), причем в среднем выводе приходится на душу 1 р. 17 к.; эта средняя цифра отнесена ко всем 37 губерниям. Из 9 западных губерний эти сведения имеются только по четырем, причем оказывается, что на душу приходится около 1 руб. Цифра эта принята за среднюю для всех 9 губерний. 12) Доходность земли. Как ни шатки положения, на которых основали свои вычисления Штоф, но, за неимением более верных, приходится довольствоваться и этими, так что цифры столбцов 10 и 23 взяты из вычислений стр. 466—467. Но и здесь кое-что пришлось исправить. Так, по данным этой таблицы, оказывается, что земли Рязанской губ. — самые доходные во всей России, именно десятина дает 9 р. 74,25 к. Если припомнить, что вся та часть губернии, которая лежит к северу от Оки, далеко не отличается плодородием, то является сомнение в верности приведенной цифры. На чем эта цифра основана? Открываем стр. 420—421. Здесь мы находим подробный расчет доходности каждого рода угодий. Вот, например, 171 000 десятин крестьянской земли Спасского уезда дают дохода 1 471 726 руб. Откроем том XXII, ч. III, приложение к 1 отделу; там на стр. 184 увидим, что все 312 000 десятин земли уезда дают дохода 1 159 693 руб. То же самое по Данковскому и Рязанскому уездам. Дело в том, что Управа вычислила в одном случае валовой, а в другом — чистый доход с десятины, а так как все остальные данные относятся к чистому доходу, то названную цифру пришлось уменьшить, т. е. взять среднюю доходность десятины по губернии. Это единственный случай уменьшения цифры дохода. По Воронежской губ. цифра взята из Синих книг. По губерниям Екатеринославской, Тульской и Херсонской цифры дохода несколько увеличены по данным, собранным мною из других источников. Оказалось, что цифры, исправленные таким образом, более соответствуют сведениям о недоимках. (Об отношении доходности к недоимкам — речь впереди,—когда-нибудь). По губерниям Оренбургской, Ставропольской и Уфимской данные о доходности собраны из частных, неофициальных источников; насколько они верны—не знаю. Общий итог всех крестьянских платежей, показанный в таблице, расходится с итогами Штофа (на стр. 663—665) на сумму лесной подати (по каждой губернии), которая у Штофа в расчет не вошла. Затем разница в итогах по тем губерниям, где мною исключены башкиры, татары, колонисты и др.—Итак, сведения относятся к 20 557 362 податным единицам. Во владении у них находится 97 866 926 десятин земли.

К сожалению, из 9 западных губерний сведения о доходности земли доставила

одна Киевская, где доходность десятины определена в 1 р. 61,25 к., поэтому степени обременения налогами в связи с доходностью нельзя было определить. В 9 западных губерниях бывшие помещичьи крестьяне платят с десятины 2 р. 10 к.; бывшие государственные — 1 р. 66 к.

Все эти лица платят:

За землю			94 972 749 р.
Подушной подати		36 560 150 р.	
Государственного сбора земского:			
а) подушного	11 325 700 р.		
б) поземельного	4 249 053 »	15 574 753 р.	
Общественного сбора		3 296 638 »	
Лесной подати		1 223 967 »	56 655 508 »
Земских повинностей			9 473 160 »
Мирские платежи			23 394 337 »
Всего			184 395 754 р.

Бывшие помещичьи крестьяне по 37 губерниям платят с десятины всяких податей, кроме мирских . . . . . 2 р. 77 к. / 1 р. 57 к. = 175,79 %
Получают же с десятины . . . . . 1 р. 57 к.

Те же крестьяне платят с мирскими . . . . . 3 р. 12 к. / 1 р 57 к. = 198,66 %
Получают . . . . . 1 р 57 к.

Бывшие госуд. крестьяне (37 губ.) платят (без мирских) . . . 1 р. 15,2 к. / 1 р. 44 к. = 80,00 %
Получают . . . . . 1 р. 44 к.

Те же крестьяне (с мирскими) платят . . . . . 1 р. 33,6 к. / 1 р 44 к. = 92,78 %
Получают . . . . . 1 р 44 к.

По всей Европейской России, в среднем, все названные крестьяне платят с десятины 1 р. 88,4 к.

Итак, полученные цифры выражают степень обременения крестьян налогами и те средства, какие дает земля для покрытия этих налогов. Но цифры, выражающие платежи, далеко ниже действительных; к ним надо прибавить: 1) натуральную повинность, 2) разные обязательные расходы, например на страхование, которые не вошли в расчет за неимением данных, и 3) «Случается нередко, что общества исправно платят по окладному листу, — говорит Харьковская уездная земская управа (XXIII, 1, 32), — и у крестьян, в их расчетных книжках, отмечены все подати сполна уплаченными; однако же оказывается необъяснимая недоимка, которую они должны платить вновь. Эти общества платят гораздо более, нежели сколько следовало бы...» Факт, указываемый Харьковской управой, не есть явление местное. Факт этот встречается по всем закоулкам России...

Бросим теперь взгляд на доходы железнодорожных предприятий. Полная железнодорожная статистика за 1877 г. еще не появилась. Согласно данным за предыдущие годы, валовой доход постоянно увеличивался (см. табл. II). В 1865 г. он = 24 миллионам, а в 1877 = 190 миллионам (1878 = 220 миллионам (?)), так как валовой доход с каждой версты увеличился на 17%, между тем как чистый доход с каждой версты непрерывно уменьшался... Однако чистый доход за последние годы доходил до 48 — 52 миллионов в год, т. е. если бы весь доход с железных дорог доставался казне, то железнодорожный дефицит значительно

уменьшился бы. Но у нас вся прибыль достается частным лицам, а вся тяжесть дефицита падает на казну. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть только таблицу IX, стр. 1—7, «Сборника статистических сведений министерства путей сообщения», 1878, СПБ., или же таблицу «Валовой сбор русских железных дорог».

Но что выигрывает правительство, производя эти колоссальные затраты? Их результатом является значительное развитие торговли, которому содействовали в то же время кредитные банки и земельные банки, основанные в ту же эпоху. Вот почему следует рассмотреть влияние всех этих учреждений, вместе взятых.

Все вклады на проценты и текущие счета Государственного банка и его отделений доходили к 1864 г. до 262,7 миллионов рублей, из которых 42 миллиона были употреблены на пользу торговли (23,7 — под векселя; ссуды под процентные бумаги, акции и облигации и т. д. — 18,6 миллионов). К 1877 г. суммы эти доходили во всех кредитных учреждениях уже до 723,8 миллионов, т. е. они увеличились на 175%. Мы уже видели, что часть этих сумм — 360 миллионов — была дана в ссуду под акции и облигации, процентные бумаги и т. д. Теперь посмотрим, какую пользу извлекают торговые классы из этих банков. К 1864 г. Государственный банк и его отделения учли векселей на 23,7 миллиона. К 1877 г. все кредитные учреждения учли векселей на 489,3 миллиона, т. е. сумма учтенных векселей увеличилась на 1 900%!! Вы видите, таким образом, что мы движемся гигантскими шагами, но куда?.. Вернемся опять к цифрам. Из всех отраслей торговли особенно быстро развивается торговля хлебом. В 1864 г. в Европу было вывезено 9,25 милл. четвертей, на сумму в 54,7 милл. рублей. Стоимость всех вывезенных товаров равнялась 164,9 милл. рублей, т. е. стоимость хлеба составляла 3,2% стоимости всех вывезенных товаров. В 1877 г. было вывезено 30,5 милл. четвертей на сумму в 264 милл. Стоимость всех вывезенных товаров равнялась 508 милл., т. е. стоимость хлеба составляла 51,8% стоимости всех вывезенных товаров. Следовательно, вывоз хлеба возрос на 384% по всей стоимости; количество четвертей увеличилось на 241,4%; в то же время стоимость хлеба превысила стоимость всех вывезенных в 1864 г. товаров на 100 миллионов рублей (на 60%) [1] (см. стр. 17, таблица II).

Чупров («Железнодорожное хозяйство», том, II стр. 243) приводит очень любопытные данные насчет увеличения хлебных грузов, перевозимых железными дорогами. В 1869 г. эти грузы составляли 146 миллионов пудов или же 33,4% всех грузов. Согласно «Статистическому сборнику Министерства путей сообщения» 1877, т. I, вес перевезенного хлеба равнялся 547,8 миллионов пудов, т. е. составлял 41,28 всех грузов.

Очень жаль, что банки не указывают в своих отчетах рода торговли своих дебиторов, чтобы можно было знать, до какой степени содействуют эти учреждения развитию торговли хлебом. Но не одни только эти банки содействуют развитию ее; в это же самое время появились преуспевающие учреждения земельного кредита. Сравним цифры за 1874 и за 1877 гг. (к 1864 г. долги прежним учреждениям земельного кредита доходили до 359,5 миллионов рублей, но часть этого долга падает на крестьян за выкуп земли. Сколько приходится на долю помещиков, не могу сказать — нет под рукой данных. К 1874 г. он распределяется так: на помещиков

99 614 000, на крестьян 307 000 000. Ср. «Статистический временник», т. XI, стр. XLVIII, Примечание).

Ипотечный долг русских земельных собственников (Польша и Остзейский край).

Поземельный долг старым кредитным учреждениям.

	К 1874 г.— 99 614 000 (Статистический временник, XI, стр. 57)	К 1878 г. — 73 393 000 (Ежегодник, IX, стр. 89; 1878 г.)
Общества земельного кредита выдали.	102 692 000 руб.	163 505 000 руб.
Земельные банки	63 668 000 »	118 322 000 »
Общественные банки	7 182 000 »	11 250 000 »
	273 156 000 руб.	366 493 000 руб

Следовательно, в течение трех лет на землю (не крестьянскую) прибавилось долга 34,2 %.

Посмотрим теперь, какие суммы привлекли все эти кредитные и железнодорожные компании и каким образом они сгруппированы (к 1877 г.).

	Основной капитал	%	Вклады на проценты и пр.	Закладные общества земельного кредита	Облигации	(2+3+4):1
Кредитные учреждения	167 788 000	18,8	723 790 000	—	—	81,2
Земельные банки («Ежегодник», IX, 1878 г., стр 337)	27 753 000	5,6	6 848 000	460 000 000	—	94,4
Желез. дороги (к 1878 г.)	474 185 000	34,3	—	—	915 706 000	65,97
	669 726 000	25	—	2 006 444 000	—	75

Изложив самые важные факты, я хотел бы прибавить к этому некоторые подробности относительно крестьянского хозяйства. Но это письмо растянулось, и я боюсь запоздать с отсылкой его, если я стану переводить остальное, тем более, что я должен буду далее цитировать русских авторов.

Так как вам известно уже отчасти из прежних писем, как тяжело отзывается на податном сословии возрастание государственного бюджета и насколько налог несоразмерен с доходом, то мне теперь не придется много говорить об этом; сообщу только несколько новых данных. Но прежде обращу ваше внимание на то, как смотрит наш новый всесословный орган — земство — на народные нужды. Надо ожидать, что земство уравновесит бремя налогов и постарается сложить с крестьян, — которые несут всю тягость государственного бюджета и большие выкупные платежи за землю, — бо́льшую часть земского бюджета.

Вот цифры: в 1877 г. в 32 губерниях, где введены земские учреждения, у крестьян считалось 75 миллионов десятин земли, которые были обложены земством в количестве 11 230 000 рублей; земля остальных сословий 129 миллионов десятин несла земских платежей 8 515 000 рублей; весь бюджет — 26 700 000 рублей.

На основании этих данных надо думать, что крестьянские земли отличаются особым плодородием сравнительно с землею прочих владельцев. Посмотрим, что говорят цифры — Московское земство предприняло издание «Сборника статистиче-

ских сведений», относящихся до Московской губернии. Я не нахожу достаточно сильных выражений, чтобы рекомендовать вам это превосходное исследование; особенно обращаю ваше внимание на отдел «Крестьянское хозяйство» (отд. 11) и на «Экономические таблицы», на основании которых сделаны выводы в этом отделе. (В феврале должен выйти III том и начало IV, который исключительно будет посвящен крестьянскому хозяйству.) В этом сборнике мы, между прочим, находим, что арендные цены за крестьянские земли в Серпуховском уезде на 43 % ниже средних арендных цен всего уезда (стр. 57, т. II); в Подольском на 36% (стр. 35, 36); в Верейском на 51 % (стр. 72); в Звенигородском на 50 % (стр. 112 — 113); в Рузском — на 40,3 % (стр. 93); в Можайском на 12 %. Самым лучшим указателем экономического положения населения есть его способность уплачивать подати, которые, как известно, взыскиваются не особенно нежными средствами. [2]

Оказывается, что крестьяне Московской губ. должны выкупных платежей за землю (недоимок) 1 157 000; податных недоимок за ними числится 895 000 руб., всего 2 052 000 руб. (Приложение к отчету Государственного контроля за 1877 г., таблицы 5 — 7). Чтобы понять значение этой суммы, надо просмотреть только что упомянутые таблицы 5 и 7, Приложения etc., из которых видно, что по величине крестьянского долга Московская губ. стоит рядом с вечно голодными: Смоленской, Новгородской, Псковской и недавно голодавшими Самарской, Казанской, Вятской... А Московская губерния самая промышленная в России... В «Сборнике статистических сведений» по Московской губ. можно до самых детальных подробностей проследить шаг за шагом путь, который ведет к обнищанию населения; там можно видеть, почему крестьянин перестает «обряжать землю», «забрасывает» ее и почему число «упалых» постоянно возрастает; так, по Подольскому уезду в 1869 г. 6,9 % крестьян не занимались хлебопашеством, а в 1877 г. — уже 18 % (т. II, стр. 23). В 7 уездах Московской губ. 13,83 % крестьянских домов не занимаются хлебопашеством. А самое население возрастает чрезвычайно медленно. Так, по 6 уездам Московской губ. с 1858 по 1876 — 1877 г. население увеличилось всего на 4,69 %. На стр. 7 — 17 (т. II, отд. II) «Сборника» можно видеть, как постепенно уменьшается число рабочего крестьянского скота и как вместе с тем постоянно возрастает число домохозяев, принужденных, за неимением скота, или обрабатывать землю наймом (!), или просто бросать земледелие. Далее, из данных стр. 74 — 83 можно видеть, в какой тесной зависимости находится количество имеющегося у крестьян скота с его податной способностью.

Можно думать, что крестьянин, перестав заниматься земледелием, поступает на фабрику и благоденствует. Вот что об этом говорит «Статистический сборник» (т. II, отд. II, стр. 55). «При исследовании каждого селения мы ставили вопрос о быте семей, не занимающихся хлебопашеством, и в большинстве случаев получали такой ответ: «Живут поденщиной — чрез день хлеб едят; всего имущества имеют руб. на 15 — 20». «Живут на стороне в мастеровых, с ними живут и жены; дети помирают». «Мужчины ходят на сторону по фабричной части; жены и дети побираются». «Муж на заработках, жена и дети нанимают квартиру в своей деревне из «Христа ради».

Из приведенных в первой части письма данных мы видели, в каких широких размерах пользуются кредитом хлеботорговцы и землевладельцы. Любопыт-

но знать, куда же последние употребляют позаимствованные суммы? Насколько улучшают они свое хозяйство? Но... оказывается, что хозяев н е к р е с т ь я н, которые бы вели самостоятельно хозяйство наемными рабочими, — очень мало. Факты, сюда относящиеся, разбросаны по страницам наших журналов за послед нее время. «Статистический сборник» Московской губ. полон указаниями на это. Из 291 имения Черниговского и Борзенского уездов Черниговской губ. только 11, т. е. 3,77 %, ведут хозяйство наемными рабочими. («Материалы для оценки земельных угодий Черниговской губ.», I и II, Киев 1877). Да это и понятно: из показаний Джурича (Синие книги) и др. источников известно, как поступают хлеботорговцы и их агенты. Тотчас после жатвы или даже перед нею эти господа объезжают села и скупают по вынужденной (подати, недоимки и пр.) цене хлеб у крестьян или же берут его за долги. Таким образом, определяемые цены настолько низки, что никакой помещик не в состоянии конкурировать. Так, например. Григорий Бланк (известный крепостник), помещик Тамбовской губ., жалуется (в частном разговоре), что у него в имении гниет хлеба на 500 000 руб. и он не в состоянии продать его, не потерпев громадных убытков. То же самое постоянно можно слышать и от помещиков других губерний. (Тверской, Новгородской и пр.). Недаром поэт говорит об уничтожении крепостного права:

Порвалась цепь великая,
Порвалась, раскачалася;
Одним концом по барину,
Другим по мужику...

(Н е к р а с о в, Кому на Руси жить хорошо.)

Крестьянин обыкновенно бывает вынужден (подати) продать бо́льшую часть своего хлеба. Остающейся же часть хватает до декабря — января; вот тут-то у него и нет другого пути, как обратиться к своему благодетелю кулаку-хлеботорговцу, который и отдает его же собственный хлеб ему же, крестьянину, по ценам, нередко вдвое высшим осенних. Впрочем, на деньги крестьянин сравнительно редко покупает хлеб; берет он обыкновенно в долг, с обязательством никому другому не продавать будущей жатвы. Вот что говорит, например, В о л о г д и н, «Лесное царство» («Слово», 1878, XI, стр. 170 — 171): «Несмотря на крайнюю бедность в хлебе (Устьсысольский уезд), каждый год, весною, по реке Сысоле и Визинге плывут в Архангельск барки с зырянским хлебом. Откуда же берется этот хлеб? Голодный край, торгующий хлебом... Нужда вырывает изо рта крестьян последний кусок хлеба... и заставляет его продавать кулакам задешево, по 40 — 50 к. за пуд... Та же нужда гонит их в конце или даже в половине зимы покупать хлеб у кулаков. Вот и покупают они свой же хлеб, проданный осенью по 40 коп., за 80 коп. и дороже...

В 1867 г. зимою куль ржаной муки стоил 6 р. 30 к., а весною 13 р. 50 к. В 1868 г. зимою куль стоил 6 р. 30 коп., а к весне 15 р. 70 коп.»... А вот что говорит Энгельгардт в последней своей статье «И з д е р е в н и» («Отечественные записки», 1879 г., I, стр. 117). «При обыкновенной продаже скота осенью в деревне хозяин получает за говядину от 80 до 1 р. 50 коп. за пуд, красная цена 2 руб. Посчитайте, много ли при такой цене придется рабочему за труд, который он употребил для приготовления корма и на уход за скотом. Посчитайте. Вы удивитесь, как мало копеек приходится косцу за его тяжелый труд. Ведь это только н у ж д а —

необходимость уплатить подати, купить хлеба — продает мясо по таким дешевым ценам, и чем дешевле мясо, тем, значит, более нужда. Прошедшею осенью говядина у нас обходилась скупщикам скота по 80 коп. за пуд; знаю даже несколько покупок по 50 коп. за пуд. Между тем ржаная мука была 1 руб. — до 1 руб. 20 коп. за пуд. Мужик приводил на рынок корову, продавал ее за бесценок и на вырученные деньги покупал ржаную муку» («Отечественные записки», 1879 г., I, стр. 117).

... Мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
За крошку хлеба капля пота —
Вот в двух словах его судьба...

(Некрасов, Медвежья охота.)

Вернемся к началу: сведем бюджеты рассмотренных нами факторов экономической жизни государства за 1877 г.

Государственный бюджет	548,8 милл. руб.	64,6 %
Земский	26,7 » »	3 %
Железнодорожный	190,5 » »	22,4 %
Банковый (кредиты не земельные)	84,2 » »	9,9 %
Земельных кредитных учреждений	? нет сведений	
	850,2 милл. руб.	100 %

Как видите, вновь нарожденные младенцы развиваются быстро: оказывается, что и родились то они зубастыми.

Вам, может быть, интересно знать, как оплачивается труд железнодорожных рабочих. Возьмем для примера Николаевскую железную дорогу, имевшую до 45 000 поверстного дохода (валовая выручка). Войдемте вместе с д-ром Диатроптовым в здание Петербургской станции этой дороги. Вот квартира рабочих: «Она представляет логовище в каменной стене, без окон, с одной дверью, длиною 14 аршин, ширина 3 аршина, вышина $3^1/_2$ арш., где день и ночь горит и коптит масло и где помещено 10 человек мастеровых, следовательно на человека приходится 178,19 куб. фут. воздуха!.. При осмотре мне сказали, что это помещение временное». «Тюремное помещение тоже временное, — прибавляет доктор, — но оно не лишено дневного света» («Врачебные ведомости», 1879 г., № 304, стр. 45, Диатроптов, О жилых подвальных помещениях в районе Александро-Невской части...).

Однако это письмо до такой степени растянулось, что пора свести итог всему сказанному. Итак, мы присутствуем при таком экономическом перевороте, другой пример которого едва ли может представить русская история. Факторами этого новейшего переворота являются:

1) Банк, — и вообще кредитные учреждения, как краткосрочные, так и земельные, — которые способствуют сосредоточению колоссальных средств и раздаче кредита избранным [3], но настоящее свое значение и силу они получили при развитии.

2) Железные дороги, эти так сказать дренажные трубы, уносящие из государственного организма пищу и почву... Чупров в своем «Железнодорожном хозяйстве», II, стр. 237, говорит о влиянии железных дорог на лесоистребление: «Немедленно по проведении железной дороги начинается усиленная вырубка

лесов, ближайших к рынку и к самой железной дороге; лесные грузы в течение нескольких, большею частью немногих лет быстро увеличиваются; затем, по мере истребления лесов в окрестностях ближайших станций, лесные отправки постепенно переходят в более отдаленные рынки, пока не оттесняются так далеко, что перестанут выносить издержки перевоза, тогда происходит на железных дорогах убыль лесных грузов» (II, стр. 237). Рассуждение это буквально применимо и к хлебным грузам, но период истощения почвы здесь, разумеется, гораздо длиннее, результат же одинаков; с одной стороны, лесоистребление, с другой — неурожай и голодовка... Вообще, влияние железных дорог на экономическую жизнь населения представляется далеко не в таком привлекательном виде, как бы этого желал Чупров. На стр. 51, т. I, где он рисует картину обмена архангельской мужицкой рыбы на самарский мужицкий хлеб как желательный результат железнодорожного влияния, он забывает одно условие: в чьих руках находятся деньги и кредит; здесь, следовательно, мы опять наталкиваемся на кредитные учреждения. Словом, мы вращаемся в заколдованном кругу...

Совокупность всех этих условий приводит к тому, что мы вывозим на 264 милл. руб. хлеба, и в то же время народ голодает или питается его суррогатами, вроде сосновой коры; вывозим на 15,7 милл. скота и бросаем обработку земли; «опускаем ее» вследствие недостатка удобрения, т. е. скота. Вывозим на 67,7 милл. льна, чтобы привезти на 35 милл. хлопка, как будто русскому народу нравится больше носить коленкор вместо полотна... А между тем еще Байрон сказал:

С тех пор как яблока вкусила Ева,
Нам, грешникам голодным, счастья нет —
Тому примеров тьма, — коль плох обед.

Вы, может быть, пожелаете знать литературу банкового хозяйства; но у нас ее нет... Ни журналы, ни ежедневная пресса не занимаются разработкой подобного рода вопросов. Так как мне попался под перо Байрон, то могу сказать, что он именно предвозвещал о нашей прессе, когда говорил:

Мерзавец, чье презренно ремесло
И чье к тому направлено стремленье,
Чтобы внушать своим владыкам зло:
Народы гнуть, готовить заточенье
Всему, что мыслью вольной расцвело,
Чинить цепей расшатанные звенья;
Продажный плут, чья цель — плодить рабов
При помощи бесстыдно лживых слов.

Это она, это наша ежедневная пресса; это только вчера написано, а не в 1818 году!

В конце концов прошу извинения за разбросанность, несвязность настоящего письма. Многое, о чем желательно было бы поговорить, так и осталось без разъяснения. Например, спекулятивный характер наших южных банков, с их огромными потерями, ведущими к ликвидации целых учреждений (ростовский, одесский банки), очевидно находится в зависимости от спекулятивного характера самой хлебной торговли. Далее не указана зависимость количеств несостоятельностей от большей или меньшей урожайности и многое другое. Но все это можно сделать не в письме, а в большом исследовании, да и времени для этого требуется

не месяц, не два... Далее надо было бы сказать хотя несколько слов о проценте возрастания населения, о развитии фабричной производительности, но для этого нет у нас верных данных. Относительно последнего вопроса Чупров (II, стр. 291, прим. 106) цитирует Л. Карачунского («Статистика производительных сил России», Берлин, 1878), который уверяет, что число фабрик с 1855 до 1875 г. удвоилось, оборот же их утроился. Насколько это справедливо, не знаю. Работы Карачунского не видал, но цифрам его мало верю, так как официальная статистика по этому вопросу не дает ничего. В настоящем письме я черпал материал только из вполне достоверных источников.

Прежде чем окончить это письмо, я вас прошу: 1) сообщить мне о сомнениях, какие могли бы зародиться у вас, в связи со всеми собранными мной фактами, и сказать, какие я мог бы сообщить вам по этому поводу материалы и разъяснения.

2) Какие сведения вы хотели бы иметь относительно других отраслей нашего государственного хозяйства. Я отлично знаю, что «Самостоятельные исследования являются главным источником нового научного познания».

3) Когда вы ознакомитесь с материалами, которые я вам посылаю и в которых я почерпал содержащиеся в этом письме факты, то, прошу вас, напишите мне, какое они произвели на вас впечатление, и сообщите мне в то же время, имеется ли что-нибудь подобное в других странах. Вы пишете мне о Соединенных Штатах: совершается ли революция, о которой идет речь, в таких же размерах или же там встречаются для нее некоторые препятствия?

4) По получении этого письма я прошу вас тотчас же сообщить мне об этом. Вы бы меня очень обязали, если бы вы мне сообщили в то же время, получили ли вы книги, посланные мною вам весной прошлого года:

«Сборник статистических сведений по Московской губ.», I и II т., Москва, 1877 и 1878. Для вас — неоценим. Пахман, Обычное право. СПБ., 1878. Янсон, Крестьянские платежи. СПБ., 1877. «Биржевые артели», XI выпуск Статистического временника: «Статистика банков». СПБ., 1875, и вып. X, 1875, СПБ. Соколовский, Община на севере—и небольшая статья из «Слова». Трирогов, Податная душа.

И те, что я шлю вам теперь:

«Материалы для оценки и т. д.», Киев, 1877, I и II. «Отчеты Государственного банка» за 1863 и 1877 гг. «Ежегодник Министерства финансов», тт. I, V, VI, IX. «Отчеты Государственного контроля по исполнению Государственной росписи» за 1876 и 1877 гг. «Обзор внешней торговли России за 1877 г.». «Сборник сведений о железных дорогах в России», 1875, СПБ. «Статистический сборник Министерства путей сообщения, 1877 и 1878», 2 тома. Таблицы: «Валовой сбор железных дорог» за весь 1877 г. и 10 таблиц за 10 месяцев 1878 г. (более не выходило, по выходе пришлю). «Врачебные ведомости», № 304, 305 — 1879. «Баланс Государственного банка и его контор на 1 января 1879 г.». Трирогов, Податная десятина. («Вестник Европы», 1878, № 11, ноябрь).

Кроме того послал:

«Отечественные записки», 1878, № 11 — Трирогов, Наши общины. Чупров, т. II, Москва, 1878.

Автор статей о наших железных дорогах, помещаемых в «Сборнике государственных знаний», просил переслать их вам; последнюю — в корректурных листах, так как еще печатается.

Если вам нужны «Труды податной комиссии» и «Синие книги», то спросите их у «нашего общего друга». Вы можете пользоваться ими, как долго пожелаете.

Затем позвольте вам пожелать наибольшего успеха в ваших исследованиях и уверить вас, что вы найдете самого ревностного помощника в собирании материалов для них в...

[Н. Д.]

Так как вы мне обещаете послать к концу года листы по мере печатания их, то я решил удовлетворить публику, издав второй том «Капитала» (тем более, что мы не имеем возможности отпечатать зараз оба тома), и заняться затем вторым изданием первого тома.

[1] Вот еще несколько цифр для сравнения с другими предметами вывоза

	1864 г.	1877 г.	Увеличение в %%
Скота на	1 821 000 руб.	15 724 000 руб.	763
Льна	15 985 000 »	67 690 000 »	323
Пеньки	8 993 000 »	66 820 000 »	87
Ввезено хлопка . .	21 824 000 »	35 500 000 »	62

[2] Мне только-что принесли «Слово», 1879 г., II. (Там, между прочим, помещена статья Зибера «Чичерин contra Маркс».) В нем мы читаем: «В Ернурской волости (Яранский уезд, Вятская губ.) волостной старшина с е к многих крестьян по несколько раз за невзнос податей, а последний раз всех неаккуратных плательщиков поставил на колени во дворе волостного правления и в таком положении продержал их часа два» (А. Р — в, Заметка об экономическом состоянии крестьян Вятск. губ.), стр. 106, «Слово», II, 1879 г. Это после неурожая! Слишком буквальное понимание метафоры: «подати, это — крестьянская кровь...» [3] Вот против этой п р и в и л е г и и кредита наши либеральные экономисты не находят иного средства, как учреждение ссудо-сберегательных товариществ. Не говоря уже, что и в них практикуется привилегия, посмотрите, что это за орудие борьбы: в 1876 г. в 564 товариществах было выдано всего 5 844 000 руб. !!! Это сравнительно с 2 000 миллионов, выданных в 1876 г. во всех остальных кредитных учреждениях. [4] Непосредственную пользу железные дороги крестьянам приносят мало: «они (железные дороги) для доходности земель Московского уезда не имеют значения, так как по ним удобрения не перевозятся и сельские продукты не сбываются». («Сборник статистических сведений Московской губ.», т. I, стр. 85.).

41

[Н и к о л а й — о н К. М а р к с у]

Петербург, 5[17] марта 1879 г.

Милостивый государь!

В ответ на письмо г. Вилля я послал (5 февраля) очерк нашей финансовой политики за последние пятнадцать лет и одновременно с этим материалы (больше сорока фунтов книг, из которых некоторые представляют крайне редкие издания), на которых он основывался. Не получая никаких известий от г. Вилля и не зная, получил ли он вышеупомянутый очерк (и книги), я прошу вас успокоить меня по этому поводу. Я приготовил некоторые новые издания, но я боюсь отправить эти книги, если посылка потеряна.

Ваш Н. Д.

К стр. 17 моего письма [от 5 (17) февраля]:

Г о д	Чистый сбор хлеба, за исключением семян по всей России	Вывезено за границу	Вывоз в %% чистого сбора	Урожай сам-.
	в тысячах четвертей			
	А.	Б.		
1870	231 756	21 071	9,09	4,3
1871	166 677 (?)	23 224	13,93	3,3
1872	190 398	15 950	8,37	3,6
1873	191 278	20 705	10,81	3,7
1874	219 616	26 804	12,25	4,1
1875	156 245	22 460	14,37	3,2
1876	187 291	25 394	13,55	3,6

А. «Сборник сведений по Департаменту земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ. Выпуск I, С.-Петербург, 1879, стр. 3.

Б. «Ежегодник Министерства финансов» и «Обзоры внешней торговли России» за соответствующие годы.

* * *

На-днях мы имели случай видеть еще одно лишнее подтверждение того, насколько правительство помогает частным кредитным учреждениям: Дела Ревельского коммерческого банка совершенно расстроились, так что цена его акций сильно упала. Государственный банк оказал ему поддержку, открыв кредит в 3 миллиона рублей. В течение двух дней акции поднялись с 30 до 62 рублей.

Вообще после отправки моего последнего письма у меня накопились кое-какие факты, не лишенные интереса, для характеристики нашего финансового положения. Вот, например, еще любопытный факт: По вычислению «Сборника сведений по Министерству государственных имуществ» (С.-Петербург, 1879, стр. 16, 17, 18), на душу населения требуется продовольствия 1,75 четверти хлеба, между тем нечерноземная полоса в 1876 г. дала 1,28 четверти на душу, черноземная 2,16; в среднем 1,73; за вычетом хлеба, вывезенного за границу, на душу приходится 1,50 четвертей; при этом количество населения бралось по данным 1870 г.

42

[Николай—он К. Марксу]

Петербург, 29 марта [10 апреля] 1879 г.

Милостивый государь!

5 февраля, в ответ на ваше письмо (от 15 ноября), я послал вам краткий очерк нашего финансового положения и кучу книг, на основании которых он был написан. Не получая в течение месяца ответа от вас, я решил написать вам еще раз и настоятельно просить вас сообщить мне, получили ли вы письмо (от 5 февраля) и книги. Весьма вероятно, что вы не получили моих писем; вот почему я посылаю это письмо через третье лицо, и вы меня очень обяжете, послав мне какое-нибудь сообщение.

Не зная, получили ли вы или нет книги, которые я послал вам в январе и феврале, я не отправил вам некоторых новых официальных статистических отчетов.

Мы потеряли «нашего общего друга»: он теперь здесь, но мы не можем видеть его.

Ваш Н. Д.

43

[К. Маркс Николаю — ону]

Лондон, 10 апреля 1879 г.

Мой-дорогой сэр!

Как-раз, когда я получил ваше февральское письмо (а вместе с ним ценные печатные материалы, благополучно дошедшие до меня, так же как и другие упоминаемые вами книги), моя жена заболела так тяжко, что врачи даже сомневались, в состоянии ли она будет пережить этот неожиданный припадок своей болезни. В то же самое время мое собственное здоровье потерпело серьезное потрясение. (В сущности говоря, с того самого времени, когда изменившееся положение вещей в Германии и Австрии принудило меня прекратить мои ежегодные поездки в Карлсбад, я никогда уже не находился даже в сравнительно удовлетворительном состоянии здоровья.) При таких обстоятельствах, которые улучшились лишь очень недавно, я не мог, конечно, изучать присланных мне отчетов. Однако я послал вам в это время с одним немцем, ехавшим в Петербург, небольшое письмецо, в котором ограничился, впрочем, только сообщением о получении вашего письма да рекомендацией вам подателя. Но, к моему великому изумлению, он снова появился здесь вчера и сообщил мне, что вследствие каких-то случайностей он не проехал далее Берлина и отказался совершенно от поездки в Петербург.

А теперь — primo — я должен сообщить вам (это совершенно конфиденциально), что, по дошедшим до меня из Германии сведениям, второй том моего труда не может быть издан, пока нынешний режим продолжает держаться там во всей его нынешней суровости. Это сообщение, принимая в соображение status quo, ничуть не удивило меня и, должен сознаться, даже совсем не раздосадовало по следующим причинам:

Во-первых, я ни за что не согласился бы выпустить второй том, прежде чем нынешний английский кризис достигнет своей высшей точки, своего поворотного пункта. Его проявления оказываются на этот раз очень своеобразными и, во многих отношениях, очень отличными от тех, которые наблюдались в прежних случаях. Это своеобразие, помимо других видоизменяющих обстоятельств, легко объясняется тем фактом, что никогда еще английскому кризису не предшествовали такие могучие и продолжительные кризисы (тянущиеся в продолжение почти 5 лет) в Северо-Американских Соединенных Штатах, Германии, Австрии и пр.

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынешним ходом дел до их полной зрелости, только тогда можно будет «потребить» эти факты «производительно», т. е. «теоретически».

Вот, например, одна из странных особенностей нынешнего положения дел. Как вы знаете, было множество банковых крахов в Шотландии, а также в

некоторых английских графствах, в особенности в западных (в Корнуэльсе и Уэльсе). И тем не менее, настоящий центр денежного рынка, не только всего Соединенного королевства, но и всего мира — Лондон, пострадал до сих пор очень мало. Наоборот, за немногими исключениями, громадные акционерные банки, вроде Английского банка, пока только выиграли от общего крушения дел. А каково это крушение, вы можете судить по полному отчаянию английских торговых и промышленных филистеров, которые боятся, что не доживут опять до лучших времен. Я никогда еще не видел ничего подобного; никогда еще не доводилось мне быть свидетелем такой моральной растерянности, хотя я жил в Лондоне в 1857 и 1866 годах.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что одно из обстоятельств, благоприятствующих лондонскому денежному рынку, заключается в нынешнем состоянии Французского банка, который, со времени недавнего расширения торговли между обеими странами, превратился как бы в отделение Лондонского банка. Французский банк, вследствие того, что свободный размен кредитных билетов еще не восстановлен, держит громадный запас золота в слитках и, при первом же признаке какого-нибудь замешательства на лондонской бирже, французские деньги наводняют ее для скупки верных бумаг, понизившихся на время в цене. Если бы прошлою осенью французские деньги были внезапно потребованы обратно, Английскому банку пришлось бы, наверное, прибегнуть к своему последнему средству в крайних случаях — к приостановке банкового акта, вслед за чем неизбежно разразился бы денежный крах.

С другой стороны, спокойствие, с каким совершилось в Соединенных Штатах восстановление золотой валюты, также устранило напряженное состояние резервов Английского банка, вызывавшееся этим обстоятельством.

Но то, что и до настоящей минуты задерживает главным образом крах на лондонском денежном рынке, это — кажущееся спокойное состояние банков Ланкашира и других промышленных округов (за исключением горнозаводских округов Запада). А между тем вполне несомненно, что эти банки не только употребили значительную часть своих ресурсов на учет векселей и на ссуды невыгодным предприятиям разных промышленников, но некоторые из них, — как, например, Ольдгэмский, — даже затратили значительную часть своего капитала на основание новых фабрик. В то же самое время большие запасы произведенных товаров, в особенности хлопчатобумажных, накопляются день ото дня не только в Азии (преимущественно в Ост-Индии), куда они посылаются на комиссию, но и в Манчестере и т. п. Каким образом такое состояние вещей может пройти без общего краха сперва в промышленной среде, а затем и среди местных банков, чтобы после захватить непосредственно лондонский денежный рынок, — это трудно себе представить. А пока — стачки, беспорядки и замешательство господствуют повсюду.

Замечу мимоходом, что в течение прошлого года, столь неблагоприятного для всех других торгово-промышленных предприятий, железные дороги процветали; но это происходило только вследствие разных исключительных обстоятельств, вроде Парижской выставки и т. п. На деле же, железные дороги только поддерживают внешний вид процветания, накопляя долги и увеличивая со дня на день счет капитала.

Но каким бы путем ни пошло развитие этого кризиса, — столь важного во

всех его подробностях для исследователя капиталистического производства и профессионального теоретика, — но он все же пройдет, как и его предшественники, и породит новый «промышленный цикл» со всеми его разнообразными фазами процветания и пр.

Но под покровом этого, «повидимому» прочного, английского общества кроется другой кризис, — земельный, который произведет великие и глубокие перемены в социальной структуре этого общества. Я вернусь к этому предмету при другом случае, а то в настоящую минуту он завел бы меня слишком далеко.

Во-вторых, огромная масса сырых материалов, полученных мною не только из России, но из Северо-Американских Соединенных Штатов, дает мне приятный «предлог» продолжать мои исследования вместо того, чтобы заканчивать их для опубликования.

В-третьих, мой врач говорит, что я должен значительно сократить мой «рабочий день», если не желаю впасть в то же состояние, в котором я находился в 1874 г. и в последующие годы, когда я испытывал частые головокружения и не был способен продолжать моих занятий после немногих часов серьезного труда.

Относительно вашего крайне интересного и замечательного письма я ограничусь пока лишь немногим. Железные дороги возникли прежде всего в качестве «увенчания здания» (couronnement de l'oeuvre) в тех странах, где новая промышленность достигла наибольшего развития, — в Англии, Соединенных Штатах, Бельгии, Франции и пр. Я называю их «увенчанием здания» не только в том смысле, что вместе с ними были получены, наконец (на-ряду с океанским пароходством и телеграфами), такие средства сообщения, которые пришли в соответствие с новыми средствами производства, но также и потому, что они сделались основою громадных акционерных компаний, а вместе с тем стали также исходным пунктом для развития других форм акционерных обществ, начиная с банковых. Они дали, одним словом, такой громадный толчок концентрации капитала, возможности которого никто и не подозревал ранее, и в то же время ускорили и расширили в громадной степени космополитическую деятельность ссудного капитала, охватывающего, таким образом, весь мир одной обширной сетью финансового плутовства и взаимной задолженности—этой капиталистической формой «международного» братства.

С другой стороны, возникновение железнодорожной системы в передовых странах капитализма поощряло и даже вынуждало государства, где капитализм ограничивался пока захватом лишь немногих выдающихся пунктов общественной организации, к внезапному созданию и расширению их капиталистической надстройки в размерах, совершенно не пропорциональных основе общественного здания, на которой до сих пор великое дело производства велось в унаследованных исстари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах постройка железных дорог ускорила социальное и политическое разложение, подобно тому как в передовых странах она ускорила конечное развитие, а следовательно и конечное преобразование капиталистического производства. Во всех странах, за исключением Англии, правительства всегда покровительствовали железнодорожным компаниям и обогащали их за счет государственного казначейства. В Северо-Американских Соединенных Штатах они получили кроме прибыли в дар значительную часть государственных земель, и притом

не только ту землю, которая была необходима для проложения дороги, но и целые мили земли по обеим сторонам пути, покрытые лесами и т. п. Таким образом, они стали самыми крупными землевладельцами в государстве, так как мелкие фермеры из иммигрантов предпочитали впоследствии селиться именно на их землях благодаря выгодности их положения и более удобному способу доставки своих продуктов на рынки.

Система, введенная во Франции Луи-Филиппом и заключавшаяся в передаче железных дорог небольшой шайке финансовых аристократов, в даровании им всяческих владельческих прав, в гарантировании им прибылей из народного кошелька и пр., была доведена до своих крайних пределов Луи Бонапартом, правление которого в действительности покоилось существенным образом на торговле железнодорожными концессиями, причем он был так щедр, что даже отдал в дар некоторым из железнодорожных компаний государственные каналы и пр.

В Австрии и, в особенности, в Италии железные дороги стали новым источником невыносимой государственной задолженности и налогового обременения народных масс.

Вообще железные дороги дали, конечно, громадный толчок развитию внешней торговли; но в странах, вывозящих главным образом *сырье*, эта торговля усилила нищету и бедствия масс не только потому, что новая задолженность, навязанная им правительствами ради железных дорог, увеличила общую сумму давивших их *налогов*, но еще и потому, что с момента, когда продукты местного производства получили возможность превращаться в космополитическое золото, многие из этих продуктов, *бывшие ранее очень дешевыми*, как, например, фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали в значительной степени недоступными массам вследствие своей *дороговизны* и были таким образом изъяты из потребления народа; а в то же время, с другой стороны, и самое производство (я разумею некоторые специальные *роды продуктов*) также изменилось, согласно *большей или меньшей приспособленности его для вывоза*, тогда как ранее оно приспособлялось преимущественно к *местному* потреблению. Так, например, в Шлезвиг-Гольштинии пахотные земли были обращены в пастбища, так как вывоз скота оказался выгоднее вывоза земледельческих продуктов. Вместе с тем земледельческое население было изгнано из насиженных мест. Все эти перемены оказались действительно очень выгодными для крупных землевладельцев, ростовщиков, купцов, железнодорожников, банкиров и т. п., но очень гибельными для действительных производителей.

Чтобы закончить мое письмо, время отправления которого на почту надвигается все ближе и ближе, скажу еще, что я считаю невозможным провести действительную аналогию между Соединенными Штатами и Россией. В Соединенных Штатах государственные расходы уменьшаются с каждым днем и государственный долг ежегодно и быстро сокращается; перед Россией же все яснее и яснее вырисовывается почти неизбежное государственное банкротство. Соединенные Штаты освободились (хотя самым гнусным образом — к выгоде кредиторов и в ущерб мелкому люду) от бумажных денег; в России же ни одна фабрика не процветает в такой мере, как фабрика кредитных билетов. В Соединенных Штатах концентрация капитала и постепенная экспроприация масс представляют не только орудие,

но и естественное порождение (хотя и ускоренное искусственно гражданской войной) неслыханно быстрого промышленного развития, земледельческого прогресса и пр.; Россия же напоминает нам скорее Францию времен Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная социальная надстройка или, вернее, ф а с а д общественного здания (хотя все же имевший под собою гораздо более прочный фундамент, чем в России) представлял собою что-то вроде сатиры на отсталое, неподвижное состояние главной отрасли производства (земледелия) и нужду производителей. Соединенные Штаты в настоящее время значительно перегнали Англию в быстроте экономического прогресса, хотя все еще находятся позади ее по размерам накопленных богатств; но в то же самое время народные массы обладают там более живым темпераментом и имеют в своих руках более сильные политические средства для выражения своего негодования против той формы прогресса, которая позволяет ему совершаться на их счет. Но я не вижу нужды продолжать далее эти антитезы.

Кстати: какое русское сочинение по кредиту и банковому делу вы считаете более всего удовлетворительным?

Г-н Кауфман имел любезность прислать мне свою книгу «Теория и практика банкового дела»; но я был несколько удивлен, увидев из нее, что мой прежний интеллигентный критик из петербургского «Вестника Европы» превратился в какого-то Пиндара новейшего биржевого плутовства. Кроме того, рассматривая эту книгу даже только с точки зрения чисто специальных качеств, — а я вообще не ожидаю от книг этого рода ничего другого, — я нахожу ее далеко не оригинальной в ее частностях. Наилучшая часть ее, это — полемика против бумажных денег.

Говорят, будто некие иностранные банкиры, через посредство которых некое правительство пожелало заключить новый иностранный заем, потребовали от него в виде гарантии введения у себя конституции. Но так как, при их новой методе вести такие дела, они были всегда очень равнодушны к формам правления и до сих пор еще не отказались от нее, то я совершенно не склонен верить этим слухам.

Истинно ваш

А. В и л ь я м с.

44

[Н и к о л а й — о н К. М а р к с у]

Петербург, 14 [26] июля 1879 г.

Милостивый государь!

Я получил ваше письмо, доставившее мне величайшее удовольствие. Но, к моему большому сожалению, из него явствует в то же самое время, что появление долгожданного второго тома «Капитала» гораздо дальше от нас, чем я полагал.

Очень жаль, что я не могу удовлетворить вашей просьбы и послать вам какое-нибудь русское сочинение по вопросу о кредитном и банковском деле: по этим вопросам у нас нет вовсе оригинальных сочинений.

Я должен извиниться, что так поздно ответил на ваше письмо, но 1) я ожидал каждый день выздоровления «нашего общего друга» от его болезни, но последняя имеет тенденцию стать хронической; 2) я желал собрать как можно больше фактов, чтобы представить вам итог экономического положения наших налогоплатель-

щиков. Может быть, вы вспомните, что «Труды Податной комиссии» дают только представление о тенденции налогов поглотить весь доход крестьянина, т. е. указывают на тенденцию v в формуле m/v приближаться к нулю или на тенденцию m/v приближаться к ∞%. Но «Труды» не дают точных данных, ибо земства брали только чистую прибыль (следовательно, за исключением продовольствия), а не валовую прибыль (за исключением рязанского земства). Не имея достаточно фактов, я не могу вам дать, — по крайней мере, в настоящее время, — такого итога.

Мое последнее письмо вызвало у вас некоторые недоумения. Я постараюсь рассеять их, что даст мне в то же время повод собрать факты, которые должны подтвердить некоторые из моих предыдущих утверждений.

С начала 60-х годов до нашего времени производительность труда в России (именно земледельческого труда) остается неизменной, но распределение продуктов труда изменилось значительным образом. Вот факты:

«Очень немногие помещики в Курской губернии ведут хозяйство сами, несмотря на то, что Курская губ. по числу помещиков была первою в России». Еще менее — вольнонаемным трудом. Земля сдается крестьянам из части урожая, «иногда из $^1/_2$, но большею частью помещику $1^1/_2$ или даже 2 части». «Огромное большинство имений сдается за деньги, и арендные деньги быстро растут по всей губернии». Купеческие хозяйства ведутся тем же путем (Чаславский, «Хлебная торговля в центральном районе, СПБ., 1875, стр. 7/231). После 1861 года земли сдавались так, что крестьянин получал $^1/_2$ продукта, впоследствии ему пришлось отдавать $1^1/_2$—2 части. «После проложения железных дорог испольная система начала быстро заменяться денежною арендой». Арендуют же подесятинно и под один посев. «Последствия оказались гибельными для крестьян: если он брал землю из $^1/_3$ урожая, ему оставалось около 16 руб.; из $^1/_2$ — 23 руб. 50 коп., теперь же на его долю приходится около 4 руб., при плохом же урожае он терпит убыток» (там же стр. 16/240). Следовательно, его участие в продукте, доля его уменьшилась в 4—6 раз. Все сказанное можно отнести ко всем черноземным уездам Орловской, Тамбовской губ. (последняя без восточной и юго-восточной части), северо-востоку Воронежской и югу Рязанской и Тульской (стр. 21/195). «Бо́льшая часть хлеба, поступающего в торговлю, — хлеб крестьянский (в примосковском районе); главная масса продаваемого хлеба производится на арендованных землях» (Чаславский, Хлебная торговля в прмосковном районе, стр. 6). «Огромная часть хлеба с волжских, цнинских, рязанских пристаней — хлеб крестьянский, так как крестьяне арендуют многие земли в Тульской, Орловской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской губ.» (стр. 205). «Арендные же платы быстро повышаются... и это повышение парализует выгоды от повышения цены на хлеб» (стр. 206). «В Смоленской и Тверской губ. земля отдается в аренду крестьянам подесятинно за плату; в Калужской — за пользование пустошами и угодьями, так как здесь наделы меньше... обыкновенно сельским обществам... возделывание за угодья для помещиков выгоднее, потому что крестьяне не дошли еще до надлежащей оценки своего труда (!?); за плату натурою крестьянин сделает всегда больше, чем за деньги...» (Из «Сборника» московского земства можно видеть, какое значение имеют для крестьян «отрезки», т. е. земли, отрезанные в пользу помещиков от прежних крестьянских хозяйств, без пользования которыми

все их хозяйство едва ли может существовать.) «Кроме того, при заключении условия, крестьяне соглашаются (!) на дополнительные «выговоры» (отработки), которые, подчас, бывают больше капитальной работы... Вообще помещики говорят: мужик только тогда хорошо работает, когда ему должны... для этого и даются ему задатки». Аренд здесь нет, вольнонаемного труда — также (Раевский, Хлебная торговля в западном районе, стр. 27—28). В Вологодской губ. помещики после 1861 г. стали отдавать земли исполу: семена — помещичьи, урожай, кроме семян, делится пополам, солома — помещику, сено — пополам (Чубинский, Северный район, стр. 516). (В Костромской губ. — за угодья; в Новгородской — исполу — стр. 576.)

Число таких выписок можно увеличить, но и этих достаточно. Мы проехались по довольно значительной части России, и везде оказалось, что земли частных землевладельцев обрабатываются крестьянами за свой страх, но что при этом наем земель для них отяготителен (за угодья) или что доля урожая, приходящаяся на их долю, уменьшается (вместо $^1/_2$—$^2/_3$ части отдает); но в этих двух случаях крестьянин может рассчитывать получить хоть что-нибудь; мы видели, что исполь-ная система заменяется денежной арендой, притом в форме подесятинной — на год, и при арендной плате, возвысившейся в 4—6 раз, крестьянин рискует ничего не получить в случае плохого урожая... Я уже приводил факты, что крестьяне бывают вынуждены осенью продавать свой хлеб, чтобы весною или даже зимою снова купить. Посмотрим теперь, насколько это явление распространено вообще, насколько увеличилось или уменьшилось местное потребление. «После освобождения (1861), с развитием арендования земель крестьянами, сократились прежние размеры местного потребления... Результатом уничтожения крепостного права и проведения железных дорог было общее увеличение избытков и вывоза из губернии (Курской)... Вместе с тем в последнее время развились отхожие промыслы» (Чаславский, Торговля в Риге, стр. 32/250), другими словами — местному населению не стало доставать продовольствия! «Главная масса продаваемого хлеба производится крестьянами на арендованных землях, своего же нехватает и на прокормление. Продавая обыкновенно хлеб осенью, (крестьяне) покупают его для продовольствия зимою и весною» (Чаславский, Примосковский район, стр. 6). «Население Коломенского уезда, даже при хорошем урожае, едва в состоянии продовольствоваться своим хлебом, тем не менее, по уборке, крестьяне начинают свозить на базары хлеб, нуждаясь в деньгах... весною им приходится покупать собственный же хлеб, но дороже, чем продали» (стр. 120). «Несмотря на то, что $^2/_3$ населения (от Москвы до Нижнего) приходится покупать хлеб..., можно каждую осень встретить здесь на городских и сельских рынках продажный крестьянский хлеб, но это только осенью, тотчас после сбора. Продают всегда по нужде — для уплаты податей. Весною же положительно все крестьяне покупают хлеб» (стр. 165). «Крестьяне, для уплаты податей, продают тотчас после уборки часть своего хлеба, а после обращаются к покупному, и, зачастую, собственного производства, приобретая его по цене гораздо высшей, чем та, по которой продали» (Барковский, Хлебная торговля в верхне-волжском бассейне, стр. 13/629). «Мужик не любит вообще продавать хлеба, но нужда все-таки заставляет, и у крестьян сложилась прибаутка: «Не тужи, матушка рожка, что выпала в город дорожка, уж

переплачу, да тебя ворочу», т. е. что крестьянин, хотя за более дорогую цену, да купит свою же рожь» («Сборник материалов по статистике Тверской губернии», Тверь, 1874, выпуск II, стр. 64—65).

Из этого можно видеть, насколько распространено такое дикое, нелепое явление, как продажа осенью крестьянами хлеба, необходимого на продовольствие, и затем весенняя покупка своего же собственного хлеба, но по более дорогой цене. Посмотрим теперь, при каких условиях совершается крестьянами продажа хлеба осенью, и какая доля крестьянского хлеба идет в нашу хлебную торговлю. «Главные производители хлеба — крестьяне... хлеб сборный... В Курск, Орел, Конотоп и пр. с проложением железных дорог наехало много торговцев из Риги, Витебска, Динабурга, Киева и т. д., которые разъезжают для закупки хлеба и живут в местах сборки» (Чаславский, Торговля в Риге, стр. 3/255). «Крестьянский хлеб обыкновенно в продаже осенью. Он скупается у прасолов» (стр. 118/342). «Размеры посевов в Моршанском районе, с проведением железных дорог, значительно увеличились... почти $^1/_2$ хлеба крестьянского, которые арендуют много земли... Моршанские купцы скупают на базарах сами или через посредство кулаков-комиссионеров» (Чаславский, Примосковский район, стр. 75). «При закупке крестьянского хлеба на моршанских базарах принимают большое участие местные кулаки... Да и в прямых сношениях купцов с крестьянами, здесь, как и во всей юго-восточной черноземной полосе России, преобладает характер кулачества... Здесь пускается в ход заманиванье, обмер, обвешиванье, притеснения при расплатах... У одного из первостатейных купцов, издавна торговавшего хлебом и делавшего обороты на 100 000 четвертей в год, найдена была пудовая гиря, неверная на два фунта... Посредством ее он наживал в год до 16 000 руб... Дело это замяли» (там же, стр. 76—77). «Торговыми деятелями являются московские, петербургские, рижские и местные купцы... Заготовка на местах делается обыкновенно приказчиками московских и др. иногородних торговцев при посредстве местных купцов-кулаков, перепродающих затем партии в Москву и др. места...; Вообще характер торговли двоякий: 1) В местах, где промышленное и торговое оживление велико, характер торговли по преимуществу прасольский. Хлеб скупается мелкими партиями при посредстве кулаков, прасолов, шмырей и т. п., разъезжающих по деревням и сельским базарам и закупающих хлеб по преимуществу у крестьян. Этот вид торговли преобладает к северу от Орла. 2) К юго-востоку хлеб свозится в торговые села и скупается местными кулаками для перепродажи приезжим купцам» (там же, стр. 5 — 6). «Скупка хлеба на козловских базарах производится обыкновенно через посредство местных кулаков-комиссионеров» (там же, стр. 51). «В Мценске крупные купцы закупают хлеб через посредство прасолов и кулаков... На базары местных торговых центров-сел хлеб прежде свозился из окрестностей и ссыпался в амбары двух-трех мелких кулаков... Они устанавливали цены, давали вперед и деньги, и товары под будущие урожаи, словом — держали меновую торговлю в своих руках. С проведением железных дорог они должны были уступить место приезжим прасолам и кулакам... Севернее торговля и прежде была прасольская. Каждый оптовый торговец имеет своих прасолов. Он раздает им деньги для закупки товара, обыкновенно не выше определенной цены: они отправляются по деревням и базарам... Барыш при покупке идет в пользу прасола. Кто дешевле умел купить у крестьян, тот получает больше поль-

зы, быстро наживается, сам делается купцом, заводит своих прасолов» и т. д. (там же, стр. 140—142). «Проведение железных дорог отозвалось невыгодно на местных купцах: московские купцы начали действовать помимо местных» (там же, стр. 146). «Крупные торговцы (между Москвой и Нижним) закупают хлеб у производителей почти всегда при посредстве кулаков, так называемых мартышек» (там же, стр. 167). «Огромная часть хлеба волжских, цинских и рязанских пристаней — хлеб крестьянский» (там же, стр. 205). «Хлебные базарные ссыпки (в Екатеринославской губ.) очень велики... кулаки-скупщики крестьянского хлеба являются главными продавцами хлеба вообще» (Янсон, Одесский район, стр. 46/122). «На берегу Днепра, рядом с крупным капиталом, работает огромное число мелких, направленных на сборку мужицкого хлеба, для снабжения городского населения» (так как вывозится хлеб помещичий) (там же, стр. 111/195). «Крестьяне (в Бессарабии) продают свой хлеб исключительно евреям на базарах... дальше базаров крестьяне хлеба не везут, так как все запасы попадают уже раньше в руки местных кулаков-евреев. Крестьяне находятся у них в полнейшей экономической зависимости» (там же, стр. 140/216). «В Подольской губ. сборкой крестьянского хлеба занимаются мелкие евреи. Здесь, как вообще в юго-западном крае, помещичий хлеб преобладает» (там же, стр. 170/246). «В Киевской, Подольской и Херсонской губерниях базарная торговля развита в сильной степени. На базарах идет сборка хлеба: сюда свозят его окрестные крестьяне и другие производители (казаки, чиншевики и пр.)... евреи скупают, формируют партии для отправки в порт» (там же, стр. 192/268). «Нередко крестьяне формировали между собою товарищества, поручали выборным продать свой хлеб в Одессе, делили выручку пропорционально вложенному товару» (там же, стр. 193/269). В Одессе «колониста или мужика кулаки-евреи стерегут за городом, верстах в пяти, приторговывают товар, садятся на воз, везут в магазин к хозяину... и здесь-то проявляется искусство мерщика... хлопочут о том, чтобы зерно поплотнее улеглось и пр.» (стр. 379). «В настоящее время способ закупки хлеба у крестьян на базарах вытесняет прежний способ разъездов» (Безобразов, Северо-восточный район, стр. 511). «Мелкое торгашество и спекулятивный перекуп хлеба на торжках и базарах сильно развит между крестьянами» (там же, стр. 514). «Дешевизна хлеба обусловлена крестьянским хозяйством, исключительно здесь господствующим... Весь вывозимый хлеб — крестьянский» (там же, стр. 500). «В Уфимском крае в торговлю поступает хлеб крестьянский: помещики с крестьянами конкурировать не могут, так как крестьяне производят хлеб при гораздо меньших расходах» (там же, стр. 558). Впрочем, это явление очень распространено, так как в западном районе «помещичьи хозяйства запускаются, земля продается зажиточным крестьянам и купцам. Новые хозяева ведут хищническое хозяйство, стараясь поскорее высосать все возможное из земли» (Раевский, там же, стр. 28). В Костромской губ. помещичьи запашки сокращаются (Чубинский). В Новгородской — также. Из «Сборника» московского земства (т. V) видно, что помещичьи запашки за 18 лет сократились на 80% и что при крайнем малоземелии крестьян число десятин необрабатываемой пашни постоянно возрастает. «Главными действующими лицами на ярмарках и базарах являются прасолки, т. е. мелкие торгаши из зажиточных крестьян и мещан, скупающие все в крестьянском хозяйстве»... Мужики говорят, что «кулак и дохлую

кошку возьмет». «Прасолки, это — первая торговая инстанция... Прасол продает портовым купцам; у каждого портового свой круг прасолов. Главная польза прасолов — обмер и обвес мужиков: у прасолов свои весы» (Раевский, там же, стр. 36—37). «Производители льна (а также и хлеба) в местностях северного района принадлежат к небогатому крестьянскому сословию, которое здесь, — более чем где-либо, — стоит в зависимости от своих богатых односельцев, так называемых кулаков. Кулаки снабжают своих односельцев деньгами, а также всеми предметами, необходимыми в крестьянском быту, приобретаемыми покупкой: косами, серпами, красным товаром и пр., получая за все расплату продуктами крестьянского производства: льном, холстом, хлебом и пр... Эти-то кулаки перепродают товар, купленный по вынужденной цене, купцам и приказчикам архангельских и иностранных контор» (Чубинский, Северный район, стр. 102—104). В Пинском районе «хлеб скупает жид-корчмарь и маклер». «В Пирятинском и Лохвицком уездах комиссионеры скупают хлеб у местных кулаков, в свою очередь скупающих крестьянский хлеб на базарах» (Янсон, Пинский район, стр. 159—169). «Трое купцов, в руках которых находится вся торговля льном Бежецкого рынка, сами лично лен не покупают, а делают это через особых мелких скупщиков-барышников... Кулаки по мелочам скупают для них лен у помещиков и у крестьян, разъезжая по уезду. Кулаки из мещан, во время базарных дней, чуть свет выползают на рынок, чуть не вырывают лен у крестьян; тут пускается в ход и обмериванье, и обсчитыванье, и всякое надувательство» («Сборник материалов по статистике Тверской губ., вып. II, Бежецкий уезд, Тверь, 1874, стр. 8).

Отсюда следует, что на земледельческом труде крестьянина основывается не только государственный бюджет и другие факторы, перечисленные в моем последнем письме, но что крестьянин должен также давать: 1) все увеличивающуюся долю своего продукта помещику и 2) прибыль куче кулаков, мартышек, прасолов, шмырей, евреев-шинкарей, портовых купцов и т. д. Из вышеупомянутого перечня мы видели, как эти джентльмены получают свою часть добычи...

«Сборник Министерства государственных имуществ» показывает далее, что производительность земледельческого труда не растет, так как все усилия частных лиц и государства направлены, как мы знаем, на развитие обращения, а не на организацию производства, или, иными словами, все усилия направлены на обогащение посредников между производителями и потребителями, на развитие всех средств, содействующих концентрации капитала; и мы видим, что если производитель в начале 60-х годов получал на свою долю 50% продукта, то в настоящее время его доля (при совокупной деятельности всех поименованных факторов) уменьшилась в четыре раза; но, кроме того, он экономически связан не с землей, как до 1861 г., а с кулаком. Сравнивая Россию с Соединенными Штатами и будучи знаком с быстрым ростом производительности труда в последних, я желал бы знать: в каком отношении находится доля производителей к возрастающей массе продуктов? Если прежде рабочий производил в Соединенных Штатах 100 единиц, а его доля равнялась 50, то сколько получает он теперь, когда производительность его труда возросла, скажем, до 200? Либо его доля возросла пропорционально возросшей производительности и она равна 100, либо она попрежнему равняется 50, либо она меньше 50. В России доля производителя уменьшается и относительным, и абсолютным образом. Но и —это в тысячу раз важнее—эта доля непрерывно

уменьшается, и недалеки времена, когда мы будем свидетелями чего-то ужасного... В то же самое время все симптомы этого уменьшения (развитие всех вышеупомянутых факторов, за исключением бюджета) рассматриваются подавляющим большинством нашей публики и печати как признаки роста благосостояния...

* * *

Вы, я надеюсь, получили IV и V томы «Сборника» московского земства («Крестьянское хозяйство и хозяйство частных землевладельцев»). Я уверен, что вы прочтете его с большим интересом и удовольствием (теоретическим, разумеется). Этот том знакомит нас с крайне любопытными фактами. Так, например, мы замечаем тенденцию, с одной стороны, части мира удлинить сроки нового передела земли, — в настоящее время средняя продолжительность этих сроков равняется 12,5 года; 50% всех общин устраивают переделы через двадцать лет (т. IV, стр. 152, 3, 9), — и в то же самое время, с другой стороны, продолжительность владения землей нашими новыми землевладельцами — кущами — равняется только 17 годам!! (т. V, стр. 46). Чаславский в «Сборнике государственных знаний», в статье о земледельческих отхожих промыслах, старается, между прочим, доказать, что в южно-русских губерниях (степных) наибольшая интенсивность земледельческого труда встречается не на землях крупных землевладельцев, как можно было ожидать, а на крестьянских землях. В V томе «Сборника» мы встречаемся с аналогичными фактами, доказывающими, что в Московской губернии наибольшей интенсивностью обладает крестьянское хозяйство! Князь Васильчиков, в своем труде «Землевладение и земледелие», утверждает, что не следует увеличивать крестьянского землевладения и что силы крестьянской семьи недостаточны для обработки более обширной площади. Наоборот, «Сборник», как и вышеприведенные цитаты, показывает, что в значительнейшей части России (за исключением юго-западных губерний) крестьяне арендуют бо́льшую часть земли и что находящиеся в торговле хлеба — крестьянского происхождения. В смысле количества фактов и статистических данных относительно крестьянского землевладения и т. п. и я не знаю лучшей работы, чем московский «Сборник» (III том появится в августе или в сентябре).

В августе появится новый том «Статистического сборника Министерства путей сообщения», в котором, среди других вещей, будут помещены и таблицы железнодорожных грузов (12 сортов земледельческих продуктов), которые были посланы со всех русских железнодорожных станций и со всех пунктов водных путей и которые были получены всеми соответствующими станциями и пунктами в 1876 г. Статистическая секция министерства намеревается опубликовать аналогичные таблицы касательно 48 сортов товаров (92 = 3% всех грузов; 12 сортов земледельческих продуктов дают до 42%). Имея в руках эти таблицы и издания Министерства государственных имуществ, можно определить, какая часть земледельческих продуктов остается в каждой губернии и какая часть вывозится. Главные результаты я изобразил на карте, которую я послал вам вместе с другими книгами (отчеты акционерных банков за 1876 г.). Из этих таблиц вы увидите, что линия, отделяющая южное направление земледельческих грузов от северного и западного, проходит от Царицына до Жмеринки (Одесская железнодорожная линия); даже Славянка, например (Курско-харьково-азовская линия), дает северному

направлению одну треть своих земледельческих грузов; иначе говоря, наши экономические условия таковы, что хлеба, направляющиеся по железным дорогам через всю Россию (от Царицына до Петербурга, Риги, Вержболова и т. д.), способны конкурировать с хлебами других стран; вы не должны в то же самое время забывать, как низка производительность земледельческого труда в России. Иначе говоря, русский крестьянин, в силу своей крайней экономической зависимости, дает возможность шлезвиг-гольштинскому помещику «сгонять с земли земледельческое население» и «превращать пахотную землю в пастбища» — и усиливать в то же самое время экономическую зависимость России от Западной Европы. Таким образом — выгода взаимная.

* * *

Как я сказал наши статистические отчеты о банках не дают никакого ответа на вопрос, какая доля в кредитных операциях достается купцам в каждой области торговли. Чтобы получить известное представление о взаимной зависимости наших внутренних рынков, вы можете обратиться к отчетам Государственного банка (Приложение, таблица № 3), но здесь мы получаем представление только о сделках некредитного характера. Хотя таблица эта дает только приблизительный ответ, мы не должны забывать, что отделения Государственного банка рассеяны по всей России и что огромная часть переводов (billets à ordre) телеграфных платежей совершается через их посредство. Из «Обзора внешней торговли России» мы знаем, каким могучим центром притяжения является Петербург (вместе со своим портом — Кронштадтом); поэтому интересно изучить: 1) встречное движение платежных средств в провинцию на место закупленного сырья и 2) движение платежных средств — полученных на месте вывезенного сырья — из провинции в промышленные центры для закупки товаров провинциального потребления. «Сборник Министерства путей сообщения» показывает, что только по железным дорогам прибыло в 1876 г. в Петербург 50,5 миллиона пудов хлеба (за отсутствием данных, я не знаю, сколько было ввезено его внутренними водными путями;[1] эти 50,5 миллиона пудов составляют 66,2% всех товаров, прибывших по железным дорогам в Петербург. Количество 12 сортов земледельческих продуктов, которые были получены всеми 1 080 станциями русской железнодорожной сети в 1876 г. и относительно которых дает нам сведения «Сборник», достигает 236,2 миллиона пудов; количество этих продуктов, полученных Петербургом как железнодорожной станцией, достигает 55,754 тысяч пудов (кроме хлебов — лен, пенька, льняное семя), т. е. Петербург получил на свою долю 23,6% количества полученного всеми прочими 1 079 станциями, — несколько меньше одной четверти!

Теперь очень интересно установить, находится ли встречное движение платежных средств в том же самом отношении ко всем платежам. При помощи отчета Государственного банка за 1876 год (приложение № 3) и отчета Волжско-камского коммерческого банка за 1876 год (стр. 15), как таких банков, которые имеют свои отделения в провинции.

Переводы и телеграммы в 1876 г. [Следует таблица.]

Из всей суммы переводов и телеграфных платежей в 1876 г. на 596,4 миллиона рублей на долю Петербурга приходится 265 миллионов или 44% (в 1877 г. —

50,8%). Петербург покупает в провинции на 201 миллион рублей (76%) и продает на 64 миллиона (24%) (в 1877 г. — 84% и 16%). Мы уже видели, кто благодаря этому обогащается в провинции и каким образом это происходит. Коммивояжеры петербургских и московских купцов недаром рыщут по базарам и селам черноземных губерний.

Вы теперь можете судить о том, насколько основательно широко распространенное мнение, будто Россия, как земледельческая страна, может поднять уровень своего благосостояния только благодаря продаже своих сырых продуктов и что поэтому нужно организовать кредит для крестьян (т. е. для кулаков и т. д.). Если быть последовательным, то надо требовать организации крестьянских железных дорог и т. д. Всякого рода кулаки обогащаются благодаря кредиту, железным дорогам и т. д. Отсюда следует (?), что эти учреждения должны дать, хотя и в уменьшенном размере, возможность крестьянам обогащаться (т. е. стать кулаками). «Сборник» московского земства показывает, как постепенно кулачество выделяется из крестьянства...

Я повторяю еще раз, что все наши усилия направлены не на организацию производства (которое не развивается), но на организацию и развитие о б р а щ е н и я. (В настоящее время, например, мы устраиваем морской канал в Петербурге, Азовский порт, углубляем Либавский порт и т. д., и на все это потребны миллионы.) Все эти усилия приносят желанные плоды: немногие торговые центры начинают быстро процветать, подобно пиявкам, сосущим самые здоровые соки социального организма. Вот почему крайне интересно и поучительно изучить современное экономическое развитие России: перед вами страна с крайне слабо развитой производительностью, социальной организм которой заражен уже чумой капитализма в ее опаснейшей форме.

Я должен теперь обратить ваше внимание на другую группу социальных явлений, испытывающих тоже революцию. Я имею в виду обычное право. Экономическая революция, которую я попытался нарисовать вам, должна, разумеется, оказать влияние на правовые отношения, в особенности на обычное право, которое, под влиянием новых экономических условий, подвергается изменению, и, конечно, не в интересах большинства населения. Вся социальная, семейная и т. д. жизнь наших небольших экономических и социальных единиц, как артели, деревенские общины, была основана на труде каждого их члена. Труд был здесь единственным источником, дававшим право на собственность, и в силу этого труд лежал в основе всех их правовых отношений; но лишь только право на собственность стало получаться иным путем, а не только трудом, как в обычном праве должна была произойти революция, и действительно она здесь происходит. Очень жаль, что этот предмет не подвергся такому научному изучению, как он этого заслуживает по своему значению. За последние годы в нашей литературе от времени до времени появляются статьи, указывающие, между прочим, и на влияние новых экономических условий на обычное право; я отмечу, например, очень хорошую работу Оршанского об «Обычном праве», работу Пахмана по тому же самому вопросу, «Деревенские будни» Златовратского в «Отечественных записках» и т. д. Оканчивая это письмо, я прошу вас, милостивый государь, извинить меня за плохие английские обороты речи, но знайте в то же время, что иностранные языки представляют для меня такую же трудность, как для вас русский язык. Я вас попрошу еще прислать мне

не позже сентября пять томов Блиоха: «Влияние железных дорог и т. д.», которые я вам послал, чтобы вас не могли упрекнуть, что вы не знаете совсем этой работы, не имеющей, по моему мнению, никакой ценности. Будьте любезны также послать мне «Хлебную торговлю» (изд. Географического общества), [2] но это не очень к спеху. Я еще пошлю вам несколько номеров «Отечественных записок» из-за некоторых статей (Энгельгардта, Трирогова, Златовратского) и буду вам очень обязан, если по прочтении вы их отошлете мне.

В своем последнем письме вы пишете, что земледельческий кризис в Англии «вызовет крупные и серьезные изменения в ее социальной структуре. Я вернусь к этому предмету при другом случае». Надо сказать, что этот вопрос представляет для меня огромный интерес и огромное значение, и если вы исполните свое обещание, то вы очень обяжете преданного вам

Н. Д.

Отправление и прибытие товаров малой скорости (de la petite vitesse) по сети русских железных дорог, 1876 г. (пудов). [Следует таблица.]

Несогласие данных отправления и прибытия (а + в) [указанных в таблице] произошло вследствие разноречия в показаниях правлений железных дорог относительно передачи грузов с одной дороги на другую в узловых пунктах.

[1] Вот цифры 1874 г. Из всего количества грузов 351 миллион пудов, полученных всеми пристанями водяных путей сообщения, на долю Петербурга приходится 183,7 милл. пудов, т. е. 52%. Из всего количества хлебных произведений 87,35 милл. пудов, полученных в 1874 г. всеми пристанями России, на долю Петербурга приходится 31,7 милл. пудов, т. е. 36,4%. С тех пор отношение едва ли изменилось. Впрочем, по выходе «Сборника» мы получим ответ. В 1876 г. по Николаевской ж. д. было провезено 63 милл. пудов хлебных грузов, в 1878 г. — 75 169 875 пудов («Отчет главного общества российских железных дорог за 1878 г.», СПБ., 1879, стр. 16—18).

[2] Но не под бандеролью, ибо ввоз книг под бандеролью запрещен у нас.

46

[Николай — он К. Марксу]

Петербург, 30 августа [11 сентября] 1879 г.

Милостивый государь!

Ящик с книгами, который вы вернули мне, уже здесь, но пока в цензуре.

Профессор Максим Ковалевский из Москвы выпустил первую часть своего очень интересного труда об «Общинном землевладении»; если вы не получили книги от него, то я пошлю ее вам с другими книгами.

По моей просьбе Государственный банк дополнит в своем отчете за 1878 год таблицу № 3 (Переводы и телеграммы) новой таблицей, которая будет содержать кредитные сделки (взаимная зависимость русских внутренних рынков).

Искренно ваш

Н. Д.

«Если когда-нибудь я забуду, что — я министр финансов, то не забуду никогда, что я — министр торговли».

Слова министра финансов Грейга, сказанные на обеде, данном ему на Нижегородской ярмарке.

46

[К. Маркс Николаю —ону]

Лондон, 19 сентября 1879 г.

Мой дорогой сэр!

Я только-что вернулся в Лондон после почти двухмесячного деревенского отдыха на острове Джерси и в других приморских местах. Я был вынужден сделать эту поездку и приостановить на все это время работу настоятельными советами врачей вследствие нервного расстройства. По этой же причине я не был также в состоянии оказать надлежащей чести той умственной пище, которой вы имели любезность снабжать меня. Но теперь я чувствую себя много бодрее и живее и вскоре примусь за работу с новой энергией и охотой.

Книгу Ковалевского я получил от него самого. Он принадлежит к числу моих «друзей по науке» («scientific» friends) и приезжает ежегодно в Лондон, чтобы пользоваться сокровищами Британского музея.

Более длинное письмо вы получите от меня, когда я справлюсь немного хоть с наиболее неотложной частью той работы, которая накопилась за время моего отсутствия.

А пока желаю вам всего лучшего.

Искренно ваш

А. Вильямс.

47

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 17 [29] марта 1880 г.

Милостивый государь!

Хотя в своем последнем письме я пытался доказать связь, существующую между новыми факторами нашей экономической жизни, но могу сказать, что эта связь чисто внешняя и что они совершенно независимы в своем одновременном росте. Продолжая изучать их взаимную зависимость, я подошел к ним с другой стороны, и в настоящем письме я попытаюсь доказать их взаимную зависимость несколько ближе. С этой целью я приготовил таблицы,[1] здесь вы сможете увидеть, насколько эти факторы сами зависят от данных общих условий производства страны и насколько, с своей стороны, они влияют на экономическую жизнь.

Эти таблицы составлены следующим образом.

Чтобы показать циклические колебания главных отчетов банков, я взял совокупность балансов к концу каждого месяца в соответствующих отчетах Государственного банка и всех частных банков (для Государственного банка за 11 лет: 1869—1879 и для частных банков за 8 лет: 1872—1879). Данные за предыдущие годы затемняют правильность движения, ибо цифры за каждый следующий месяц больше, чем цифры за предыдущий месяц, как мы видим в столбце 19-м I и II таблицы (вклады на хранение). В 10-м столбце (кредитные билеты в обращении) исключены два года — 1877 и 1878. Рост цифр 13—14 столбцов за декабрь следует объяснить ликвидацией счетов между мануфактуристами и т. д. Я прошу вас обратить внимание на незначительность суммы векселей, оплаченных в других городах

(из 161 миллиона руб., учтенных в 1878 г., только 17 миллионов. Отчет Государственного банка за 1878 г. Приложение: Ведомость учтенных... векселей, по местам платежа). Не следует забывать, что на цифры 11, 12, 15, 16-го столбцов имеют влияние ссуды, реализуемые в ближайшие два-три года, но они реализуются почти равномерно в течение целого года. За последние два года цифры 15-го столбца, — именно авансы, выданные Государственным банком (СПБ.), — растут с месяца на месяц, и правильность их колебания ускользает от наблюдений. Поэтому цифры, представляющие движение свободной наличности (столбцы 17 и 18), имеют огромное значение.

В столбце (3), показывающем вывоз хлеба, цифры получены тем же самым способом, именно количество четвертей, вывезенных в январе за восьмилетие (1872 — 1879), даны в первой строке, вывезенных в феврале за это восьмилетие — во второй строке и т. д.

Железные дороги. Здесь цифры получены тем же самым способом. Цифры за предыдущие годы не взяты по той же самой причине, что и в первом случае. Валовой доход (столбец 3) (связанный с движением) взят за девятилетие (1871—1879). Число пассажиров (за исключением военных) и количество пудов грузов (столбцы I и II) малой скоростью взяты за отсутствием данных только за шесть лет (1871—1873, 1877—1879).

О чем же говорят нам эти таблицы? Начнем с производителей. Мы видим, что с марта месяца они начинают отправляться на отхожие промыслы, и, как мы знаем, главным образом на земледельческие работы. В течение летних месяцев число пассажиров непрерывно растет до августа, когда это число достигает своего максимума. В августе производители сделали свою работу. В сентябре число пассажиров падает на 33,65% и непрерывно убывает до марта, когда опять начинается та же самая история. В сентябре железные дороги начинают перевозить вместо производителей продукты. Количество грузов в пудах возрастает в сентябре на 20% по сравнению с августом и продолжает возрастать в следующие месяцы. В ноябре становятся реки. Перевозки уменьшаются и продолжают уменьшаться до весенних месяцев, когда перевозка продуктов труда прошлого года возрастает в мае сразу на 41%. С мая она постепенно уменьшается до сентября, чтобы начать тот же самый цикл. Вся эта история повторяется с теми же деталями в вывозе зерна, показывая знаменательные совпадения в волнах колебаний.

Посмотрим теперь на движение кассовой наличности (столбцы 17, 18). С января начинается процесс «воздержания», который продолжается до мая; в мае величина свободной наличности уменьшается, чтобы возрасти несколько в летние месяца; в августе кассовая наличность уменьшается в Петербурге на 11%, возрастая в провинции на 8%, т. е. деньги отсылаются из Петербурга в провинцию, как это мы видим в столбце 5 (увеличение на 23,21%). В сентябре она уменьшается в Петербурге и в провинции (соответственно на 7,6 — 29,8%), т. е. в этом месяце деньги переходят в руки производителей. Но здесь они не остаются очень долго; в ближайший месяц количество денег в провинциальных банках возрастает на 18,5%, а в следующие месяцы они начинают переливаться в Петербург. В августе и сентябре, когда прекращается процесс воздержания и потребность в деньгах достигает своего максимума, Государственный банк отвечает на это выпуском

кредитных билетов: в сентябре количество выпущенных билетов сразу возрастает на 1,4% (столбец 10). Вы отлично знаете влияние подобных выпусков — в особенности в такое время — на производителей. Например, урожай за последние два года (1878—1879) был очень плохим, таким плохим, что в настоящее время замечаются признаки голода, — не только в северных губерниях, как Вологодской и Псковской, но также и в губерниях, расположенных по нижнему течению Волги, а также в Оренбургской, Харьковской и даже Волынской губернии, — и тем не менее хлеб вывозился в 1879 г. почти в том же самом количестве, что в предыдущем году. Крестьянство, соблазненное сравнительно высокими ценами на хлеб (результат падения нашего рубля), продает свой хлеб, чтобы уплатить налоги, недоимки, арендную плату и т. д. В ближайшем году мы увидим, как государственный контролер в своем отчете будет восторгаться этим явлением, объясняя его ростом крестьянского благосостояния. Вы знаете, насколько соответствует реальному положению вещей это объяснение. Но вернемся к нашим таблицам. 19-й столбец показывает, что количество вкладов на хранение в каждый следующий месяц больше, чем в предыдущий, за одним очень характерным исключением, именно в августе количество это несколько уменьшается по сравнению с июлем; иначе говоря: в августе часть накопленных денег покидает кладовые банков, чтобы вступить в процесс усиленного самовозрастания. Значительнейшая доля возрастания падает на первую часть года; в эти месяцы происходит реализация прибыли за предыдущий год.

Резюмирую:

1) Экономическая деятельность страны зависит от ее климата. Я уже имел случай сообщить вам, что мы не только не предпринимаем ничего для регулирования естественных (метеорологических и т. д.) условий производства, но в таких случаях, как, например, в Закавказьи, где в старину внимание было обращено главным образом на эту сторону (орошение), в настоящее время ничего не делается. Когда мы являемся свидетелями недорода, то мы можем утешиться вместе с профессором Джевонсом, говоря, что это зависит от космических причин. («Commercial Crisis and Sunspots», «Nature», Vol. XIX, p. 588.)

2) Производительность труда отделена во времени от производительности капитала.

3) Государство (через посредство Государственного банка) содействует усилению процесса отделения продуктов от производителя (совершенно независимо от нашей налоговой системы), выпуская кредитные билеты как-раз после окончания земледельческих работ, когда деньги устремляются из банка в народное обращение. Зимой кредитные билеты, исполнив свое провиденциальное назначение, отняв у производителей продукты их летнего труда, начинают притекать к банкам и изъемлются из обращения.

4) Колоссальный выпуск кредитных билетов для военных целей усилил в соответствующей степени процесс отделения, упомянутый в предыдущем пункте (3). Чтобы обнаружить влияние выпуска кредитных билетов, я привожу таблицу, из которой ясно будет видна эта зависимость. Это не все: так как аппетит приходит во время еды, то, чем больше выпускается в обращение кредитных билетов, тем больше нужда в них; частные банки никогда не были так задолжены Государственному банку, как в 1879 г., и из таблицы вы убедитесь, что в этом году был почти

самый большой выпуск кредитных билетов. Прошу обратить внимание на поразительное совпадение и связь между цифрами столбцов a — g таблицы VI.

5) Банки не имеют никакого отношения к производителям и к производству.

6) Экономическая деятельность страны определяется в настоящее время все больше и больше хищнической эксплоатацией земледельческого населения городским населением. Среди городов первое место в этом отношении принадлежит Петербургу. [2]

Вы, без сомнения, имели случай разобраться в данных, полученных вами за последний год, данных, показывающих, какое влияние оказывают на деревню новые экономические факторы; как среди крестьянства происходит процесс дифференциации на два совершенно различных слоя крестьян: на домохозяев, имеющих хотя бы и жалкое хозяйство, и на таких, которые совершенно бедны, которые, не имея скота, должны прекратить обработку своей земли; как эти последние при переделах земли получают на свою долю худшие участки; как постепенно удлиняются сроки переделов, так что мы наблюдаем уже признаки того, что в недалеком будущем крестьянское землевладение примет характер частной земельной собственности; как ослабляются общинные узы; как выступает на сцену меньшинство крестьян в виде маленьких капиталистов (accapareurs); как они, со своей стороны, уступают место своим более богатым соперникам; как правовые и моральные отношения крестьянства подчиняются новым экономическим влияниям; как, коротко говоря, старые экономические отношения вытесняются новыми, изображенными Щедриным в лице Грацианових, Деруновых и т. д., с их новой культурой.

Остаюсь, милостивый государь, с глубоким уважением

Ваш Н. Д.

[1] [К письму приложены таблицы.] [2] Если мы производим при помощи кремневых орудий каменного века, то для отделения продукта от производителя употребляются «самые последние завоевания науки».

48

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 21 августа [2 сентября] 1880 г.

Милостивый государь!

Ваше продолжительное молчание и сообщаемые мне вами в последнем письме сведения о вашем здоровье вызывают во мне беспокойство, тем более, что мое мартовское письмо осталось без ответа. Это письмо содержало таблицы, доказывающие не только тесную связь в развитии всех явлений нашей экономической жизни, но и почти полное приспособление в ходе эволюции каждого отдельного явления ко всем другим, и обратно. При дальнейшем изучении этого вопроса для меня, благодаря привлечению дополнительных фактов, выяснились некоторые факты, казавшиеся противоречивыми: 1) земледельческое производство. Влияние, оказываемое этим последним фактом на обмен, выясняется из таблицы, в которой год начинается первого сентября, таблица *a*. Особенно выпукло выдаются 1871 и 1875 гг., годы недорода. За эти два года развитие обмена приостановилось (таблица *a* (3)).

В 1875 г. наблюдалось даже попятное движение, не исключая и валовой выручки железных дорог, которая до сих пор непрерывно возрастала. Это последнее уменьшение можно было уловить лишь благодаря этой таблице. 2) Уменьшение кредитных билетов, находившихся в обращении в 1876 г., на-ряду с увеличением обмена, сопровождаемое падением курса ассигнаций, можно объяснить продажей золота Государственным банком. Стоимость вывезенного в 1876 г. золота равняется 100 миллионам рублей. («Обзор внешней торговли России».) Продажа этого золота имела своим результатом увеличение средств обращения, но в форме заграничных векселей. Однако, так как внутренний обмен требует в известные месяцы года увеличения выпуска кредитных билетов, то я утверждаю, что эти билеты были действительно выпущены, хотя и не знаю, под какой рубрикой они фигурируют в балансе. 3) Сумма векселей в 1877 г. довольно мала по сравнению с другими элементами обмена в этом году. Но это — год войны, парализовавшей внутреннее обращение южной России; сумма платежей в Петербурге в это время необычайно возросла, но это увеличение не могло уравновесить перерыв в развитии всех платежей во всей России.

Чтобы выяснить, какая доля земледельческих продуктов и какой род их попадает в торговый оборот, я сравнил 1) количество хлеба, вывезенного за восьмилетие (1871—1878) по родам его в отношении к чистому урожаю. За первые четыре года было вывезено 40% собранной пшеницы и 8% ржи. За следующие четыре года — 44% пшеницы и 10% ржи; в 1878 г. количество вывезенной пшеницы составляло больше половины урожая; 2) количество хлеба, перевезенного по железным дорогам и водным путям, тоже по различным родам и в отношении к чистому урожаю (в течение двух лет: 1874 и 1876 — «Сборник статистических сведений по Министерству путей сообщения», в. II и III); в 1874 г. почти 40% собранной пшеницы и почти 22% ржи, в 1876—1877 гг. — 78% пшеницы и 31—32% ржи. «Сборник сведений по земледельческой и сельской промышленности» (II, 1880, СПБ.) объясняет, чем заменяется хлеб в областях, где развивается наемный земледельческий труд. На долю каждого жителя России, — за исключением Прибалтийского края, западных губерний и Польши, — приходится $^1/_3$ четверти картофеля; в Прибалтийском крае — $1^1/_2$ четверти; в западных губерниях — 1,3; в Польше — $2^3/_4$. За четырехлетие (1874—1877) посев картофеля увеличился на 2% по сравнению с предыдущим четырехлетием, в Польше — на 3,4%, в юго-западных черноземных губерниях на 6,2%, а в Прибалтийском крае даже на 32%. (Хлопок, картофель и водка — предметы самого широкого потребления, «Misère» [«Нищета философии»], p. 41.)

Вы должны были заметить поразительное явление в области обращения. Если мы сравним месячные изменения уровня процента за два смежных периода в 8 лет, например в Англии и в России, то мы заметим, 1) что форма кривой изменяется, поднимаясь в осенние месяцы. Если мы выразим эти месячные изменения в процентных отношениях, то мы получим в Англии в 1862—1869 гг. в октябре $22^1/_2$%, а в 1870—1877 гг. 60%. То же самое наблюдается в России: количество выпущенных кредитных билетов (уровень процента изменяется у нас мало: по мере роста требований печатают кредитные билеты) в сентябре 1862—1868 гг. = 30,5%; в сентябре 1869—1876 и 1879 гг. = $56^1/_2$%, т. е. как увеличение, с одной стороны, ввоза земледельческих продуктов, так и увеличение вывоза их, с другой стороны,

имеет одни и те же результаты. 2) Амплитуда волны растет; устойчивость экономических отношений уменьшается. В Англии амплитуда возросла с 708 в 1862—1869 гг. до 1 080 в 1869—1877 гг. (52,5%), в России — с 300 до 409 (34,3%). То же самое явление наблюдается, если сравнивать несколько групп годов (ср. Craigie's «10 years Statistic of Brit. Agric. 1870—79». Gilbert's «On the home produce, import, consumption of wheat over 27 harvest years 1852 to 1879»).

Вероятно, во II томе «Капитала» эти явления будут изложены вместе с порождающими их причинами. Но эти явления, а также и те, которые я вам сообщил в своем последнем письме, имеют, независимо от чисто теоретического интереса, и практический интерес; вот почему было бы желательно сообщить о них публике. Если вы найдете, что эти факты заслуживают вашего внимания, то не согласитесь ли вы написать для какого-нибудь русского журнала статью «О нашем пореформенном хозяйстве». В случае утвердительного ответа, я вам пошлю все имеющиеся у меня таблицы. В случае же вашего отказа, друзья мои советуют мне поместить эти таблицы в каком-нибудь журнале, объяснив содержащиеся в них факты. В настоящее время, вместе с приближением кризиса, факты эти приобретают особенный интерес. Произведя эту работу без теоретического освещения, ее лишают значительной части не только теоретического, но и практического интереса. Вот почему вы бы сделали хорошее дело, взяв эту работу на себя. Если вы откажетесь, — что было бы печально, — то я вынужден буду ограничиться сообщенными мною вам в моем последнем письме заключениями и привести, с вашего разрешения, те взгляды, которые я нашел в вашем письме.

В надежде на благоприятный ответ, имею честь, милостивый государь, быть преданным вам

Н. Д.

Вы, без сомнения, знаете, что «наш общий друг» находится в настоящее время в Ташкенте.

49

[К. Маркс Николаю —ону]

Рамсгэт, 12 сентября 1880 г.

Мой дорогой сэр!

Мне нет надобности говорить вам, что я был бы очень счастлив сделать все, что вы считаете полезным; но краткое изложение тех обстоятельств, в которых я нахожусь в эту минуту, убедит вас, что я не способен в настоящее время к теоретическому труду. Я был послан сюда моим врачом с строгим приказом «ничего не делать» и стараться восстановить мою нервную систему посредством такого «far niente», как вдруг болезнь моей жены, мучающая ее уже с давних пор, неожиданно ухудшилась в такой мере, которая угрожает привести к роковому концу. При этих условиях все то немногое время, какое мне удается урвать для труда, неизбежно уходит у меня исключительно на такие работы, которые я должен во что бы то ни стало сбыть с рук.

Могу только сказать, что все наиболее важное для широкой публики вами уже исполнено; я разумею составление статистических таблиц и истолкование

содержащихся в них фактов. Было бы жаль, если бы вы отложили опубликование вашего труда, которого я ожидаю с величайшим нетерпением.

Вы можете свободно располагать всем, что вы найдете полезным извлечь из моих писем с этой целью. Боюсь только, что все это окажется очень немногим, так как я послал вам лишь несколько отрывочных заметок.

Нынешний кризис есть величайший, через какой когда-либо проходила Англия, со стороны его продолжительности, размеров и интенсивности. Но, несмотря на крушение некоторых шотландских и английских провинциальных банков, обычное завершение всех прошлых периодических крупных английских кризисов, — я разумею финансовый крах в Лондоне, — на этот раз «блистало своим отсутствием». Этот в высшей степени необычайный факт, — отсутствие, собственно, так называемой денежной паники, — нужно приписать особому сцеплению обстоятельств, анализ которых завел бы меня в эту минуту слишком далеко. Одним из наиболее решающих обстоятельств был, однако, тот факт, что громадный спрос на золото в 1879 г. был в значительной мере удовлетворен содействием Французского и Германского имперского банков. С другой стороны, внезапное оживление дел в Соединенных Штатах — с весны 1879 г. — отразилось сейчас же на Англии, явившись для нее настоящим deus ex machina.

Что касается земельного кризиса, то он будет постепенно накоплять силу, развиваться и мало-по-малу продвигаться вперед, неся с собою настоящую революцию в отношениях поземельной собственности, совершенно независимо от циклов торгово-промышленных кризисов. Даже такие оптимисты, как г. Кэрд, уже начали «чуять опасность». В высшей степени характерен для английской тупоголовости такой факт: вот уже два года, как в «Times» и в разных земледельческих газетах печатается ряд писем фермеров, дающих подробный расчет всех издержек по обработке их ферм, сопоставляющих эти издержки с их доходами от продажи земледельческих продуктов по их нынешним ценам и показывающих, что в заключение у них получается положительный дефицит. И что же? Поверите ли вы, что ни одному из этих специалистов, распространяющихся так много по поводу этих расчетов, не приходит в голову спросить себя: какой вид получили бы эти расчеты, если бы та расходная статья, которая именуется рентою, была во многих случаях вычеркнута из них совсем, а в других сокращена «самым чувствительным образом»? Но это — тот щекотливый пункт, которого никто не должен касаться. И хотя фермеры начинают уже не доверять шарлатанским лекарствам («nostrums»), предлагаемым им лэндлордами и преданными их интересам писаками («plumitifs»), тем не менее они все еще не осмеливаются стать в позу смелого мужества ввиду того, что и сами они, с своей стороны, подвергаются нападкам деревенского «рабочего класса». Вообще тут заваривается славная каша.

Я надеюсь, что Европа не будет вовлечена в общую войну, хотя, в конце концов, даже война не смогла бы задержать социального развития, разумея под этим словом развитие экономическое, а скорее усилила бы его интенсивность; она, наверное, послужила бы поводом к бесполезной затрате сил на более или менее продолжительный срок.

Пожалуйста, посылайте ваши письма попрежнему на мой лондонский адрес,

откуда они всегда будут доставляться мне даже в случае моего временного отсутствия из Лондона.

Искренно ваш

А. Вильямс.

50

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 18 [30] ноября 1880 г.

Милостивый государь!

Я вам очень благодарен за ваше любезное письмо, доставившее мне столько же удовольствия, сколько и тревоги. Как ваше здоровье и здоровье вашей супруги?

Когда я получил ваше письмо, я начал писать статью с анализом фактов, содержащихся в статистических таблицах. Вы не найдете в них ничего нового, за исключением таблицы на стр. 129 (примечание). Как вы убедитесь, я широко воспользовался вашим любезным разрешением цитировать ваши письма. Так как я был очень ограничен временем, то я не смог выполнить всей своей программы и вынужден был удовольствоваться лишь частью ее. То, что уже сделано, не сделано с надлежащей полнотой: кроме цензора, журнал имеет издателя, который впадает в трепет, лишь только упоминают ваше имя в его присутствии.

Я намереваюсь расширить намеченную программу и разобрать в отдельной работе некоторые близкие темы, которые не вошли в мою журнальную статью. Вы очень обяжете меня, указав, где можно найти данные касательно факторов экономической жизни Германии, Франции и Англии (особенно Англии), аналогичные тем факторам, на которых основываются II и IV таблицы моей статьи (т. е. отчеты о железнодорожном движении, количество перевезенных за каждый месяц и за каждый год товаров и пассажиров, выпуск банкнот, ввоз и вывоз товаров и т. д.). Кажется, существует поразительная внешняя аналогия между движением главных экономических факторов в Англии и России, аналогия, порождаемая отчасти совершенно противоположными, отчасти сходными явлениями. Изучение движения экономических факторов в два смежных периода и их взаимной зависимости, очень интересное само по себе, может привести к интересным выводам, — разумеется, если предпосылки не ошибочны.

Так как статья предназначается не для какого-нибудь отдельного человека, а для широкой публики (я пишу в первый раз для малоизвестных мне лиц), то я не знаю, как писать ее, не знаю, что̀ нужно развивать подробнее, а что̀ следует опустить. Если статья заинтересует нашу публику, то я выпущу ее отдельным изданием, и вы очень обяжете меня, — если ваше здоровье и время позволяют вам это, — указав главные изменения, которые должны быть сделаны в ней.

Искренно желаю вам выздоровления и остаюсь, милостивый государь, с глубоким уважением

Ваш Н. Д.

Несколько отдельных оттисков статей, «Сборник сведений о сельской общине» и «Статистику поземельной собственности в России» пришлю по выходе второго выпуска последнего сочинения.

51

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 1 [13] февраля 1881 г.

Милостивый государь!

Ваше долгое молчание, в связи с тем, что вы пишете в своем последнем письме (от 12 сентября 1880 года), побуждает меня убедительно попросить вас написать мне несколько слов относительно состояния вашего здоровья. В надежде, что оно совершенно поправилось, остаюсь, милостивый государь, преданный вам

Н. Д.

Я послал вам «Статистический сборник московского земства», новый выпуск: «Сельский быт» — князя Васильчикова и свою статью (свои письма к вам). В середине февраля я пошлю вам свой ответ на появившуюся в «Новом обозрении» критику. Вообще пресса «бойкотирует» статью.

52

[К. Маркс Николаю —ону]

Лондон, 19 февраля 1881 г.

Мой дорогой сэр!

Со всей поспешностью тороплюсь ответить хоть несколькими строчками на ваше дружеское письмо.

Со времени возвращения из Рамсгэта здоровье мое в общем улучшилось, но здешняя отвратительная погода, продолжающаяся целые месяцы, благословила меня насморком и кашлем, мешающим мне спать и пр. Но самое худшее, это — то, что состояние моей жены с каждым днем становится все опаснее, несмотря на обращение к самым известным лондонским врачам; а кроме того, на меня свалилась куча всяких домашних затруднений и хлопот, о которых скучно было бы рассказывать.

С другой стороны, мне приходилось все это время, да и теперь еще приходится, одолевать громадную уйму Синих книг, присылаемых мне из разных стран, в особенности же из Северо-Американских Соединенных Штатов, так что все мое рабочее время оказывается едва достаточным для выполнения этой задачи, в особенности вследствие того, что всякая ночная работа в последние годы безусловно запрещена мне моими врачами. Отсюда встает передо мною неизбежная перспектива страшной задолженности по части частной корреспонденции.

А тут еще, как-раз в эту минуту, в семье моей царит ужасная суматоха по случаю отъезда моей старшей дочери, г-жи Лонге, с ее детьми из Лондона в Париж, где ее муж (занимавший во время своего эмигрантства место профессора в Лондонской королевской коллегии, а теперь подошедший под амнистию) стал одним из издателей «Справедливости» («Justice»). (К слову сказать, марсельская полусоциалистическая речь Клемансо была внушена именно им.) Вы понимаете, какой мучительной, при нынешнем состоянии здоровья моей жены, является для нас эта разлука, так как наши внуки, три маленьких мальчика, служили для меня и для нее неистощимым источником житейских радостей.

Теперь, прежде всего, поговорим о прилагаемой рукописи. Автор ее — Лафарг, муж моей второй дочери и один из прямых моих учеников. Он просил меня справиться у вас, не может ли он через ваше посредство сделаться сотрудником какого-либо петербургского журнала, например «Отечественных записок» или «Слова». (Мне кажется, что это единственные журналы, где он мог бы устроиться.) Если это окажется исполнимым, то он уполномочивает вас выкинуть или изменить все то, что окажется не подходящим для петербургского меридиана. Что касается его «имени», то можно будет ограничиться одними инициалами. Во всяком случае, вам, верно, будет интересно прочесть его статью.

Я с величайшим интересом прочел вашу статью и нахожу ее «оригинальной» в лучшем смысле этого слова. Этим и объясняется ее бойкотирование. Как только вы прорветесь через сети рутинной мысли, вы можете быть уверены встретиться на первых порах с бойкотированием, так как это единственное оборонительное оружие, находящееся под рукою у рутинеров в момент их первого замешательства, и они отлично умеют владеть им. Я был бойкотирован в Германии в течение многих-многих лет, а в Англии меня продолжают бойкотировать и теперь с тем маленьким отличием, что здесь от времени до времени выпускается против меня что-нибудь до такой степени нелепое, прямо-таки ослиное, что мне было бы стыдно публично отозваться на подобный вздор. Но продолжайте итти своим путем! Ближайшая вещь, которой вам следовало бы заняться, по моему мнению, это — изумительное возрастание задолженности крупного землевладения, причем вы могли бы показать вашим лэндлордам, этому высшему классу представителей агрикульутры, как они «кристаллизуются» в общественной реторте под надзором «новых столпов общества».

Мне очень хотелось бы прочесть вашу полемику со «Словом». Как только мой житейский корабль вступит в более спокойные воды, я выскажусь более подробно насчет ваших «Очерков». Пока же не могу удержаться только от одного замечания по их поводу. Так как почва уже истощена и не получает, путем растительного, животного или искусственного удобрения, необходимых для ее восстановления элементов, а предоставлена лишь изменчивым влияниям более или менее благоприятной погоды и других не зависящих от человека обстоятельств, то она будет все же продолжать доставлять урожаи очень различного изобилия, хотя при обзоре целого периода лет, например с 1870 по 1880, застойный характер земледельческого производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия только пролагают путь голодному году вследствие быстрого потребления и освобождения еще скрывавшихся в почве минеральных удобрений; и, наоборот, голодный год, а еще более ряд неурожайных годов, позволяет свойственным данной почве минералам накопиться сызнова и обнаружить свое благодетельное присутствие при новом возвращении благоприятных климатических условий. Это процесс совершается, конечно, повсюду; однако в других местах он сдерживается видоизменяющим вмешательством самого земледельца, но он становится единственным регулирующим фактором всюду, где человек перестал быть дополнительною «силою» просто по недостатку средств.

Так, вы имели прекрасную жатву в 1870 г., но этот год был, так сказать, климактерическим (climax year), за которым, как за таковым, немедленно после-

довал очень плохой год. Этот 1871 г., с его очень плохим урожаем, может рассматриваться как отправной пункт для нового маленького цикла, приводящего нас к новому климактерическому году, 1874-му, за которым непосредственно идет опять голодный 1875 год. Затем снова начинается движение вверх, завершающееся еще худшим годом — 1880-м. Если мы подведем итоги за весь этот период, то окажется, что среднее годовое производство за этот период оставалось на одной и той же высоте и что отличия в характере отдельных годов и маленьких годовых циклов были результатом исключительно одних только естественных факторов.

Я писал вам несколько времени тому назад, что крупный промышленный и торговый кризис, через который прошла недавно Англия, протек на этот раз без обычного кульминационного финансового краха в Лондоне и что этот исключительный феномен объясняется только своевременным наплывом французских денег. В настоящую минуту даже английские рутинеры узрели, наконец, и открыто признали этот факт. Так, «Statist» (29 января 1881 г.) говорит: «Спокойствие и изобилие нашего денежного рынка в течение прошлого года было результатом чистой случайности, а именно того, что Французский банк в самом начале осени решился допустить сокращение своего запаса золота с 30 миллионов фунтов стерлингов до 22 миллионов... Нет ни малейшего сомнения, что прошлой осенью мы едва-едва ускользнули от великой опасности».

Английские железные дороги продолжают катиться по той же наклонной плоскости, как и вся европейская система государственных долгов. Финансовые магнаты, правящие их делами в качестве директоров разных железнодорожных сетей, не только заключают непрерывно все новые и новые займы для расширения своих сетей, т. е. своих «территорий», где они царствуют как самодержавные монархи, но и расширяют свои сети, чтобы иметь новые предлоги для заключения новых займов, дающих им возможность уплачивать проценты держателям облигаций, привилегированных акций и т. п., а также выбрасывать от времени до времени подачку постоянно надуваемым рядовым акционерам в форме несколько повышенных дивидендов. Понятно, что этот милый метод рано или поздно должен завершиться жалкой катастрофой.

В Соединенных Штатах железнодорожные короли становятся теперь мишенью нападок не только, как это было раньше, со стороны фермеров и других промышленных «предпринимателей» Запада, но также и со стороны крупных представителей торговли, например Нью-йоркской торговой палаты. Один из таких железнодорожных королей и финансовых плутов, чудовищный спрут финансового мира — Гульд, с своей стороны, сказал нью-йоркским торговым магнатам: «Вы нападаете сейчас на железные дороги потому, что считаете их наиболее уязвимыми благодаря их нынешней непопулярности; но берегитесь! Вслед за железными дорогами наступит очередь для всякого рода корпораций (на языке янки это слово обозначает акционерные компании), затем, немного позднее, — для всех форм ассоциированного капитала и в заключение — для всех форм капитала вообще; вы прокладываете, таким образом, дорогу для коммунизма, стремления к которому уже и сейчас все более и более распространяются в народе». У мистера Гульда — «хороший нюх».

В Индии для британского правительства готовятся серьезные затруднения, если не всеобщее восстание. То, что англичане отбирают ежегодно у индусов, — в форме ренты, железнодорожных дивидендов от бесполезных для самих индусов дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр., — то, что они берут у них без всякого эквивалента и совершенно независимо от того, что присваивается ими в самой Индии, — т. е. стоимость товаров, которые индусы должны ежегодно отсылать в Англию совершенно задаром, — превышает всю общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии! Это — кровавое, вопиющее дело! Голодные годы следуют там один за другим и достигают неслыханных доныне в Европе размеров. В населении складывается настоящий заговор против англичан, в котором участвуют совместно и индусы, и мусульмане. Британское правительство знает, что в массе идет какое-то «брожение»; но эти пустые головы (я разумею правительственных чиновников), притупляемые их собственной парламентской манерой говорить и думать, даже не желают видеть ясно перед собою, не хотят представить себе весь размер угрожающей им опасности! Обманывать других, чтобы ввести под конец в обман этим путем и самого себя, — вот вся парламентская мудрость в двух словах. Тем лучше!

Не можете ли вы сказать мне, переведено ли на русский язык сочинение профессора Ланкестера о вырождении, которое вы цитируете в своей статье? Он — один из моих друзей.

В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим, профессор Зибер (поселившийся в последнее время в Цюрихе) и г. Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее.

Все еще никаких известий о нашем «общем друге»?

Кстати: последний статистический труд Янсона, сопоставляющий Россию с Европой, произвел большую сенсацию. Я был бы рад взглянуть на него.

С наилучшими пожеланиями, истинно ваш

Карл Маркс.

Если статья Лафарга не нашла себе «пристанища» в Петербурге, то, будьте добры, верните мне ее обратно.

53

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 24 февраля [8 марта] 1881 г.

Милостивый государь!

Я вам очень благодарен за ваше любезное письмо. Я очень рад, что здоровье ваше поправляется и что благодаря этому вы в силах продолжать свои научные работы.

Я доволен также, что «Пореформенное хозяйство» заинтересовало вас. Я буду с нетерпением ждать того, чтобы вы внимательно занялись этой статьей. Так как она предназначалась для журнала, то она была написана сжато, а сжатость, как известно, не всегда хорошее качество. Внутренняя связь экономических явлений осталась в тени. Я ожидал со стороны критики нападения с этой стороны, но не дождался ровно никакого нападения. Я не могу сказать, что

статья прошла незамеченной. Меня пригласили сотрудничать в четыре петербургских «журнала», но до сих пор статья моя бойкотируется. В своем ответе (очень кратком) на одну дружескую критику я пытаюсь указать, как, путем процесса обращения, продукты по внешности независимого земледельца превращаются в капитал (номер выйдет в свет завтра).

«Изумительное возрастание задолженности помещиков» должно дополнить общую картину рождения нового экономического порядка, который может развиваться только на развалинах старого порядка. Я уже имел случай цитировать следующие строки Некрасова:

Порвалась цепь великая,
Порвалася, ударилась
Одним концом по барину,
Другим по мужику.

Я упустил это из виду.

Исследования английских ученых (Чемберса, Арчибальда, Дж. Броуна, Хилля, Бленфорда, Мельдвина и т. д., и т. д.) об отношении между частотой солнечных пятен и барометрическим давлением, дождями, голодом и т. д., и т. д. побудили меня заняться изучением взаимного влияния этих факторов по отношению к России. Ваше письмо указывает на небольшие годичные циклы, вполне объясняемые действием естественных факторов. «Слона-то я и не приметил».

Замечательная статья г. Лафарга будет напечатана в третьем номере «Нового обозрения». Не буду говорить вам, с каким интересом я прочел ее. На мой взгляд, она появится вполне своевременно. Ни одно слово не будет изменено в ней. Я ожидаю с нетерпением продолжения ее. (Гонорар будет выслан в середине марта, когда появится книжка журнала — около шестидесяти рублей за лист.)

Сочинение профессора Ланкестера «Вырождение» еще не переведено на русский язык.

Я сношусь с «нашим общим другом» по телеграфу. Его письма пропали. Почтовое сообщение очень медленно: письма доходят в Петербург на 60-й или 70-й день. Каждый день я ожидаю письма от него.

Сегодня «Порядок» (я думаю Кауфман) пишет: «Вклады на хранение дошли в Государственном банке (этот столбец введен под влиянием «Пореформенного хозяйства» — и то хорошо) до огромной цифры 1 076 милл. рублей; такое возрастание указывает на ненормальный ход торговли, на присутствие капиталов, не находящих более производительного помещения» (?!?). Я сказал бы, что такое возрастание слишком медленно (в 1879 — 150 милл., в 1880 г. только 43 милл.)

На 63-й стр. своей брошюры (примечание) я говорю, «как кризис проявится — предсказать не беремся». Теперь же есть кое-какие указания на этот счет. «Саратовскому листку» пишут из Старой Студеновки, Сердобского уезда («Голос», № 14 — 81 г.): «Бо́льшая часть крестьян этого села так обеднела вследствие неурожая озимых хлебов, что им не только нечем платить подати, но они с трудом достают себе пропитание. Наши же власти принуждают крестьян сдавать свои наделы, т. е. землю, которую они должны бы засевать при наступающих посевах, местным крестьянам-кулакам за бесценок. Так, в Старой Студеновке у некоторых крестьян душевой надел три сороковые десятины (40 × 80), а также достающиеся при дележе леса дрова

и при сенокосе луга, все это продавалось за 11 руб., тогда как при съемке под посев одна десятина стоит дороже 10 руб.»

Вот другой пример: «В «Симбирской земской газете» напечатана записка шести гласных, в которой обращается внимание на обнаружившееся в Симбирской губ. стремление к скупке крестьянских наделов, получившей в народе меткое название «скупки мертвых душ». Скупки этого рода ведут к разрушению крестьянского землевладения и обезземелению многих крестьян, которые теперь тщетно ведут борьбу с разрушителями своего благосостояния. Сделки этого рода происходят так: каждый домохозяин со взносом в уездное казначейство всей причитающейся на его участок выкупной ссуды имеет право требовать выдела себе, соответственного взносу, участка земли к одному месту. В первое десятилетие после издания «Положения», когда ценность земли немногим превышала цифру, определенную Положением о выкупе, желающих выкупать участки находилось немного. В последнее же время, с увеличением ценности земли в Симбирской губ. вдвое, а в северных уездах втрое и вчетверо против цифры, определенной «Положением», и со вздорожанием в такой же мере арендных цен, стремление к выкупу участков обнаружилось в широких размерах. Право выкупа... отдельных участков послужило на пользу не тем трудолюбивым крестьянам, которые дорожат клочком надельной земли, но тому разряду людей, который получил значение и силу лишь в последнее время и которого прежде не знала Россия (т. е. новые столпы общества),— людей, чуждых народу, побуждаемых корыстью и действующих с бесцеремонной ловкостью, для которых вторжение в мирское землевладение представляет удобное средство вредной эксплоатации. Каждый крестьянин, случайно ли обедневший или разорившийся по своей вине, попадает в руки местному кулаку-скупщику земельных наделов, который вносит от его имени выкуп и укрепляет за собою законным порядком выделенную землю, а обедневший и уже безземельный крестьянин с своей семьей ложится тяжелым бременем на сельское общество, членом которого остается и которое обязано отвечать за него платежом всех повинностей, которые ложатся на него, за исключением, конечно, выкупа, а затем, когда он не будет в состоянии работать, общество обязано призреть его по закону. Сельские общества, прежде сомневавшиеся в своем праве на общий передел общественной земли без особого разрешения на то со стороны правительства, в последние годы стали пользоваться предоставляемым им правом. Передел на так называемые живые души, в противоположность ревизским или мертвым душам, представляет в настоящее время потребность всего сельского населения. В той торопливости, с которой ведутся сельскими обществами дела о разделе земли по живым душам, в той быстроте, с которой движение это охватило почти все крестьянское население губернии, сказалось чувство самосохранения, желание положить если не предел, то стеснение для захватов мирской земли ненавистными народу эксплоататорами. Но с такой же быстротой и с гораздо большей ловкостью ведут свои дела скупщики наделов, пользуясь легким правом выкупа ревизских душ до утверждения общественных приговоров о переделе»... («Правительственный вестник», № 39, 18 февраля 1881 г.) Вы уже видели в «Сборнике статистических сведений по Тамбовской

губ.», стр. 22 — «Формы крестьянского землевладения», Тамбов, 1880: «Большинство обществ не находит возможным верстать надельной землею новых членов» (так старые домохозяева в течение долгого времени выкупали свои наделы), «так как земли слишком мало, и потому никто не захочет отказаться от части своих наделов».

И вот ввиду этих и подобных фактов у князя Васильчикова хватило духу сказать: «Как только отдельным хозяевам и обществам было предоставлено вольное распоряжение своими способностями, то начали обнаруживаться факты, что люди разумные, бережливые и воздержные богатеют, а неспособные или слабые, разгульные — беднеют» («Сельский быт», стр. 19). Буквально то же говорит и модный английский философ Г. Спенсер:

«Подобно тому как растущий индустриализм ослабляет строгость церемониальных правил, так и здесь он постепенно разрушает введенные военным строем классовые разделения, устанавливая на их место другие, свидетельствующие о различии функций, вытекающем из различия способностей» (!?) («De la différenciation politique». — «Revue philosophique», № 2, 1881, p. 151). Что за гнусная пошлость!..

С глубоким уважением

Ваш Н. Д.

Я думаю, что вы уже получили Янсона и некоторые другие статистические издания.

54

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 29 апреля [11 мая] 1881 г.

Милостивый государь!

Статья появится в ближайшем номере «Слова». Сегодня я получил об этом сведения от издателя. Она появится в первую неделю июня. Я желал, чтобы статья появилась в «Отечественных записках», как самом влиятельном органе (около 10 000 подписчиков), но за последний год этот журнал стал придерживаться очень определенных оптимистических взглядов на экономические явления и отказался напечатать статью. «Новое обозрение» уже не выходит. Я пошлю вам «Слово».

«Наш друг» жалуется на очень скучную жизнь: он кассиром в одном банке.

Искренно ваш

Н. Д.

55

[Николай —он К. Марксу]

Петербург, 25 августа [6 сентября] 1881 г.

Милостивый государь!

Я очень огорчен, что не могу послать вам журнала «Слово» со статьей г. Лафарга. Но у нас редактор предполагает, а цензура располагает: с мая месяца этот журнал уже не выходит, хотя майский, июньский и июльский №№

(в последнем помещена статья г. Л.) уже отпечатаны. Цензурный комитет отказывает в утверждении в должности главного редактора всем лицам, выбираемым сотрудниками. Трудно предвидеть, чем все это кончится.

Статья г. Л. так понравилась главному редактору журнала, что он хочет во что бы то ни стало поместить ее в другом журнале (вероятно, в «Отечественных записках»).

Примите, милостивый государь, мои почтительнейшие пожелания,

Н. Д.

56

[К. Маркс Николаю —ону]

Лондон, 13 декабря 1881 г.

Мой дорогой друг!

Второго числа этого месяца я потерял жену, скончавшуюся после долгой и мучительной болезни. В продолжение осенних месяцев я находился при ней в качестве сиделки сначала в одном из английских приморских местечек (Истборн), а затем в Аржантейле (близ Парижа), где я и она пользовались великим удовольствием жить с нашей дочерью (г-жею Лонге) и четырьмя ее маленькими мальчиками (самому старшему сейчас около пяти лет), чрезвычайно привязанными к своим дедушке и бабушке.

С моей стороны было, конечно, очень рискованной вещью предпринять эту поездку в Париж при ослабленном состоянии здоровья моей дорогой жены. Но, положившись на мнение моего отличного друга, доктора Донкина, я принял это смелое решение, чтобы доставить ей это последнее удовольствие!

К несчастью, мое собственное, издавна расшатанное здоровье было более или менее плохо все это время, а вскоре после нашего возвращения в Лондон я совсем слег в постель от бронхита, осложненного плевритом, так что в течение трех недель из числа последних шести недель жизни моей жены я не мог видеть ее, хотя мы лежали в двух соседних комнатах.

Вплоть до настоящей минуты я все еще не могу выходить из дому; зато одно время я был очень близок к тому, чтобы совсем покинуть «этот грустный мир». Доктора находят нужным услать меня на юг Франции или даже в Алжир.

Многочисленные сочувственные письма, получаемые мною со всех сторон, были до сих пор для меня большим источником утешения, так как во всех этих письмах (за исключением одного единственного русского письма) звенела струна непритворной симпатии и настоящего понимания и признания редких качеств моей дорогой жены.

Мой немецкий издатель сообщает мне, что требуется третье издание «Капитала». Это известие является в очень неподходящую для меня минуту. Во-первых, я должен прежде всего восстановить свое здоровье; а во-вторых, я желаю окончить как можно скорей второй том (даже в том случае, если бы мне пришлось издать его за границей). У меня есть теперь добавочный повод довести его до конца, а именно — чтобы поместить на первой его странице посвящение моей жене.

Впрочем, как бы ни сложились обстоятельства, во всяком случае я условлюсь с моим издателем таким образом, чтобы ограничиться как можно меньшим числом

изменений и прибавлений к третьему изданию; но, с другой стороны, я потребую, чтобы он отпечатал на этот раз только 1 000 экземпляров вместо обычных у него 3 000. Когда эти 1 000 экземпляров будут проданы, я смогу внести в книгу те изменения, которые я внес бы теперь, если бы мои личные обстоятельства были иными.

Верьте всегда моей истинной дружбе.

А. Вильямс.

57

[Николай—он К. Марксу]

Петербург, 5 [17] декабря 1881 г.

Милостивый государь!

Я прочел ваше письмо с глубочайшим сожалением. Я слышал от «нашего общего друга» так много о редком характере вашей супруги, что, и не будучи лично знаком с нею, я испытывал к ней чувство величайшего уважения. Это только увеличивает чувство моей глубочайшей симпатии к вашему горю, чувство, которое я позволю себе выразить.

Посвящение второго тома вашего труда памяти покойной будет лучшим памятником в честь ее, и оно даст нам и нашим детям наилучший повод научиться тому, как следует служить человечеству. Память особы, вдохновившей на такое служение, будет чтиться с глубоким уважением.

Выражая вам сердечное пожелание поправиться, остаюсь, милостивый государь, с глубочайшим уважением

Ваш Н. Д.

«Наш общий друг» переедет в январе в Вологду.

58

[Николай—он К. Марксу]

Петербург, 10/22 января 1882 г.

Милостивый государь!

Наш русский журнал «Слово» умер. На его место появится новый журнал «Устои» (издатель тот же самый). Я не могу предсказать, насколько они устойчивы... В них будет помещена статья г. Лафарга. Она уже отпечатана, но издатель пустит ее, лишь когда он получит продолжение ее. Завтра вы получите печатную копию перевода ее. Вы убедитесь, что ни одно слово не выброшено, хотя статья прошла через чистилище цензуры. В феврале я пошлю г. Лафаргу гонорар. Издатель убедительно просит его послать продолжение работы и стать сотрудником журнала.

А пока извините меня, что я не мог устроить этой статьи раньше в другом журнале, но издатель «Слова» надеялся, что его журнал переживет кризис и что он сумеет дать своим подписчикам возможность наслаждаться этой крайне интересной статьей.

В надежде, что ваше здоровье уже совершенно поправилось, я остаюсь, милостивый государь, преданный вам

Н. Д.

59

[Николай—он Элеоноре Маркс]

С.-Петербург, 7/19 мая 1882 г.

Мадмуазель!

Будьте любезны сообщить своему шурину, что его первая статья напечатана в последней книжке журнала, а конец будет напечатан в следующем номере.

Издатель просит его о дальнейшем сотрудничестве, но он желает знать 1) размеры его следующей статьи (О производстве хлеба в Америке и т. д.) и 2) когда он сможет послать ее.

Не осмеливаясь беспокоить вас, я прошу его написать мне, как здоровье вашего уважаемого отца и когда он вернется домой.

Я надеюсь, что вы получили посланные мною ему московские и петербургские издания.

Примите уверения в совершенной преданности

Н. Даниельсон.

60

[Николай—он К. Марксу]

Петербург, 10/22 сентября 1882 г.

Милостивый государь!

Вторая часть статьи г. Лафарга напечатана в № 6 «Устоев». Я думаю, что он получил этот номер (но я не уверен в этом: аккуратность не составляет добродетели наших издателей). Гонорар будет выслан после 20 сентября.

Наша литература переживает в настоящее время очень тяжелые дни. Выходит очень мало новых книг, и эти немногие книги не имеют вовсе читателей. Месяц или два назад я послал вам, среди прочих книг, VI том «Сборника статистических сведений по Министерству путей сообщения», в котором вы найдете данные относительно железнодорожных перевозок (в 1878 г.) 39 сортов товаров и некоторые другие подробности касательно нашей внутренней торговли. Не менее важен другой статистический труд — «Ежегодник банков России» (за тот же самый 1878 г.). В первом труде вы имеете все, что касается обращения товаров, а здесь — данные о денежном обращении. Позвольте мне обратить ваше внимание на VII часть труда и на объяснительные примечания (стр. 69, 84 — 85 в начале тома), а также на V часть. Здесь в таблицах (стр. 12 — 13) вы найдете сравнительную оценку крестьянского землевладения, произведенную Выкупным учреждением, и оценку частной земельной собственности земельными банками (столбцы 9 — 27, стр. 12 — 13). Но приведенные здесь данные требуют некоторых поправок: оценка является функцией дохода; из таблиц мы не можем вывести отношения между доходом крестьян и частных владельцев. Вот почему я послал вам «1881 год в сельскохозяйственном отношении», где в таблицах (стр. 121 — 136) вы найдете весьма ценные подробности по этому вопросу. Из этих таблиц мы узнаем, что мы не можем найти в России ни одной губернии (за исключением Пензенской), где крестьянская земля приносит большой доход. Из 44 губерний в 11-ти урожай на десятину земли, засеянную хлебом, у частных собственников на 3 — 10% больше, чем у крестьян, в 15-ти больше на 10 — 20%, в 9-ти —

на 20 — 30%, в 6-ти на 30 — 40% и в 9-ти губерниях на 47 и 56%, в среднем на 18,5%. Кроме того, мы не должны забывать, что частные владельцы имеют луга, леса и т. д., а крестьянин не имеет почти ничего этого. Данные эти приобретают особенное значение, если мы примем во внимание, что они основываются на показаниях 1 645 лиц самого различного положения.

Я уверен, что вы прочтете с большим удовольствием «Письма из деревни» Н. Энгельгардта и некрасовскую

... бедную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу.

Вы знаете, что у нас будут 1) собственные фабричные инспекторы и 2) крестьянский поземельный банк для покупки земли; он будет давать ссуду в 75% стоимости земли по $8^1/_2$% на $24^1/_2$ года и по $7^1/_2$% на $34^1/_2$ года.

Вы очень обяжете меня, написав несколько строк о влиянии, оказанном климатом Алжира на ваше здоровье, и о состоянии ваших работ над вторым томом вашего труда. Позвольте мне убедительно попросить вас указать, как я могу помочь вам в той части вашего труда, которая относится к фактам нашей экономической жизни (книги, информация и т. д.).

Преданный вам

Н. Д.

Мне интересно знать, посылает ли вам профессор Эрисман свои исследования по санитарному состоянию фабрик Московской губернии, изданные московским земством.

61

[Николай—он Элеоноре Маркс]

Петербург, 16/28 марта 1883 г.

Милостивая государыня!

Позвольте мне выразить глубокое сочувствие постигшему вас горю, являющемуся горем и всех тех, кому были дороги интересы науки, представителем которой был ваш отец.

Его друзья, вероятно, издадут те части его трудов, которые еще не опубликованы. Если я не ошибаюсь в этом, то я был бы очень рад послать все необходимые данные относительно экономической жизни России, тем более, что я знаю, какое научное значение придавал ваш отец экономическим отношениям.

Я хотел бы узнать: 1) нужны ли такие материалы, 2) что в частности нужно, 3) кто будет издателем трудов вашего отца? г. Ф. Э[нгельс]? Если моя догадка верна, то я попросил бы его послать мне свой адрес для того, чтобы я мог отправлять ему необходимые материалы.

Намереваются ли друзья вашего отца, кроме издания его сочинений, выпустить в свет также его письма к разным лицам?

Если такое намерение существует, то я перешлю, для скопирования их, те письма, которые я получил от него.

Остаюсь преданный вам

Н. Даниельсон.

Д. РЯЗАНОВ

МАРКС, ГЕРЦЕН, ЧУПРОВ И ВЕНСКАЯ ПЕЧАТЬ

Европейская известность Маркса датирует, в сущности, только со времени I Интернационала и в особенности со времени появления «Капитала». Но только в связи с Парижской Коммуной имя Маркса, «красного доктора», становится «модным» и «сенсационным». Им заинтересовалось «общественное мнение», появился спрос на всякого рода «разоблачения» и «сенсации», связанные с именем Маркса. Спрос вызывает предложение, и всякие «Тряпичкины-очевидцы» поспешили поделиться своими воспоминаниями о свирепом и кровожадном революционере.

В июне 1871 г. в той самой венской «Прессе», в которой Маркс за несколько лет пред этим работал в качестве лондонского корреспондента, появился большой фельетон — за подписью W. — под названием «Социалистический вечер» («Eine sozialistische Soirée»). Автор подробнейшим образом описывает вечер в лондонском «дворце» Герцена. Мраморная лестница, дорогие ковры, огромные зеркала, богатая коллекция оружия, тропические растения! Гостей было около ста человек. Среди них английские чартисты, французские демократы — Луи Блан, Ледрю-Роллен, Эдгар Кине, а из немцев — «Маркс, неутомимый социалистический заговорщик, который имел тесное отношение и к недавним событиям в Париже».

«Маркс,— пишет W.,— занят был тогда проектом тайной рабочей организации, которая должна была охватить всю Европу и Северо-Американские Соединенные Штаты. Так рассказывали, по крайней мере, последователи этого рабочего агитатора, относившиеся к нему с большим почтением». Так как автор говорит уже о Герцене как об издателе «Колокола» и сообщает в связи с этим ряд фантастических анекдотов,— Герцен рассказывал ему, что только в одном Петербурге «Колокол» имел свыше 20 000 платных подписчиков,— то вечер этот мог происходить только в конце пятидесятых или начале шестидесятых годов (прошлого столетия).

Но W. не только видел Маркса у Герцена, он даже слышал речь его, которая бросает свет на события Парижской Коммуны. Вместе с другими немцами «сомнительного вида» Маркс забрался в одну из комнат Герцена и, попивая английский эль, ораторствовал во-всю.

«Да, мои милые друзья,— продолжал он,— здесь в Англии нам предстоит колоссальная работа, чтобы разъяснить наш план нападения английским рабочим армиям! Несмотря на все их ассоциации, люди эти еще до

глупости консервативны, что в сущности объясняется английской бычьей натурой. И все же лавина должна скатиться через Францию именно отсюда. Кого пугают самые крайние предпосылки организации социалистического государства, тот лучше всего поступит, если поедет в Рим, в монастырь. «Война дворцам, мир хижинам»? Это — глупость; этим еще ничего не сказано. Социалистическая идея должна, если она хочет восторжествовать, сразу вырвать весь существующий общественный паразитизм с его тысячами корней и бросить его в огонь. Дворцы — только маленькая часть гнусного представительства капитала; действительная геенна, где рабочий народ избивается сотнями тысяч, это — города! Рациональный, всепроникающий социализм не может и не должен знать никаких городов. Вместо последних нашим лозунгом должен быть раздел земли, равное хозяйство и равное семейное благосостояние. Перегной городов послужит великолепным удобрением для социалистических полей!»

И именно это изречение «безумного Маркса» вспомнил W., когда «Коммуна» хотела сжечь весь Париж!

Маркс не выдержал. Трудно сказать, что̀ именно его больше всего возмутило: изложение его взглядов или утверждение, что все это происходило именно в доме Герцена. Он сейчас же послал опровержение в другую венскую газету, в «Neue Freie Presse».

В наших руках имеется черновик этого ответа. Из помещаемого нами факсимиле (стр. 134) читатель увидит, что Маркс не сразу нашел подходящую форму для своего ответа.

Мы даем перевод этого письма в том виде, как он появился в «Neue Freie Presse» 4 июля 1871 г.

В редакцию «Neue Freie Presse»

Под названием «Социалистический вечер», за подписью W., в венской «Presse» помещен фельетон, в котором я имею честь фигурировать. W. встретил меня, как он утверждает, на вечере у Герцена. Он приводит даже речи, которые я держал там.

Решительный противник Герцена, я всегда отказывался от встречи с ним и поэтому никогда в своей жизни не видел этого человека.

Я сомневаюсь, чтобы столь богатый фантазией W. был когда-либо в Лондоне. Кроме как во дворцах, там нет «мраморных лестниц», которые W. нашел в «коттедже» Герцена.

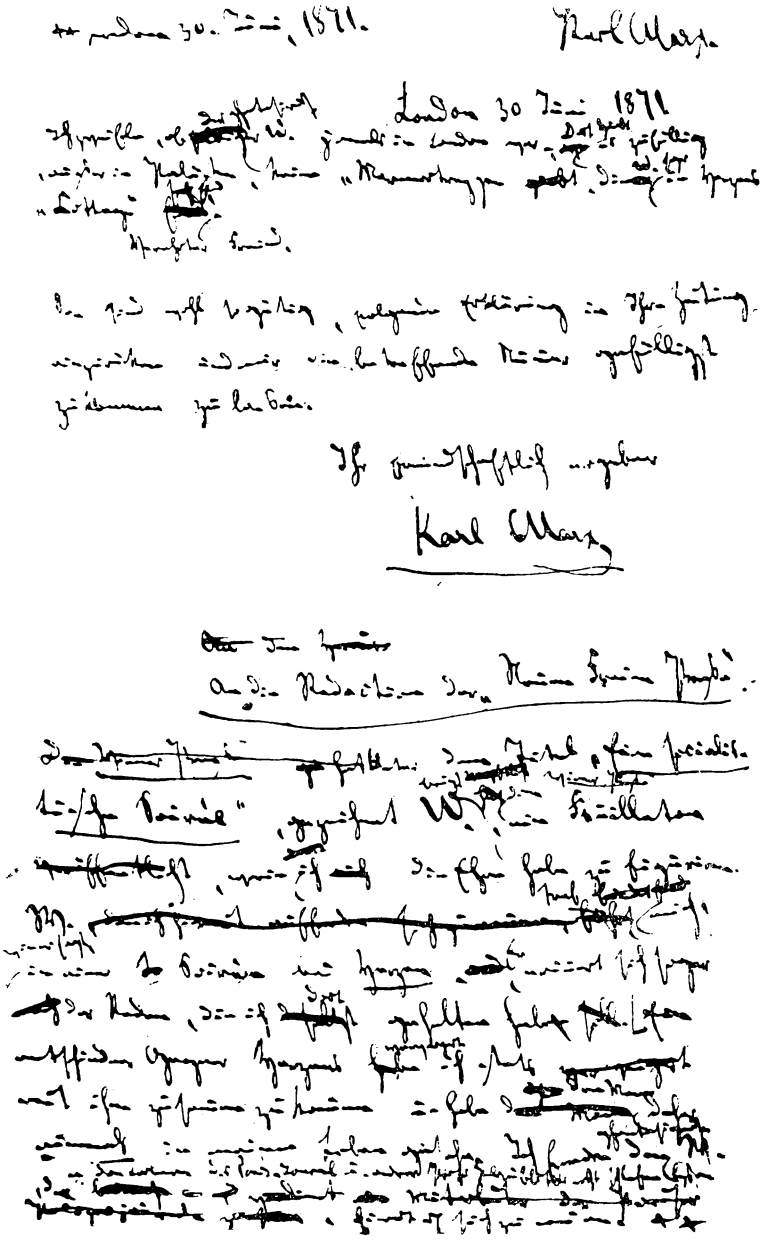
Я требую, чтобы этот W., которому не дают спать лавры «Paris-Journal» и подобных ему полицейских органов, назвал свое имя.

Карл Маркс.

Лондон, 30 июня 1871 г.

Венская печать и после не оставляла Маркса в покое. Она специализировалась не только на фабрикации ложных известий или клевет по адресу автора «Капитала». Она взяла на себя инициативу и в области литературной фальсификации: она пустила в обращение за подписью Маркса письма, которых он никогда не писал. Так как эта страничка из истории венской печати до известной степени связана с историей оценки Маркса в русской журналистике, то мы остановимся на этом эпизоде.

Среди немногочисленных некрологов Маркса, появившихся сейчас же после его смерти на русском языке, особенно выделяется статейка,



появившаяся в «Юридическом вестнике» (1883 г., апрель). В этот орган московских либеральных профессоров перешли многие сотрудники незадолго пред этим прекратившегося «Критического обозрения», в котором сотрудничали Ковалевский и другие «научные друзья» Маркса, в той или иной степени подвергшиеся влиянию его идей.

Некролог был написан Чупровым. Вместе с Иванюковым он ста-

рается изобразить Маркса мирным эволюционистом, отрицающим «насилие» в истории.

«Так как, по учению К. Маркса, переход этот [средств и орудий производства в руки самого общества] должен совершиться уже в силу развития внутренних отношений самого капиталистического производства, «сила же, по его учению, бывает бабкой старому обществу, лишь когда оно беременно новым», то он и является крайним врагом учений, видящих в насилии единственное средство изменения экономических отношений. Отсюда проистекает и его протест против анархических стремлений, — протест, выразившийся с особенной силой в его предсмертном письме, посланном им одному из своих друзей в Вене всего за четыре дня до своей смерти. Сам Маркс уже не в состоянии был писать его и продиктовал своему другу Томасу Сандерсу, сам же лишь подписал его дрожащей рукой».

После этого трогательного вступления Чупров приводит «политическое завещание Маркса».

«Письмо это, помещенное после его смерти в «Vorstadt-Zeitung», говорит следующее: «Друг! Письмо от меня, старого, больного изгнанника, конечно, удивит вас. Но мне не дает покоя желание отвести душу с моим единомышленником. В Вене, в настоящее время, много говорят о нас; безумным, преступным деянием несколько негодяев или ослепленных индивидуумов воспользовались для того, чтобы...[1] О, боже мой! Для того ли дожил я до старости, чтобы видеть, что большинство моих земляков менее, чем когда-нибудь, понимает истинную социал-демократию? Одна парижская газета недавно напечатала известие, взятое ею из венской газеты: «Нападение с целью грабежа на известного Мершталлингера произведено якобы венскими социал-демократами». Это вымышлено! Самый принцип дела таков, что участники преступления не могут быть социал-демократами. Но неужели благомыслящие люди могут смешивать анархизм с моим учением? Как это ни печально, но я боюсь, что это так. Всякому, кто меня знает, известно, что я с юных лет гнушался и преследовал анархистов. Я прочел, между прочим, в той же парижской газете и такое странное выражение: «анархическая социал-демократия». Я над этим очень смеялся. Мне пришло в голову, что это все равно, как если бы кто-нибудь говорил о «республиканской монархии»... Вашим землякам мой душевный поклон. Я утомляюсь. Карл Маркс». В этом письме, таким образом, К. Маркс, — прибавляет назидательно Чупров, — спешит перед смертью еще раз провести резкую черту между анархизмом и социализмом».

Весьма основательный экономист, но очень плохой историк, ссылаясь на такой «неопровержимый документ», только подтверждал выводы своего приятеля, тоже московского профессора, И. Иванюкова и вместе с ним дал

[1] В 1882 г. два члена радикальной фракции австрийской социал-демократии, Энгельс и Пфлегер, совершили экспроприацию у венского сапожного фабриканта Мершталлингера, чтобы достать средства для партийных целей. Кроме них арестованы были еще 27 человек. Суд происходил в Вене от 9 до 22 марта 1883 г. Энгельс и Пфлегер получили 15 лет, а Бернд т 2 года тюрьмы; 26 человек были оправданы.

повод Плеханову сказать, что «наши русские полицей-социалисты непрочь эксплоатировать для своих реакционных целей даже такую теорию, под знаменем которой совершается самое революционное движение нашего века». Статья Чупрова была одновременно и выпадом против народовольцев, и попыткой спасти для университетской науки «здоровое зерно» в учении Маркса.

Но письмо, напечатанное в венской «Vorstadt-Zeitung», было сфабриковано венским журналистом Виктором Ганом.[1] Во время процесса по делу о покушении на Мершталлингера прокурор тоже сослался на письмо Маркса, чтобы показать, что даже социал-демократы относятся с отвращением к таким злодеям, как Энгельс и Пфлегер.

Мы не знаем, какова была дальнейшая судьба Виктора Гана. Есть, однако, маленькая деталь, которая позволяет думать, что пресловутый W. и не менее пресловутый Ган были тесно связаны, а может быть представляют одно и то же лицо. В фельетоне «Социалистический вечер» очень подробно описывается, как жена английского чартиста, г-жа Сандерс, на этом вечере декламировала «Песнь о рубашке» Томаса Гуда. Друг Маркса, которому он продиктовал свое письмо, — не кто иной, как Томас Сандерс.

Мы тщетно искали бы имя известного чартиста Сандерса в истории чартизма. Не менее тщетно искали бы мы имя Сандерса среди не только близких, но и вообще среди друзей Маркса. Но имя это два раза упоминается в связи с Марксом, в двух различных органах венской печати, в статье W. и в сообщении Виктора Гана. Вывод напрашивается сам собою. Будем надеяться, что будущий историк венской журналистики установит документально тождество этих обоих предшественников современных фабрикантов «писем Зиновьева».

[1] Mandl, Die Wiener Pressekorruption («Neue Zeit», 1884, декабрь).

П. ВИНОГРАДСКАЯ

ПОЕЗДКА ЭНГЕЛЬСА НА ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТИНЕНТ В 1893 г.

Энгельс был законченной гармонической личностью. Он соединял в себе величайший талант теоретика и громадные способности практического деятеля. Яркий, красочный образ этого человека сохранил свою свежесть и не потускнел до последнего дня его жизни.

Несомненно, что, будучи от природы богато одаренной личностью, Энгельс развивался в благоприятных условиях. Его жизненный путь был значительно менее тернистым, чем путь Маркса. И не только в материальном отношении. Конечно, Энгельс тоже не почивал на розах. Ему пришлось много лет (вплоть до 1869 г.) заниматься «проклятой коммерцией».[1] Но зато он никогда не испытывал величайших материальных лишений, которые душили гений Маркса, разрушали его физическое здоровье и преждевременно свели его в могилу. Энгельс великолепно сохранился до глубокой старости. В своих воспоминаниях о нем его современники указывают на то, что даже в последнюю пору своей жизни Энгельс сохранял редкую свежесть памяти, яркость мысли и бодрость духа.[2]

Несмотря на преклонные лета, на перегруженность работой,[3] он находит

---

[1] В письмах к Марксу Энгельс выражает радость по поводу ухода из фирмы Эрменов. Элеонора Маркс, гостившая в это время у Энгельса, очень трогательно описала сцену последнего визита Энгельса в контору (см. письмо Энгельса к Марксу от 1 июля 1869 г. в «Briefwechsel zwischen Marx und Engels», B. IV).

[2] См. Friedrich Lessner, Erinnerungen eines alten Kommunisten («Deutsche Worte», 1898, Heft 3, S. 109); А. Бебель, Мемуары, т. II; Вера Засулич, Письма к Л. Дейчу, сборник «Группа Освобождение труда», № 4, стр. 244; Eduard Bernstein, Aus den Jahren meines Exils, Berlin, 1918, S. 213, 214 ff.

[3] В связи с приглашением Луизы Каутской в качестве секретаря Энгельс в письме к Адлеру дает расписание своего рабочего дня, который длится до 11 часов вечера. С 11 до 12 часов он играл в карты специально для того, «чтобы глаза могли отдохнуть и с пустой головой лучше уснуть».

Помимо того, что после смерти Маркса вся тяжесть руководства движением легла на Энгельса, он должен был также взять на себя работу по разбору и подготовке к печати литературного наследства Маркса, II и III томов «Капитала», которые потребовали от Энгельса одиннадцати лет непрерывного и упорного труда. Энгельс был единственным человеком, способным справиться с этим делом, и недаром Маркс, чувствуя приближение смерти, при виде груды своих незаконченных рукописей, утешал себя тем, что Энгельс, быть может, еще сделает из них что-нибудь полезное. Мы не говорим уже о том, что Энгельс лучше всех разбирал и читал иероглифы Маркса; у Маркса был крайне неразборчивый почерк, на который он и сам жаловался, говоря, что наживает себе болезнь глаз при перечитывании своих собственных рукописей. Дело в том, что часть

время, силы и желание путешествовать. Так, в 1888 г. он предпринял поездку в Америку, затем в Норвегию, Шотландию, а в 1893 г. поехал по личным и партийным делам на европейский континент.

Энгельс был счастливее Маркса и в другом отношении. Маркс умер, не успев закончить труд своей жизни —«Капитал», не дождавшись плодов своей работы. Он видел гибель Коммуны, распад I Интернационала... Энгельсу же довелось увидеть могучий рост идейного влияния марксизма, услышать железную поступь рабочих батальонов, присутствовать при рождении и первых успехах II Интернационала.

К концу жизни Энгельс становится центром, к которому со всех сторон тянутся нити от вновь возникающих в разных странах партий, марксистских групп и т. п. Все требуют советов, указаний, сотрудничества в новых органах печати, предисловий к изданиям Маркса на разных языках.[1] Энгельс помогает не только духовно, но и материально. Руководство II Интернационалом лежит почти исключительно на нем. Как справедливо утверждает Рязанов, «весь Генеральный совет, состоявший из многих членов с рядом секретарей для отдельных стран, теперь олицетворялся в самом Энгельсе».[2] Надо заметить, что это руководство носит несколько своеобразный характер. Сам Энгельс не присутствует на конгрессах. Он действует и сносится через вождей отдельных партий. Это создавало некоторые неудобства. Отношения Маркса и Энгельса к самой крупной партии Интернационала — германской социал-демократии — от самого ее основания никогда не были отношениями полного взаимного понимания и согласия. Об этих отношениях верхушки германской социал-демократии настойчиво создавали легенду в свою пользу, а много компрометирующих их документов скрыли от рабочих масс и не пускали в печать. Из четырехтомной переписки Маркса-Энгельса было выброшено много очень важных, принципиальных мест, как, например, резкие отзывы Маркса и Энгельса о том или ином вожде за его оппортунизм и связи с буржуазными демократами. Маркс издевался над самым названием партии «социал-демократическая», предпочитая название «коммунистическая». Из критики Готской программы, которую вожди скрывали в течение 16 лет, можно видеть, как относились Маркс и Энгельс к той смеси мелкобуржуазных тенденций и лассальянства, с одной стороны, и обрывков марксизма — с другой, которая называлась Готской программой немецкой социал-демократии и была руководящим документом движения вплоть до Эрфуртского съезда 1891 г. После смерти Маркса со всем этим наследством пришлось иметь дело Энгельсу. Мы не можем здесь подробно останавливаться на вопросе о взаимоотношениях обоих основоположников марксизма и немецкой социал-демократии, вопросе, которому мы посвятим особую статью. Укажем лишь на то, что Энгельс, как в своих письмах,

---

рукописей была оставлена еще в набросках, обрывках, намеках мыслей; «часть, — как писал Энгельс, — закончена уже в болезненном состоянии, когда мозг Маркса страдал от хронической бессонницы» (см. письмо Энгельса к Адлеру от 16 марта 1892 г. в «Victor Adler's Aufsätze, Reden und Briefe», hrsg. von dem Parteivorstand der S.-D. Arbeiterpartei Deutschland-Österreich. Wien 1922).

[1] См. об этом подробно в книге Д. Б. Рязанова, К. Маркс и Ф. Энгельс, стр. 255 — 256. Госиздат, 1928 г.

[2] Там же, стр. 255.

так и в частных беседах, самым резким образом выступал против того течения в верхах социал-демократии, которое хотело приспособить развивавшееся рабочее движение к германской монархии и старалось не раздражать буржуазии. Коснуться здесь этого хотя бы мельком необходимо потому, что без учета этих обстоятельств трудно объяснить многое из поведения Энгельса на международном конгрессе 1893 г. и его скупые и формальные речи на конгрессе.

Несмотря на это, все вожди немецкой партии, Либкнехт, Каутский, Бебель, а из австрийской партии Адлер и др. усиленно приглашали Энгельса приехать. Они надеялись при личном свидании изжить многие «недоразумения», умилостивить «старика»,[1] или «генерала», как его иначе называли. С другой стороны, они хотели демонстрировать перед Энгельсом свои массы, а массам показать «своего» Энгельса.

В связи с этими приглашениями Энгельс собирался на европейский континент еще в 1892 г.[1] Однако внезапный рецидив старой болезни, полученной Энгельсом давно, вследствие падения с лошади во время охоты за лисицами, заставил его временно отказаться от этой поездки и заняться лечением в Райде возле Лондона.

О расстроившемся плане поездки Энгельс с сожалением сообщает как партийным товарищам, так и брату своему Герману,[2] которому он тоже было назначил свидание.

Но «verschoben ist nicht aufgehoben», — говорит Энгельс. Уже в следующем году, по случаю международного парижского конгресса, эти приглашения стали еще усиленней повторяться, и Энгельс выехал на континент в начале августа 1893 г. Его маршрут, как это видно из письма Энгельса к Зорге от 7 октября, [3] был таков: сначала он поехал в Кельн, где встретился с Бебелем и женой последнего. С ними вместе он через Майнц и Страсбург отправился на конгресс в Цюрих. Из Цюриха Энгельс отлучился на несколько дней в Граубюнден для свидания со своим братом Германом. Затем он вернулся в Цюрих к окончанию конгресса и пробыл еще 14 дней в Швейцарии; вместе с Бебелем через Мюнхен и Зальцбург он прибыл в Вену, затем через Прагу поехал в Берлин и вернулся назад в Лондон 29 сентября.

Во время этой поездки Энгельсу воочию удалось убедиться в том, какие громадные всходы дали семена, посеянные им и Марксом. Рабочие с чувством горячей благодарности встретили своего вождя. Вся его поездка превратилась в сплошное триумфальное шествие. Энгельсу еще при жизни суждено было пожать лавры своих трудов.

---

[1] См. его письма к брату Герману от 28/VII 1892 г. (в «Briefe von Fr. Engels an Mutter und Geschwister». «Deutsche Revue», Stuttgart, 1921. Mitgeteilt von Gustav Mayer), жене Бернштейна от 25/VII 1892 г. (в «Briefe von Fr. Engels an Eduard Bernstein». Berlin, Dietz, 1925. См. русский перевод в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I) и Виктору Адлеру от 30/VIII 1892 г. (в «Victor Adler's Aufsätze, Briefe etc.»).

[2] См. письма к Виктору Адлеру, жене Бернштейна и брату своему Герману от 19/VIII, 25/VIII и 8/VIII (Ibidem). Герман Энгельс (1822 — 1905), старший брат Фридриха Энгельса — совладелец немецкой фирмы Энгельс и Эрмен и владелец фабрики в Бармене.

[3] См. «Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Ph. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an A. Sorge», Stuttgart, Dietz, 1921.

Всюду, где он ни проезжал, печать, рабочие, все спешили приветствовать старого ветерана революции, сподвижника Маркса, международного вождя.

Характерно, что Энгельс, несмотря на всю радость, испытанную им при виде такого роста рабочего движения, выражал свою досаду по поводу той торжественности, которой была обставлена его поездка. Будучи чрезвычайно скромным человеком, он больше всего ненавидел позу, театральность и шумиху. В этом отношении Энгельс сильно отличался от такого типа вождей, как Лассаль, который имел совсем другие представления о массах и вожде, герое и толпе, и которого как-раз вдохновлял этот «пафос дистанции».

«Все это было, — пишет Энгельс тому же Зорге, — конечно, очень мило, но не по мне; я рад, что кончилось, и на следующий раз потребую writen agreement (письменный договор), что меня избавят от парадирования перед публикой и позволят мне путешествовать в качестве обыкновенного смертного, едущего по своим личным делам. Я поражен и поражался торжественности, с которой меня всюду встречали, но все это я охотно уступаю парламентским деятелям и народным ораторам, ибо это приличествует больше их роли, чем моей работе».[1]

Характерно также, что, поскольку Энгельсу приходилось отвечать на приветствия, он всюду подчеркивал мысль, высказанную уже однажды, о том, что он играл лишь роль второй скрипки при Марксе. Во всех его ответных речах проскальзывает попытка свести свою роль и заслуги к пустякам, выдвинуть на первый план Маркса. Здесь чувствуется у него не только отсутствие тщеславия — это уж скорей самоуничижение и явная несправедливость к самому себе.

Чествование Энгельса началось с Цюрихского конгресса. В «Grütlianer» от 15 августа 1893 г.[2] был помещен краткий отчет о закрытии конгресса (там описывается, между прочим, сцена поднесения английской делегацией золотых часов своей переводчице г-же Маркс-Эвелинг, которая приобрела на конгрессе всеобщую симпатию). В этом отчете об Энгельсе говорится следующее: «На трибуне, при долго несмолкаемом громе аплодисментов, появляется Фр. Энгельс. Бюро предоставляет ему место почетного председателя. 72-летний старик имеет очень бодрый вид и маститую внешность. На трех языках он произносит короткую речь, набрасывая этапы международного рабочего движения, выдающимся и еще живым участником которого он является». Отчеты о его пребывании на конгрессе были в очень многих социал-демократических газетах, например в «Vorwärts» и др.

В протоколах самого конгресса мы читаем,[3] что перед закрытием г. Куле-

---

[1] Ibidem. Интересно сравнить это место из письма Энгельса с тем, как восторженно описывал Лассаль в письмах к графине Гатцфельд и другим прием, оказанный ему рабочими во время смотра своих организаций. Так, в письме от 20 мая 1864 г. к Софии Гатцфельд мы читаем: «Я еще никогда не видел что-либо подобное! Невольно вспоминаются сцены из «Фауста», как первая сцена («zufrieden jauchzet gross und klein, hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein»), так и конец второй сцены, где он стоит зачарованный и удовлетворенный... Здесь не было больше речи о каком-нибудь партийном празднике или собрании. Я здесь высказал свое впечатление, что так, наверное, создавались новые религии» («Ferdinand Lassalles nachgelassene Briefe und Schriften», 1924, B. IV, S. 355, Deutscher Verlag).

[2] «Grütlianer», Organ für Interessen des Grütlivereins, № 93 от 15/VIII 1893 г.

[3] «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in der Tonhalle Zürich vom 6 — 12 August 1893». Zürich 1893.

шова сказала следующее: «Этим занятия конгресса окончены. Я должна только сделать конгрессу еще одно сообщение. В данный момент среди нас находится всемирно-известный вождь пролетариата, духовный вождь интернациональной демократии Фридрих Энгельс. Бюро единогласно постановило просить его занять место почетного председателя и предоставить ему закрыть конгресс».

Это сообщение и появление Энгельса, полного свежести и здоровья, восторженно встречается присутствующими. Все громче раздаются радостные возгласы: «Добро пожаловать», которыми делегаты и публика с галерки приветствуют преданного и смелого борца. После того как наступило успокоение, Энгельс произнес следующую речь:

«Граждане и гражданки! Разрешите мне — после речи, которую оратор только-что произнес на английском и французском языке, — говорить на моем родном немецком языке. Неожиданный, прекрасный прием, который вы мне устроили и которым я глубоко тронут, я не отношу к себе лично, а ко мне как сотруднику великого человека, портрет которого висит здесь [Маркса]. Ровно 50 лет исполнилось теперь, как я и Маркс вступили в движение, когда мы напечатали первые социалистические статьи в «Немецко-французских летописях». С тех пор социализм из маленьких сект развился в огромные партии, которые заставляют дрожать весь официальный мир. Маркс умер, но если бы он теперь еще жил, то он был бы единственным человеком во всей Европе и Америке, который мог бы с такой оправданной гордостью оглянуться на свою жизненную работу. Еще есть одна памятная дата, это 1873 год, когда состоялся последний конгресс Интернационала. Два события произошли на нем. Во-первых, полное освобождение от анархистов. Было ли это постановлением правильным или нет? Парижский, Брюссельский, настоящий конгресс должны были сделать то же. Во-вторых, восстановление влияния Интернационала в старых формах. Это было время, когда ярость реакции, которая упивалась кровью славной Коммуны, достигла крайнего предела. Дальнейшее существование прежнего Интернационала привело бы только к жертвам, которые были бы вне всякой связи с его успехами. Интернационал перенес свою резиденцию в Америку, т. е. сошел со сцены. Пролетариям каждой страны было предоставлено избрать свою собственную форму организации. Это произошло на деле, и Интернационал сильнее, чем раньше. В этом духе мы должны продолжать нашу работу на общем базисе. Мы должны допускать дискуссии, чтобы не превращаться в секты, но исходные принципы должны оставаться общими. Линии на широкие организации, на добровольное объединение, которой придерживается конгресс, достаточно, чтобы обеспечить победу, которую ни одна сила в мире не в состоянии у нас вырвать. Особенную радость мне доставляет тот факт, что англичане представлены здесь в большом количестве; они были нашими учителями в области организации рабочих; но как ни много мы от них научились, все же и они здесь увидят кое-что новое, чему они могли бы поучиться.[1] Я проезжал через Германию и кое-где слышал сожаление, что перестал существовать «закон о социалистах». Борьба с

[1] Здесь Энгельс мимоходом намекнул на то, что англичане сначала 189 голосами против 97 отвергли приглашение на предстоящий международный конгресс, намереваясь созвать собственный международный конгресс по вопросу о 8-часовом рабочем дне. Энгельс возмущался тем, что англичане уклоняются от политики и не желают

полицией была ведь очень интересной. С такими борцами не сможет справиться ни одна полиция, ни одно правительство в мире. По поручению бюро объявляю конгресс закрытым. Да здравствует международный пролетариат!»

Понятно, меньше всего надо искать оценки конгресса и его работ и решений в заключительной речи Энгельса, которая носила исключительно официальный характер. Никакой оценки нельзя также искать в письме Энгельса к брату, написанном сейчас же по окончании конгресса, если иметь в виду, что адресатом был немецкий буржуа и фабрикант.[1] Оценку Энгельс давал в беседах с отдельными вождями и в письмах к ним. Мы хотим здесь привести, однако, часть письма к брату:

Готтинген - Цюрих, Merkurstrasse, 6.
16 августа 1893 г.

Любезный Герман!

Начиная со вчерашнего дня я переехал к Анне Бейст и настолько освободился от суеты, что в состоянии тебе написать. Я имел очень приятную поездку; сначала было довольно пыльно, затем дождило, но лишь настолько, чтобы прибить пыль на платье. В Цюрихе меня повели в гостиницу Baurenville, где мне было очень хорошо, хотя я совершенно не бывал дома. Наконец, в субботу вечером самое тяжелое осталось позади, [2] и началась постепенно умеренная попойка (massvoll—умеренная—не надо читать как два отдельные слова: Mass voll — полная мера, потому что там были только полубутылки) вместе с прогулкой по озеру. Elsbeth говорит, что здешняя публика уже разгадала, какие у меня огромные таланты по части ворчанья (Brummen). Бебель также написал в открытке, что я целый вечер ничего не делал, а только брюзжал (geknurrt) от удовольствия.

....На ближайшей неделе я собираюсь с Бебелем поехать в горы, но через восемь дней снова вернусь сюда. 3, 4, 5 сентября мы едем в Мюнхен и Вену.

На конгрессе были три-четыре русских женщины с удивительно красивыми глазами, такими, как у твоей золовки Берты, когда я видел ее несколько лет тому назад в Altenahre. Но мне особенно понравилась прехорошенькая венская фабричная девушка с восхитительным лицом и обаятельными манерами, какие редко встречаются.[3]

ничего знать, кроме профессиональной борьбы. И в этом отношении он ставил им в пример движение на континенте, которое не ограничивается только узко-профессиональными интересами, а включает их в общеполитическую борьбу, как бы ни была она временами оппортунистической. По поводу англичан Энгельс писал Регине Бернштейн 17 сентября 1892 г. (см. русский перевод в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I).

[1] Об этом своем брате Энгельс писал Марксу (во время его посещения Германии в 1869 г.) как о типичном представителе буржуазии того периода:

«Я был несколько дней в Энгельскирхене. Люди в Германии становятся все глупее. Рабочее движение угрожающе надвигается на них, и все они заигрывают с ним и придумывают всякого рода nostrums, но разум их от того не стал острее, наоборот. Господин мой брат, например, хотел разрешить социальный вопрос так: он будет «амортизировать труд» совершенно так же, как он амортизирует фабричные постройки, здания, машины и т. д., а именно на каждый фунт пряжи он будет набавлять к ц е н е по одному грошу и отсюда делать выдачи старым, больным и инвалидным рабочим! Этот филистер был совершенно изумлен, когда я объяснил ему, как безгранично наивна и нелепа эта история, и под конец он обещался прочесть твою книгу».

[2] Речь идет о социалистическом конгрессе в Цюрихе. (Прим. Г. Майера к этому письму в «Deutsche Revue».)

[3] Речь идет об Аделаиде Дворжак, вышедшей замуж позже за Юлиуса Поппа. Аделаида Попп была одной из видных руководительниц женского социал-демократического движения.

Я никогда не прощу Бисмарку, хотя бы из-за одних красивых венских женщин, что он отделил Австрию от Германии». [1]

Из Цюриха Энгельс прибыл в Вену. [2] 11 сентября был устроен торжественный вечер-концерт в честь Энгельса, на котором присутствовало 600 человек, но так как помещение не могло вместить всех рабочих, желавших приветствовать Энгельса, то 14 сентября пришлось устроить еще одно собрание, где присутствовало 2 000 человек.[3] На этом собрании, между прочим, разыгрался следующий инцидент: когда Шраммель, открывавший собрание, предложил избрать председателем собрания Энгельса, то представитель полиции заявил, что этого нельзя сделать, потому что Энгельс иностранец. Выбранный председателем собрания Рейман заявил при всеобщем шуме, смехе и одобрении: «Так как Энгельс не имеет права быть почетным президентом, предоставим ему просто почетное место». [4] После доклада Виктора Адлера о конгрессе слово предоставили Энгельсу. Энгельс сказал следующее:

«Уважаемые товарищи! Я не могу покинуть этот зал, не выразив моей сердечной, глубочайшей благодарности за незаслуженный прием, которого я удостоился в этот вечер. Я могу лишь сказать: к сожалению, мне суждено пожинать лавры моего покойного друга. В этом смысле я принимаю ваши овации. Если я мог что-нибудь сделать для движения в течение пятидесяти лет моего участия в нем, то я не хочу за это награды. Лучшая награда — это вы! Наши люди томятся

---

[1] «Briefe von Fr. Engels an Mutter und Geschwister». («Deutsche Revue».)

[2] В «Arbeiter-Zeitung» от 15 сентября была заметка о прибытии Энгельса и о его чествовании.

[3] В отчете об этом вечере, помещенном в «Arbeiter Zeitung» от 22 сентября 1893 г., говорится, что уже с 6 часов вечера толпы народа были на улице, не будучи в состоянии проникнуть в здание. Об устроенной ему торжественной встрече Энгельс писал Зорге: «Здесь опять началась история с парадом; сначала я должен был пойти на вечер, там имелось помещение на 600 человек. Другие тоже хотели меня видеть. Значит, следующий вечер еще публичное собрание, где я также должен был сказать несколько слов» («Briefe und Auszüge etc»).

В архивах венской полиции сохранился следующий рапорт о пребывании Энгельса в Вене и об устроенных в его честь собраниях: «Фридрих Энгельс и Август Бебель в Вене, 1893 г.» «11 сентября 1893 г. в честь находящихся в Вене господ Бебеля и Энгельса устроена торжественная вечеринка в «Зале трех ангелов». Устроено это было исключительно как художественный вечер, на основании § 2 закона о собраниях, А. А. Бродшнейдером и Юлием Поппом. Отдельным организациям через рабочих-уполномоченных лично были переданы приглашения, около 20 для каждого венского района, так что на вечеринку собралось около 400 участников. Мужчины явились в темных костюмах, дамы в светлых платьях. Вокальную часть взяла на себя «Свободная типография». Бродшнейдер, Попп и хозяин зала привлечены полицией к ответственности за то, что они не заявили о собрании. Попп и хозяин присуждены к денежному штрафу в 20 гульденов или четырехдневному заключению. Кассация отклонена. 14 сентября 1893 г. состоялось публичное собрание, на котором собралось около 2 000 человек (созванное Антоном Шраммелем). Говорили д-р Виктор Адлер о Цюрихском интернациональном конгрессе, Бебель, Энгельс, Луиза Каутская и Карл Лейтнер. Собрание прошло без инцидентов. Агитационных листков не раздавали. Энгельс и Бебель остановились в отеле «Грусть». Кроме д-ра Виктора Адлера, они никого не принимали». Это донесение нами взято из сборника «Victor Adler's Aufsätze, Briefe etc.».

[4] Ibidem.

в тюрьмах Сибири; они находятся на золотоносных рудниках в Калифорнии, повсюду, вплоть до Австралии. Нет страны, нет ни одного большого государства, где бы социал-демократия не была силой, с которой все должны считаться. Все, что совершается во всем мире, совершается с оглядкой на нас. Мы являемся великой силой, которой нужно бояться, от которой зависит больше, чем от иных первоклассных держав. Это — моя гордость! Мы жили не даром, и мы можем с гордостью и удовлетворением посмотреть назад, на наши труды. В Германии хотели насильственно задушить движение, и каждый раз социал-демократия отвечала так, как буржуазия не могла ожидать. Повторные выборы, это несомненное, неудержимое возрастание социал-демократических голосов, пугает буржуазию, пугает Каприви, пугает все власти. (Бурное одобрение.) Предыдущий оратор заметил, что за границей социал-демократическое движение всегда недооценивалось. Мои уважаемые товарищи, я ходил по улицам Вены и осматривал поразительно красивые здания, которые столь любезная буржуазия построила для пролетариата будущего (бурный смех), и попросил показать мне роскошное здание ратуши, которой вы так доблестно завладели. С тех пор как вы завладели ею, уж не может быть и речи о том, чтобы вас недооценили. (Оживленное одобрение.) Этот день сделал эпоху. Я видел — тогда я был в Лондоне — ужас корреспондентов английских газет, когда они сообщили, что 9 июля венский пролетариат победил,[1] победил лучше, чем его побеждали когда бы то ни было. (Бурное продолжительное одобрение и аплодисменты. Возгласы в честь Энгельса, которые постоянно возобновляются.)»

Из Вены Энгельс поехал через Прагу в Берлин (воскресенье, 16 сентября).[2] Здесь ему также был оказан восторженный прием, о чем он писал в упомянутом уже письме к Зорге.

Полиция, которая очень зорко следила за Энгельсом, продолжала и здесь окружать его своими агентами. Одно из донесений агента от 29 сентября 1893 г., хранящееся в тайном государственном архиве (копия имеется в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса), мы считаем небезынтересным здесь привести:

«Фридрих Энгельс прибыл 16 сентября в Берлин, где он был встречен на

---

[1] 9 июля 1893 г. у здания венской ратуши состоялась манифестация, с которой начались демонстрации за избирательное право. (Прим. ред. сборника «Victor Adler's Briefe, Aufsätze etc.»)

[2] В «Vorwärts» от 17 сентября 1893 г., № 219, мы находим следующую заметку, посвященную приезду Энгельса в Берлин (которая очевидно написана Либкнехтом):

«Фридрих Энгельс, этот Нестор социал-демократической партии, находится в настоящее время в Берлине. Как известно партийным товарищам, Энгельс в начале августа отправился из Лондона, его второй родины, в Швейцарию и присутствовал в качестве почетного председателя на последнем заседании интернационального рабочего конгресса в Цюрихе. Из Швейцарии, где он пробыл несколько недель, он поехал с Бебелем в Австрию; в Вене он был в среду вечером почетным гостем на блестящем социал-демократическом партийном собрании. Сегодня, в субботу вечером, он прибыл в Берлин.

«Сегодня Фридрих Энгельс после пятидесятилетнего отсутствия впервые опять очутился в Берлине. Из тогдашнего маленького чиновничьего и гарнизонного города он за протекшие пятьдесят лет превратился в огромную метрополию, на рабочее рево-

Ангальтском вокзале вождями немецкой социал-демократической партии. В честь его состоялся 22 сентября 1893 г. в зале Конкордии (Concordia, Andreasstrasse, 64) организованный социал-демократической партией праздник присяги, на котором присутствовало 4 000 человек. 26-го этого месяца в честь Энгельса у Егера на Kommandantstrasse был устроен банкет, на котором присутствовали, помимо социал-демократических депутатов и представителей муниципалитетов, центральный комитет партии, доверенные люди партии с женами. Энгельс отбыл 28 сентября с Lehrter Bahnhof через Гамбург в Лондон, где он думает проживать и в дальнейшем».

В «Vorwärts» от 26 сентября 1893 г. за № 226 мы находим отчет о собрании, состоявшемся в Берлине 22 сентября в честь Энгельса. После приветственной речи Либкнехта Энгельс сказал следующее:

«Товарищи! Благодарю вас от души за блестящий и незаслуженный прием, который вы мне оказали. Я могу здесь только повторить то, что я уже сказал в Цюрихе и Вене. Этот прием я понимаю как оказанный не мне лично, а мне как сотруднику и соратнику великого Карла Маркса, и в этом смысле я принимаю эту встречу с благодарностью. Вы знаете, я не оратор и не трибун (парламентарий), моя работа другого рода; я работаю большей частью в кабинете, работаю пером. И все же я вам хочу еще кое-что сказать. На-днях исполняется почти 51 год, как я видел в последний раз Берлин. С того времени Берлин совсем переменился. Тогда он был маленькой так называемой «резиденцией», имевшей около 350 000 жителей, «резиденцией», которая жила за счет двора, аристократии, гарнизона и чиновничьего мира. Теперь это большая столица, с почти двумя миллионами жителей, живущих за счет индустрии; теперь двор — аристократы, гарнизон и чиновники — найдет себе другое местожительство, все же Берлин останется Берлином. Промышленное развитие Берлина принесло с собой еще одну перемену. Тогда не было еще ни одного социал-демократа в Берлине; не знали даже, что такое социал-демократия; несколько месяцев тому назад берлинская организация социал-демократической партии устроила смотр своих сил.

люционное население которой обращены взоры всех пролетариев. В 1842 г. Энгельс в качестве канонира отбывал здесь свою воинскую повинность.

«Сколько событий произошло за эти пять десятилетий! Проснулось немецкое бюргерство; оно совершило свою революцию 1848 г.; его последняя жалкая попытка выступить самостоятельно против правительства была подавлена политикой крови и железа того, который был побежден при Варцине [Бисмарк], и столь ненавистный когда-то стал национальным героем разжиревшей и разбогатевшей буржуазии.

«Под покровом военного блеска, под которым возникла новая германская империя, выросла незаметная вначале, огромная освободительная сила, которая принесет пролетариату столь желанное освобождение. Рядом с непреклонными батальонами нашего «блестящего войска» выросли отряды борющегося, уверенного в победе пролетариата, для которого вместе с ушедшими уже из этого мира вождями нашими, Лассалем и Карлом Марксом, Фридрих Энгельс выковал самое решительное духовное оружие.

«Когда семидесятитрехлетний Фридрих Энгельс сегодня опять увидел столицу империи, он должен был испытать бодрящее чувство по поводу того, что из тупой и педантической резиденции прусского короля, какой она была в 1842 г., она превратилась в тот могущественный пролетарский город, который приветствует его сегодня в лице социал-демократического Берлина.»

Организация получила почти 160 000 голосов, и Берлин имеет пять социал-демократических депутатов на шесть представителей вообще. В этом смысле Берлин стоит впереди всех европейских столиц и даже превзошел Париж. Но не только Берлин, а и остальная Германия проделала такую же промышленную революцию. Я 16 лет не был в Германии. Как вы знаете — вы это чувствовали на себе самих — с 1878 г. здесь царил закон против социалистов, от которого вы теперь счастливо отделались. Пока действовал этот закон, я избегал ездить в Германию, я хотел сэкономить властям хлопоты, связанные с высылкой меня, что неизбежно случилось бы (смех, возглас: это наверное случилось бы). И теперь во время моей поездки я мог убедиться, как грандиозен этот подъем, который находит свое выражение в экономическом развитии Германии.

«Одно только человеческое поколение тому назад Германия была сельскохозяйственной страной с двумя третями сельского населения, теперь это промышленная страна первого ранга. И на протяжении всего Рейна, от голландской до швейцарской границы, я не нашел ни одного пятнышка вокруг себя, где бы не дымились пароходы. На первый взгляд все это как будто имеет отношение только к капиталистам. Но капиталисты, по мере того как они поднимают индустрию, создают не только прибавочную стоимость, они создают и пролетариев. Они разрушают буржуазные и мелкокрестьянские слои; они обостряют классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом до кульминационного пункта. А кто создает пролетариев — тот создает и социал-демократию! При каждых новых выборах в рейхстаг буржуазия терпит поражение в результате неудержимого роста социал-демократических голосов, и она вопрошает: откуда все это идет? Если бы она имела разум, то она должна была видеть, что это есть дело ее собственных рук. Так случилось, что немецкая социал-демократия наиболее едина, наиболее спаяна, наиболее сильна во всем мире и идет от победы к победе благодаря спокойствию, дисциплине и бодрому настроению, с помощью которых она ведет свою борьбу. Товарищи, я убежден, что вы и впредь выполните ваш долг. Я кончаю возгласом: Да здравствует интернациональная социал-демократия!»

Энгельс, как известно, не был оратором и не любил публичных выступлений. Эти речи все носили чисто праздничный, официальный характер и, естественно, имели специфический привкус похвалы социал-демократии. В таких речах о теневых сторонах не говорят. И здесь не надо искать того, что думал Энгельс по существу о социал-демократической партии, так же как и в ответной его речи на конгрессе.

Несколько странным может показаться то, что в работах конгресса Энгельс непосредственного участия не принимал: ни в комиссиях, ни на самом конгрессе он не выступил по пунктам порядка дня. Может даже создаться впечатление, будто молчание Энгельса есть знак согласия со всеми решениями конгресса, а тем более со всеми выступлениями его руководителей, которыми были немцы. На самом деле это далеко не так. Его участие в конгрессах (как в этом, так и в конгрессе 1889 г.) начиналось задолго до открытия конгрессов. Но на самом конгрессе он предпочитал держаться за кулисами и предпочитал, чтобы выступали представители национальных партий, люди с мест, связанные с практическим рабочим движением и имеющие право говорить от имени масс. Свою задачу он видел не в том, чтобы, явившись на конгресс, безапелляционным тоном вождя диктовать решения,

а в том, чтобы заранее инструктировать вождей наиболее крупных партий, заставляя их влиять и действовать на конгрессах в духе марксизма, оберегая их от программных и тактических ошибок. Все его письма к Бебелю, Либкнехту и др. написаны в таком духе. Надо, однако, тут же заметить, что они хотя и носят директивный характер, но имеют форму советов, а не приказов. [1] Нельзя все же сказать, чтобы такой метод руководства был идеальным. Опыт доказывает, что после больших споров по каждому вопросу «ученики» на словах сдавались, а в жизни проводили свою точку зрения. И даже личные переговоры и совещания с Энгельсом, как это было во время Цюрихского конгресса, не всегда давали желательные результаты. Достаточно просмотреть протоколы Цюрихского конгресса, [2] чтобы в этом убедиться. Конгресс не допустил участия в нем анархистских групп, и это было правильно. Конгресс принял ряд правильных для своего времени решений по вопросам программы и организации в различных отраслях работы. По самому же боевому вопросу — о поведении социал-демократов в случае войны — в самом решении конгресса, и особенно в речах, можно проследить уже элементы будущего 4 августа 1914 г. Можно было не принимать всерьез и отвергнуть проект резолюции голландской делегации во главе с Домела-Ньювенгуйсом, которая предлагала в случае войны всеобщую забастовку и отказ от военной службы. Но нельзя было этому предложению, как-никак призывающему к некоему практическому действию, противопоставлять ту тактику умывания рук и подчинения начальству, которая так выпирает из резолюции, предложенной немцами и принятой конгрессом. Положение резолюции, что «с уничтожением классового государства исчезнет и война», как ответ на вопрос, что делать, — означало: «жди падения капитализма, а до этого слушайся начальства». Уже на этом конгрессе из лучшей поры II Интернационала можно проследить зарождение того тона партийного и профсоюзного бюрократа, который в общем доволен существующим положением вещей и боится потрясений, потери легальности и дрожит за кассу организации. Конгрессом руководили люди, те самые «германские друзья» Энгельса, по настоянию которых он должен был смягчить свое предисловие к «Классовой борьбе во Франции» Маркса как слишком революционное. [3]

---

[1] Характерно для Энгельса, что он вообще не допускал мысли о праве Генерального совета предписывать свои решения. Так, еще при жизни Маркса, в 1869 г., когда последний сообщил ему о том, что Швейцер и Либкнехт обратились к Совету по спорному вопросу о профсоюзах, Энгельс ответил Марксу: «Впрочем, я не понимаю, каким образом вы, в качестве Генерального совета, сможете считать себя компетентными в этом вопросе, даже если на это согласятся обе стороны, разве только в том случае, если оба заявят, что готовы подчиниться третейскому решению» (курсив наш. — *П. В.*) (3 марта 1869 г. — «Briefwechsel zwischen Marx und Engels», hrsg. von E. Bernstein und A. Bebel).

[2] «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses etc.». Zürich, 1893.

[3] Об этом факте насилия, произведенном ими над Энгельсом, Каутский сам позже признался в связи с его спором с Бернштейном (см. «Neue Zeit» за 1898—1899 гг.). А Энгельс еще при жизни выражал свое возмущение по поводу цинизма, с которым Бернштейн для оправдания своей измены по отношению к рабочему классу пытался использовать и толковать именно это предисловие. В своем письме к Лафаргу от 3 апреля 1895 г. Энгельс писал: «Х. сыграл со мной недурную штуку. Из моего введения к статьям Маркса о Франции 1848 — 1850 гг. он заимствовал все то, что могло послужить ему для защиты во что бы то ни стало мирной и противона-

В руководстве имелись люди, которые считали «стариковским ворчаньем» все то, что Энгельс говорил по поводу оппортунизма, которые вели линию приспособления рабочего движения к капитализму. Расцвет капитализма в Германии уже начал оказывать перерожденческие влияния на верхи партии и уже создавал в них элементы нового типа империалистического патриотизма, который мог бы показать себя и раньше 1914 г., если бы война началась раньше.

Энгельс хорошо знал всех этих людей. И вот теперь он от них получал приветствия и должен был им на эти приветствия отвечать. Энгельс не мог позволить себе ничего, что могло бы дезавуировать их перед массами рабочих,[1] но он не мог и поддержать их как своих полных единомышленников. Отсюда сдержанность его немногих выступлений, его «золотое» молчание по ряду вопросов. Он отвечал на оппортунизм вождей либо этим молчанием, либо скупо-официальным содержанием своих немногих речей.

Свои впечатления, вынесенные из непосредственного соприкосновения с массами и вождями во время поездки на континент, Энгельс выразил хотя и весьма кратко, но отнюдь не двусмысленно в письме к Зорге:

«Массы превосходны и лучше своих вождей или, по крайней мере, лучше многих, оказавшихся в роли вождей. С такими массами можно достигнуть всего; они чувствуют себя счастливыми только в борьбе, живут только для борьбы и скучают, когда противники оставляют их долго в покое» [2]. Но об этом в следующий раз.

сильственной тактики, которую ему с некоторого времени угодно проповедывать, особенно в настоящий момент, когда в Берлине готовятся исключительные законы. Между тем, я проповедую эту тактику только для Германии настоящего времени, да и то с существенными оговорками. Во Франции, Бельгии, Италии, Австрии этой тактике нельзя следовать в ее целом, а в Германии она может стать неприменимой завтра».

[1] Он даже не реагировал на удаление с конгресса Розы Люксембург и возглавляемой ею польской группы (см. Рязанов, Маркс и Энгельс. Госиздат, 1928, стр. 258).

[2] Надо здесь все же заметить, что лучше, чем к другим, он относился к Бебелю. Даже говоря о филистерском духе, царящем в частной жизни вождей партии, Энгельс и здесь выделял Бебеля. Он писал В. Адлеру: « ...Берлин снаружи действительно красив, даже в рабочих кварталах кое-где фасады дворцов. Но что находится сзади, об этом лучше всего молчать. Нищета рабочих кварталов имеется везде; что, однако, меня убивает, это «берлинская комната», этот невозможный во всем остальном мире дом мрака, душного воздуха и берлинского филистерства, которое хорошо себя там чувствует. В доме Августа этого нет, это единственный дом, который мне нравится, во всех остальных я пропадал» (11 октября 1893 г.) («Victor Adler's Aufsätze etc.»).

И Маркс всегда выделял и ценил Бебеля как революционера, но считал, что «беда Бебеля в том, что теоретиком для него является Либкнехт».

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСА К БОЛГАРАМ

(Сообщение Г. Бакалова)

В первой книжке «Летописей марксизма» мы напечатали два письма Энгельса к болгарам. Роясь в старых социалистических газетах Болгарии, нам удалось отыскать третье письмо Энгельса к болгарину.

Письмо это следующего содержания:

Лондон, 13 апреля 1895 г. 41 Regent's Park Road, A. W.

Дорогой гражданин!

На вашу просьбу написать несколько слов болгарским товарищам я тотчас же отвечаю. По причине моей перегруженности работой я ответил отрицательно на просьбы, направленные ко мне товарищами как по случаю 18 марта, так и по случаю 1 мая. Так же отрицательно ответил я на прошлой неделе английской Социал-демократической федерации. Вы видите, что если при таких условиях я удовлетворю вашу просьбу, то я должен буду удовлетворить просьбу примерно сорока групп из десяти или двадцати различных стран, — а это для меня невозможно. Прошу вас быть добрым и передать мои извинения болгарским товарищам и мое сожаление по поводу того, что не могу оказать им требуемую услугу, и то, что при других условиях я бы с удовольствием написал что-нибудь нарочито[1] для болгар, как самых младших последователей социализма.

Примите искренние мои приветы

Ваш Ф. Энгельс.

Вышеприведенное письмо напечатано в газете «Социалист», в номере, посвященном майскому празднику в 1895 г.,[2] под заголовком «Писмо от Ф. Енгелс». Ему предпослано указание, что «настоящее письмо было направлено одному из наших товарищей в Нанси (Франция)».

В том же номере «Социалиста» напечатаны также «Приветствия и письма Петра Лаврова, Веры Засулич и Эдуарда Вальяна» к болгарам по случаю первого мая.

---

[1] [Это слово подчеркнуто в самом письме.]

[2] «Социалист» (орган на Работническата Социал-демократическа партия), год I. София, №№ 54 — 55 от 19 апреля (1 мая) 1895 г.

Ясно, что кто-то из болгарских социалистов, живших в то время в Нанси, обращался к вождям международного социализма, — и в том числе в первую голову к Энгельсу,— с просьбой написать для болгарской социалистической печати несколько слов по случаю международного праздника труда.

В то время из болгар мог поддерживать и на деле поддерживал международные связи только Х. Г. Раковский, изучавший медицину в Нанси. Нет никакого сомнения, что вышеприведенное письмо Энгельса было направлено к Раковскому в ответ на его запрос.

Получить что-нибудь «нарочито» для них написанное Энгельсом болгарам не пришлось: через четыре месяца Энгельса не стало...

ПИСЬМА П. Л. ЛАВРОВА К ГЕРМАНУ ЮНГУ

Предисловие

П. Витязев, известный исследователь истории жизни и деятельности П. Л. Лаврова, в своей статье о «П. Л. Лаврове в 1870 — 1873 гг.» писал:

«...Исполнилось 20 лет со дня смерти П. Л. Лаврова, а между тем мы до сих пор не имеем его биографии. Вся его личная жизнь, внутренние мотивы тех или иных его поступков нам совершенно недоступны. Биография его — дело далекого будущего. До сих пор все еще не описан и не разработан громадный архив Лаврова. Личная переписка его с семьей, близкими ему людьми и целым рядом лиц не только не опубликована, но даже не собрана и не приведена в известность. При этих условиях всякое письмо Лаврова, появляющееся в печати, почти всегда дает много новых штрихов для его биографии, приоткрывая завесу над его личной жизнью» [1].

Со времени написания этих строк прошло больше 9 лет, в течение которых в деле изучения истории русского революционного движения были сделаны колоссальные успехи. Чрезвычайно разрослась литература предмета. Найдены и опубликованы документы, по-новому осветившие целые периоды. Целый ряд проблем, стоявших раньше перед исследователями, разрешен окончательно или близится к разрешению. Многие из деятелей прошлого времени вырисовываются теперь перед нами в новых, часто совершенно неожиданных чертах.

Но в отношении П. Л. Лаврова наши исследователи не проявили того внимания, на которое он имел право по своей роли в движении. Правда, о нем написан ряд статей, иногда очень ценных, освещающих различные стороны его общественной и главным образом научной деятельности; правда, о нем говорится во многих мемуарах той эпохи, когда развертывалась его общественно-политическая деятельность, но, тем не менее, и в наше время процитированные выше замечания П. Ф. Витязева остаются в полной силе. Огромный архив Лаврова до сих пор не описан и даже не разобран, [2] между тем о богатстве его содержания мы можем судить хотя бы по сделанным из него случайным публикациям (письма Тургенева, Плеханова, Ширяева, отрывки из писем Тихомирова, воспоминания самого Лаврова и С. М. Гинсбург, подлинный текст предисловия Маркса и Энгельса к русскому изданию «Коммунистического манифеста»); до сих пор еще не собрана обширная переписка Лаврова с теми лицами, с которыми его связывали не только личные или литературные отношения, но и отношения, выраставшие на почве общей революционной работы (из всей этого рода переписки Лаврова до сих пор опубликовано всего только 3 — 4 письма). На фоне общего

---

[1] Сборник «Материалы для биографии П. Л. Лаврова», изд. «Колос», Петербург, 1921 г., стр. 7.

[2] Архив П. Л. Лаврова в настоящее время находится в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса и разрабатывается. — Ред.

продвинувшегося далеко вперед изучения истории революционного движения этот пробел ощущается теперь, пожалуй, еще сильнее, чем 9 лет тому назад.

Из различных групп общественно-политических связей П. Л. Лаврова весьма слабо освещенными остаются его отношения с представителями западно-европейского социалистического движения. Между тем этот круг знакомств Лаврова очень широк: он вел переписку с очень и очень многими виднейшими представителями социалистического Интернационала, — достаточно назвать имена Маркса, Энгельса, Ц. де-Папа, В. Либкнехта и многих других. Но из всей этой переписки известны только несколько его писем к В. Либкнехту, относящиеся уже к последнему периоду жизни Лаврова и охватывающие лишь небольшой промежуток времени (1890 — 1895 гг.). Вся остальная переписка П. Л. Лаврова с представителями социалистического Интернационала, — в том числе и переписка, относящаяся к наиболее интересным для исследователей периодам его деятельности (в первую очередь к эпохе журнала «Вперед»), — до сих пор «не только не опубликована, но даже не собрана и не приведена в известность».

Печатаемые ниже 26 писем, в значительном своем большинстве относящиеся как-раз к эпохе издания журнала «Вперед», кладут начало заполнению этого весьма ощутительного пробела и представляют значительный интерес для выяснения действительного отношения П. Л. Лаврова к I Интернационалу и различным боровшимся в нем партиям. Все они адресованы Герману Юнгу, — одному из виднейших деятелей Международного товарищества рабочих.

Личность Германа Юнга в исторической литературе до сих пор совершенно не обрисована. Ни литературные источники, ни даже обширный архив его, хранящийся ныне в архиве германской социал-демократической партии, не дают нужных указаний для определения хотя бы основных дат его биографии. Швейцарец по происхождению (по крайней мере таковым его именуют документы берлинского полицей-президиума) и часовых дел мастер по профессии, он в середине 50-х гг. переезжает в Лондон и там быстро выдвигается в немецких коммунистических рабочих обществах, переполненных эмигрантами, бежавшими после крушения революции 1848 г. Крупную роль в социалистическом движении он начинает играть только в эпоху Интернационала, в Генеральный совет которого он был кооптирован уже на четвертом его заседании, 1 ноября 1864 г.,[1] и с тех пор в течение почти 8 лет оставался его несменяемым членом. Официальное его в нем положение определялось званием секретаря-корреспондента для Швейцарии, в качестве которого подписывался он под всеми ответственнейшими публикациями Интернационала. Действительная роль его, однако, была более значительной. Документы, сохранившиеся в его архиве, показывают, что переписку по делам Интернационала он вел и со многими другими секциями последнего — с Францией, с Данией и т. д. Хороший оратор, владевший тремя основными европейскими языками, и опытный председатель, он был одним из обычных руководителей международных митингов, организуемых Интернационалом в Лондоне. Умелый организатор, преданно отдававшийся работе в Генеральном совете, он часто выполнял функции секретаря-организатора последнего — это видно из опубликованных еще Иекком писем Маркса к нему — и участвовал в решении самых ответственных и щекотливых внутри-организационных вопросов (напр., вопроса об устранении из Генерального совета члена последнего Робена), проводя при этом точку зрения руководимого К. Марксом большинства Генерального совета.

Расхождение его с последним относится уже к самому концу существования I Интернационала, — к эпохе Гаагского конгресса. История и действительные личные мотивы этого расхождения до сих пор остаются не вполне ясными. На январском 1873 г. съезде той части британской федерации, которая была на сто-

[1] См. Д. Рязанов, Возникновение I Интернационала, в т. I «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса», стр. 153.

роне противников Генерального совета, Юнг в своей речи главным виновником раскола изображал Энгельса; вполне возможно, что на определение позиции лично Юнга известная властность и нетерпимость Энгельса, его склонность заострять и без того острые углы действительно оказали значительное, быть может даже решающее влияние. Расхождений принципиального характера у Юнга с руководимым Марксом большинством Генерального совета, повидимому, не имелось, — во всяком случае на этом выводе сходятся и М. Бах, и Г. Иекк, — единственные, кажется, из историков Интернационала, задававшиеся этим вопросом. Оба они констатируют, что Юнг и после раскола 1872 г. относился к бакунистам с недоверием и недоброжелательством, — так же как и раньше, на первых этапах борьбы Генерального совета с бакунинским Альянсом, и пытался противодействовать их влиянию в том федералистском Интернационале, который был создан диссидентами в 1873 г., — и что если не единственное, то главное, в чем Юнг разошелся с большинством Генерального совета, были вопросы организационной тактики, — о приемах борьбы против бакунистов внутри Интернационала. [1]

Если это верно, — а повидимому в правильности вывода Баха и Иекка сомневаться нельзя, — то вполне понятной становится вся дальнейшая политическая судьба Г. Юнга: с ним повторилась довольно обычная история политических деятелей, поставивших организационную форму выше принципиального содержания и из-за споров об этой форме порвавших с теми, кто им был всего ближе по существу, для того чтобы оказаться чужими среди тех, с кем их связала форма организации при наличии глубоких расхождений в области принципов. Он оказался чужим для обоих лагерей; и чем дальше, тем больше отходил в сторону от движения и, несмотря на все свои попытки (как видно из документов его архива, он их делал и в конце 70-х годов, и в течение 80-х годов), никогда уже не смог играть в нем хотя бы небольшую роль. Умер он совершенно чужим для рабочего движения, хотя и оставался субъективно верным ему и поддерживал личные дружеские связи с некоторыми из его представителей, [2] — и настолько забытым, что даже его трагическая смерть (он был убит с целью ограбления 4 сентября 1901 г.) прошла мало замеченной: немецкая партийная пресса откликнулась на нее, кажется, только одними коротенькими сообщениями, [3] и только в английской рабочей печати появились более обстоятельные воспоминания о нем его соратников по Интернационалу (Эппльгарта и др.).

В числе связей, завязанных Юнгом на почве работы в Интернационале, было и знакомство с Лавровым. Начало его относится к лету 1871 г., когда Лавров из осажденного версальцами Парижа выбрался в Лондон с поручением от правительства Парижской Коммуны к Генеральному совету Интернационала; уже за это свое пребывание в Лондоне, продолжавшееся всего $2^1/_2$ — 3 месяца, Лавров довольно близко сошелся с Юнгом, — настолько близко, что уже в это время агент III Отделения называл последнего «приятелем Лаврова»; [4] это сближение несомненно только окрепло во время следующего пребывания Лаврова в Лондоне, — летом и осенью 1872 г., — причем теперь Лаврова влекло к Юнгу также и сочувствие к той позиции, которую последний занял в спорах внутри Интернационала и о своих симпатиях к которой Лавров несколько раз в самой категорической форме говорил в печатаемых ниже письмах.

---

[1] См. Max Bach, Beiträge zu einer Geschichte der Internationale—«Neue Zeit», Jg. XXI, B. 2, и Gust. Jäck, Eccarius-Frage — там же, Jg. XXIII, B. 2.

[2] В числе их был старый архивариус гермэнской социал-демократической партии Юлиус Моттелер, живший тогда эмигрантом в Англии, которому мы и обязаны тем, что ценный архив Юнга не погиб для истории.

[3] См. донесение Балашевича-Потоцкого от 23 июля 1871 г. в статье Р. Кантора, П. Л. Лавров и А. Ю. Балашевич-Потоцкий—Сборник «П. Л. Лавров», изд. «Колос», Петербург, 1922 г., стр. 490.

[4] Напр., в берлинском «Vorwärts» от 14 сентября 1901 г., в «Leipziger Volkszeitung» от 9 и 14 сентября, в «Sächsische Arbeiterzeitung» от 7 и 12 сентября и т. д.

Эти последние распадаются на несколько групп, — различных по своему интересу и ценности в глазах историка.

Первые четыре письма относятся ко второй половине 1871 г., — к периоду парижской жизни Лаврова после возвращения из Лондона. Мало значительные на первый взгляд по своему содержанию и к тому же переполненные туманными намеками и непонятными псевдонимами, письма эти представляют очень существенный интерес для ознакомления со взглядами и деятельностью Лаврова за этот период. Мы и раньше, главным образом из его писем к Штакеншнейдер, знали об огромном впечатлении, произведенном на него борьбой и гибелью Коммуны и встречами с ее деятелями. П. Ф. Витязев несомненно прав, когда он в позднейших замечаниях Лаврова о влиянии Парижской Коммуны на русское социалистическое движение находит отголосок также и личных переживаний самого Лаврова. В этом отношении письма последнего к Юнгу ничего нового не дают, но они заставляют внести серьезную поправку в то представление о жизни и деятельности Лаврова за последующие после Коммуны месяцы, которое сформулировано тем же Витязевым. Этот последний в своей уже цитированной статье писал:

«Несмотря на столь громадное влияние на Лаврова Парижской Коммуны, отнюдь нельзя считать это время окончательным приобщением его к социализму. В самом деле, разве Лавров после Коммуны бросил научную работу и занялся социалистической деятельностью? Отнюдь нет. Из писем Лаврова к Штакеншнейдер мы знаем, что по своем возвращении в Париж (июль 1871 г.) он попрежнему целиком ушел в свои чисто научные и кабинетные работы, прерванные бурными событиями Парижской Коммуны».[1]

Научной работы Лавров после возвращения в июле 1871 г. в Париж, конечно, не бросал, но категорическое утверждение П. Ф. Витязева, что он «целиком ушел в свои чисто научные и кабинетные работы», отнюдь не может быть принято: расшифровка печатаемых ниже четырех писем Лаврова от этих месяцев не оставляет сомнения в том, что в это время он уже начал постепенно входить в практическую работу существовавших тогда в Париже социалистических групп.

Чтобы понять намеки, имеющиеся в этих письмах Лаврова, следует вспомнить, что во вторую половину 1871 г. вся рабочая Франция, а особенно Париж, жили под непосредственным ощущением разгрома Коммуны и связанного с ним уничтожения почти всех рабочих организаций. Перед разбитыми остатками французских секций Интернационала в это время стояли две основных неотложных задачи: укрывательство и организация побегов за границу скрывавшихся внутри Франции деятелей Коммуны, с одной стороны, и восстановление связей внутри страны и с Генеральным советом — с другой.

Первая задача стояла необычайно остро. Число видных коммунаров, скрывавшихся внутри Франции, было очень велико. В июне и даже в июле за границей еще не было ничего известно о судьбе Пенди, Лонге, Лефрансе, Малона, Вальяна, Гамбона, Курбе и мн. др.;[2] еще в самом конце августа Генеральный совет ничего не знал о том, где находится Ранвье, Валлес и др.[3] Естественно, что их политические и личные друзья во Франции и за границей прилагали все усилия, чтобы спасти их и помочь им выбраться в безопасные места. Снаряжались целые экспедиции из-за границы во Францию, — с деньгами и паспортами для побегов коммунаров; об одной такой поездке, организованной деятелями Юрской федерации, рассказал Гильом, — о поездке А. Швицгебеля в Париж к M-lle Pau-

[1] Цит. статья, стр. 17.

[2] Гильом, Интернационал, т. II, стр. 154.

[3] Неизданное письмо Э. Вальяна из Лондона к И. Беккеру от 25 августа 1871 г. (оригинал хранится в бумагах И. Беккера в архиве германской социал-демократической партии, картон I). Очень интересно, что в этом же письме Вальян сообщает о прибытии в Лондон Эда, — по времени это прибытие подходит к тому, когда в Лондон должен был прибыть Léger, так хорошо аттестованный Лавровым в письме к Юнгу от 20 августа. Не о нем ли говорил Лавров?

line P.[1] Такие же поездки были организованы и швейцарскими сторонниками Генерального совета: секретарь романской секции Перрэ в частном письме к Юнгу от 23 июля 1871 г., рассказывая о мерах, предпринятых этой федерацией для содействия Коммуне, прибавлял, что после разгрома последней специальный секретный комитет, созданный романской федерацией с целью содействия борьбе Коммуны в составе И. Беккера, Дюваля, Утина, Трусова и самого Перрэ, переправил с надежными людьми во Францию много хороших швейцарских паспортов, которыми кое-кто уже успел воспользоваться. «Малон, Лонге и несколько других, — прибавлял Перрэ, — спрятаны в Париже».[2]

Письма Лаврова к Юнгу не оставляют никаких сомнений в том, что и его поездка в Париж была использована Генеральным советом в этих же целях; из них мы узнаем, что у него имелись паспорта для бегущих и что к нему приходили за ними люди с адресами, писанными рукою Маркса (почерк последнего настолько характерен, что Лавров, конечно, не мог в этом отношении ошибиться). Было бы очень интересно установить, кому именно оказал содействие в этом деле Лавров. К сожалению, при современном состоянии наших знаний об этом периоде, это дело едва ли осуществимо.

Кроме помощи при организации побегов коммунаров, Лавров оказывал содействие Генеральному совету Интернационала и в его организационных сношениях с Францией и, повидимому, с Швейцарией,[3] а также поддерживал некоторые, хотя бы и более или менее случайные отношения с возникавшими в Париже рабочими кружками.

Следующая группа писем (№№ 4 — 19 в дальнейшей публикации) относится к периоду создания и издания журнала «Вперед». Именно это группа дает материал для суждения о позиции Лаврова в борьбе фракций внутри Интернационала, — ценный особенно, если его сопоставить с соответствующими местами «Летописи рабочего движения» в журнале «Вперед».[4] Эклектик по всему складу своего мировоззрения, Лавров был недоволен поведением обеих основных боровшихся в Интернационале групп, — и «марксистов», и «бакунистов»; в частности, печатаемые письма дают чрезвычайно любопытные указания относительно его личных отношений к Марксу: если почти в каждом из писем 1871 г. имеются упоминания о Марксе, свидетельствующие о большом к нему интересе и уважении, то в письмах 1872 — 1874 гг. о Марксе совершенно нет речи, — за исключением одного упоминания о том, что после Лондона, т. е. встреч эпохи Гаагского конгресса, отношения Лаврова с Марксом стали холодными (письмо от 28 августа 1873 г.). Причины этой холодности Лавровым прямо не указаны, но понять их не представляется трудным: в тогдашних спорах фракций внутри Интернационала Лавров выступил противником Маркса, — и притом противником, занявшим промежуточное положение, примкнувшим к той неопределенной группе, в которой были перемешаны, употребляя выражения Лаврова, «централисты, отвергающие Гаагский конгресс», и федералисты — не-анархисты, — к группе, которая, помимо всего прочего, не могла никому импонировать в силу полного отсутствия своего собственного политического лица. Именно эта позиция Лаврова определила несколько более поздний, уже смягченный временем, отзыв о нем

---

[1] Гильом, т. II, стр. 166 сл.

[2] Письмо нигде не опубликовано, — оригинал хранится в бумагах Юнга, в архиве германской с.-д. партии, — картон I, пакет с письмами Перрэ.

[3] Только так и можно расшифровать таинственные слова его писем о «швейцарском товаре»; из писем упомянутого уже выше секретаря романской федерации Перрэ к Юнгу (напр., письма от 5 и 26 ноября 1871 г.) можно сделать вывод, что в то время Париж иногда служил передаточным пунктом при пересылках с оказиями различных материалов из Лондона в Швейцарию и обратно.

[4] Эти письма, между прочим, делают несомненным факт принадлежности Лаврову тех частей «Летописи», которые посвящены деятельности Интернационала; впрочем, в архиве журнала «Вперед», который хранится ныне в русском социал-демократическом архиве в Берлине, сохранились и подлинные рукописи Лаврова по работе для этого отдела.

Энгельса (в статьях об «Эмигрантской литературе»), где основным тоном звучит добродушная ирония над человеком, не знающим, чего он сам хочет.

Кроме этого момента, письма эпохи журнала «Вперед» интересны и тем, что дают некоторые новые сведения о редакционных планах и проектах, знакомят нас с теми надеждами, которые Лавров питал, приступая к постановке своего органа, и отчасти с переговорами, которые он тогда вел; в этом последнем отношении особенно интересно письмо от 18 декабря 1872 г. с упоминанием о переговорах с бакунистами: оно написано под свежим впечатлением от этих переговоров, едва ли не в самый день их разрыва. [1]

Письма последующих лет—1879—1880 гг. (№№ 20 — 26)—представляют мало интереса; большинство из них посвящено частному делу, — приисканию подходящего человека на какую-то работу (повидимому, для составления самоучителя иностранных языков или словаря); более значительный интерес представляют только два последних письма, написанных Лавровым по случаю смерти жены Юнга и его сына: в этих письмах явно чувствуются отголоски собственных переживаний Лаврова, — повидимому эпохи смерти Чапинской, и с этой точки зрения они представляют несомненный интерес для биографии Лаврова. [2]

Б. Николаевский.

---

[1] В дневнике Бакунина запись о получении письма от Сажина об окончательном разрыве с Лавровым стоит под 19 декабря, — Гильом, т. III, стр. 54.

[2] Оригиналы всех печатаемых ниже писем П. Л. Лаврова хранятся в архиве германской социал-демократической партии, в бумагах Г. Юнга; в подлинниках письма на французском языке, фотографии их имеются в архиве Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

1

Париж, 26 июля [1871 г.]

Дорогой Юнг!

Прошу вас переслать мне письма, которые вы получите для меня (а я знаю, что одно во всяком случае должно иметься) по следующему адресу: Paris, Batignolles, 10 passage St. Michel, Paul Sidoroff. [1]

Я остаюсь на этой квартире до 14 августа, и я вам напишу, как только найду квартиру, куда я перееду. Швейцарский товар вернется к вам на этих днях (если это уже не сделано при посредстве родственника дамы с Suedley Street). [2] Нашему бельгийскому другу [3] принесите мои извинения в том, что я не имел возможности побывать перед отъездом у Mr. Albert по поводу картин. [4] Что касается журналов, то служанка моей квартиры обещала мне переслать их вам, в пакете; я боюсь только, как бы этот пакет не был слишком большой. [5] Я смог уехать только экспрессом в 8 ч. 20 м., так как было уже слишком поздно для 7-часового. Мне повезло, что я не страдал морской болезнью, несмотря на очень плохую погоду при переезде.

Передайте мое почтение мадам Юнг; я очень жалею, что не мог с ней попрощаться лично при моем последнем посещении.

Ваш П. Л а в р о в.

2

Париж, 29 августа [1871 г.]

Дорогой Юнг!

Вчера вечером уехал в Лондон некто, которому я дал записку, написанную карандашом, чтоб вам его рекомендовать, но так как я там не написал ни его имени, ни моего, я хочу сегодня повторить вам более подробно, что Léger, [6] это — некто, которого я знаю давно, он был действительно одним из самых рассудительных и решительных членов Интернационала до Коммуны и принимал участие в последней всеми силами. Я вам его чрезвычайно рекомендую, точно так же как и другим нашим лондонским друзьям; мало эмигрантов заслуживают помощи Интернационала так, как он. Вы сделаете, что сможете. — По этому поводу я повторяю вам, что, быть может, к вам обратятся люди от моего имени, люди, которых я более или менее знаю, но если они не будут иметь с собой рекомендации, то это оттого, что я не мог или не хотел их рекомендовать. — Dilke [7] был у меня на полчаса, но он меня ни о чем не просил; впрочем, он рассчитывает

вернуться через несколько дней из Женевы и хотел тогда побывать у меня. Я не знаю, хорошо ли вы делаете, посылая в Париж письма с официальным заголовком, даже если они и даны в верные руки.

Передайте, пожалуйста, Марксу, что я хотел бы иметь верные сведения о его зяте. Арестован ли он? Освобожден ли он? — Получил ли Маркс мое письмо относительно Rojalevski? [8] Я думаю, что ему ничего не остается делать с этим плутом, как сорвать с него маску перед всеми нашими друзьями; особенно следует предупредить друзей в Вене и в Галиции. [9] — Попросите Энгельса послать мне скорее книги, которые я у него просил. Они мне нужны в настоящую минуту. Я ему написал письмо, в котором я ему послал абонемент на «Gaz [ette] des Tribunaux». Получил ли он письмо? [10]

Еще одна просьба. Не будете ли так любезны зайти как-нибудь в дом, где я жил до этого, и спросить, не получили ли они писем, адресованных мне. Я думаю, что там должны иметься письма. Если вы им передадите вашу карточку, то они увидят, что вы то самое лицо, к которому я просил относить мои письма и журналы.

Братски жму вам руку. Дайте о себе знать. Bachruch [11] предполагает, что я не должен писать вам по вашему адресу, так же как и Марксу, так как здесь, наверное, знают адреса наиболее влиятельных членов Совета. Но я не знаю, думаете ли вы, что следует принимать какие-нибудь особенные предосторожности.

П. Лавров.

?

Париж, 2 октября [1871 г.]

Дорогой Юнг.

Пользуясь отъездом госпожи Фипсон [12] в Англию, я начинаю с благодарности за пересылку мне моих писем; письмо из России было действительно для меня, и я все еще удивлен, что оно послано в Лондон, раз я во-время сообщил, что я нахожусь в Париже. Я написал дня два тому назад письмо Энгельсу, в котором я ответил в большей части на то, что вы мне пишете о рабочих обществах, так как я предполагал, что госпожа Фипсон уже уехала. Я резюмирую сейчас вопрос. Не имея из Лондона никакой рекомендации к рабочим обществам Парижа, — если они только существуют, что кажется сомнительным, — я даже не пытался войти в них, и еще меньше мог бы я воздействовать на эти общества, побудив их к посылке денег. Круг моих личных знакомых чрезвычайно ограничен. Неделю тому назад должен был быть сделан сбор в одном небольшом собрании (4 или 5) немецких рабочих, куда Бахрух должен был меня повести, но непредвиденные обстоятельства помешали мне присутствовать. Он действует со своей стороны. Один друг Маркса [12] обещал мне действовать в этом духе в кругу своих знакомых. Начиная с декабря я надеюсь быть в состоянии посылать мою долю регулярных взносов, ибо мои литературные дела кажется налаживаются. [13] Но я понимаю, что все это капли воды, в то время как нужен был бы поток. Бах[рух] говорит, что нужны были бы паспорта. Некто пришел ко мне, принеся с собой мой адрес, написанный, как кажется, рукою Маркса, назвавшись Трибертом и говоря, что знает Серальe. В качестве такового он попросил у меня паспортов. [14] Если это человек, который действительно

направлен ко мне друзьями, то следовало бы ему дать настоящий пароль, вместо того, чтобы он приходил просить у меня «гравюр». Поэтому я решил, что не следует заходить слишком далеко с ним, прежде чем я не получу некоторых сведений о нем, и тотчас же написал Энгельсу, от которого с нетерпением ожидаю ответа. К тому же в настоящий момент я могу достать паспорта, на которые нельзя слишком рассчитывать. Было бы неплохо, если бы прислали паспорта также еще от вас. — Посылаю вам несколько вырезок из одной маленькой газеты, которая к вам с трудом доходит. Я думаю, что имеется серия статей о Коммуне в Лондоне. К несчастью, я затерял первые две статьи. Имеется также несколько других вещей. — Очень жалко, что я снова не получаю «Eastern Post». [15] Кланяйтесь всем нашим друзьям.

Ваш П. Лавров.

Я получил вчера письмо от Hins, [16] который стал отцом двух девочек сразу.

4

5 ноября [1871 г.]

Дорогой гражданин Юнг!

Я получил ваше письмо в среду 1 ноября; в тот же день мадам V. пошла к А., но он в настоящий момент находится в Бельгии, и его жены не было дома. На следующий день мадам V. застала жену А., которая вечером принесла ей товар. В пятницу я его доставил на rue des Couronnes с вашими указаниями. Из разговора мадам А., который мне передали, видно, что они не очень довольны этим поручением, и, по моему мнению, лучше было бы обойтись без них. Чтобы делать добрые дела, никогда нельзя рассчитывать на комиссионеров, не имеющих к тому охоты. Я отложил мое письмо на сегодня, надеясь повидать сегодня Б., который заходит ко мне иногда по воскресеньям; он же для меня неуловим, так как уходит из дому около 8 час. утра. Но сегодня он не пришел, и я ничего не сумею вам сказать относительно адреса L. [17]

Вести, которые вы мне сообщаете о Карле [Марксе], меня сильно обеспокоили, так как от вас первого я узнал, что он был болен, но я был рад, что узнал их от вас, так как на другой день мне сказали, что мадам А. передает вести гораздо более плохие. Надеюсь, что ему теперь гораздо лучше. Пишите мне, что у вас; прошу вас, ибо Энгельс меня неглижирует, по лени вероятно. Впрочем, сегодня я, кажется, должен его поблагодарить, так как это, верно, от него я получил сегодня газету E. P. («Eastern Post») от 28 октября с некоторым приложением, которое меня живо интересует.

Привет всем нашим друзьям. Поблагодарите Корн [18] за память. Передайте мои приветы вашей жене.

Не имеете ли вы новостей от M-me Tomanovsky? [19]

Ваш П. Лавров.

5

Цюрих, 18 декабря 1872 г.

Дорогой гражданин и друг!

Вот уж несколько недель, как я в Цюрихе, и очень возможно, что я здесь обоснуюсь. Я готовлюсь предпринять нечто довольно важное, и я рассчитываю

на вашу помощь в некоторых пунктах. Мне кажется, я вам уж говорил в Лондоне, что из России приезжали ко мне с предложением стать во главе русского журнала за границей. Чтобы нащупать почву, я снесся со многими русскими учеными и литераторами в моей стране, которых я считал способными участвовать в радикальном социалистическом органе. У меня была мысль привлечь как можно больше сил из России и из среды эмигрантов. Я даже попытался сблизиться с здешней русской группой Бакунина (это значит, что Бакунин в ней участвует, но главное влияние принадлежит другому [20]), но они поставили условия, касающиеся влияния на направление журнала, которые были неприемлемы. Я надеюсь, однако, отделить от этой группы то или другое лицо. Имеются деньги для начала, имеются обещания сотрудничества, которых я даже не ожидал. Словом, это кажется делом серьезным, и я надеюсь приступить к печатанию первого номера в марте, если не раньше. Он появится как издание непериодическое, но я постараюсь сделать его трехмесячным вначале и более частым затем. Начиная с первого номера я даю подробную программу точки зрения, на которую становится редакция журнала во всех больших социальных и политических вопросах, общих и специально русских. Я думаю, что пункт, наиболее интересный для вас, это моя позиция в спорах Интернационала. Принимая цель Интернационала и его общественный идеал, я оставляю открытым вопрос о большей централизации или децентрализации и допускаю полемику по этому вопросу в самом журнале, решительно устраняя всякие личные нападки с той и другой стороны. Я принимаю тот же метод по спорному вопросу: легальная и мирная революции при помощи существующих учреждений или же радикальная и разрушительная. Соображения о сотрудничестве в России, как и мои личные убеждения, заставили меня принять этот метод по последнему пункту. Теперь, после того как я вам изложил положение вещей, я перехожу к делу.

Вы знаете, что ваша точка зрения была в общем та, которой я больше всего симпатизировал в борьбе партий Интернационала. Не можете ли вы посылать мне время от времени корреспонденции по поводу того, что происходит в Лондоне и вообще в Англии со времени Гаагского конгресса? Персональная деятельность крупных вожаков, роль федерального совета, отношения рабочего движения с уже организованным Интернационалом, наконец неофициальный ход дела — вот что меня больше всего интересует и о чем вы способны судить лучше, чем кто бы то ни было другой. Для, так сказать, официальной стороны рабочего вопроса вы могли бы мне дать, если вам это угодно, или указать два или три органа, по которым можно было бы следить за ним. Вы могли бы присылать корреспонденции на французском или немецком языках, по вашему желанию, так как здесь нет недостатка в работниках. Размеры корреспонденции не имеют никакого значения, так как наш журнал выйдет книжкой, и он может содержать и длинные статьи, и совсем короткие заметки. У меня будут статьи по истории социалистических идей, по истории Интернационала, по социальным проблемам, как и статьи по вопросам специально русским, и я имею возможность поместить корреспонденции, какие только можно будет получить. Конечно, при организации журнала придется опереться главным образом на бесплатную литературную помощь тех, кто симпатизирует его последователям, но через некоторое время я надеюсь дать ему чисто экономическую базу и быть в состоянии оплачивать его сотрудников. Вы оказали бы

мне большую услугу, если бы стали сообщать свои соображения по поводу хода вещей в Интернационале вообще и главным образом в Англии, и для меня было бы большим счастьем считать среди моих сотрудников человека, которого я особенно уважаю и большинство взглядов которого я разделяю. Бакунисты, кажется, со своей стороны также хотят выпускать издание. Это очень плохо, но бояться нам не приходится. [21]

Перехожу к другому вопросу. Не могли ли бы вы прислать мне рекомендательное письмо к вашим цюрихским друзьям из Интернационала? Я хотел бы завязать с ними личные сношения, и ваша рекомендация мне бы очень помогла. И еще не могли ли бы вы дать мне адрес Ruegg. [22] Он должен быть в Винтертуре, если он не здесь.

Я нашел здесь около 200 русских, большей частью студентов и особенно студенток. Я уже начал курс высшей математики для не-специалистов. [23] Во время праздников я рассчитываю устроить лекцию о роли славян в истории мысли [24] и, может быть, и другие еще. Здесь со мной тот молодой человек, которого я вам представил в августе. [25] Пересылаю вам его привет. Пишите о себе и примите мое предложение. Одно письмо в месяц не утомит вас, а для меня оно будет очень ценно.

Ваш П. Лавров.

Не говорите без нужды другим о моем предприятии.

6

[Цюрих], 30 января 1873 г.

Дорогой Юнг!

Получил вчера вечером адрес и циркуляр федерального совета. [26] Мне кажется, я узнал ваш почерк на пакете. Я думаю поэтому, что вы должны были получить мое письмо отсюда, в котором я вам сообщал о журнале, основываемом мною, и письмо, в котором я просил вашей помощи касательно дел Лондона и Англии. Теперь, имея адрес, вами написанный, я вижу, что группа федерального совета, к которой вы принадлежите, не имеет никакого органа, и я, следовательно, нигде не смогу следить за ее деятельностью. Я вас прошу поэтому дать мне какую-нибудь возможность это сделать. Будут ли писать по-английски, по-французски или по-немецки, это все равно. Конечно, было бы лучше всего, если бы вы сами захотели взять на себя труд присылать время от времени подробное письмо, так как я больше всего симпатизирую вашей манере смотреть на вещи, и я знаю, что вы не позволите себе личных нападок. Напишите мне несколько слов в Париж, 49, rue de la Chaussée d'Antin, [27] так как я еду туда через два дня и рассчитываю остаться там несколько недель. Затем я вернусь в Цюрих, чтобы там обосноваться. С нетерпением жду нескольких слов от вас, и я жду их уже очень давно.

Ваш П. Лавров.

Я был у Ruegg'a; его положение значительно лучше, и он стоит во главе двух журналов.

7

Париж, 21 февраля 1873 г.

Дорогой Юнг!

Спасибо большое за ваше письмо. Я так и думал, когда получил циркуляр и адрес, которые вы прислали мне в Цюрих, что вы были очень заняты. Борьба, которую вы начали, тяжела, ибо ваши противники ловки и умны. Не могли ли бы вы прислать мне номера «Eastern Post» с отчетом о конгрессе, состоявшемся в Лондоне?[28] Я получил циркуляр о его созыве, но ничего не знаю о том, что́ там произошло. Я перестал получать «Eastern Post» с тех пор, как там перестало сообщаться об Интернационале.[29] Очень прошу вас держать меня, по крайней мере при помощи публикаций, в курсе того, что происходит в вашей партии. Я буду следить за деятельностью марксистов по нескольким газетам, за деятельностью анархистов — по одной или двум; но что касается средних партий, централистов, отвергающих Гаагский конгресс, федералистов не-анархистов, то очень трудно знать что-нибудь. Вот почему я настоятельно прошу вас присылать мне простые письма, написанные как бог на душу положит, о положении вещей в Англии с вашей точки зрения. Одно письмо в месяц,—разве это уж так трудно? Я никогда не позволю себе просить у вас с т а т е й, потому что я знаю, что вы слишком заняты, но наше дело взять из письма то, что нужно, чтобы поместить в общую статью как часть корреспонденции. Вы спрашиваете у меня подробности о журнале, который я буду издавать, и это, быть может, лучше всего объяснит вам то, что мне нужно. Журнал («Вперед») на русском языке выйдет книжкой в 20 печатных листов или около этого. Он будет содержать прежде всего руководящие статьи по социальным вопросам вообще и по русским социальным вопросам в частности. Сотрудники работают над изучением вопросов по истории социалистической теории, по истории Интернационала, по истории оппозиционного движения в России, о крестьянских бунтах, о законах по народному образованию, наконец по теоретическим вопросам социализма. Затем идет отдел хроники. Он должен прежде всего давать сведения о рабочем движении во всем мире, о литературном движении в отношении к социализму, сатирический обзор европейской политики в связи с социальным движением и развалом буржуазного общества, наконец народное и общественное движение в России и в славянских странах с подробностями, какие только мне удастся получить. Эта хроника будет частью даваться в общих статьях, группируя новые данные по специальным изданиям, и эти последние корреспонденции будут двух сортов: одни, трактующие о наиболее важных моментах, будут печататься полностью отдельно, другие (и это будет бо́льшая часть), сообщающие о текущем положении вещей в разных странах, войдут в общие статьи как составные части. Сообщая, например, на основании газет сведения о рабочем движении, предположим, в Вервье, мы прибавляем: «наш корреспондент из Брюсселя сообщает нижеследующее о...» Я взял самый плохой пример, так как Бельгия имеет специальные социалистические газеты, но что касается Франции, Англии, то это будут наши лучшие сведения. И вот то, о чем я хотел вас просить: это просто-напросто дружеские письма о положении вещей в Англии и, с другой стороны, о борьбе партий в рабочем и социалистическом мире, за которой нельзя следить по газетам. Я хотел бы иметь это от вас или от Эккариуса,[30] ибо я знаю вашу точку зрения и ей симпатизирую; я разделяю ее в большей части вопросов. Конечно,

самая большая борьба нашего журнала произойдет на русской почве и в русских вопросах, но я никоим образом не собираюсь ослаблять внимание к общим вопросам мирового социализма. Мне кажется, я уж писал вам, что я становлюсь на точку зрения интернационально-рабочего движения, независимо от партий. Централисты и анархисты смогут принимать участие в журнале, чтобы спорить по общим вопросам, но должны будут самым решительным образом оставить всякие личные нападки и, главное, всякое оскорбление. Буржуазная монополия, буржуазное государство — вот наши единственные враги. В письмах, которые я надеюсь иметь от вас, я думаю, что смогу различать сведения личного характера, которые вы будете мне давать как друг, и отрывки, которые могут иметь место в печати; но если вы сомневаетесь в моей проницательности, то вам нужно будет только указать, что является конфиденциальным или личным.

Я думаю, что подробности, указанные выше, дают вам возможность получить ясное представление о моей затее. Многие тайные сотрудники из моей страны мне обещаны; я надеюсь иметь много русских корреспонденций; некоторые европейские друзья позволили мне рассчитывать и на них. Я позволяю себе рассчитывать также и на вас. Мы начинаем с довольно ограниченными средствами, но я надеюсь, что они будут достаточны, чтобы хорошо повести дело.

Я сильно рассчитываю на письмо от вас для Грейлиха [31] и Бюркли. [32] Я не пошел их повидать как раз потому, что хотел иметь, кроме самого себя, рекомендацию такого человека, как вы. Между тем Грейлих уже знает кое-что о моей затее. Мои друзья рассказали ему относительно типографии, которую мы организуем. Но мне было бы очень полезно завязать с ним личные отношения, и для этого мне нужно письмо от вас. Я его ожидаю в скором времени, так как я окончательно покину Париж, должно быть, 26 февраля; я проведу два или три дня в Брюсселе, а оттуда я направлюсь прямо в Цюрих, чтобы там окончательно устроиться. Я там буду около 3 или 4 марта. Мой адрес в Цюрихе: П. Лаврову. Fluntern, Forsthaus. Около этого числа я надеюсь иметь письмо от вас с письмом для ваших цюрихских друзей, и я прошу вас не забывать меня, когда у вас будут свободные полчаса, чтоб поговорить со мной о вещах, которые интересуют нас обоих. Если найдете что-нибудь интересное в газетах с нашей точки зрения, я буду вам очень обязан, если пришлете мне. Если даже это были бы брошюры, это было бы очень хорошо. Каждые три месяца или в период времени, который вы найдете более удобным для себя, я буду вам посылать стоимость присланного. Вы лучше, чем кто бы то ни было, в состоянии, по своему положению, следить за появлением интересных вещей в Лондоне и вообще в газетах и английских брошюрах. У нас нет средств, чтобы абонироваться на десяток газет, в которых большей частью ничего не находишь, но средств, которые нам присылают наши единомышленники из России, хватает, чтобы покупать отдельные номера и интересные брошюры, если можно за ними следить. Я надеюсь, что вы не откажете мне в этой услуге.

Письмо мое очень длинно, и вам будет трудно его разобрать. Жму вам руку, в надежде иметь в скором времени известия от вас.

Для того чтобы это письмо вернее дошло, посылаю его с одним другом, который стоит совершенно вне движения. Вы слишком известны. Передайте ему книгу Ральстона. [33]

*

Можете ли вы дать мне адреса Вроблевского,[34] Робена,[35] Франкеля?[36]

Если вы видаете друзей, которые помнят меня, кланяйтесь им от меня.

Мое почтение вашей супруге и дружеские приветы детям, если они помнят меня. У меня есть маленькая коллекция русских марок для Германа, но не знаю, как ее послать.

П. Лавров.

8

Брюссель, 3 марта 1873 г.

Дорогой Юнг!

Едва только успел я написать мое последнее письмо из Парижа, как получил от вас экземпляры отчета о заседаниях конгресса с вашей речью.[37] Я вас очень за них благодарю, и я рассчитываю на то, что вы будете держать меня в курсе того, что творится у вас в федеральном совете, и того, что делает противная партия. У меня сейчас нет ни времени, ни возможности разбирать особенности той линии поведения, которой вы следуете. Может быть, мы поговорим как-нибудь об этом письменно или при личной встрече. Теперь я хочу к вам обратиться с одной просьбой. Когда я полтора года тому назад уезжал из Лондона, я оставил там газеты, которые вам должны были передать. Когда я был в Лондоне прошлым летом, вы мне показали то, что вам было передано, но я нашел, что произошла ошибка, и оставил у вас два тома газет. Если я не ошибаюсь, то была «Tribune du peuple».[38] Если это так, то я прошу вас прислать их мне пакетом малой скоростью в Цюрих (наложенным платежом), так как «Tribune du peuple» меня сейчас сильно интересует. Если я ошибаюсь, то напишите мне заглавие этих двух переплетенных томов, которые я у вас оставил. Я рассчитываю написать вам скоро из Цюриха, куда я надеюсь уехать завтра, но я также жду несколько слов от вас.

С братским приветом

П. Лавров.

Имеете ли вы известия от Вроблевского, Робена и Франкеля и знаете ли вы их адреса?

Может быть, г. Бонни,[39] который передал вам мое письмо и попросил у вас мою книгу (труд Ральстона), еще не отправил ящик, который он должен был мне послать, и он смог бы таким образом переслать мне мои газеты. Его адрес: 75, Southampton Road, Russel square.

9

Zürich, Fluntern, Forsthaus, 9 апреля 1873 г.

Дорогой Юнг!

Уж очень давно я не имел известий от вас. Напишите мне несколько слов о положении вещей у вас. Нет ли чего-нибудь в «Eastern Post» о деятельности федерального совета? Я нашел в «International Herald»[40] протоколы заседаний другого совета, — такие, что я не могу составить ясного представления относительно группировки секций и нахожусь в неведении относительно того, что делается с вашей стороны. Через несколько дней начинается составление журнала, который я редактирую и который я рассчитываю выпустить в мае. Надеюсь иметь

ваши дружеские пожелания ему успеха. Но я рассчитываю на письмо от вас, чтобы осветить положение в Англии.

Вы ничего мне не ответили относительно газет, о которых я вам писал.

С братским приветом

П. Лавров.

Посылаю вам мою фотографию в надежде, что вы пришлете мне вашу. Прилагаю выдержку из программы журнала, который я собираюсь издавать. [41]

Если у вас есть возможность поместить это в какой-нибудь английской газете, сделайте это, но не говорите ни слова о Цюрихе.

10

Цюрих, Fluntern, Forsthaus, 28 августа 1873 г.

Дорогой товарищ и гражданин!

Уж целые века как я не имею вестей от вас и, не видя вас в числе делегатов Англии на Женевском конгрессе, [42] сильно беспокоюсь насчет вашего здоровья, тем более, что Ruegg мне сказал месяц тому назад, что ваше здоровье не совсем удовлетворительно. Однако я надеюсь, что это не так и что вы найдете минуту, чтобы ответить мне на это письмо, тем более, что оно деловое.

На этих днях появится первая книжка журнала, который я издаю; к ноябрю, я надеюсь, будет готова вторая, и как только я отдам в типографию последний листок журнала, я сажусь в поезд и через несколько дней я в Лондоне, чтобы там окончательно устроиться и чтобы перевести туда редакцию, типографию, все наконец. Я рассчитываю на ваши хорошие советы, чтобы сделать это как можно приличнее при тех средствах, которыми я располагаю. Один друг, который долгое время жил в Лондоне, говорит, что я мог бы найти возле последних станций подземной железной дороги дом, где я мог бы устроиться со своими помощниками и с типографией, платя с налогами включительно около 40 фунтов. Думаете ли вы, что это было бы возможно в районе John's Wood или около Brixton? Думаете ли вы также, что можно было бы найти в немецкой колонии Лондона женщину, которая исполняла бы обязанности горничной и кухарки для приготовления совсем демократических обедов? Немка (или швейцарка) была бы желательна, так как наши товарищи знают английский язык еще меньше моего, а вы знаете, что я не очень силен в этом пункте. Если вы думаете, что это было бы возможно, то не будете ли вы любезны навести у ваших друзей справки относительно лиц, которые могли бы быть свободны около конца ноября или в декабре, и не могли ли бы вы мне сказать, какую сумму нужно считать за услуги, чтобы установить бюджет хотя бы приблизительно.

Что касается типографии, то я попросил моего друга, который руководит набором и заведует всей технической частью, составить мне список вопросов, которые необходимо урегулировать в связи с транспортом всего нашего типографского материала. Прилагаю его к моему письму. [43] Вы, наверное, найдете в числе ваших друзей специалиста наборщика, который сможет ответить на эти вопросы. Итак, прошу вас ответить мне, как только вы сможете, так как вы чрезвычайно обяжете меня своей помощью в этом направлении.

Я не еду на Женевский конгресс, [44] так как я в плохих отношениях с руководителями обеих партий. После Лондона я в прохладных отношениях с Марксом, и по особым причинам я еще в худших отношениях с Бакуниным. Знамя моего журнала, это — программа Интернационала, победа федерированного рабочего, социальная революция, совершенно независимая от партий, и в одной главе хроники первой книжки имеется объективное изложение борьбы партий, против которой, я надеюсь, никто ничего не сможет возразить, если никто и не сможет причислить меня к своему лагерю. Я очень жалею, что не могу предложить вам экземпляр этого журнала, написанного на языке варваров, так как я думаю, что вы бы отнеслись с сочувствием ко многим вещам, которые там имеются. Это — книжка в 30 печатных листов, издаваемая мною. Я бы очень хотел попросить вас найти в Лондоне комиссионера для издания, но я думаю, что это вам будет трудно и что вы не связаны с издательским миром.

Итак, я жду от вас письма и надеюсь, что в конце года смогу пожать вам руку. С братским приветом

П. Лавров.

11

Цюрих, Fluntern, Forsthaus, 30 октября 1873 г.

Дорогой Юнг!

Получил ваше первое письмо, как и второе, которое пришло вчера вечером. Очень благодарю вас за хлопоты. Если я вам не ответил, то это потому, что обстоятельства, изменившись, требуют принятия других мер, и мои планы несколько изменились. Вероятнее всего я не найду дома с обстановкой, а все мы поселимся в меблированных комнатах. Не знаю, смогу ли я устроить свои дела так, чтобы приехать в Лондон до Нового года. Вторая книжка моего журнала сможет появиться к этому времени. Мне очень жалко, что я не могу дать вам прочитать несколько статей этого журнала, так как там есть такие, которые бы вам, наверное, понравились. Я прочитал «L'Alliance», [44] как только он появился в Женеве. Это чрезвычайно желчный и не очень добросовестный памфлет, но нельзя отрицать, что он чрезвычайно умно составлен. Маркс достиг своей цели. Бакунин покинул поле сражения, что, по-моему, представляет ошибку именно в этот момент. [45] Но ход дел в рабочем движении дает мне надежду, что вся эта борьба маленьких личных самолюбий не будет иметь большого влияния на рабочих. Оба женевских конгресса [46] в своих результатах так близки друг другу, как это только возможно, и умы истинных трудящихся сближаются, в то время как борьба между вождями достигает своего апогея. Мы указываем на это в статье об обоих конгрессах, которая появится во второй книжке нашего журнала.

До свидания, дорогой друг; если я не заболею, то я почти наверное смогу пожать вам руку в начале будущего года.

С братским приветом

П. Лавров.

Нельзя ли получить из Лондона указатель цен на весь материал для печатного станка?

12

Цюрих, Fluntern, Forsthaus, 22 января 1874 г.

Дорогой Юнг!

Через месяц или менее того я, вероятно, буду иметь удовольствие пожать вам руку, так как я приеду, чтобы окончательно устроиться в Лондоне. В ожидании этого вы простите меня, если я, не попросив вашего разрешения, дал друзьям в России ваш адрес для присылки мне русских газет, быть может, также и писем по вашему адресу. [47] Так что, если вы получите печатный материал из России, то храните его до моего приезда; что касается писем, то я попрошу вас переслать их мне по моему теперешнему адресу. Впрочем, я вам, верно, напишу из Парижа, где я, вероятно, проведу неделю или более того. Итак, я говорю вам до свидания. Если у вас есть некоторые поручения для Швейцарии, напишите мне несколько слов.

С дружеским приветом, до скорого свидания

П. Лавров.

Один русский федералист, большой друг Бакунина, некий Росс, рассчитывает устроиться в Лондоне. Я считаю нужным предупредить наших друзей, английских федералистов, что это человек, с которым надо быть настороже. Не то, чтобы можно было обвинить его в шпионаже, но вы знаете, что наш великий конспиратор никогда не умел выбирать своих людей и что честность тоже кое-что значит в качествах человека. Впрочем, вы сами увидите. [48]

13

Цюрих, Fluntern, Forsthaus, 24 января 1874 г.

Дорогой Юнг!

Прошу вас ответить мне как можно скорее, так как если ваш ответ будет благоприятный и если он придет во-время, я, быть может, буду иметь случай отправиться в Лондон в самом близком будущем. Одна молодая дама, моя соотечественница, хочет ехать в Лондон, чтобы ждать приезда своего мужа, и если я ее провожу, то смогу оставить заканчивать свои дела людям абсолютно верным. Но чтобы ехать в Лондон, необходимо, чтобы эта дама была уверена, что найдет там: 1) меблированную комнату в немецком доме или немецком семействе, так как она совсем не говорит по-английски и не очень хорошо по-французски, 2) врача акушера или хорошую акушерку, говорящую по-немецки, по той же причине. Я почти уверен, что все это существует в Лондоне, но меня просят навести точные справки. Если вы можете рекомендовать акушерку или врача, подходящих под эти условия, точно так же как и квартиру, то сообщите мне адреса как можно скорее. Если в том же доме найдется еще одна маленькая комната, которую сможет занимать ее муж по приезде и которую пока займу я, то это было бы очень хорошо. [49] Жду с нетерпением ответа и дружески жму вам руку.

П. Лавров.

Не говорите о моем приезде и о том, что я вам пишу, так как эта семья едет в Лондон тайно по причинам довольно серьезным для них, и я не хотел бы причинить им неприятностей.

14

60, Gay Lussac, Париж, 13 февраля 1874 г.

Дорогой Юнг!

Надеюсь пожать вам руку через несколько дней, так как на будущей неделе я, вероятно, буду в Лондоне. Я прошу вас узнать, где печатаются объявления о сдаче домов в наем и где можно купить наиболее дешево самую простую мебель, которая могла бы служить. В день моего приезда я буду у вас. Еще одна услуга, в которой, надеюсь, вы мне не откажете. Позвольте мне напечатать на обертке книжки моего журнала, которая выйдет на этих днях, что для посылки в редакцию писем и денег следует направлять их по адресу 4, Charles Street, Clerkenwell.

Это не будет долго продолжаться, так как мы опубликуем брошюры с новым адресом, как только мы устроимся, и кроме того корреспонденции получается не много. Если вам это с какой-нибудь стороны не подходит, ответьте мне тотчас же письмом или телеграммой. Адресуйте: Monsieur Pierre, 60 rue Gay Lussac, Париж.

Но я надеюсь, что это вас не стеснит. До свидания. Дружески жму вам руку.

П. Лавров.

Лопатин [50] шлет вам свой привет.

15

[Лондон, конец сентября или начало октября 1874 г.]

Дорогой Юнг!

Не можете ли вы попросить от моего имени Эккариуса указать, какие объяснения соответствуют тому, что̀ он говорит в своем отчете о заседании от 12 сентября («Times», 16 сентября) по поводу политического выступления трудящихся. [51] Сравнивая «Times», «Bulletin», [52] имена в «Ami du peuple» [53] и частную корреспонденцию, я не могу разобрать, о ком идет речь. Нужно, следовательно, указать:

1) Кто был автором предложения коллективистов? Должно быть, Швицгебель, но «Bulletin» выражается таким образом, как будто это предложение никогда не имело места. [54]

2) Кто был автором немецкого предложения? Он упоминается ниже в отчете («Times», 16 сентября) «The maner of the resolution». [55]

3) Кто такой «делегат из Вервье?» Кто такой «делегат из долины Вездра?» Согласно списку делегатов, это должно быть одно и то же лицо — Бастен, а между тем «Times» приводит две различные речи. [56]

4) Я предполагаю, что «швейцарский делегат», это — Швицгебель, но ничто не указывает на то, что это тот самый, который сделал предложение коллективистов. [57]

5) Кто такой «Немец», произнесший длинную речь? Я предположил было, что это Фроме, но он говорит вещи, которые как будто противоречат некоторым выражениям Фроме. [58]

Вы меня чрезвычайно обяжете, если вы мне доставите точные ответы и в наиболее краткий срок, так как это очень спешно.

Другой вопрос. Я только-что получил маленькую брошюру, напечатанную в Лондоне, под названием: «Рабочему классу от революционного комитета проле-

тариата», и подписанную: Dardelle, Maujean, Simonoud, Delahaye, Joffrin, Rinck, Blond..., Delacroix, — все рабочие. В ней говорится о статутах, опубликованных 21 августа 1872 г. Что это за группа? Откуда она взялась? Какова ее предыдущая деятельность? Не можете ли вы меня просветить в этом вопросе? [59]

С братским приветом

П. Лавров.

16

[Конец 1874 г.]

Дорогой Юнг!

Рекомендую вам одного моего юного соотечественника, Судзиловского, который только-что бежал из России, где он занимался пропагандой. Он хотел с вами посоветоваться относительно того, не смог ли бы он найти работу в Англии, или же лучше было бы, чтобы он последовал своему давнему плану и уехал в Америку. Вы — лучший советник, какого я только мог ему рекомендовать. [60]

Пользуюсь возможностью, чтоб обратиться к вам с некоторыми просьбами. Сообщите мне, пожалуйста, еще раз адрес вашего страхового общества. Я потерял кусок бумаги, который вы мне дали, а я как раз сейчас хочу застраховать книги и оборудование мастерской. И еще, если бы вы могли мне вернуть на несколько дней труд Лавелэ, я был бы вам очень признателен, так как мне нужно сделать несколько цитат. Я вам отошлю его через короткое время. [61] Я надеялся увидеть вас, и во всяком случае, как я понял, вы сказали одному моему молодому другу, который был у вас, что вы хотели прийти. Но я не имел этого удовольствия. Я теперь сильно занят окончанием очередной книжки моего журнала, [62] чего нельзя более откладывать. Весь ваш

П. Лавров.

Не знаете ли вы хорошего дантиста?

17

20, Maroy Road, Tollington Park, Holloway.
6 февраля 1875 г.

Дорогой Юнг!

Позволяю себе направить к вам одного молодого соотечественника, Клавера, который хочет отправиться в Америку и желает получить справки относительно эмиграционного и транспортного комитета, чтобы совершить это путешествие при наименьших расходах. Я уверен, что никто не сможет ему дать лучших справок, чем вы. [63] При случае прошу вас сообщить мне, что это за ветвь Soho Интернационала (18, Denmark Street, Soho), которая объявила собрание для празднования 18 марта. Марксисты это или федералисты? Кто ее руководители? [64] Объявление напечатано во вчерашнем Beehive. [65]

Жму вам руку. П. Лавров.

18 [66]

Лондон, 1 ноября 1875 г.

Дорогой Юнг!

Податель сей записки, наш друг Иван Линев, [67] брат молодого человека, которого вы уже знаете, приехал из Америки некоторое время тому назад и хотел бы

с вами посоветоваться относительно некоторых вещей. Я уверен, что вы не откажете.

Если у вас есть письма или газеты для меня, дайте их ему. Скажите также, здоровы ли вы.

Весь ваш

П. Лавров.

19

[London-Holloway], 7 марта 1877 г.

Дорогой Юнг!

К моему большому сожалению, я не могу прийти сегодня вечером на собрание, так как как-раз сегодня один мой друг уезжает в Россию. Завтра или после завтра я сам рассчитываю уехать на несколько дней в Париж. Очень жаль, что вас совсем не видно в наших краях.

С братским приветом

П. Лавров.

20

21 Alfred Place, Tottenhem Court Read,
29 апреля 1877 г.

Дорогой Юнг!

Я был очень удивлен, когда, вернувшись домой, нашел кусочек бумаги, где было написано имя мисс Фипсон со словами, что она придет в другой раз. Если бы я знал, где она живет, я бы пошел ее повидать завтра, так как послезавтра, вероятно, я уеду в Париж приблизительно недели на две. Так как я не могу ни пойти к ней, ни даже написать ей, не зная ее адреса, и так как она могла узнать мой адрес только через вас, то я прошу вас передать ей мое сожаление по поводу того, что я не мог повидать ее и что я должен уехать, не встретившись с ней; я буду вам очень обязан, если вы сообщите мне, сколько времени она останется в Лондоне и куда я смог бы ей послать письмо. Если вы ответите мне в понедельник, ваше письмо застанет меня еще в Лондоне; если же позже, то пошлите письмо в Париж по адресу: Господину Герману Лопатину, 6 Rue Linné, Париж, для передачи П. Лаврову, так как я не могу дать вам заранее мой адрес, но Лопатин будет его знать. Я потерял всякую надежду видеть вас на Alfred Place, и причины, которые вы привели г. Дюмону, когда вы его встретили, не очень...* так как вы мне писали на эту квартиру, следовательно, вы знаете мой адрес. Но нельзя заставлять наших друзей приходить к нам, если они этого не хотят.

Весь ваш

П. Лавров.

21

Париж, 328, rue St. Jacques, 19 апреля [1879?]. [68]

Дорогой Юнг!

Дайте же мне знать о себе и, главное, ответьте мне как можно скорее, что вы знаете о Войтице. [69] Он мне показался очень подозрительным и странным с первой же нашей встречи здесь в Париже, а сегодня утром он пришел ко мне

* [Одно слово не разобрано.]

с таким странным предложением, что я считаю нужным попросить у вас возможно более точных сведений об этом господине. Постарайтесь получить, если вы их не имеете. Дружески жму вашу руку.

П. Лавров.

22

Париж, 328, rue St. Jacques, 18 октября [1879 г.]

Дорогой Юнг!

Получил вчера вечером ваше письмо. В Лондоне я знаю только одного Смирнова (Noel: 57, Fonthall Road), [70] который бы прекрасно вам подошел. Но он сейчас, как мне пишут, очень болен. Я займусь на этих днях вашим делом, но не обещаю дать вам отчет раньше 3—4 дней, так как не очень-то легко поймать этих молодых людей и говорить с ними о делах.

Но я сделаю все, что смогу. Весь ваш

П. Лавров.

23

328, rue St. Jacques, 22 октября 1879 г.

Дорогой Юнг!

Четыре дня тому назад, 18-го, я писал вам, что я нашел человека для того дела, о котором вы мне говорили в вашем письме от 14-го. Я удивляюсь, что с тех пор я ни слова не получил от вас. Этому молодому человеку нужно знать, может ли он рассчитывать на эту работу в Лондоне, или он может принять работу здесь. Ответьте, пожалуйста, немедленно.

Ваш П. Лавров.

24

328, rue St. Jacques, 12 ноября [1879 г.]

Дорогой Юнг!

Получил Ваше письмо, но я остаюсь в прежнем неведении. Новакович [71] совсем не является тем лицом, которое я хотел вам рекомендовать; я совершенно не знаю, пишет ли он прилично по-русски. Я ему только поручил пойти к вам, так как боялся, что по какому-то недоразумению вы не получали моих открыток или что ваши ответы не доходили до меня. Спросите же, прошу вас, еще раз у Войтица: нужен ли ему еще русский для этого дела или нет? Конечно, мой друг, прождавши долго ответа, вновь принялся за свои здешние занятия, но он был бы готов поехать, если бы в нем была необходимость. Это испытанный социалист. Со стороны Новаковича не очень красиво перехватывать кусок у товарища, но в конце концов, если дело сделано и если у Войтица им довольны, то делать нечего. Но только я хотел бы точно знать, должен ли еще мой друг чего-либо ждать или нет. Что касается меня лично, то у меня нет ни желания, ни времени участвовать в каком бы то ни было «Полиглоте». Не послал ли вам кто-либо из ваших друзей из Швейцарии первый том «Ежегодника для социальных наук», который издается в Цюрихе? Там имеется моя статья о русском движении за последние годы. [72] Не могли ли бы вы указать мне что-нибудь серьезное по современному аграрному движению в Ирландии в какой-нибудь газете или журнале? Мне бы

нужен был материал для одной маленькой работы. Может быть, имеется какая-нибудь значительная брошюра до этому вопросу.

С братским приветом

П. Лавров.

25

328, rue St. Jacques [12 марта 1880 г.]

Мой дорогой друг!

Узнал только что от гражданина Барруа [73] (если не ошибаюсь) об ужасном ударе, постигшем вас. Перед лицом непоколебимой судьбы нет никакого утешения, кроме времени, которое приносит излечение всем страданиям, которое излечивает все раны. Поэтому я не говорю с вами о вашем несчастье. Я знаю, что значит пережить такие ужасные страдания, я знаю, как они разбивают жизнь, уничтожая иногда на долгие годы даже надежду на какое-либо личное счастье. Мы должны себе сказать одну вещь: мы, борцы за лучшее социальное будущее, имеем обязанности вне наших личных привязанностей и вне наших личных страданий. Когда личная жизнь лишается смысла, лишается внутренних радостей, нам остается еще великая борьба. Это не есть утешение, но это цель, которую мы не имеем права оставить, каковы бы ни были наши внутренние страдания. Жизнь пуста и бесплодна. Это фатально. Но есть большая борьба, в которой мы должны принять участие. Это цель, которую нужно преследовать. Напишите мне несколько слов, когда у вас будет возможность это сделать. Сердечно жму вам руку..

П. Лавров.

26

328, rue St. Jacques, 29 апреля [1880 г.]

Дорогой Юнг!

Только что получил ваше письмо. Ах, какое несчастье, какое несчастье! Я совсем не знал, что ваша уважаемая жена была больна. Надеюсь, вы получили письмо, которое я вам послал, как только я узнал о смерти вашего сына. Я совсем потрясен этой последней вестью. Как вы поступите со всеми вашими детьми? Против этого рока, который поражает без смысла и без цели, можно сколько угодно возмущаться, но ничего не поделаешь, ничего не скажешь. Я не могу писать ни о чем другом. Ах, какое несчастье! Братски жму вам руку. Когда вы сможете, напишите мне, как вы устроитесь.

П. Лавров.

Примечания

[1] Этот свой адрес П. Л. Лавров указывает и в письме к Е. А. Штакеншнейдер от 11 (23) сентября 1871 г. (см. «Голос минувшего», 1916 г., 7 — 8, стр. 131); в районе Batignolles, но на другой улице Лавров жил и раньше, до Коммуны (см. его письмо к ней же от 16 (28) августа 1870 г., там же, стр. 113, и воспоминания Сажина, изд. О-ва политических каторжан и ссыльнопоселенцев, стр. 75).

[2] О ком идет речь, установить не удается. «Швейцарский товар», который будет возвращен Юнгу, — несомненно, какая-то корреспонденция или издания Генерального совета Интернационала, предназначавшиеся для Швейцарии, но застрявшие почему-то в Париже.

[3] Повидимому, Лавров имеет в виду известного бельгийского социалиста, члена Интернационала, Цезаря де-Папа (1841 — 1890).

[4] Mr. Albert — несомненно Балашевич-Потоцкий, агент III Отделения, о деятельности которого в этот период см. интересную статью Р. Кантора: «П. Л. Лавров и А. Ю. Балашевич-Потоцкий» в сборнике «П. Л. Лавров», изд. «Колос»; Балашевич-Потоцкий был владельцем антикварного магазина, и весьма возможно, что речь в письме идет действительно о картинах.

[5] Речь идет о газетах и журналах, оставленных Лавровым на его квартире в Лондоне, — к ним Лавров возвращается и в следующих письмах.

[6] Léger — несомненно псевдоним; о ком идет речь, установить не удалось.

[7] Dilke — возможно, что Charles Dilke, известный английский политический деятель, радикал, имевший довольно близкие связи с вождями трэд-юнионов, в 1871 г. еще не порвавшими с Интернационалом; он, конечно, не разделял позиции Генерального совета Интернационала в вопросе об отношении к Коммуне, но не исключено, что он мог помогать спасать коммунаров от преследования (похоже на то, что в письме речь идет именно об этом).

[8] Зять Маркса — П. Лафарг (1840 — 1910), который летом 1871 г. был арестован на юге Франции; в августе того же года он был освобожден и выслан из Франции, — об его освобождении Маркс сообщал Энгельсу в письме от 21 августа 1871 г. («Briefwechsel», т. IV, стр. 340).

[9] О ком именно идет речь, установить точно не удалось. Лица, носившего фамилию Rojalevski среди знакомых Маркса в это время и среди польской эмиграции тех лет вообще не имелось. Возможно, что Лавров ошибся в начертании этого имени и следует читать Rozalewski. Этот последний (Wlad. Rozalewski, по псевдониму Grece), — польский эмигрант, капитан, адъютант героя Парижской Коммуны Яр. Домбровского и его биограф («Leben und Taten des Generals Jaroslav Dombrowski. Nach den Aufzeichnungen seines Adjutanten». Leipzig 1876. 169 p.), — с Марксом действительно был знаком, так как летом 1871 г. он входил некоторое время в состав Генерального совета Интернационала (см. указание Г. Иекка, 1-е немецкое издание, стр. 149, где его имя также написано не совсем правильно, а именно Rosalerski). Какие основания имел Лавров для столь резкой его квалификации (если верно, что речь идет о нем), нам не известно.

[10] В архиве Энгельса этого письма не сохранилось, — от этого периода там имеется всего только одно письмо Лаврова от 21 декабря 1871 г. «Gazette des Tribunaux» — орган, выходивший в Париже и печатавший подробные отчеты о судебных процессах; в 1871 г. в нем печатались отчеты о всех процессах коммунаров; несомненно, именно из-за этих отчетов выписывал газету и Энгельс (в письме от 21 декабря 1871 г. Лавров спрашивал Энгельса, следует ли возобновить подписку на этот орган и на 1872 год).

[11] О ком идет речь, установить не удалось; повидимому, это был псевдоним кого-то из деятелей немецких рабочих кружков в Париже.

[12] О ком идет речь, установить не удалось.

[13] Около этого времени статьи Лаврова начали регулярно печататься в «Знании», налаживалась также и его работа в «Деле» (см. письма Лаврова к Штакеншнейдер. — «Голос минувшего», 1916 г., № 7—8, стр. 130 и сл.).

[14] О ком идет речь, установить не удалось. Aug. Serailler — известный деятель французских секций Интернационала; в период, к которому относится письмо,—эмигрант, живший в Лондоне и входивший в Генеральный совет в качестве члена-корреспондента для Франции. Имени Triebert нам не приходилось встречать ни в литературе, ни в документах, сохранившихся в архиве Юнга (равно как и в архивах Маркса, Энгельса и И. Беккера); весьма возможно, что это псевдоним какого-нибудь из живших тогда в Париже членов Интернационала, причем не исключена возможность, что его имя Лавровым написано не совсем правильно: дело в том, что среди корреспондентов Юнга из Парижа за период, к которому относится письмо, встречается некто, подписывавшийся под некоторыми из своих писем: «Tribours», который также имел отношение к организации побегов коммунаров (в письме от 27 августа 1871 г. он рекомендует Юнгу какого-то «Ad. Fontome», купца из Варшавы, — почти несомненно, что это был кто-то из коммунаров, выбиравшийся из Франции под соответствующим паспортом). Настоящее имя этого Tribours также неизвестно, но так как тем же почерком написаны некоторые письма из Гааги с конгресса 1872 г., то весьма возможно, что это был Ван-Гэдегем, делегат Парижской секции на Гаагском конгрессе (письма Tribours'а к Юнгу хранятся в бумагах последнего, картон III, пакеты с письмами из Франции 1871 и 1872 гг.).

[15] «Eastern Post» — радикальная газетка местного характера, выходившая в рабочем предместье Лондона — в Ист-Энде; в ней печаталась официальная информация Генерального совета — отчеты о заседаниях, сведения о работе секций и т. д.

[16] Евг. Гинс — видный деятель бельгийской федерации Интернационала, редактор брюссельской газеты «Liberté». Лавров с ним познакомился, повидимому, весной 1871 г., когда он был в Брюсселе на пути из Парижа в Лондон.

[17] Большинство упомянутых в письме инициалов в настоящее время не поддается расшифровке. Более или менее уверенно можно только сказать, что B. — наверное тот Bachruch, о котором упоминалось в предшествующих письмах. «Товар», о котором идет в этом письме речь, вероятно какие-то издания или корреспонденции Генерального совета.

[18] О каком Корн (или Керн — разобрать точно, при известных свойствах почерка Лаврова, возможным не представляется) идет речь, выяснить точно не удается. Восемью годами позднее фамилия K. Korn встречается в списке жертвователей на газету Моста «Freiheit» (см. «Freiheit» от 31 мая 1879 г.).

[19] Г-жа Томановская — фамилия (по мужу) известной деятельницы Парижской Коммуны — Дмитриевой.

[20] Лавров имеет в виду М. П. Сажина.

[21] В тот период бакунисты приступали к подготовке своих первых изданий — «Развитие Интернационала», «Государственность и анархия» Бакунина и др.

[22] Reingold Ruegg — деятель Интернационала в Швейцарии, позднее — швейцарской социал-демократической партии; в период, к которому относится данное письмо, — редактор двух демократических газет: «Züricher Post» и «Landbote» в Винтертуре.

[23] Указание на попытку Лаврова читать лекции по высшей математике имеется в воспоминаниях М. П. Сажина (изд. «Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев» Москва, 1925 г., стр. 49); там же сообщается об их результате: «На первой лекции Лаврова по математике было человек пятнадцать, на следующую уже никто не явился, и ему пришлось отказаться от своей идеи».

[24] В «Народниках-пропагандистах» Лавров сообщает, что он тогда читал лекции «О роли славян в истории» (изд. «Колос», стр. 58); в своей автобиографии Лавров говорит о чтении им лекций «О роли славян в истории мысли» («Вестник Европы» № 10 за 1920 г., стр. 103).

[25] Речь идет, повидимому, о Сергее Андреевиче Подолинском, который в декабре 1872 г. был в Цюрихе (на святках он уехал в Россию по делам журнала «Вперед», — см. «Переписку М. Драгоманова с М. Бучиньским», Львов, 1910 г., стр. 253) и который летом 1872 г. был у Лаврова в Лондоне («Народники-пропагандисты», стр. 52). Возможно, что к этому последнему времени относится и сохранившаяся в бумагах Юнга краткая записка Лаврова с сообщением об экстренном отъезде Подолинского из Лондона в Париж; записку эту, ввиду невозможности точно определить ее дату, мы не включаем в серию писем; ее содержание следующее:

Дорогой Юнг!

Одна чрезвычайно важная весть заставляет Подолинского немедленно ехать в Париж. Он просит меня передать вам его извинения, и вы его извините, когда я вам объясню, в чем дело. Он хотел быть у вас в воскресенье, но теперь будет у вас только по своем возвращении из Парижа.

Ваш П. Лавров.

[26] Речь идет, несомненно, о том самом циркулярном письме «большинства» членов Совета Великобританской федерации Интернационала, которое напечатано полностью Максом Бахом в его «Beiträge zu einer Geschichte der Internationale», «Neue Zeit», Jrg. XXI, B. 2, стр. 27. В этом документе означенное большинство критиковало решения Гаагского конгресса, сообщало о своем разрыве с Генеральным советом и объявляло о созыве конгресса Британской федерации.

[27] На этой квартире Лавров жил в Париже весною 1872 г.; на ней им в марте 1872 г. написана первая программа для журнала «Вперед» (см. «Народники-пропагандисты», стр. 51).

[28] О конгрессе той части Британской федерации, которая была против Генерального совета Интернационала (начался 26 января 1873 г.), см. в обозрении иностранной жизни в журнале «Вперед», т. I, и у Гильома, т. III; официальный отчет об этом конгрессе напечатан в «Eastern Post» от 1 — 8 февраля 1873 г. (выпущен также отдельным оттиском, значительное количество экземпляров которого имеется в архиве Юнга); о присылке именно этих номеров и просит Лавров.

[29] После раскола на Гаагском конгрессе «Eastern Post» оказалась в руках противников Генерального совета Интернационала из группы Юнга.

[30] Георг Эккариус, портной из Тюрингии, — видный деятель Союза коммунистов еще 40-х годов. (Энгельс в предисловии к «Разоблачениям о кельнском процессе коммунистов» называет Эккариуса одним из самых выдающихся членов лондонского отдела Союза коммунистов 1874 г., который вместе с К. Пфендером сыграл большую роль в деле распространения в Союзе взглядов К. Маркса.) В Генеральном совете Интернационала Эккариус был в течение многих лет главным секретарем. В эпоху раскола после Гаагского конгресса Эккариус примкнул к противникам Генерального совета, причем, по указанию М. Баха, в это время он и идеологически разошелся с марксистами. В последующие годы принимал участие в трэд-юнионистском движении в Англии. Умер в конце 1890-х годов в нищете.

[31] Герман Грейлих (1842 — 1925) — рабочий-переплетчик из Бреславля, переселившийся с 1865 г. в Цюрих и бывший одним из пионеров и главных организаторов социалистического движения в немецкой Швейцарии.

[32] Карл Бюркли (1823 — 1901) — уроженец г. Цюриха, фурьерист 40-х годов, организатор одного из фурьеристских фаланстеров в Техасе; в 1858 г. вернулся в Цюрих и был одним из пионеров местного кооперативного движения; вождь цюрихской

демократической группы 50 — 60-х годов, затем видный деятель местного социалистического движения.

[33] Ральстон (1828 — 1889) — известный переводчик русских авторов на английский язык и автор ряда статей о русской литературе; хороший знакомый многих русских писателей и общественных деятелей (Тургенева и др.). Так как в письме говорится об его книге, оставленной Лавровым в Лондоне при его отъезде оттуда в 1872 г. (ср. письмо 8-е), то речь может итти только о «Songs of the Russian People», которая им издана в том же 1872 г. (это — первая его работа, если не считать простых переводов с русского, упоминаемая в «National Biography», т. XLVII, стр. 225). Попутчик, с которым было послано настоящее письмо, был Бонни (см. примечание 39-е).

[34] Валериан Вроблевский (1836 — 1908) — видный деятель восстания 1863 г. в Литве, участник Коммуны, в 1873 г. — член Генерального совета Интернационала, корреспондент по делам Польши.

[35] Пауль Robin (Робен) — с октября 1870 г. член Генерального совета Интернационала, сыгравший большую роль при его расколе (он был тайным корреспондентом бакунистов, информировавшим их о внутренней жизни Интернационала, за что и был устранен из Генерального совета в конце 1871 г.).

[36] Лео Франкель — деятель социалистического движения в Венгрии, Австрии и Франции, комиссар торговли и промышленности Парижской Коммуны (лестный отзыв Лаврова о его деятельности этого периода см. в письмах Лаврова к Штакеншнейдер, «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 128), затем член Генерального совета Интернационала.

[37] Т. е. отчета о конгрессе «большинства» Британской федерации, см. примечание 28-е.

[38] Речь идет, повидимому, о «Tribune du Peuple» — газете, которую издавал Лиссагарэ в дни Коммуны.

[39] Имя Bonni фигурирует в донесениях Балашевича-Потоцкого (от 10 августа 1874 г.), который сообщал, что на имя Бонни в Лондон заговорщики присылают письма Лаврову (сборник «Лавров», стр. 500).

[40] «International Herald» (издатель Riley) — газета, которая с марта 1872 г. была органом британского федерального совета Интернационала; после раскола осталась в руках сторонников Генерального совета; выходила до конца 1873 г. (М. Бах цитирует номер от 18 октября 1873 г., — «Neue Zeit», Jrg. XXI, B. 2, стр. 28 и сл.), когда издателем была переименована в «Republican Herald».

[41] Это изложение программы журнала «Вперед», написанное чьею-то незнакомой рукой, сохранилось в бумагах Юнга; так как оно представляет некоторый интерес, ибо знакомит нас с тем, что Лавров считал нужным из этой программы подчеркивать для иностранцев, то мы даем здесь его перевод:

«Русский социалистический журнал «Вперед» только что разослал свою литографированную программу. Он появится в ближайшем времени в виде непериодического сборника, но с тенденцией стать трехмесячным. Он предназначен быть органом борьбы науки против религиозных предрассудков, но главным образом органом «борьбы труда против привилегий нетрудящихся; полного равенства против монополии всех видов; рабочего против всех эксплоатирующих его классов; свободной ассоциации против принудительных норм легального государства; короче говоря, он предназначен быть органом борьбы за осуществление справедливости в социальном строе». Не допуская никаких личных нападок, журнал открывает свои страницы для свободной дискуссии вокруг принципов централистских и принципов федералистских для организации трудящихся, а также и разных форм участия рабочего в современной политической борьбе. Он отрицает ценность всякого политического или национального вопроса, который не был бы связан с борьбой социальной.

Что касается русских внутренних вопросов, которые должны занять бо́льшую часть журнала, что в конце концов является вполне естественным, то журнал берет за основу русскую земледельческую общину и ставит себе целью «развитие этой

общины в смысле коллективной эксплоатации земли и распределение ее продуктов между членами общины, политическую организацию общественного порядка в России на основе общинного собрания [мирской сходки], поглощение частной собственности собственностью общинной», образование крестьян и выработку в их среде ясной концепции их социальных нужд. Он принимает только такое преобразование русского общества, инициатива которого принадлежала бы самому народу, а не действию правительства или авторитарной революции, произведенной меньшинством. Он обращается к русским социалистам из интеллигентного слоя с призывом подготовиться к революционной деятельности, приобретая солидное образование, сливая свои стремления со стремлениями народа, стараясь внушить ему доверие и пропагандируя в его среде идеи об его праве бороться против несправедливого социального порядка, об его обязанности начать эту борьбу и о силе, которой он обладает, чтобы довести эту борьбу до благополучного конца.

Не желая кровавой революции, но не ожидая ничего ни от русского правительства, ни от правящих классов России, журнал обращается к своим читателям со следующими словами:

«Вероятнее всего, что путь революции неизбежен для лучшего будущего России; когда придет для нее удобная минута, этого никто сказать не может, но она может прийти тем неожиданнее, чем более концентрированы все государственные функции России в одном месте, в одном лице. Готовьтесь к этой минуте умственным развитием, житейским опытом, выработкой твердого характера. Готовьте к ней народ русский, уясняя ему его истинные потребности, его вечные права, его грозные обязанности, его могучую силу. А затем, когда минута настанет, идите с народом на завоевание этих прав, на исполнение этих обязанностей, на развитие этой силы. Идите вперед, чего бы это ни стоило вам, чего бы это ни стоило народу. Какова бы ни была цена этого будущего, оно должно быть завоевано».

Журнал признает себя солидарным с национальными славянскими партиями различных стран, поскольку эти партии защищают интересы крестьян и пропагандируют социалистическую идею. Он говорит полякам: «кто поставил интересы холопов выше интересов шляхты..., тот наш брат и союзник... Защитники преобладания шляхты и союзники католицизма — враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польского».

Если новый журнал жизненен, он будет первым большим журналом в Европе, который откровенно присоединился к принципам Интернационала и социальной революции со всеми ее наиболее решительными последствиями». *

[42] Конгресс «федералистов» в Женеве, заседавший с 1 по 6 сентября 1873 г.; от Англии на нем были Эккариус и J. Hales

[43] Этот список вопросов не сохранился.

[44] Речь идет об известном докладе Генерального совета «L'Alliance de la démocratie socialiste», который вышел в середине сентября 1873 г.; отзыв о нем Лаврова см. в журнале «Вперед», т. II, стр. 25 (отдел иностранного обозрения).

[45] Лавров имеет в виду известные письма Бакунина с заявлением об отказе от политической деятельности, напечатанные в «Journal de Genève» от 29 сентября 1873 г. и в «Бюллетене Юрской федерации» от 12 октября 1873 г.; отклик Лаврова на эти письма см. «Вперед», г. II, стр. 60 и сл. того же иностранного обозрения.

[46] «Оба женевских конгресса» — заседавшие почти одновременно в сентябре 1873 г. в Женеве конгрессы двух частей расколовшегося Интернационала—«федералистов» и «централистов».

---

* Места, взятые в этом сообщении в кавычки, являются цитатами из третьей программы журнала «Вперед», напечатанной в т. I непериодического сборника (см. стр. 3, 11, 23 и 25); в первых двух цитатах переводчик сообщения на французский язык явно приспособлялся к пониманию европейского читателя и придавал заявлениям журнала «Вперед» несколько иной оттенок, чем в русском оригинале; так как этот оттенок имеет некоторый интерес для исследователя, то эти две цитаты нами даны в точном обратном переводе с французского; две последние цитаты даны по русскому оригиналу.

[47] Юнг свое согласие на это дал; позднее он разрешил сделать свой адрес (4, Lower Charles Street, Clerkenwell, London. E. C.) и официальным адресом для сношений с редакцией «Вперед» (этот адрес печатался в журнале «Вперед» со II т. и до ликвидации издательства).

[48] Росс — М. П. Сажин, в конце 1873 г., после раскола среди цюрихских бакунистов (разрыв группы Ралли, Эльсница и Гольштейна с Сажиным), перевез свою типографию в Лондон, где и печатал «Анархию по Прудону». Об отношении Лаврова к Россу известно и из других источников, например из письма Кравчинского к Лаврову («На чужой стороне», 1924 г., № 10, стр. 202); ср. также воспоминания Сажина о Лаврове. Мы печатаем здесь отзыв П. Л. Лаврова о Сажине полностью, несмотря на всю его недопустимую резкость, так как он имеет интерес для понимания остроты тогдашних отношений

[49] О ком идет здесь речь, установить не удается; в начале 1874 г. в Лондон приезжал П. А. Кропоткин, в то время много помогавший Лаврову в работах по изданию журнала «Вперед»; не исключена возможность, что речь идет об его жене.

[50] Герман Александрович Лопатин, который тогда жил в Париже.

[51] Г. Эккариус давал в «Times» информацию о жизни Интернационала; в данном письме речь идет об отчетах о Брюссельском конгрессе «федералистов» (7 (13) IX, 1874).

[52] «Bulletin de la Fédération Jurassienne de l'Association Internationale des Travailleurs» — орган «Юрской федерации», бывший главным органом «бакунистов», выходил под редакцией Гильома с 15 февраля 1872 г. по 25 марта 1878 г. (первые номера на гектографе).

[53] «Ami du peuple» — еженедельный орган бельгийских федералистов», выходил в Льеже в 1874 — 1876 гг.

[54] К этому месту письма рукою Юнга сделана приписка: «Verryken of B.» (Верриккен из Бельгии); очевидно, Юнг по поводу этих запросов говорил с Эккариусом и сделал с его слов пометки для ответов Лаврову.

Laur. Verrycken, булочник по профессии, — довольно видный деятель «федералистского» Интернационала в Бельгии (его подпись как секретаря стоит под рядом официальных писем бельгийской федерации к Юнгу), в Брюссельском конгрессе участвовал как представитель Палермской (Италия) секции. На конгрессе он выступал несколько раз; здесь Лавров имеет в виду его выступление по докладу Ц. де-Папа об организации общественной службы в будущем обществе; Верриккен в этом выступлении развивал анархические взгляды против «рабочего государства» (см. «Вперед», т. III, отдел иностранного обозрения, стр. 85 — 86). Тон отзывов об его выступлениях в «Юрском бюллетене», который вызывает недоумение Лаврова, объяснялся тем, что итальянские бакунисты во главе с К. Кафиеро, а за ними и все «юрцы», вообще относились резко отрицательно к основателю Палермской секции, Salvadore Ingegneros, считая его не заслуживающим доверия человеком, а потому высказывались и против признания мандата этой секции на конгрессе. Отношение это объяснено в письме К. Кафиеро в редакцию «Bulletin», напечатанного в номере от 10 октября 1874 г. (выдержка у Гильома, т. III, стр. 211); из того, что Лавров об этом выступлении Кафиеро в момент своего запроса к Юнгу еще не знал, ясно, что настоящее его письмо послано до 11 октября, т. е. в конце сентября или в самом начале октября.

Adhemar Schwitzgebel, гравер — один из виднейших руководителей «Юрской федерации», ее представитель на Брюссельском конгрессе.

[55] Немецких делегатов на конгрессе было два: Karl Frohme — писатель и политический деятель, представлявший на конгрессе немецкие секции Льежа, и Faust (по отчетам журнала «Вперед» — Керст), скульптор, член лассальянского «Всеобщего немецкого рабочего союза». Вопрос Лаврова относится, повидимому, к предложению немцев по вопросу о политической борьбе; последние предлагали, чтобы Интернационал отказался от вынесения общего решения по этому вопросу и признал за каждой национальной федерацией право самостоятельно определять свое в нему отношение. Официальный отчет о конгрессе в данном пункте очень неясен, — он дает суммарную сводку речей обоих делегатов, выступавших, повидимому, в общем и

целом, согласованно (см. у Гильома, т. III, стр. 224); в отчете журнала «Вперед» речь немецкого оратора, давшего главное обоснование предложения, выделена, но фамилия оратора не названа («Вперед», т. III, стр. 95 — 96). На письме Лаврова имеется пометка Юнга: «Faust tolerated», которую, повидимому, следует толковать в том смысле, что в столкновении между государственниками-немцами и анархистами-юрцами инициатива компромиссных предложений принадлежала Фаусту-Керсту.

[56] Федерация долины Vesdre, по данным бельгийской полиции в 1870 г., охватывала секции Verviers, Dison, Cornesse, Justenville, Poleve, Petit Rechain, Fusival, Pepinster, Wegnez, Tuneux, Lambermont, Stembert и Herve (сводная записка об Интернационале в Бельгии, данная в «Polizeiberichte», Bruxelles, № 69, имеется в деле берлинского полицей-президиума о «Бебель-Либкнехтовской социал-демократической партии», т. I, хранящемся ныне в Тайном прусском государственном архиве). Делегатом этой федерации, а следовательно и секции в Вервье, на Брюссельском конгрессе 1874 г. был Пьер Бастен, ткач.

[57] Швейцарским делегатом был действительно один А. Швицгебель, но «предложение коллективистов», как уже сказано, было внесено не им, а Верриккеном.

[58] К этому месту Юнгом сделана пометка: «Faust» — речь идет, очевидно, о той речи последнего, произнесенной в заседании 11 сентября 1874 г., которая изложена в т. III журнала «Вперед» на стр. 91—92.

[59] Об этой брошюре Лавров говорит в «Летописи рабочего движения» («Вперед», т. III, стр. 109):

«Перед самым концом этой главы мы получили небольшую французскую брошюру, озаглавленную: «Рабочему классу от революционного комитета пролетариата». Комитет этот объявляет, что он примыкает к принципам Интернационала (почему же не к самому Интернационалу?), объявляет себя приверженцем коммунизма, атеизма и высказывает стремление к централистической организации рабочих всех стран для социальной революции. Насколько нам известно, это — небольшая группа, не имеющая будущего. Мы поговорим об их программе в следующей книжке».

Последнего своего обещания Лавров не исполнил и к этой брошюре нигде больше не возвращался. Нам она неизвестна, но экземпляр тех «статутов», опубликованных 21 августа 1872 г., на которые в ней, судя по письму Лаврова, сделана ссылка, имеется в библиотеке Института К. Маркса и Ф. Энгельса («Comité révolutionnaire du prolétariat». Londres. Imprimerie de Graag et C°. 59. Greek-Street, Soho. 8 стр. in 16°); из этих статутов видно, что речь в данном случае идет о группе рабочих-бланкистов, заостренно-резко подчеркивавших и свой бланкизм («власть политическая необходима для проведения реформ экономических, требуемых пролетариатом, поэтому вопрос политический и вопрос социальный неразрывно связаны и являются только двумя сторонами одного и того же вопроса», стр. 3), и свое антиинтеллигентское настроение (по уставу, членами группы могли быть только лица, живущие своим трудом). Группа эта не оставила по себе заметного следа: о ней нет упоминаний и у французских историков-бланкистов — у да-Коста и Зэваэса.

Из фамилий лиц, подписи которых стояли под брошюрой, одной разобрать не удалось, да и за правильность расшифровки некоторых других (а именно тех, которых нет под печатными статутами) ручаться трудно; особенности почерка П. Л. Лаврова достаточно хорошо известны.

[60] Николай Константинович Судзиловский (Руссель) — известный революционер-семидесятник (об его богатой приключениями жизни см. статью Е. Е. Лазарева «Гавайский сенатор» в № 6 «Былого» за 1917 г.). В 1874 г. ему удалось бежать от ареста во время обысков в Николаеве, Самарской губ., и скрыться за границу. В Лондон он прибыл в конце 1874 г. (23 января 1875 г. он уже выступал на митинге в годовщину польской революции, — см. журнал «Вперед», № 3, стр. 90), именно к этому времени и относится данное письмо.

В Америку тогда Судзиловский не поехал, а перебрался в 1875 г. в Румынию, где принимал зимой 1875 — 1876 гг. участие в подготовке похода четы Х. Ботева на Болгарию (об этом свидетельствует его неизданное письмо к Ралли, ср. также

книгу Волкова: «Х. Ботев», стр. 200, и статью Бакалова в т. II «Летописей марксизма»).

[61] Emile Laveleye (1822 — 1892) — писатель по политическим и экономическим вопросам, автор известной книги «Современный социализм» (1881 г., есть русский перевод); о какой его работе говорит Лавров, выяснить не удается, так как до 1874 г. им выпущен целый ряд книг, которые могли интересовать Лаврова (напр. «De la propriété», 1873 г.; «Essais sur les formes du gouvernement dans les sociétés modernes», 1872 г., и др.), а ссылок на Лавелэ в статьях Лаврова в т. III журнала «Вперед» (о котором говорится в письме) не имеется.

[62] Речь идет о т. III журнала «Вперед», который вышел в самом конце 1874 г.; это определяет дату письма.

[63] Фамилия Klawer нам неизвестна, — повидимому, это псевдоним одного из тех довольно многочисленных эмигрантов 70-х годов, которые отправлялись в Америку в ожидании найти там подходящую почву для социалистической работы; в 1874 — 1876 гг. в Америке находились: В. Гейне (Фрей), Н. В. Чайковский (Н. Грей), «нечаевцы» Вл. и Наталья Святские (Right), С. Клячко, Ив. Л. Линев и мн. др. (см. их письма в архиве журнала «Вперед» и др.).

[64] Лавров, несомненно, имеет в виду Soho—рабочий район на западных окраинах Лондона. О какой именно секции он спрашивает, нам установить не удалось: в районе Soho помещалась квартира известного Kommunistischer Arbeiter-Bildungsverein, но адрес его, по крайней мере в 1879 г., был иной (6, Rose Street, Soho Square, W.).

[65] «Beehive» — «The Beehive Newspaper», лондонская рабочая газета (о ней см. у Д. Б. Рязанова: «Возникновение I Интернационала», «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I, стр. 170).

[66] Письмо это — единственное из всей пачки — написано на официальном бланке редакции «Вперед» (с напечатанным текстом: Publishing office of «Forward», Russian Newspaper, 3, Evershot Road, Tollington Park).

[67] Jean Lineff — Иван Лонгинович Линев («Американец»), принимавший участие в студенческих волнениях 1861 г.; в конце 1860-х годов эмигрировал в Америку, где провел несколько лет; после возвращения в 1875 г. года два прожил за границей, а затем вернулся нелегально, по американскому паспорту, в Россию, принял участие в организации землевольческого «поселения» в Нижегородской губ. (Квятковский, И. Каминер и др.; письма его с этого поселения сохранились в архиве журнала «Вперед»); арестованный в 1878 г., был сослан в Восточную Сибирь и умер на обратном пути оттуда в 1885 г. (о нем см. в воспоминаниях Н. С. Тютчева, т. II, изд. «Историко-революционной библиотеки», Москва, 1925 г., стр. 30 и сл.).

Его брат — Александр Лонгинович Линев, заведывавший в 1873 — 1876 гг. технической стороной издательства «Вперед» (ум. в 1918 г.); о нем см. статью П. А. Кропоткина в газете «Свобода России» («Русские ведомости»), Москва, № от 16 июня 1918 г.

[68] Год указан предположительно.

[69] Установить, о ком идет речь, не удалось; среди деятелей лондонского Kommunistischer Arbeiter-Bildungsverein как раз около этого времени довольно заметную роль играло лицо с похожей фамилией — P. Woitscheck (в апреле 1880 г. он был выбран библиотекарем этого общества; см. доклады полицейских агентов о деятельности последнего в деле берлинского полицей-президиума о «социал-демократических и коммунистических рабочих обществах в Лондоне», т. III); не исключена возможность, что Лавров здесь и ниже просто ошибся в начертании мало знакомой ему фамилии.

[70] Валериан Николаевич Смирнов (в эпоху журнала «Вперед» пользовавшийся псевдонимом Ноэль) (1848 — 1900) — ближайший помощник Лаврова по редактированию журнала «Вперед», автор статей «Революционеры из привилегированной среды», «Солдатчина» и мн. др.; после выхода из редакции Лаврова он продолжал издание журнала «Вперед» (им вместе с Н. Г. Корецким выпущен том V). Подробнее о нем см. в примечаниях П. Витязева к брошюре «Письма П. А. Кропоткина П. Витязеву», Петербург, 1921 г.

[71] Фамилия Новаковича нам совершенно неизвестна; Моттелером к соответствующему месту письма Лаврова сделана сноска: «Ein Serbe» (серб).

[72] Известные сборники, выходившие под редакцией Гехберга (Рихтера) в 1879 и 1880 гг.; статья Лаврова напечатана в томе за 1879 г. (русский перевод ее напечатан в «Каторге и ссылке», № 1 за 1925 г.).

[73] Фамилия написана несколько неразборчиво, — может быть, и Barrois и Barrais; если читать нужно Barrois, то возможно, что это — один из членов той группы рабочих-бланкистов, о которой речь шла выше (примечание 59, письмо 15); один Barrois значился в списке членов исполнительного комитета этой группы.

В. ПОПОВА

ОБЗОР СТАТЕЙ О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ В ГЕРМАНСКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЗА 1925—1928 гг.

1. Lewinsky, W. «Marxismus, Erkenntnis und Weltanschauung». («Die Gesellschaft». 1926, № 12.) — 2. Rühle-Görstel, A. «Der Marxismus im Lichte des Marxismus». («Die Aktion». 1925, H. 5.) — 3. Wagner. «Der Marxismus im Lichte des Marxismus». («Die Aktion». 1925, H. 6.) (Ответ А. Рюле.) — 4. Linke, P. «Sozialismus und Philosophie». («Sozialistische Monatshefte». 1927, Bd. 64.) — 5. Mertens, M. «Neo-Marxismus contra Materialismus». («Monistische Monatshefte». 1926, февраль — март.) — 6. Lange, M. «Materialismus und materialistische Geschichtsauffassung». («Monistische Monatshefte». 1926, июнь.) — 7. Grünberg, K. «Materialismus als Universitätswissenschaft». («Arbeit und Wirtschaft». 1925, H. 6.)— 8. Wendorff, G. «Dialektik und materialistische Geschichtsauffassung». («Historische Vierteljahrsschrift». 1922 — 1923, Jg. XXI, H. 2.) — 9. Bücklíng. «Die Elemente der Hegelschen Geschichts- und Rechtsphilosophie im Marxismus». («Schmollers Jahrbuch». 1919, H. 3.) — 10. Rimann, P. «Was ist Dialektik?» («Monistische Monatshefte». 1928, сентябрь). — 11. Jenssen, O. «Mechanischer und historischer Materialismus». («Monistische Monatshefte». 1928, февраль.) — 12. Jenssen, O. «Von Hegel zu Marx». («Monistische Monatshefte». 1928, январь). — 13. Erhardt, Ph. «Materialistische Geschichtsauffassung». («Philosophie und Leben». 1926, H. 1.) — 14. Aster. «Zur materialistischen Geschichtsauffassung». («Die Gesellschaft». 1924, № 8.) — 15. Jenssen, O. «Historischer Materialismus und freigeistige Bewegung». («Monistische Monatshefte». 1927, февраль.) — 16. Heinrich, H. «Die Bedeutung des Unbewussten im historischen Materialismus». («Die Gesellschaft». 1927, № 4.)

Обзор этот не претендует на исчерпывающую полноту. Он не затрагивает статей, касающихся экономической стороны марксизма, равно как и тех, которые трактуют специально вопросы государства и права.

I. Сущность марксизма

Первый вопрос, с которым мы необходимо сталкиваемся, есть вопрос о самой сущности марксизма. Что такое марксизм? Является ли он мировоззрением или теорией познания, особой наукой или только «принципом исследования»?

Именно этот вопрос ставит в своей статье Владимир Левинский, отвечая на него весьма определенно: марксизм не есть теория познания, ибо всякая теория познания занимает промежуточное место между метафизикой и наукой; марксизм не есть и мировоззрение, так как он вовсе не устанавливает общей картины мира; марксизм есть наука о фактах социальной жизни — социология и только. «Это все, что нам может дать марксизм, и мы должны этим удовлетвориться», — пишет он.

Таким образом, В. Левинский считает марксизм социологией. В любопытной, довольно острой, но поверхностной статье Алисы Рюле-Герштель «Марксизм в свете марксизма» мы найдем другую точку зрения. По мнению этого автора, марксизм есть только метод, помогающий нам лучше всех других методов ориентироваться в окружающей нас действительности. Он не догма, а лишь вспомогательная гипотеза, весьма полезная нам в нашей борьбе за существование. Мы не знаем и не можем знать сущности вещей и сущности действительности (высказывает автор свое основное положение), да нам и не нужно знать этого. Для сохранения и развития нашей жизни нам достаточно рассматривать мир «als ob», он развивается диалектически, как нас учит марксизм.

Бюклинг в своей большой и небезынтересной статье «Элементы гегелевской философии истории и философии права в марксизме» высказывает мысль, что марксизм есть общее мировоззрение, имеющее свою особую теорию познания и свой метод исследования явлений. Однако это само по себе правильное утверждение не гарантирует еще автора от больших ошибок в суждениях относительно философских основ марксизма, о чем речь будет дальше.

Подобно Бюклингу, Мертенс также считает марксизм мировоззрением. Таковы в самых кратких и общих чертах основные воззрения на сущность марксизма: а) марксизм, это — социология; б) марксизм, это — «вспомогательная гипотеза», «метод» для ориентации в действительности; в) марксизм, это — философия.

Между тем марксизм не есть только социология, или исторический материализм (причем является еще спорным, можно ли исторический материализм считать социологией), он не есть только «метод», как не есть и только философия.

Марксизм есть прежде всего диалектический материализм; авторы, отождествляющие марксизм с историческим материализмом, не учитывают того, что исторический материализм является лишь частью диалектического материализма, как методологии, в его применении к явлениям социальной жизни.

Что касается утверждения, будто марксизм есть «вспомогательная гипотеза», полезная для жизненной ориентации, то прежде всего надо заметить, что марксизм, как диалектический материализм, не есть «гипотеза», а исходящая из практики и на ней основывающаяся теория; он не дает нам никакой картины мира в стиле философии «als ob», но исследует конкретные факты жизни природы и жизни общества, предмет познания для него — объективная реальность.

Из фактов, из жизни, из опыта, из практики вырастает марксизм, и ими он подтверждается; попытка Алисы Рюле интерпретировать марксизм в духе философии «als ob» должна быть отвергнута.

Наконец, третья трактовка марксизма: марксизм есть философия. Нужно заметить, что авторы, считающие марксизм общим мировоззрением, не доказывают этого своего положения (как, впрочем, и те, которые отождествляют его с историческим материализмом). Правы ли они в своем утверждении? Если оставить в стороне внутреннее содержание, которое они вкладывают в понятие «общее мировоззрение», и взять вопрос лишь формально, то они правы. Конечно, марксизм есть общее мировоззрение — философия.

Марксизм — диалектический материализм — является всеобъемлющей теорией, синтезом философского материализма и диалектики,

синтезом, выросшим на основе всей совокупности данных наук и практики.

Левинский, который сводит, как мы уже видели, марксизм к социологии, выставляет против взгляда на марксизм как на мировоззрение то положение, что всякое мировоззрение «конструирует картину мира», чего не делает марксизм. Что значит «конструировать картину мира»? Значит ли это создавать произвольную картину мира? Автор, повидимому, думает именно так. В таком случае марксизм, конечно, не есть мировоззрение, так как он отнюдь не «создает» никаких конструкций, никаких догм. И когда Линке говорит о том, что философии марксизма угрожает «догматическое окаменение», если она не будет дополняться и подновляться современными идеалистическими учениями, то этим доказывается только то, что он плохо читал (если вообще читал) Маркса и Энгельса. Диалектический материализм есть, прежде всего, методология, а не готовая «система» знания.

II. Философские основания марксизма

Рассматривая вопрос о «философских и гносеологических основаниях марксизма», Алиса Рюле-Герштель пишет: «В марксизме имеются два главных момента: во-первых — положение: сознание людей определяется их бытием..., во-вторых — закон диалектики, внутреннего противоречия».

Таким образом, она как будто вполне правильно указывает на те элементы, из синтетического единства которых состоит марксизм, — материализм, с одной стороны, и диалектика — с другой.

Но дальнейшие ее рассуждения совсем не убедительны.

Как учил нас сам Маркс, — говорит она, — всякая наука есть часть общей идеологии определенной эпохи и является «надстройкой» над определенной системой хозяйства; следовательно, и марксизм, или материалистическое понимание истории, есть часть общей идеологии определенной эпохи. Этой эпохой является эпоха капитализма. Маркс гениально понял и представил в своем учении сущность капиталистической эпохи, противоречия, заключенные в ней, и наметил выход из этих противоречий. Но все же его учение — продукт своей эпохи и верно без оговорок лишь для нее. А дальше? А дальше возникает вопрос: применим ли диалектический закон развития, являющийся двигателем в капиталистическом обществе, к социализму? Явится ли социализм последней, окончательной фазой развития истории? «С нашей диалектической точки зрения, — говорит Алиса Рюле, — согласно которой мы считаем историю бесконечным процессом развития, мы не можем иметь такой надежды. По закону диалектики и бесклассовое общество — социализм — сойдет со сцены. Что будет следовать за ним — мы не знаем».

Однако Алиса Рюле не останавливается на таком решении вопроса относительно диалектики и социализма. Она находит, что есть еще более марксистский подход к этому вопросу; так как, по Марксу, всякая идеология, а также, следовательно, и всякое понимание истории, обусловлено известным состоянием хозяйства и общественного порядка, то «материалистическое понимание истории и диалектика выросли из капиталистической системы хозяйства и общества и погибнут вместе с ней.

И отсюда она делает уже известный нам вывод, что марксизм является лишь «вспомогательной гипотезой», пригодной для ориентации в жизни в определенную эпоху, и ничем иным быть не может.

Не останавливаясь сейчас на критике этих положений Алисы Рюле, переходим к авторам других статей и постараемся выяснить их взгляды на философские основы марксизма.

В статье «Неомарксизм против материализма» Мертенс подчеркивает одну из необходимых составных частей марксизма, а именно материализм. Статья Мертенса распадается на две части, из которых одна посвящена критике Отто Бауэра, а другая — Макса Адлера. По мнению Мертенса, Отто Бауэр хочет преодолеть материализм и превратить «монистически-материалистическое марксистское мировоззрение в вырывающий с корнем всякую объективную истину метафизический идеализм».

О. Бауэр ставит на голову марксистскую диалектику, — пишет далее Мертенс, — утверждая, что есть две возможности представить происхождение и развитие мировоззрений: 1) путем «имманентной истории идей», при которой каждый мыслитель завершает мысли своего предшественника, освобождая их от заключающихся в них противоречий, и 2) путем трансцендентной истории идей, т. е. путем изменения жизненных условий (хозяйственной жизни, общественных отношений, хозяйства и права). Мертенс совершенно правильно восстает против «имманентной истории идей», доказывая, что она, в конечном счете, сводится к признанию «имманентных законов развития мышления», к попытке вывести знание из диалектического самодвижения мышления, без какого бы то ни было участия объективной действительности,—попытке, которую так основательно раскритиковали Фейербах и Маркс. Подчеркнув эту ошибку Бауэра, Мертенс указывает, что и с «трансцендентной историей идей» дело обстоит неблагополучно, так как «отношения производства, общественные отношения, государство и право — опять-таки только абстракции, которые, конечно, очень сильно влияют на образ мыслей людей, но, однако, создать из себя объективную действительность они так же не могут, как не может существовать зеркальное отражение без предмета, который оно отражает».

Здесь Мертенс опять-таки указывает на «идеализм» Бауэра и требует, чтобы марксизм не соединяли с идеализмом. Рабочий класс, — заканчивает он эту свою статью, — для успешного ведения освободительной войны нуждается в реалистическом мировоззрении. Идеалистическая философия, это — яд, который господствующие классы предлагают угнетенным; это прекрасно понимал великий революционер Ленин, и потому он с такой страстностью боролся за материализм. Социализм должен быть или материалистическим, или вовсе не быть,— пишет Мертенс. Макс Адлер, — совершенно правильно говорит автор, — является типичным неокантианцем. Чтобы добиться разрушения научного фундамента марксизма и замены его кантовской теорией познания, Адлер объявляет марксизм только социально-экономической теорией. Если это сделано, то в голове людей остается еще место... для веры, что мы и имеем у самого Адлера, в голове которого марксизм преспокойно уживается с философией томизма!

Адлер пишет: «Мышление и бытие в марксизме, точно так же как и в махизме, идентичны, причем Мах, так же как и Маркс и Энгельс,

исходит из примата природы над духом, но только Мах отсюда идет к его учению об элементах мира; Маркс, также и Энгельс, делает из этого не теоретико-познавательные, а практические выводы». Таким образом, по Адлеру, учение Маха об объективности совпадает с учением Маркса и Энгельса. Однако сам же Адлер называет учение Маха «метафизическим материализмом», ибо «элементы» Маха суть «метафизические реальности». И вот с этим-то «метафизическим материализмом» отождествляет Адлер диалектический материализм Маркса и Энгельса! Мертенс вполне справедливо негодует по этому поводу. «Мировоззрение класса, который хочет господствовать в действительности, может быть только монистическим реализмом»,— такими словами заканчивает Мертенс свою статью. К сожалению, автор не объясняет, что̀ значит «монистический реализм» и в каком отношении он находится к марксизму. Высказав несколько весьма дельных и правильных замечаний по поводу того, что философским основанием марксизма может быть только материализм, а отнюдь не идеализм во всех его разновидностях или, вернее, в любой из них, Мертенс не высказывает ясно своей точки зрения. Именно на это указывает М. Ланге в своей статье «Материализм и материалистическое понимание истории». Сам Ланге заявляет, что у марксизма есть общее с... «материализмом, позитивизмом, реализмом и прагматизмом, а именно — натурализм, ограниченность посюсторонностью, здравая оценка реальных фактов истории». По мнению Ланге, Маркс и Энгельс и были натуралистами. И если они определяли марксизм как «диалектический материализм», то нет решительно никакой причины держаться именно за такое определение марксизма! Ланге настойчиво повторяет, что в марксизме еще много остатков буржуазного мышления, что пролетариату необходимо от них освободиться и выработать свое собственное мировоззрение, пользуясь при этом диалектическим методом, без которого марксист неизбежно превращается в догматика и иррационалиста.

Свою статью Ланге заканчивает характернейшим заявлением, в котором он противопоставляет марксизм материализму как метафизике.

«Марксистская система основана не на метафизических воззрениях, и связь материалистического взгляда на историю с материализмом вовсе не есть необходимая связь». Точно такое же утверждение мы находим и у Карла Грюнберга, который пишет:

«Прежде всего нужно констатировать, что материалистическое понимание истории не есть философская система, метафизика, и не хочет ею быть; что оно вообще не имеет с материализмом никакого дела. Философский и исторический материализм не имеют ничего общего».

Итак, материалистическое понимание истории существует само по себе и не нуждается ни в каком материализме.

Точно такой же взгляд высказывает и Франц Эрхард, по мнению которого материалистическое понимание истории вовсе не необходимо связано с материализмом.

Отто Иенсен в своей статье «Механический и исторический материализм» высказывает такое же положение. Марксизм, по его мнению, может быть связан не только с материализмом, но и с махизмом и неокантианством. «Диалектический материализм, — говорит он, — есть смесь естественно-научного или, лучше сказать, механического материализма с историческим материализмом». Прини-

мая исторический материализм, автор отвергает механический материализм, который он без всяких оговорок отождествляет с естественно-научным материализмом 50-х годов XIX столетия и хочет заменить его махизмом. Роберт Риман предлагает дополнить исторический материализм «химическим» материализмом. Еще Фейербах, — пишет автор, — под влиянием химического материализма Молешотта, говорил: «Человек есть то, что он ест». А если это же самое положение высказать в более общей форме — «духовные процессы объясняются телесными потребностями и способом их удовлетворения»,— то, по Риману, под эту формулировку подпадет не только химический и исторический материализм, но и психоанализ. Такой пестрой амальгамой химического материализма, психоанализа и исторического материализма представляется автору марксизм. Совершенно очевидно, что Риман бесконечно далек от понимания сущности марксизма и, как увидим ниже, диалектики.

Чтобы кончить с разбором вопроса о связи марксизма с материализмом, укажем еще на одну статью, а именно на статью Бюклинга «Элементы гегелевской философии истории и философии права в марксизме». Автор пишет: «Философия истории Гегеля покоится, в конце концов, на его общефилософских положениях. Марксизм, в противоположность Гегелю, определяет свою философию как материализм и в этом видит основное отличие от него». Материализм, по мнению Бюклинга, необходимо связан с механическим воззрением на природу: все совершающееся есть только определенное движение частиц материи. Из этого следует такое теоретико-познавательное заключение: мышление адэкватно самим вещам. А этому учил и Гегель! — восклицает автор. Как у Гегеля, так и у Маркса философия истории покоится на общефилософских положениях. Основное положение марксизма — экономическая структура общества образует базис для права, религии, философии и т. д. — вытекает из философского принципа: «сознание людей определяется их бытием». Законы движения в природе и законы движения в обществе — одни и те же. Но вытекает ли отсюда, что закон движения истории имеет материалистическую природу?— спрашивает Бюклинг.—Не объясняется ли материалистически лишь единичное движение, только перемена места частиц материи? Конечно,—заключает автор,— материалистическая философия может рассматривать все явления мира как слепо механический процесс, но подобный взгляд никак не может относиться к рассмотрению развития истории.

К истории надо подходить совсем иначе — тут надо исходить из «человека и его особенностей», — говорит Бюклинг.

Переходим к вопросу о диалектическом методе в марксизме.

Некоторые авторы просто умалчивают о диалектике, как будто ее вовсе и нет. Такова позиция Эрхарда; другие, как Грюнберг и Алиса Рюле, считают ее необходимой составной частью марксизма, но, не анализируя самого понятия диалектики, этим ограничиваются. Впрочем, Алиса Рюле весьма недвусмысленно дает понять, что диалектика, которую она сводит к закону противоречия, вырастает лишь на почве капиталистического общества и применима лишь в пределах этого общества. Она не придает диалектике значения всеобщего закона развития природы и истории. При этом, как вполне основательно замечает оппонент Алисы Рюле — Вагнер, она то считает диалектику составной частью материалистического понимания истории, то признает ее полную независимость от него.

Является ли закон противоречия диалектики лежащим в самой основе мира? — спрашивает она и отвечает: если дать утвердительный ответ, то это значит высказать некоторую догму, а для меня нет никакой обязательной догмы: «ни церковной, ни философской, ни марксистской».

Автор высказывает ту мысль, что сознание по самому существу своему диалектично; все случающееся в мире и проходящее через сознание принимает необходимо диалектическую форму, поэтому диалектика должна проявляться и в истории человеческого общества. Блестящий пример формально правильно построенного силлогизма и... идеалистического понимания диалектики!

Мертенс и Ланге — оба признают значение диалектики для марксизма, но не показывают в своих статьях, что, собственно, они понимают под диалектикой. Впрочем, некоторые, правда лишь косвенные, показания относительно понимания диалектики мы встречаем у Мертенса. Критикуя Отто Бауэра, он говорит, между прочим, что последний поставил марксистскую диалектику на голову своим учением об имманентной истории идей (о чем речь была выше), изобразив диалектику как «диалектическое самодвижение мышления»; следовательно, сам Мертенс различает гегелевскую и марксистскую диалектику.

То же самое относится и к Левинскому, который считает материалистическую диалектику основным элементом марксизма, приводя лишь цитаты о диалектике из предисловия к первому тому «Капитала». Впрочем, Левинский делает маленькое, но очень значительное признание относительно диалектики. Он пишет: «Три момента марксова мышления,— позитивная действительность, практика и диалектика, которую мы понимаем как эволюцию,— отличают марксизм, как научное направление мысли, от всех до сих пор бывших общих направлений мысли».

И это признание вырывается у него через несколько строк после цитаты из Маркса о «революционности» диалектики. — Лишнее доказательство полного непонимания истинной сущности диалектики вообще и материалистической диалектики в частности.

Бюклинг, считая диалектику составной частью марксизма, указывает на то, что диалектика у Гегеля и диалектика у Маркса, это — две совершенно различные вещи. В чем их основное отличие — этого автор не разъясняет, ссылаясь лишь на то, что для Гегеля диалектика была саморазвитием понятия, а для Маркса «методом» при рассмотрении определенных конкретных вопросов. Это объясняется, по его мнению, тем, что гегелевский «диалектицизм» (выражение Бюклинга) содержит в себе принцип абсолютного знания, в то время как «диалектицизм» марксизма исследует только относительные истины.

Не больше — если только не меньше — понимания диалектики проявляет и Вендорф в своей обширной статье «Диалектика и материалистическое понимание истории».

«Диалектика,— пишет он,— была тем элементом гегелевской системы, который левые ученики его сделали основным пунктом своих философских систем; диалектика была и для Маркса основным законом развития. Признание значения диалектики для теоретической системы марксизма так же старо, как признание ее зависимости от Гегеля. В кругах социалистов долгое время протестовали против этого признания, боясь уничтожить оригинальность системы Маркса. Только тогда,

когда Бернштейн в «Neue Zeit» и в своей книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1898 г.) объявил войну ортодоксальному марксизму, это признание диалектики нашло место в кругах социалистической интеллигенции. Сам же Бернштейн, как и Вольтман, считали себя свободными от диалектических элементов мышления. Но далеко не все (с грустью отмечает автор) сохранили за собой эту самостоятельность суждений, большинство находилось под влиянием марксова учения о диалектике; некоторые из них, вслед за Плехановым, распространяли диалектику как на природу, так и на общество; другие, вместе с Максом Адлером, распространяли ее только на общество. И ныне мы видим огромное по своим размерам направление, считающее диалектику социологическим законом исторического развития и конструирующее историческую жизнь по схеме диалектики». Вендорф задается вопросом, действительно ли диалектика является законом исторического и общественного развития?

Для этого он останавливается сначала на гегелевской диалектике. Он полагает, что можно различать три значения гегелевской диалектики.

I. Диалектика, это — метод философствования.

II. Диалектика, это — закономерность субъективного мышления.

III. Диалектика, это — порядок вечных определений мировой целостности.

«Совершенно правильно, — говорит Вендорф, — видят в диалектике центральный пункт гегелевской системы, но при этом впадают в ошибку, придавая этому понятию развития не-гегелевское значение, приравнивая его к современному естественно-научному дарвиновскому понятию развития и делая из диалектики закон развития естественного мира» (стр. 143).

Чем обосновывает Вендорф свое утверждение? Тем, что диалектика для Гегеля есть самораскрытие уже данного содержания, саморазвитие различных определений мышления, уже заключенных в понятии. Развитие бытия, по Гегелю, вневременно, оно чистое движение понятия, это не линия, а замыкающийся в себе круг. И гегелевское обогащение саморазвивающегося понятия все новыми и новыми конкретными определениями не обусловлено его системой и не вытекает из нее.

Словом, диалектика в мире природы, по Гегелю, не имеет значения. Иное дело в истории, где дух, в противоположность природе, имеет своими предметами бытие духа в различных формах. Там диалектика находит свое место. Далее Вендорф излагает философию истории Гегеля, часто указывая на то, что диалектическая триада очень мало где выражена Гегелем с ясностью, что вообще трудно найти яркие примеры диалектики. Свое изложение философии истории автор заканчивает следующими словами:

«Мы приходим, таким образом, к заключению, что гегелевская диалектика истории не есть закономерность причинной связи исторических явлений. Она не есть тот принцип порядка, пользуясь которым можно было бы исследовать факты эмпирической истории. Она есть скорее существенная составная часть гегелевской метафизики, имеющая значение и смысл только с точки зрения его философии и только внутри нее. Вне его системы нет никакой диалектики (в его смысле) как исторического закона, и только тот должен принять это гегелевское понятие в свое мышление, кто всецело стоит на почве его мировоззрения и принимает все его предпосылки» (стр. 158).

Так называемые «младогегельянцы» подвергли философию истории Гегеля

преобразованию в двух направлениях. Во-первых, они свергли с трона идею и похитили у «народного духа» его метафизический характер, понимая его как сумму действующих и развивающихся сил народа. Во-вторых, они заменили гегелевское понятие развития рационалистическим понятием прогресса. С таким пониманием истории, конечно, исчезает всякая возможность употреблять диалектику Гегеля в гегелевском же смысле, потому что больше уже нет того всеобщего, которое само себя полагало бы и путем самоотрицания восходило бы к высшим ступеням развития. Однако младогегельянцы ухватились за диалектику, считая ее присущей исторической жизни и видя в ее революционности залог воплощения в жизнь своих политических идей. Как борьбу косного элемента в жизни общества с элементом, отрицающим status quo, понимал диалектику и Бруно Бауэр — друг Маркса, сильно повлиявший, по словам Вендорфа, на философию последнего. «Не нуждается в дальнейшем разъяснении, — продолжает Вендорф, — что это понимание истории совершенно отлично от гегелевского. Говорить о диалектике в гегелевском смысле нельзя, так как тут отсутствует субстрат-дух, делающий возможным все развитие, ибо все вещи суть его объективация. Ведь народный дух младогегельянцев не есть вовсе единый дух Гегеля!» Итак, младогегельянцы, отвергнувшие систему Гегеля, восприняли вместе с тем его философию истории, и в этом их ошибка. Они неправильно поняли и изложили ее, и поэтому мы можем считать их историческую теорию, и прежде всего их понимание диалектики, как основного закона развития истории, объективно ложными (стр. 16).

Все характерные особенности младогегельянского понимания истории находятся и в марксизме, основной мыслью которого и является антагонистический характер общественного развития. Автор утверждает, что Маркс взял диалектику не у самого Гегеля, а у младогегельянцев, и именно в том смысле, в каком они ее употребляют. Таким образом, Марксу вовсе не принадлежит заслуга преобразования гегелевской диалектики, — он просто-напросто воспользовался тем ее пониманием, которое в 40-х годах носилось, так сказать, в воздухе и было высказано до него. В самый же дух гегелевской философии истории Маркс, по мнению Вендорфа, никогда не проникал достаточно глубоко, и чем больше под влиянием действительности выступал в нем реалист и исчезали последние остатки гегелевской философии, тем более диалектика становилась для него пустой схемой, формой без содержания, тем более ему казалось, что диалектика является неразрывной составной частью его мышления (стр. 171).

Из рассуждений Вендорфа выясняется следующая поучительная картина: сперва у Маркса появилась диалектика в виде пустой формы без содержания, затем эта пустая форма, под влиянием учения Штейна, французских и английских социалистов и изучения политической экономии, быстро начала заполняться «реальным содержанием», и так образовался марксизм. То обстоятельство, что учение Маркса очень скоро выступило в форме законченной системы, объясняется именно тем, что «диалектика, как пустая форма, уже лежала в духе Маркса, как бы ожидая наполнения ее реалистическим содержанием» (стр. 172).

Маркс, — говорит Вендорф, — совсем не замечал, на какую скользкую почву он вступал со своей материализацией диалектики. Он не замечал того, что, если он хотел оставить в своей материалистической системе диалектику, то ему прежде всего надо было бы доказать ее raison d'être, обосновать ее и показать на конкрет-

ных примерах ее применение. Ничего этого Маркс не сделал. Для него диалектика никогда не была проблемой, так как она являлась необходимой составной частью его мышления, а не выросла на эмпирической почве. Таков вывод, к которому приходит Вендорф.

Довольно своеобразное понимание диалектики обнаруживает Роберт Риман в своей статье «Что такое диалектика?» Автор во всеоружии своего монистического мировоззрения (он принадлежит к тем монистам, которые группируются около «Monistische Monatshefte») приступает к анализу диалектики. Прежде всего он останавливается на диалектике Платона, у которого она была не чем иным, как искусством вести диалоги. Вкратце указывая на теорию познания Платона, основой которой является его учение о воспоминании душою того, что она созерцала в мире идей до своего падения в мир слез и горя, автор говорит, что диалектика Платона являлась средством освобождения от презренного материализма и возвышения души к миру идей (стр. 299). Следующим философом, у которого диалектика стала альфой и омегой его системы, был Гегель. Останавливаясь довольно подробно на диалектике Гегеля, Риман не выказывает при этом достаточного ее понимания. Он считает сущностью гегелевской диалектики триаду и ни слова не говорит о единстве противоположностей, противоречии, скачках... Маркс и Энгельс заимствовали у Гегеля диалектику, не поставив ее на ноги. По мнению автора, Маркс и Энгельс и все вообще марксисты просто-напросто «кокетничают» диалектикой Гегеля. Приведя известную цитату Энгельса о том, что диалектика есть учение об общих законах движения в природе и обществе, Риман говорит, что это определение диалектики он никак не может считать ясным (стр. 306), так как законы движения в природе и законы движения в обществе совершенно различны. По мнению автора, закон противоречия утверждает, что нельзя быть в одно и то же время и старым, и молодым, причем юность отнюдь не превращается в старость с той внезапностью, о которой говорит диалектика. То же следует сказать и относительно таких понятий, как ложь и истина, и т. п. — в одно и то же время положение не может быть и истинно, и ложно. Автор пишет: «Ведь это просто игра словами, когда говорят: это положение было истинным в течение десятка лет, теперь же оно стало ложным, оно, следовательно, по своему существу не было ни истинно, ни ложно. Или диалектика должна быть только другим выражением того факта, что под луной нет ничего постоянного» (стр. 306).

Что касается утверждения марксизма относительно диалектики в природе, то здесь, по мнению автора, мы имеем дело только «с кокетничанием гегелевской манерой выражаться», ибо именно природа и естествознание, как наука о природе, ясно доказывают всю нелепость гегелевской диалектики. В самом деле, где в природе мы найдем триаду? — Нигде. Как только диалектика направляется на естествознание, она превращается в бессмысленную игру словами (стр. 307). Никакое развитие в природе не совершается через тезис — антитезис — синтез. Естествознание полагает предел всякому гегельянству. К чему же, собственно говоря, сводится диалектика в марксизме? Риман пишет: «Диалектика есть превращение энергии и дарвинизм в области естествознания, противоречие между производительными силами и производственными отношениями в области хозяйственной жизни, классовая борьба — в политической области» (стр. 308). Автор

предлагает просто выбросить слово «диалектика» из всех этих областей как совершенно ненужное и ничего не объясняющее. От этого совершенно не пострадает сущность марксизма, который будет зато освобожден от ненужного гегельянства. Итак, как мы видим, Риман против диалектики или, по крайней мере, против слова «диалектика», как он нас старается уверить. Однако автор считает, что есть одно понимание диалектики для него приемлемое, это — понимание Каутского. Что же это за понимание? Каутский определяет диалектику как процесс, начинающийся с утверждения, переходящий затем к отрицанию и кончающийся отрицанием отрицания. Однако третьей стадии процесса часто нехватает, и, как указывает Каутский, сами Маркс и Энгельс очень редко говорили о синтезе, что̀ отнюдь нельзя считать случайным. «Синтез, — говорит автор, — вообще должен быть выброшен, поскольку хотят превратить консервативное учение Гегеля о государстве в революционный марксизм» (стр. 308). Диалектика же, имеющая дело лишь с тезисом и антитезисом, перестает быть диалектикой, — восклицает Риман. И только Каутскому удалось найти настоящее преодоление антитезиса, ибо он считает диалектический процесс «борьбой познающего и сознательно действующего существа с противостоящим ему окружающим миром (Umwelt)» (стр. 309). Для Каутского я — тезис; окружающий мир — антитезис, а победа, преодоление его познающим я — синтез. Таким образом, для Каутского двигателем диалектического процесса является взаимодействие мыслящего человека и окружающего его мира. «Нам, монистам, — пишет автор, — понятна и симпатична та высокая оценка естествознания и техники, какую мы встречаем у Каутского» (стр. 309). Заканчивает Риман свою статью призывом изгнать из употребления слово «диалектика», которое только запутывает сущность дела благодаря своей многозначности. Ведь диалектика Платона, Гегеля, Маркса и Энгельса и Каутского, это — совершенно различные диалектики, и никак нельзя всех их называть одним и тем же словом.

Совершенно неудовлетворительной является попытка Отто Иенсена доказать положение о зависимости Маркса и Энгельса от Гегеля, которую он предпринимает в статье, носящей громкое название «От Гегеля к Марксу». Поводом к этой попытке Иенсена явился выход первого полутома собрания сочинений Маркса и Энгельса в издании Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Совершенно справедливо отмечая, что этот полутом дает богатый материал для изучения раннего периода философского развития основоположников марксизма, Иенсен останавливается лишь на одной статье — «К критике гегелевской философии права» и, приведя из этой статьи хорошо известную цитату о религии, замечает: «Здесь мы имеем классическую форму перехода от Гегеля к Марксу». И это все! Поистине жалкий результат изучения богатейшего материала, который дает нам изданный полутом. Такова в общем интерпретация и критика философских основ марксизма у авторов перечисленных статей.

III. Исторический материализм

И здесь мы должны отметить прежде всего, что все авторы касаются главным образом отношения между базисом и надстройками, оставляя в стороне другие проблемы исторического материализма.

Вендорф бросает об историческом материализме лишь одно замечание, а именно: «Марксово социальное учение, — пишет он, — рассматриваемое как учение о закономерности развития социальной жизни, есть не система, выросшая индуктивным путем, а философская конструкция».

Почему? Потому, что Маркс подгонял исторические факты под диалектическую схему, — говорит Вендорф.

Вагнер в своем ответе на статью Алисы Рюле говорит, что «материалистическое понимание истории есть не что иное, как познание того факта, что сознание людей определяется их бытием или, другими словами, что материальные потребности, в конечном счете, являются движущими силами развития».

Поэтому следует изгнать из объяснения исторических событий всякий «дух», который является остатком буржуазной идеологии. Это само по себе верное утверждение Вагнер дополняет еще следующим замечанием: в основе капиталистической системы лежит внутреннее противоречие — противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Это внутреннее противоречие представляет особенность капиталистической системы и не может быть распространено на каждую эпоху. Материалистическое понимание истории не имеет ничего общего с этим внутренним противоречием, оно лишь позволяет указать на его причины, и тем самым дает возможность избавиться от этого противоречия. Таким образом, Алиса Рюле не права, считая противоречие внутренней принадлежностью исторического материализма.

Мы уже видели, в чем состоит ошибка Алисы Рюле по отношению к диалектике. Прав ли Вагнер в своих возражениях? И да, и нет. Он прав в своем утверждении относительно обусловленности сознания бытием; но диалектика осталась не понятой им. Дело в том, что он сводит всю диалектику исторического развития к противоречию внутри капиталистической системы. Но что было до нее и что будет после? Разве в развитии до-капиталистического общества не было диалектики? Разве закон диалектического развития вошел в силу только с эпохи капитализма? А где же борьба классов, этот движущий нерв истории? Или до возникновения капитализма, с его расчленением общества на два враждебных класса — капиталистов и пролетариев, — в историческом развитии не существовало классов-антагонистов?

Франц Эрхард в своей статье «Материалистическое понимание истории» решает вопрос: обусловлена ли духовная жизнь и все развитие культуры хозяйственными отношениями? Без сомнения, — утверждает автор, — вся духовная культура зависит от экономических отношений, но из этого вовсе не следует, что теория исторического материализма справедлива. Дело в том, что утверждать «зависимость» культуры духовной от культуры материальной, это — одно, а «обусловливать» первую последней, это — совсем другое. Исторический материализм, обусловливающий духовную культуру экономическими факторами, считающий стремление к приобретению единственным побудительным мотивом всех наших поступков, противоречит человеческой природе. Если в человеке действительно господствует только одно стремление приобретать, то было бы совершенно непонятно, как вообще у него могут возникать другие интересы, — пишет Эрхард. Психологически совершенно неправильно рассматривать все интересы и склонности людей только как модификацию стремления

к приобретению. Наука, искусства, религии происходят из врожденных, внутренних потребностей человеческой природы. Они, правда, чувствуют на себе влияние экономических отношений, но сами, в свою очередь, влияют на них в еще большей степени.

Астер примыкает к этим взглядам, но он еще больше подчеркивает роль психики в развитии истории. «Без руководящего класса не может быть никакой революции; без классового сознания не может быть руководящего класса»; отсюда Астер делает вывод о громадном значении сознания.

Итак, мы видим, что Эрхард и Астер считают исторический материализм несостоятельным оттого, что он будто бы сводит всю духовную культуру к культуре материальной, обусловливает первую второй и совершенно отрицает самостоятельность духовной жизни, видя во всех наших желаниях и стремлениях только модификацию стремления к приобретению. Подобный упрек бросали марксизму ревизионисты с давних пор, и он — столь же стар, сколь и неправилен. В самом деле, где Маркс и Энгельс говорят о том, что стремление к наживе, к приобретению — движущий нерв всех наших поступков?

Бюклинг в статье «Элементы гегелевской философии истории и философии права в марксизме» констатирует наличие некоторых элементов гегелевской философии в марксизме. Как он понимает диалектику марксизма, мы уже видели; указывали мы также и на то, что он считает материализм неизбежно связанным с механическим воззрением, и потому заключает, что марксизм не состоятелен в своем объяснении исторических явлений. Мысль марксизма об изменении общественных отношений благодаря изменению производительных сил, по мнению автора, является лишь плодотворным эвристическим принципом, но не больше.

В чем же видит автор элементы гегелевской философии истории и права в марксизме?

1) Прежде всего в том, — говорит Бюклинг, — что философия истории Маркса также покоится на общефилософских положениях, как и у Гегеля, — у Гегеля на его идеализме, у Маркса — на материализме.

2) У Гегеля мы находим в качестве движущей силы истории процесс саморазвивающегося понятия, у Маркса — экономический фактор. Автор делает отсюда заключение: «Этот эмпиризм экономических условий производства имеет тот же трансцендентный характер, что и гегелевский процесс разума» (стр. 189).

3) Указывая на то, что марксизм придает чрезвычайно преувеличенное значение экономическим факторам, считая их созидательными силами жизни, и ссылаясь в этих своих рассуждениях на Штаммлера, Бюклинг в то же время выдвигает следующее положение: Маркс, по примеру Гегеля, исходит из человека как носителя общественного развития. Для Маркса, как и для Гегеля, ход истории есть диалектическое развитие, совершающееся за спиной единичных людей.

4) Конечною целью как гегелевской, так и марксовой истории является свобода.

Бюклинг находит в марксизме противоречие. «Мысль об эпохе абсолютного самопознания противоречит положению Маркса об «относительности истины», — пишет он. — Там, где нет страсти и борьбы, ослабевают крылья человеческого прогресса».

Таковы элементы гегельянства в марксизме.

Далее Бюклинг утверждает, что Маркс, по примеру Гегеля, исходит из человека как носителя общественного развития. Но ход истории, — добавляет автор,— как для Гегеля, так и для Маркса совершается за спиной единичных людей.

Так ли это?

Для Гегеля мировая история есть «образ и дело разума», она есть проявление мирового духа в о в р е м е н и. Люди и их страсти являются, по Гегелю, средствами, которыми мировой дух пользуется для достижения своей цели — свободы. Страсти людей, их интересы образуют пестрые нити ковра всемирной истории. «Хитрость разума» и состоит в том, что он для достижения своих целей пользуется страстями людей, заставляя их бороться, страдать и погибать за эти цели. Таким образом, для Гегеля история является самораскрытием мирового духа, а люди невольными и бессознательными носителями этого саморазвития. Они — актеры мировой трагедии и играют те роли, которые поручил им мировой дух. «Гегелевская философия истории, — говорится в «Святом семействе», — предполагает существование а б с т р а к т н о г о или а б с о л ю т н о г о духа, который развивается таким образом, что человечество представляет лишь м а с с у, являющуюся бессознательной или сознательной н о с и т е л ь н и ц е й этого духа. Внутри границ эмпирической, экзотерической истории Гегель заставляет поэтому разыгрывать с п е к у л я т и в н у ю, эзотерическую историю... История человечества превращается в историю абстрактного и поэтому для действительного человека п о т у с т о р о н н е г о духа человечества». Иначе обстоит дело в марксизме.

Историю творит не мировой дух, а с а м и л ю д и.

В 3-м тезисе о Фейербахе Маркс упрекал предшествующий ему материализм в забвении того, что «если, с одной стороны, люди представляют собой продукт обстоятельств, то, с другой — обстоятельства изменяются именно людьми».

Действительно, человек и для Гегеля, и для Маркса является носителем общественного развития, но для Гегеля творцом истории остается мировой дух, люди же — актеры, и только с точки зрения марксизма — творцами истории являются сами люди. Для Гегеля мировая история — сцена, на которой роли распределены абсолютным духом. Для Маркса «л ю д и — а к т е р ы и а в т о р ы с в о е й с о б с т в е н н о й д р а м ы» («Нищета философии», Замечание 5).

Таково основное различие философии истории Гегеля и исторического материализма; его-то Бюклинг не приметил или не понял благодаря тому, что сам он стоит, как видно из его статей, на точке зрения идеализма. Ганс Гейнрих в своей статье «О значении бессознательного в историческом материализме», поднимает, подобно Бюклингу, вопрос о связи исторического материализма с философией истории Гегеля, но он ограничивается исследованием лишь одного вопроса — вопроса о роли бессознательного. Истинные причины поступков людей лежат как для Гегеля, так и для Маркса и Энгельса в области бессознательного, но сущность этого бессознательного, — говорит Гейнрих, — имеет совершенно различный смысл: у Гегеля — метафизический, у Маркса и Энгельса — позитивистский (стр. 349). В то время как у Гегеля истинным двигателем всех исторических явлений служит мировой дух, в марксизме основания поступков людей лежат не в области трансцендентного, а в области социально-экономической.

Автор довольно подробно останавливается на учении Маркса о товарном фетишизме, пытаясь выяснить его сущность и происхождение, опираясь на цитаты из сочинений Маркса и Энгельса. Он совершенно правильно говорит, что марксизм освобождает людей от веры в какую-то демоническую силу бессознательного.

По Гегелю, все, что имеет отношение к чему-либо другому, что не может существовать без другого, то зависимо; свободно только то, что существует в самом себе. Духу принадлежит именно это свойство быть свободным, и оно раскрывается ему в истории.

Таковы содержание и ценность разбираемых нами статей. Мы видим, что все они представляют собой, в сущности, разные вариации на те темы, которые звучат в статьях всех ревизионистов и критиков марксизма с давних пор и которые так прекрасно охарактеризовал Плеханов в следующих словах:

«Из теории Маркса выбрасываются одно за другим все те положения, которые могут служить пролетариату духовным оружием в борьбе с буржуазией. — Диалектика, материализм, учение об общественных противоречиях как о стимуле общественного прогресса, теория стоимости вообще и теория прибавочной стоимости в частности, устранение капиталистического способа производства, диктатура пролетариата — все эти необходимые составные части марксова учения, без которых оно утрачивает свое существенное содержание, объявляются второстепенными частностями, не соответствующими современному состоянию науки, тенденциозными, утопичными и потому подлежащими ампутации в интересах беспрепятственного развития основных положений того же мыслителя» (Собр. соч., изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XI, стр. 269 — 270).

И действительно, в рассмотренных нами работах из марксизма устраняется материализм, диалектика отождествляется с эволюцией или с идеалистической диалектикой Гегеля, а о классовой борьбе вообще нет речи.

РЕЦЕНЗИИ

I. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

К. В. Гребенев. Джон Локк. Популярный очерк его жизни и учения (Жизнь замечательных людей). Изд. «Московский рабочий», Москва 1929, стр. 240.

Наша популярная литература по философии вообще чрезвычайно бедна и в особенности бедна она популярными марксистскими работами по истории философии. Потребность же в такой литературе огромна, философия марксизма — диалектический материализм — является у нас предметом преподавания во всех вузах и втузах. Но знание диалектического материализма требует знания таких философских систем, синтезом которых является философия марксизма. Вот почему следует приветствовать издание серии «Жизнь замечательных людей», предпринятой «Московским рабочим». В этой серии мы будем иметь также популярные очерки жизни и учения философских предшественников Маркса.

Разбираемая нами книжка посвящена Локку.

В своем введении автор ограничивает задачу очерка следующими тремя пунктами: «Показать, во-первых, содержание локковской философии, во-вторых, — те философские направления, которые она породила, и, в-третьих, значение ее в подготовлении диалектического материализма». Таким образом, автор опускает одну из основных задач, которую ставит себе данная серия, а именно изучение жизни Локка, которое должно дать нам ключ к пониманию его учения и к материалистическому его объяснению.

Действительно, небольшая глава, посвященная жизни Локка, — самая слабая в книжке. Локк жил в один из самых бурных периодов истории Англии, и его жизнь была переплетена с событиями того времени. Биография Локка представляет поэтому крупный интерес. Автор же ограничивается только некоторыми отрывочными сведениями, которые можно найти и в любом энциклопедическом словаре. Между тем, имеется прекрасная работа о жизни Локка, которая могла быть использована автором с большим успехом. Я имею в виду двухтомную работу Fox Bourner'a «The life of John Locke», London, 1876. Но и в той небольшой главе, которую К. В. Гребенев посвящает описанию жизни Локка, имеются курьезы и неточности. Их нельзя обойти молчанием. Так, напр., автор объясняет борьбу, которая завязалась в начале XVII века между королевской властью и парламентом, тем, что династию Тюдоров, которая умела вести политику «в соответствии с интересами торгового капитала», сменила династия Стюартов, которые пришли из Шотландии, «страны с патриархальным укладом». Таким образом, выходит, что основной причиной завязавшейся борьбы были «неудачные провинциальные Стюарты». Автор, повидимому, не знает, что весь XVI век был для Англии веком королевского абсолютизма, тогда как в XVII веке торговая буржуазия и новое дворянство, «джентри», достаточно выросли и политически оформились, чтобы претендовать на участие в политической власти. Вот почему и завязывается борьба между этими новыми классами и королевской властью, которая является препятствием для дальнейшего их развития.

Автор неточно указывает на попытку ввести католицизм как на причину войны Карла с Шотландией. В действительности поводом для восстания шотландцев послужило введение английской литургии, а не католицизма.

Переходя к разбору изложения учения Локка, следует указать, что автор посвятил слишком мало внимания политической теории Локка. Однако в учении Локка политические, религиозные и моральные теории играют очень крупную роль. Да и классовая сущность его теорий более рельефно видна в его политических взглядах, чем в философских.

Тов. Гребенев правильно указывает, что, при рассмотрении философии Локка, следует иметь в виду два основных фактора, под влиянием которых сложилось все его учение, а именно: Великую английскую революцию и философию предыдущего периода, главным образом Декарта, Бэкона и Гоббса. Однако т. Гребенев в своей книжке совершенно не останавливается на влиянии Бэкона и Гоббса на Локка. Хотя Локк только один раз упоминает имя Гоббса, но многие из его основных идей по вопросу о познании налицо уже у Гоббса, и этот вопрос заслуживает серьезного внимания. Автор же, повидимому, больше интересовался влиянием Локка на Канта, чем влиянием философов предыдущего периода на Локка. Мы находим, таким образом, в популярной книжке о жизни и учении Локка экскурс в область учения Канта о сущности по первому и второму изданию «Критики чистого разума», но не находим анализа всего учения Локка, ни разбора важных вопросов генезиса его философской концепции.

Тов. Гребенев, ссылаясь на Гефдинга, правильно указывает, что главная заслуга Локка заключается в том, что он один из первых, если не первый, поставил ясно проблему познания, и, может быть, поэтому не без основания рассматривается как предшественник Канта. Конечно, у Локка, так же как и у его последователей Беркли и Юма, метод не тот, что у Канта. В то время как метод английского эмпиризма психологический, Кант является основателем трансцендентального метода, и поэтому выводы эмпиризма и критической философии Канта совершенно различны. Это не мешает, конечно, тому, что в постановке проблемы познания Локк является предшественником автора «Критики чистого разума». Нельзя сказать, чтобы изложение основной работы Локка, «Опыт о человеческом разуме», было сделано автором очень популярно. Автор цитирует Локка по русскому переводу, который, впрочем, не всегда удачен (так, напр.: «Так как моя цель состоит в исследовании происхождения, достоверности и протяжения [объема?] человеческого знания» и т. д.). Кроме того, автор не дает синтетического изложения идей Локка, а следует за философом по главам и частям, что не способствует ясности в передаче мыслей.

Одно из достоинств книжки — критическое изложение философии Локка. Автор правильно указывает на половинчатость его материализма, на его психологизм, на целый ряд внутренних противоречий в его системе; притом в своих критических замечаниях автор обнаруживает правильный марксистский подход. Вывод, который он делает о том, что «материалистическая сторона учения Локка действительно оказала глубочайшее влияние на многих, если не на всех представителей французского материализма XVIII века», мы считаем правильным. Точно так же в общем верно его заключение, что «религиозные, социально-политические и педагогические взгляды Локка не оставляют никаких сомнений в том, что Локк был сыном своего класса, выразителем его целей и стремлений и что на всей его философской концепции лежит половинчатость, характерная для зачаточных форм борьбы английской торговой буржуазии с феодализмом, абсолютизмом и католицизмом». Нужно, однако, оговориться, что борьба английской торговой буржуазии и, прибавим, джентри в конце XVII столетия была уже не «зачаточной», если еще в 40-х годах она приняла форму «великого восстания» (great rebellion).

Мы не будем разбирать небольшие главы, посвященные Беркли, Юму и Толанду. Нам кажется, что в книжке о жизни Локка и его учении следовало бы скорее говорить о самом Локке, знакомить читателя с его жизнью и со всеми сторонами его учения, чем заниматься беглым и, следовательно, неглубоким разбором судеб

материализма после Локка. Лучше знать основательно Локка, чем иметь поверхностное представление о всех английских философах.

В книжке имеются пропуски и ошибки, искажающие часто смысл и содержание. Так, напр., на стр. 41 (строка 13) напечатано вместо «произношением» — «признаком», на стр. 42 (строка 9) вместо «относительно» — «относительности», там же (стр. 12) вместо «опровергает» напечатано: «доказывает»; на стр. 93 после 16-й строки выпала одна строка (или больше) и заменена другой, которая совершенно искажает смысл предложения.

Внешне книжка издана недурно. Цена доступная.

Mortimer J. Adler. Dialectic. London 1927, p. VII + 265.
Мортимер Адлер. Диалектика.

Адлер «открывает» диалектику в спорах, которые ведутся с действительным или воображаемым противником при продумывании какого-нибудь вопроса. Диалектика есть учение о мысли спорящей. Она имеет свое бытие в спорах. Беря диалектику в таком значении, Адлер описывает ее с трех точек зрения: 1) с эмпирической точки зрения, как нечто имеющееся налицо в человеческом опыте; 2) с логической точки зрения, в связи с тем, что диалектика имеет дело с методами определения анализа и синтеза, и 3) с метафизической точки зрения, как определенную область бытия.

В эмпирическом описании диалектики Адлер останавливается на свойствах человеческого языка как орудия споров и на свойствах человека вообще как спорящего субъекта. Язык порождает споры, потому что значение слов почти всегда далеко не точно, слова изменчивы, метафоричны. Рассмотрение человека как субъекта диалектики должно способствовать подавлению склонности к догматизму. Человек как диалектик должен хорошо осознать те эмоции и страсти, которые заставляют его признать то или иное положение, он должен иметь ясное представление о тех принципах, из которых он исходит в споре, быть незаинтересованным в ходе рассуждений, относиться к предмету спора, отвлекаясь от практических интересов. Диалектик должен уметь относиться к предмету спора не трагически, а комически, ибо комедия имеет дело с возможным, — словом, диалектик должен относиться к диалектике как к игре мысли.

Логическое описание диалектики предполагает развернутый состав определений и постулатов, которые определяют способ, делающий рассуждение диалектическим. Логический анализ диалектики должен определить диалектический ритм как серию процессов определения, анализа, синтеза, разрешения дилеммы и каждому из этих моментов дать объективное выражение. По мнению Адлера, диалектика отличается как от математической и символической логики, так и от логики вывода, индуктивной и дедуктивной. Математическая и символическая логики заинтересованы в развитии систем, в анализе их структуры. Логика вывода главное внимание обращает на способы, как предохранить себя от ошибок рассуждения. Диалектика походит как на математическую логику, поскольку она имеет дело с системами мысли, так и на логику вывода, поскольку она описывает процессы как логического, так и психологического рода. Но ее отличие от обеих логик в том, что она имеет дело с отношением борющихся систем. Поэтому противоположность является основной темой логики и диалектики.

Противоположности не следует смешивать с противоречием Суждение противоречащее есть отрицание того суждения, которому оно противоречит. Противоположности же означают «утверждение иного». Противоположность заключает в себе отрицание, но на основании некоторого положительного утверждения. Отрицание же противоречия как такового есть «извращенное или греховное отрицание». Два различных утверждения об одном и том же образуют отношение противоположности. Диалектика имеет дело с отношением противоположных положений и разрешением этой противоположности. Отсюда Адлер выводит основные для диалектического процесса моменты: 1) определение, которое порождает свое иное, т. е. свою противоположность; 2) анализ, как расчленение первоначального утверждения; 3) синтез, как нахождение общего в противоположностях.

Несмотря на то, что Адлер отчетливо сознает, что противоположность может быть только в пределах одного и того же рода, как говорил Аристотель, или в пределах одного и того же целого, как говорит Адлер, тем не менее он думает, что акт синтеза алогичен, целое должно быть найдено интуитивно. Это утверждение свидетельствует о том, что Адлер под логическим описанием диалектики подразумевает в сущности описание ее с точки зрения формальной логики. Именно этим книга Адлера интересна для современного читателя. Вопросы об отношении диалектической и формальной логики часто обсуждаются на страницах нашей философской печати. Работа Адлера любопытна тем, что она включает попытку — правда, безнадежную — выразить диалектику в терминах формальной логики.

Всякий синтез, по мнению Адлера, может быть только неполным. Новое утверждение порождает свое иное, свою противоположность и т. д. до бесконечности. Спор между людьми может фактически прекратиться, но область спора и, следовательно, диалектики безгранична.

Метафизическое описание диалектики сводится к анализу области спора вообще как области возможного. Диалектика не заинтересована в истине и лжи, она имеет дело с различными утверждениями в их противоположностях, следовательно она имеет дело с возможным. Возможность отличается от актуальности тем, что возможно не только различное, но и диаметрально противоположное, действительность же однозначна. Исчерпать все возможности диалектика не может. Но формальная ее структура может быть описана.

Диалектику, понятую таким образом, Адлер отождествляет с философией. От прочих наук философия отличается тем, что она имеет дело не с действительным, а только с возможным. Философия ничего не утверждает, она разъясняет. Всякую философскую теорию следует рассматривать только как голос одного из спорящих в том великом споре, который называется историей философии. Таково истинное критическое понимание философии в отличие от понимания догматического; таким истинным «диалектиком» был Платон.

Нужно заметить, что Адлером, строго говоря, не делается различия между диалектикой в его смысле и эпистемиологией. Концепцию Адлера в том виде, как она дана, нельзя признать правильной. Едва ли нужно указывать, что с диалектикой, как с методом научного познания, «диалектика Адлера» ничего общего не имеет. Адлер сознательно противополагает ее вместе с философией науке. Читателя поражает то обстоятельство, что, излагая свои взгляды, Адлер не разбирает иные учения о диалектике, хотя бы учение Гегеля, не говоря уже о Марксе. В конце концов читатель остается неуверен ным в том, знает ли вообще Адлер, что̀ такое диалектика.

E. Goblot. La nécéssité logique et la logique formelle. («Revue philosophique de la France et de l'Etranger», 52-e année, № 11 et 12, Nov. — Déc. 1927, p. 321 — 334.)

Э. Гобло. Логическая необходимость и формальная логика.

Э. Гобло выводит различие фигур силлогизма не из положения среднего термина, а из его функции, объясняющей и его положение. Эта точка зрения соответствует определениям Аристотеля, который сперва формулировал логическое отношение между тремя терминами и лишь затем отмечал положение среднего термина в каждой из трех фигур. Одною из посылок силлогизма непременно должно быть общее суждение; но общим может быть: 1) аподиктическое суждение, являющееся выражением необходимой истины, разумного познания, логической необходимости, отрицание которой приводит к нелепости: всякое S есть P; 2) ассерторическое суждение, являющееся выражением постоянного соотношения, результата индукции, эмпирического познания: все S суть P. Логически необходимое оказывается всеобщим, но обратное положение неверно: постоянно подтверждающаяся правильность не есть строгое доказательство верности правила. Аристотель, поставивший вопрос о природе логической необходимости, сделал две ошибки. Во-первых, он отождествил дедуктивное умозаключение с силлогизмом; но в таком случае доказательство сводилось бы к полисиллогизму, а

математическое доказательство не есть полисиллогизм. Во-вторых, он полагал, что логическая необходимость передается от посылок заключению при посредстве силлогизма. Но логическая необходимость может быть присуща следствию и тогда, когда ее нет в основании. Итак, логическая необходимость следствия есть не качество, переходящее от основания к следствию, а отношение. Основания всякой логической необходимости сами оказываются не логически необходимыми суждениями, а постулатами. Поэтому они не могут передавать следствию необходимость, которой нет в них самих. Итак, логически необходимыми, за исключением тавтологических аналитических суждений, могут быть лишь следствия, и их логическая необходимость вытекает из правильной дедукции. Считая «схоластический формализм» неприемлемым и усматривая задачу «формальной» логики в изучении «формальных» свойств суждений и умозаключений, Гобло разумеет под этими формальными свойствами «не внешний аспект мысли при ее словесном выражении, а внутренние логические отношения, составляющие самую суть мысли». Как в этом противоречивом определении, так и вообще в построениях Гобло обнаруживается неспособность «формальной» логики свести концы с концами при разрешении основных проблем, по существу требующих применения диалектического метода.

Giuseppe Tarozzi (dell'Università di Bologna). La necessità spinoziana e il determinismo contemporaneo. («Rivista di filosofia», 1927, Nr. 3, p. 354 — 360.)

Джузеппе Тароцци. Необходимость у Спинозы и современный детерминизм.

Автор считает бесконечную вселенную в смысле Спинозы статическою; причинность в ней статическою, а не динамическою; отношения не физическими, а математическими, так как sub specie aeternitatis время уничтожается. «Очень немногие из современных детерминистов, для которых детерминизм есть наука, согласились бы усвоить себе это учение». «Современный детерминист, не желающий отказаться от признания объективной, не телеологической (finalistica) связи необходимости и ее всеобщности, не может отстоять свой тезис нецелевой необходимости, ни став на точку зрения Лейбница, ни усвоив кантовского критицизма, ни приняв объяснения необходимости, предлагаемые идеалистическими философскими системами, в особенности гегелианской и неогегелианской, поскольку идеалистические конструкции, с одной стороны, исключают временную последовательность как реальный процесс, с другой стороны — устраняют необходимость сферы природной причинности, от которой не может отказаться научный детерминист». Итак, современному детерминисту приходится выбирать между признанием целей (finalismo) и спинозизмом. Тароцци игнорирует марксистское разрешение вопроса и упускает из виду, что детерминизм, с точки зрения Спинозы, вовсе не есть фатализм.

L. Schlesinger. Spinoza und Einstein («Scientia», 1927, 1/XI, S. 253 — 262).

Л. Шлезингер. Спиноза и Эйнштейн.

У Спинозы различаются три вида познания. Первый вид — чувственное познание через воображение, образы, слова. Второй вид — разумное познание, под углом зрения вечности. Это — познание общего в вещах; оно свойственно всем людям; это — познание законов природы, отношений, носящих математический характер; они вечны, вневременны, в них воплощается абсолютная необходимость, закономерность, настоящая реальность, мир. Третий вид — интуитивное познание; оно видит все вещи в боге, представляющем единство законов, бытия, всей реальности. Мир не сотворен богом, не возник из него. Здесь нет причины и действия, но есть функциональная зависимость, и постольку в этом можно заметить налет скептицизма. Мир — воплощение бога; то, что мы считаем законами природы, на самом деле является свойством бога. Математический характер связи исключает целесообразное действование и время; зависимость получает не причинный, а функциональный характер. Явления становятся обратимыми.

Спиноза считает законы действительности вечными, вневременными. Объективный мир есть, в нем ничто не становится. Это — выражение математика Вейля, последователя Эйнштейна, но оно могло бы принадлежать и автору «Этики». Спинозе было известно только трехмерное пространство; в нем все должно быть обратимо. Время же имеет априорное направление от прошедшего к будущему, оно необратимо; поэтому Спиноза устраняет его. Но в теории Миньковского—Эйнштейна мир принимается как четырехмерное пространство — временное многообразие, где время играет роль одной из координат. При этом время относительно и зависит от выбора системы счета; каждый человек может считать свое время абсолютным. Эйнштейн дает научное выражение интуитивному знанию Спинозы. Этот четырехмерный мир лишен направления, поэтому в нем процессы обратимы. Но есть ряд необратимых процессов; таковы, например, явления перехода теплоты от одного тела к другому, выражаемые законом Карно. При этом принимается, что температура тела зависит от состояния бесконечно большого количества элементов; законы носят в данном случае статистический характер, так как здесь действует закон больших чисел. Отдельное явление, вроде колебания маятника или движения планеты, подчинено абсолютной закономерности; но для целой системы тел, состоящей из бесконечно-большого количества элементов, действительны правила статистики, и явления оказываются необратимыми. Согласно Спинозе, — думает Шлезингер, — поведение человека должно быть подчинено правилам статистики, так как оно необратимо. Но мир в целом носит характер абсолютной необходимости.

Согласно обычному шаблону, философия Спинозы у Шлезингера толкуется как учение мистическое и математическое. Но если отвлечься от этого, сама по себе мысль применить к философии Спинозы новейшие научные воззрения носит плодотворный характер и в иной связи может дать интересные выводы в связи с проблемой «реального» и «логического» в системе Спинозы.

Hirulal Haldar. Neo-Hegelianism. London 1927, p. VII + 493.
Х. Хольдер. Неогегелианство.

Хольдер, по собственному признанию, стремится не столько написать историю неогегелианства, сколько дать ряд очерков этого философского движения. Хольдер — горячий приверженец неогегелианства, которое он считает самым значительным умственным течением нового времени. Главная цель автора — сделать популярной доктрину, которая заслуживает, по его убеждению, широкого распространения.

В соответствии с этими общими заданиями, которые ставит себе автор, книга распадается на 14 очерков, посвященных: Стерлингу, Грину, Эд. Кэрду, Дж. Кэрду, Уоллесу, Ритши, Брэдли, Бозанкету, Уотсону, Мюрхиду, Мэккензи, Хольдену и Мак-Таггарту. Так как Хольдер в этих очерках преимущественно излагает философские взгляды вышеперечисленных писателей, стремясь к наибольшей ясности и доступности, и притом постоянно прибегает к цитатам, то передавать это изложение здесь нет никакой надобности. Необходимо отметить общую установку автора и характерные черты его подхода к материалу. Хольдер стремится создать у читателей представление о неогегелианстве в целом, поэтому отдельные очерки вовсе не прослеживают исторического развития идей, хотя порядок разбираемых авторов и соответствует в общем хронологическому их выступлению на философском поприще; отдельные главы книги скорее восполняют друг друга. Одна и та же тема трактуется снова с некоторыми вариациями. В основном все авторы согласны между собой. Расхождения у них в деталях, но в этих различиях с большой ясностью выступают типические черты английского гегелианства: его метафизические тенденции, его спиритуалистическое истолкование Гегеля, его борьба против материализма, позитивизма и утилитаризма.

Английским гегелианцам, по мнению Хольдера, удалось показать, что наука и религия вполне согласуемы друг с другом, или, говоря его словами, они разрешили вопрос, как возможно «быть лояльными по отношению к открытиям тайн природы естествоиспытателями, не жертвуя в то же время величайшими интересами человечества». Такова основная тема всех неогегелианцев, начиная от Стерлинга и кончая Мак-Таггартом. В соответствии с этим все более специальные вопросы, в особенности

методологические и логические, по возможности автором обходятся, и на первый план выдвигаются вопросы метафизические, этические и религиозные. Метафизика английского гегелианства стоит в центре внимания Хольдера и заслоняет все другие вопросы, которые могли бы быть интересными даже для читателей, близких к автору по взглядам, например о происхождении неогегелианства, об английском романтизме и пр. Точно так же читатель может сетовать на то, что изложение зачастую ведется без настоящей философской критики. К сведению нашего читателя нужно отметить, что Хольдер почти всегда указывает политические взгляды разбираемых авторов, их отношение к демократии, социализму, анархизму и пр. Эти справки могут быть полезными.

Нужно признать, что провести свою основную мысль до конца Хольдеру было не легко. Ведь английский идеализм имел развитие, его нельзя представлять себе упрощенно, как комплекс одних и тех же идей, формулированных в 60-х годах прошлого столетия. Были и есть существенные разногласия в пределах самого движения. В особенности много труда стоит Хольдеру примирить Грина с Брэдли; он знает, что острие критики Брэдли зачастую направлено против Грина. Хольдер пытается по возможности сгладить углы и показать несущественность разногласий; он с большим трудом находит подходящий конец. Очерком о Таггарте Хольдер не мог закончить свою книгу. Ведь Мак-Таггарт признавал, что гегелевский абсолют не есть личность, а только единство личностей. Мак-Таггарт не может допустить, что абсолют Гегеля следует толковать «по аналогии с футбольной командой». Поэтому в приложении к своей книге он дает статью: «Гегелианизм и человеческая личность». Как известно, эта тема возбуждала и возбуждает наибольшие споры у английских идеалистов. Решение, к которому приходит Хольдер, крайне характерно для его философствования: по его мнению, разногласия между истолкователями Гегеля в персоналистическом смысле и между Мак-Таггартом не должно быть: абсолют Гегеля есть личность и единство личностей, т. е., по мнению Хольдера, Гегель стоит на монадологической точке зрения, весьма близкой к Лейбницу. Все это Хольдер стремится подтвердить цитатами из Гегеля.

Книга Хольдера историко-философского значения иметь не может, она дает лишь популярные очерки воззрений английских идеалистов и является своеобразной идеалистической агиткой. Для нашего читателя она может иметь значение только как пособие для предварительного знакомства с английскими гегелианцами, в особенности для ознакомления с их метафизическими, религиозными и этическими воззрениями. Более глубокой и основательной разработки вопроса у Хольдера найти нельзя.

II. МАРКСИЗМ И РЕЛИГИЯ

И. П. Вороницын. Декабристы и религия. Изд. «Атеист», 1928, стр. 72.

В своем введении к книжке И. П. Вороницын характеризует движение декабристов как «наиболее оформившееся выражение общего оппозиционного движения», имевшее «своей объективной задачей устранение феодальных пережитков, связывающих рост буржуазного общественного порядка», причем «инициативу должна была взять на себя еще не вполне доразвившаяся и не вполне осмыслившая свою социальную роль буржуазно-дворянская интеллигенция» (стр. 4).

Затем И. П. Вороницын характеризует настроения учащейся молодежи и ее отношение к религии на пороге 20-х годов, отмечая, что в «учебных заведениях, превращенных в казармы, зреют действительные семена неверия и мятежа», и характеризует тайные масонские ложи, служившие «подготовительной школой для многих будущих участников политических тайных обществ», признавая, что процесс проникновения политического элемента в среду русского масонства «до сих пор не вполне ясен» и что «исследователи ограничиваются обычно чисто схематическим описанием» (стр. 14). Уже в стремлениях первых тайных обществ, в программе «ордена русских рыцарей» обнаруживается тенденция низвести духовенство на положение государственных чиновников, заимствованная у французских просветителей и революционеров.

В главе четвертой «Религия в конституционных проектах Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля» излагаются воззрения воспитанного французским якобинцем Н. Муравьева, из которого «настоящего якобинца, однако, не вышло», и Пестеля, который «был якобинцем, одетым в мундир полковника русской армии», «узкого, фанатичного и посвоему умственно-религиозного» (стр. 25).

Основная точка зрения И. П. Вороницына на вопрос об отношении декабристов к религии сводится к тому, что «атеизм и другие формы религиозного свободомыслия, при всей их распространенности среди декабристов, служили исключительно для внутреннего употребления и старательно скрывались ими во всех тех случаях, когда им приходилось выступать публично. И больше того, в публичных выступлениях они за правило почитали пользоваться тем самым религиозным обманом, ненавидеть который они умели не хуже своих учителей, французских философов» (стр. 29).

Даже С. И. Муравьева-Апостола, составителя известного революционного манифеста, написанного в форме катехизиса, И. П. Вороницын признает «в высшей степени виновным в классовом лицемерии, проявлявшемся в обмане народа», хотя и допускает, «что сознательного лицемерия в его действиях не было» (стр. 32). Этой тактике И. П. Вороницын противопоставляет «другую, подлинно-демократическую и революционную тактику, применявшуюся левым крылом движения», а именно группой «Соединенных славян». Вслед за П. Е. Щеголевым И. П. Вороницын отмечает влияние событий в Испании на идею С. И. Муравьева о религиозной революции.

Упомянув о переломе во взглядах Рылеева и Оболенского после ареста, И. П. Вороницын отмечает, что их образ действий, «конечно, не значит, что всегда и при всех обстоятельствах религиозность обусловливает в человеке и революционере полную утрату чувства собственного достоинства», и приводит в пример «ультра-религиозного декабриста Лунина, который всегда вел себя в высшей степени достойным образом». Предсмертные стихи Рылеева И. П. Вороницын называет «мистическими и жалкими», отождествляя эти два понятия. Затем характеризуются декабристы-скептики (Якушкин, Аппенков, Репин, Поджио) и декабристы-атеисты (Лаппа и Барятинский, написавший «яркое исповедание неверия») и Н. А. Крюков — декабрист-вольтерьянец, впоследствии в Чите «образумившийся».

В главе «Верующие и безбожники на каторге» И. П. Вороницын полемизирует против утверждения Н. Розанова о том, что «большинство декабристов, даже из числа прежних материалистов, в Сибири предались религиозности» (стр. 63).

В последней главе дается характеристика П. И. Борисова, основателя общества «Соединенных славян», и его друзей, отличавшихся «пылкой революционностью, демократизмом не на словах, а на деле, последовательным безбожием, стойкостью в убеждениях». Именно в П. И. Борисове «не индивидуально, а как в представителе вполне стойкой и определенной по социальным признакам группы декабристов», И. П. Вороницын усматривает «прямого предшественника и родоначальника тех групп русской революционно-демократической интеллигенции, которые позднее оформляют борьбу мелкой буржуазии и расчищают путь пролетарскому социализму и атеизму» (стр. 72).

Kurt Kramer. Freidenker im Kampf um die sozialistischen Massen, Leipzig 1928, p. 52.

Курт Крамер. Свободомыслящие в борьбе за завоевание социалистических масс.

Книга Курта Крамера состоит из трех докладов, прочитанных перед свободомыслящими социалистами в Бреславле в 1928 г. Крамер ставит своей задачей защиту диалектического материализма. Центр тяжести, однако, лежит в отстаивании не столько диалектики, сколько материализма. Доклады направлены против неомарксистов, по преимуществу Макса Адлера и Отто Бауэра. Автор стремится — и в этом основная его цель — показать, что марксизм, как единое миросозерцание, не может быть совместим с той покладистостью, которая обнаруживается у некоторых и даже большинства социал-демократов по отношению к религии.

Крамер вскрывает кризис неомарксистской мысли Германии и Австрии. Неомарксисты, подобно критикам русского марксизма, осужденным Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм», совершенно выхолащивают все живое и действенное в диалектическом материализме; диалектика у них в лучшем случае превращается в чисто субъективный прием мысли, а материализм отбрасывается как метафизика. Но ревизия марксизма идет еще глубже: прикрываясь радикальной фразой, стараются подорвать всякое значение науки, в частности естествознания, рассматривая его как выражение взглядов и интересов буржуазного общества. С этой точки зрения наука, в качестве буржуазной идеологии, имеет ничуть не бо́льшую ценность, чем вера. Недаром Макс Адлер, настаивая на зависимости объективного мира от закономерности нашего сознания, облекает свою мысль в термины библейского сказания о сотворении мира. Любопытно также отметить, что Отто Бауэр, характеризуя материализм и желая от него избавиться, ставит марксистам задачу в духе современных механистов свести все процессы в мире к движениям мельчайших однородных неизменных частиц (атомов и электронов).

Покончив столь легко с классическим марксизмом, австромарксисты провозглашают лозунг защиты религии. Религия является «частным делом» членов партии. Отто Бауэр всеми силами старается привлечь на сторону социал-демократов избирателей-католиков, указывая на то, что классовая борьба сама по себе не стоит ни в какой связи с религиозными представлениями. Он подводит под свой компромисс с верующими и теоретическое обоснование. Ему кажется, что религия включает в себя элементы, социально не обусловленные и составляющие «потребность человеческой души».

Книга Крамера, относящегося к левому лагерю социал-демократов, опирается главным образом на достижения Плеханова и Ленина (особенно часто цитируется «Материализм и эмпириокритицизм»). Доклады написаны в живой и популярной форме. Для нас они представляют некоторый интерес, поскольку ярко подчеркивают извращение марксизма у так называемых неомарксистов. Для характеристики обскурантистского настроения социал-демократических верхушек интересны приводимые Крамером факты о зажиме свободомыслящих (атеистов) в Германии: атеизм встречает отпор со стороны реформистов под тем предлогом, что это — некая «догма».

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Н. Г. Петров и И. Г. Степанов. Предметный указатель к первому тому «Капитала» Маркса. Изд. Коммунистич. академии, М. 1929, стр. 105.

Первый предметный указатель к первому тому «Капитала» был составлен Д. Б. Рязановым для популярного, вышедшего под редакцией Каутского в 1914 г., издания. В том же издании, кроме предметного, имеются также указатели цитированных произведений и упомянутых имен. В предисловии к этим указателям Д. Б. Рязанов пишет следующее:

«Эта потребность [в составлении указателей к «Капиталу»] уже давно была налицо. Еще в начале восьмидесятых годов Эдуард Бернштейн и Карл Каутский проектировали составление такого указателя, но, по совету Фридриха Энгельса, отложили до окончания всего издания («Капитала»). В то время Энгельс предполагал еще выпустить следующие томы в течение нескольких лет».

В дальнейшем Д. Б. Рязанов мотивирует составление указателя к одному только первому тому тем, что первый том, во-первых, закончен еще самим Марксом и менее абстрактен, чем остальные; во-вторых, вследствие именно этого обстоятельства, первый том значительно больше читается, чем остальные, потому что рабочим очень трудно преодолеть трудности, связанные с чтением второго и третьего томов.

Основной недостаток настоящего указателя состоит в том, что он является исключительно «предметным» и не включает указателей цитированных произведений и упомянутых имен.

Обратим внимание на некоторые формальные стороны дела, играющие в этом случае важную роль. Алфавитный принцип расположения рубрик выбран безусловно

правильно. Но этот принцип требует известной механизации (по возможности алфавитной) в группировке так называемых подрубрик, определенной пропорции (по значению) в выборе рубрик и подрубрик и определенной увязки между отдельными рубриками. Приводим примеры: имеются самостоятельные рубрики: «Абсолютная прибавочная стоимость», «Избыточная прибавочная стоимость», «Масса прибавочной стоимости», «Относительная прибавочная стоимость», «Прибавочная стоимость». Последняя включает такие подрубрики, как: «Абсолютная прибавочная стоимость», «Определение», «Понятие относительной прибавочной стоимости», «Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости» и т. п. Вместо этого правильно было бы дать следующие рубрики: «Прибавочная стоимость», «Прибавочная стоимость абсолютная», «Прибавочная стоимость относительная». А в подразделениях «Абсолютная прибавочная стоимость», «Избыточная прибавочная стоимость», «Относительная прибавочная стоимость» и т. д. — делать только ссылки.

Не проведено различия между трудом как созидателем стоимости и между трудом как человеческой деятельностью. Весь этот материал перемешан под общей рубрикой «Труд». Совершенно непонятны такие формулировки: «Возникновение капиталистических фермеров», «Всеобщий закон капиталистического накопления», «Количество обращающихся денег», «Масса денежного обращения», «Масса прибавочной стоимости» и т. п. Ясно, что никто не будет искать материалы о денежном обращении под рубриками «Масса» и «Количество», а, естественно, под рубрикой «Денежное обращение», но это последнее понятие как таковое совершенно отсутствует в предметном указателе.

Еще более запутались авторы в таком центральном вопросе, как вопрос о стоимости. При внимательном рассмотрении указателя в различных частях алфавита мы открываем (читатель должен каждый раз совершать специальную экспедицию с целью сделать такие открытия) следующие, по мнению авторов, основные рубрики: «Абсолютная стоимость товара», «Величина стоимости», «Всеобщая форма стоимости», «Выражение стоимости», «Выражение стоимости продукта», «Денежная форма стоимости», «Знак стоимости», «Индивидуальная стоимость товара», «Мера стоимости», «Общественная стоимость товара», «Относительная форма стоимости», «Полюсы выражения стоимости», «Простая форма стоимости», «Процесс увеличения стоимости», «Развернутая форма стоимости», «Развитие формы стоимости», «Сохранение стоимости», «Субстанция стоимости», «Форма стоимости», «Эквивалентная форма стоимости». Вместо этого надо было бы сосредоточить весь материал под характерными выражениями «Стоимость», «Меновая стоимость» и т. п. и разбить эти рубрики, в свою очередь, на четко формулированные подрубрики. Разве не понимают авторы, что «меновая стоимость», это — определенная категория, имеющая право фигурировать самостоятельно, но вопрос, например, о сохранении стоимости средств производства в готовом продукте является только частичным вопросом, одним из явлений, связанных со стоимостью, и материал по этому вопросу каждый будет искать под словом «Стоимость», а не под словом «Сохранение», ибо читателя не интересует абстрактный процесс «сохранения», а, наоборот, только стоимость и все явления, связанные с ней, в данном случае ее судьба и роль при создании новой стоимости. Трудно сказать, невежество ли в области теории или абсолютное незнакомство с принципами составления предметных указателей является причиной такой путаницы.

Подрубрики отдельных рубрик сгруппированы в порядке тех страниц самого «Капитала», к которым данные подрубрики относятся. Это, конечно, плохо, потому что читатель вынужден проштудировать целые страницы, чтобы найти необходимый материал. Следовало бы и здесь дать алфавитный порядок. Но это требует, со своей стороны, четкой и ясной формулировки подрубрик, что совершенно отсутствует. Авторы указателя употребляют целые дефиниции и тезисы в качестве подрубрик, и таким образом вместо предметного перечня дают неполный и несистематический конспект. Кроме того, в качестве подрубрик приводятся все заглавия

отдельных глав «Капитала». Это имеется в оглавлении самого «Капитала» и здесь в указателе никакого практического значения не имеет.

Авторы в предисловии говорят: «По сравнению с «Sachregister» Д. Б. Рязанова настоящий указатель значительно полнее. В то время как указатель Д. Б. Рязанова освещает 353 термина, составленный нами — около 700. Несомненным преимуществом данного указателя, по сравнению с немецким, является также освещение ряда экономических категорий, сделавшихся предметом острых дискуссий в последние годы» (стр. 3). Посмотрим, какого рода новыми «экономическими категориями» пополнен настоящий указатель. Если проверить первые буквы алфавита, мы найдем следующие новые рубрики: «Абстрактный труд», «Авансированный капитал», «Алмазы», «Американская гражданская война», «Амортизация», «Английский банк», «Английский парламент», «Английский язык», «Англо-ост-индская компания», «Балтимора», «Бережливость», «Борьба за нормальный рабочий день» (это ново, по крайней мере, в этой остроумной формулировке), «Боярин», «Брэдфорд», «Бранденбург», «Бристоль», «Бутылки», «Ваадет», «Валахия», «Венеция», «Вест-Индия», «Виргиния» и т. п., и т. п. — какое поразительное богатство. Если к этим «алмазам» и «бутылкам» прибавить еще перечисленные выше «новые рубрики» о стоимости, то ценность и источник увеличения количества рубрик сразу становятся ясны. Мы отнюдь не намерены утверждать, что указатель, составленный в свое время Д. Б. Рязановым, совершенен и не нуждается в пополнении. Но, конечно, в такого рода пополнении он не нуждается. С помощью такого метода можно без всякого труда увеличить объем указателя вдвое и втрое.

В заключение необходимо остановиться на том, насколько полно и тщательно обработан текст «Капитала» в данном указателе. Возьмем несколько основных понятий. «Капиталистический способ производства» — не указана стр. 298; «Земельная собственность» — не указаны стр. 709—726; «Классическая политическая экономия» — не указаны стр. 368, 605—607, 622—623; «Сельскохозяйственные рабочие» не указана стр. 241 и т. д., и т. д. Совершенно отсутствуют понятия «диалектика» (стр. 84), «исторический материализм» (стр. 49 — 50). Все это только случайно выхваченные примеры. Число их можно было бы легко умножить. Систематическая проверка должна обнаружить еще более значительное количество пропусков. Повидимому недостаточно тщательно обработаны отделы IV и VII первого тома «Капитала».

С. А. Гурвич и **В. Н. Позняков.** Заработная плата. Теоретические основы и современные проблемы. Госиздат, М. — Л. 1929, стр. 140.

Теории заработной платы, — как, впрочем, и многим другим отделам политической экономии, — не повезло в нашей учебно-популярной литературе. Заработная плата есть цена рабочей силы, — вот определение этой категории, которое стало традиционным в многочисленных наших популярных учебниках. Авторы рецензируемой книги порывают с этой традицией и правильно определяют заработную плату как цену труда, которая представляет собой превращенную форму стоимости и цены рабочей силы. Достоинством рассматриваемого нами пособия является также сочетание анализа теории заработной платы с конкретно-описательным материалом, который освещает современные проблемы заработной платы. Теоретической части посвящены главы: I — Капиталистическая эксплоатация. Рабочая сила. Ценность рабочей силы; II — Цена рабочей силы; III — Заработная плата; IV — Формы заработной платы; X — Теоретическая постановка проблемы заработной платы в СССР. Эта часть написана В. Н. Позняковым. Конкретный материал представлен главами: V — Обоснование систем заработной платы у Гантта; VI — Тэйлоризм; VII — Проблема заработной платы у Форда; VIII — Капиталистическая рационализация и IX — Тенденция заработной платы при капитализме. Конкретные главы написаны С. А Гурвичем. При всей правильности общей методологической установки, рассматриваемая нами книга не лишена целого ряда ошибочных положений. Об абстрактном труде мы читаем: «Как источник ценности труд выступает в своей общественной форме: ценность образуется абстрактным трудом; абстрактный же труд, это — трата энергии, но трата энергии, —

и это является главным, решающим моментом. — автономного, самостоятельного товаропроизводителя. Следовательно, он представляет некое единство, — единство физиологической траты энергии или труда вообще и определенной формы организации производства — товарной формы общества» (стр. 19). Хотя авторы и пытаются синтезировать физиологическую трактовку категории абстрактного труда с социологической, однако их эклектическая точка зрения на эту основную категорию страдает теми же погрешностями, что и физиологическая версия. Нельзя согласиться с категорическим утверждением: «Сила, а именно сила двух противоположных классов, т. е. классовая борьба, решает вопрос о цене, а в конечном счете и о ценности рабочей силы» (стр. 55). Это — формулировка в духе так называемой социальной теории распределения. Авторы склонны думать, что социальная теория распределения применима к социалистическому сектору хозяйства СССР и к первым стадиям социализма. Авторы пишут: «Не мотивируя, выскажем здесь только свой взгляд на ту основу, выражением которой является заработная плата в обществе переходного от капитализма к социализму типа (включая сюда и первые стадии социализма). Нам кажется, что здесь будет права социальная теория распределения, с тем только весьма существенным отличием, что здесь не будет места борьбе классов» (стр. 12). В примечании авторы отмечают: «во избежание недоразумений оговоримся, что здесь речь идет о социалистическом секторе» (стр. 12). Эта формулировка неправильна, ибо лишение социальной теории распределения одного из ее существенных признаков — борьбы классов — является, тем самым, отказом от этой теории распределения. Большие сомнения вызывает также трактовка, которая дается авторами так называемой теории обнищания. Авторы полагают, что мерилом для суждения о жизненном уровне рабочего класса является не абсолютный уровень. «Дело, следовательно, не в абсолютном уровне, — читаем мы у Гурвича и Познякова: — истинное мерило для суждения об улучшении или ухудшении [положения] рабочего класса дается нам сравнением потребностей... рабочего класса с тем уровнем, которым он мог бы пользоваться при данном состоянии производительных сил. Известным критерием для этого может служить уровень жизни господствующих классов» (стр. 36). И далее: «С этой точки зрения падение ценности рабочей силы, являющееся результатом роста производительных сил, означает и падение доли рабочего класса в произведенной им массе продуктов, и абсолютное его обнищание, абсолютное понижение его жизненного уровня по сравнению с тем уровнем, который могло бы ему в данный момент обеспечить развитие производительных сил» (стр. 37). Авторы, таким образом, стоят на точке зрения Каутского, который обосновывал относительное обнищание.

Резюмируем: благодаря правильной методологической установке авторов, несмотря на ошибочность некоторых отдельных положений, рецензируемая книга, по сравнению с нашими учебными руководствами, является значительным достижением в деле популяризации теории заработной платы.

Rudolf Hertel. Die Erklärung der Krisen bei J. St. Mill und Marx, 1928, S. 49.

Рудольф Гертель. Объяснение кризисов у Дж.-Ст. Милля и Маркса.

За последние десятилетия в буржуазной экономии значительно возрос интерес к проблеме конъюнктуры. Одновременно с этим усилилось течение, пытающееся доказать, что теория цикла или конъюнктуры (обе проблемы, за редким исключением, отождествляются) делает излишней особую теорию кризисов. Одной из таких попыток является докторская диссертация Гертеля. Темой ее служит исследование теории кризисов у Милля и Маркса. Выбор темы объясняется главным образом тем, что оба названных исследователя, по мнению автора, рассматривают «конъюнктуру как связное движение... и стоят на пороге новых методов изучения конъюнктуры, начало которым положил Кл. Жюгляр» (стр. 47).

Своей теории кризисов автор не дает, о ней можно судить только по отдельным замечаниям; наиболее полным отражением взглядов автора на проблему кризиса мо-

жет служить следующее замечание, сопровождающее цитату из книги Касселя: «Это небольшое изложение уже ясно показывает, что кризис не может теперь рассматриваться как особое явление, но должен пониматься как часть движения хозяйственной жизни в процессе ее подъема и падения, как часть конъюнктуры» (стр. 3).

Соответственно своим взглядам автор приписывает Марксу свою формулу конъюнктуры. «Он [Маркс] не рассматривает кризис изолированно, как таковой, но признает связанность отдельных стадий конъюнктуры — подъем, кризис, депрессию... и дает исключительно цельное объяснение всем этим стадиям» (стр. 47). Действительно, Маркс наметил основы теории цикла, но отсюда никак не следует, что он растворил теорию кризисов в теории конъюнктуры.

Гертель начинает с вопроса о том, что̀ служит причиной кризисов по теории Маркса — недопотребление или перепроизводство? Для него этот вопрос остается неразрешенным благодаря неправильному пониманию теории кризисов Маркса.

Гертель не понимает, что Маркс в своей теории кризисов объяснил специальную форму разрешения противоречий, развивающихся в движении капиталистического хозяйственного процесса. Поэтому автор не исследует, в чем именно видел Маркс основное противоречие капиталистического способа производства, проявляющееся в кризисах. В его изложении теории Маркса меньше всего уделено внимания процессу воспроизводства капитала, а больше всего — отдельным замечаниям Маркса, сделанным по поводу разрешения той или иной частной проблемы, причем автор не стремится увязать эти замечания в одну систему; он ограничивается тем, что рассматривает, насколько то или другое отдельное замечание объясняет причину кризисов.

Особое внимание Гертель уделяет тенденции нормы прибыли к понижению и связи этого закона с кризисами.

Гертель считает, что теория кризисов у Маркса получила свое полное выражение в данном Марксом объяснении падения нормы прибыли. В заключительном обзоре всех замечаний Маркса о кризисах автор прямо говорит, что «объяснение кризиса у Маркса есть объяснение кризиса падением нормы прибыли» (стр. 44). При этом нужно отметить, что у автора неясно выявлена связь падения нормы прибыли с кризисами, и можно предполагать по его изложению, что он мыслит себе эту связь непосредственной. Только внешняя связь между падением нормы прибыли и кризисами отмечена автором, а процесс воспроизводства капитала остается вне его поля зрения. Автор определенно избегает последней проблемы, и не только избегает ее, но даже опускает, где это только возможно, из цитируемых мест упоминание о ней. Его интересуют только выводы, и он оставляет без внимания процесс. Благодаря этому мысли Маркса в его изложении приобретают неправильный характер. Так, например, Гертель, передавая мысли Маркса об общем перепроизводстве, делает ударение на том, что «диспропорциональность производства есть характерная особенность капиталистического производства, потому что последний протекает без плана, не руководится удовлетворением потребностей и т. д.» (стр. 38). У Маркса эта же мысль имеет другое ударение, как видно из следующих его слов: «Когда говорят, что происходит не общее перепроизводство, а только нарушение пропорций между различными отраслями производства, то это не означает ничего иного, кроме того, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства выступает из диспропорциональности как постоянный процесс, и т. д.» («Капитал», т. III, стр. 233).

Также, объясняя марксово понимание перепроизводства, Гертель говорит: «Перепроизводство у Маркса — скорее противоречие между тенденцией капиталистического способа производства к абсолютному развитию производительных сил и его собственными условиями производства» (стр. 38), причем опускает конец этой фразы: «в которых движется и только может двигаться капитал» (стр. 233).

Благодаря недопустимым «упрощениям» в изложении закон падения нормы прибыли приобретает у Гертеля неправильный и неясный характер. Излагая конфликт между развитием производства и увеличением стоимости, Гертель устремляет все свое внимание на внешнюю сторону «кругооборота процесса» (к тому же он не всегда правильно излагает мысли Маркса) и в своем изложении не отражает мысли Маркса

о том, что «периодическое обесценение наличного капитала... нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала...»

Интересно отметить, что автор изменяет самый порядок изложения развития внутренних противоречий закона. Передавая делаемый Марксом анализ избытка капитала в «упрощенном» виде, Гертель переходит к изложению различия условий производства прибавочной стоимости и ее реализации, т. е. к общим замечаниям, в то время как Маркс начинает свое изложение с этих общих замечаний. Заканчивает Гертель свое изложение — перепроизводством. Такой порядок изложения соответствует тем выводам, которые автор из него делает.

Уже из сказанного ясно, что у Гертеля закон падения нормы прибыли получил другой характер, чем у Маркса. В то время как Маркс подчеркивал его условный характер и из всего объяснения, делаемого им, вытекает, что при известных условиях, даже при техническом прогрессе, норма прибыли может не только не понижаться, но даже повышаться, в изложении Гертеля этот закон имеет абсолютный характер. Вероятно благодаря этому Гертель посылает упрек Марксу в «не-эмпирическом» характере (стр. 45) его теории кризисов, показав этим самым лишний раз свое непонимание механизма нарастания перепроизводства в период подъема, как и перехода подъема в кризис.

Какое же место занимает недопотребление и перепроизводство в теории кризисов Маркса? «Нужно указать, — говорит Гертель, — что Маркс в данной связи не видел в недопотреблении и перепроизводстве причины кризиса; оба они у Маркса скорее только явления, способствующие и ускоряющие развитие к кризису. Каково их воздействие на развитие кризиса, Маркс определенно не указал» (стр. 38). Как Маркс объяснял кризис? «Маркс представлял кризис, в связи с законом падения нормы прибыли, как насильственное, периодически наступающее уравнение внутренних противоречий, которые являются последствиями закона падения нормы прибыли; полюсы этих противоречий: с одной стороны, бесплановое, нерегулированное и безграничное капиталистическое производство как следствие безостановочно действующего стремления к получению прибыли, и с другой — становящийся все более узким базис потребления» (стр. 39). Какие силы обусловливают падение нормы прибыли? «Маркс видит основание для падения нормы прибыли в присущей капиталистическому способу производства тенденции повышать органический состав капитала под влиянием стремления к извлечению прибыли» (стр. 48).

Благодаря непониманию автором теории кризисов Маркса он прекращает свой анализ там, где этот анализ должен был бы, собственно, начаться, и механически связывает падение нормы прибыли с кризисом. Автор старается отыскать объяснение кризисов в отдельных замечаниях Маркса, не отличая возможность кризиса от его необходимости.

Критика автора не отличается оригинальностью, она сводится к тому, что учение Маркса о стоимости и прибавочной стоимости, составляющее основу закона падения нормы прибыли, — несостоятельно. «Теперь, во всяком случае, его придерживаться нельзя. Вместе с фундаментом падает теория падения нормы прибыли, теория кризисов, вырастающая на последней» (стр. 44).

Вывод Гертеля, состоящий в том, что теория кризисов Маркса есть теория «цельная, но несостоятельная» (стр. 47), смущает самого автора, который считает весьма странным, что «такой выдающийся ум, как Маркс, оставался на уровне своих предшественников в понимании связи между явлениями в этой специальной области исследования» (стр. 47). Выход из этих сомнений Гертель видит в том, что Маркс, по его мнению, пошел дальше своих предшественников в теории цикла, но не в учении о кризисах.

Гертель не сознает, что этим противопоставлением он расписывается одновременно в непонимании теории кризисов Маркса и в желании заменить теорию кризисов теорией конъюнктуры, базирующейся, по мнению автора, на эмпирических, индуктивных наблюдениях.

IV. ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ

Bronislaw Malinowski. The father in primitive psychology. London 1927, p. 93.

Бронислав Малиновский. Отец в примитивной психологии.

Туземное население Тробриандских островов (небольшого архипелага, расположенного на северо-восток от Новой Гвинеи), принадлежащее к этнической группе меланезийцев, еще недавно было почти совершенно неизвестно этнографии. Впервые исследовал тробриандцев Бронислав Малиновский, в настоящее время один из наиболее видных этнографов, недавно избранный профессором Лондонского университета. Троекратное стационарное пребывание на архипелаге, тесное общение с туземцами и усвоение их языка дали возможность Малиновскому собрать чрезвычайно интересный и ценный материал, который автор опубликовывает постепенно в ряде работ, привлекших уже к себе большое внимание. Настоящая небольшая книжка посвящена вопросу об идее отцовства в примитивном мышлении, причем автор базируется исключительно на тробриандском материале. Этот материал, а отнюдь не методология и некоторые общие рассуждения автора, имеет несомненный и большой интерес. На Тробриандских островах мы находим любопытнейший образец примитивного общества. Идея, что только мать дает жизнь ребенку, тогда как отец ни в каком отношении не причастен к его появлению на свет, является, — говорит Малиновский, — самым важным фактором социальной организации тробриандцев. Согласно представлениям туземцев о процессе зачатия, связанным с известными мифологическими и анимистическими верованиями, ребенок состоит из той же субстанции, что и мать, между тем как между отцом и ребенком не существует никакой связи. Это представление предопределяет систему родства и воплощается во всех тех правовых и социальных явлениях, которые определяются родством. Поэтому же понятие «отца» у тробриандцев,— говорит Малиновский, — отнюдь не имеет того правового, морального и биологического содержания, которое оно имеет для нас. В представлении туземцев «отец» есть преимущественно только «муж матери». Разгадка и объяснение этого факта и его своеобразных социологических последствий лежат прежде всего в представлениях тробриандцев, касающихся области пола, половой жизни и зачатия. Туземцы, — говорит Малиновский, — обладают конкретными практическими познаниями в области анатомии человека, имея большой набор слов для обозначения различных частей тела и внутренних органов. Однако их физиологические представления крайне дефектны и часто фантастичны. Останавливаясь в подробностях на идеях тробриандцев касательно половой сферы, автор переходит к представлениям туземцев об источнике жизни и перевоплощении духов, которое является единственным источником возникновения новых жизней: все рождающиеся дети являются воплощенными духами. Таким именно вселением духа в тело матери объясняется процесс зачатия и рождения ребенка. Подобная концепция, — утверждает Малиновский, — совершенно не оставляет места для представления о физическом отцовстве. В действительности тробриандцы не только не имеют понятия о генеративном значении полового акта, но, как показывают приводимые автором утверждения туземцев, решительно отвергают и оспаривают подобное предположение. Таким образом, вопрос, кто является действительным, физиологическим отцом данного ребенка, встречается тробриандцем как нечто совершенно бессмысленное.

Из этих представлений тробриандских островитян Малиновский выводит, как социальное следствие, форму семьи, отношения между супругами и, в особенности, совершенно своеобразные отношения между детьми и их отцом, с одной стороны, и их дядей — с другой. Со вступлением в брак женщина поселяется в группе своего мужа, между тем ее дети в хозяйственном, социальном и правовом отношении принадлежат к ее матрилинейному роду, территориально прикрепленному к другому селению. Поэтому отец и его дети считаются чужими, и, как описывает Малиновский в одной из других своих работ, дети, с наступлением возмужалости, покидают своих родителей и переселяются в группу своей матери, входя в хозяйство и наследуя своему дяде. Таковы

социальные факты, которые автор выводит из описанных сторон примитивной психологии. «Мое твердое убеждение сводится к тому, что отсутствие представления об отцовстве составляет основную черту примитивного мышления и что все построения, касающиеся происхождения брака [и семьи?] и эволюции обычаев в области половой сферы, должны учитывать этот фундаментальный факт», — говорит Малиновский в заключение своей работы.

H. I. Massingham. The Golden Age. The story of human nature. («The Beginning of things».) General Editor: G. Elliot Smith, London 1927, p. 88.

Г. И. Мессингем. Золотой век. История человеческой природы. («Начало вещей».)

«Был не один золотой век. Золотой век существовал за много тысячелетий до того, как боги и цари стали предметом поклонения, как были открыты искусства полировки камня, употребления металлов, приручения животных и обработки земли Был золотой век тех примитивных народов, многие из которых сохранились от доисторических дней до нашего времени. Наконец, есть золотой век, который идет, перемежаясь, через всю историю цивилизации в качестве поэтической традиции, формовки идей, динамического возбудителя реконструкции социального здания и вдохновителя человеческого сердца» — такой тирадой начинает автор предисловие к книжке, которая и посвящена эскизному изображению этих различных, в понимании автора, аспектов золотого века.

В подлинном золотом веке жило первобытное человечество, пещерные обитатели верхнего палеолита, создатели замечательного искусства. Память об этом золотом веке первобытности впервые нашла себе литературное выражение у Гезиода, а позднее варьировалась в изображении ряда греческих и римских писателей. По Мессингему, все эти свидетельства представляют конкретные исторические сведения, подтверждающиеся современными археологическими данными об отдаленном прошлом человечества. Живые примеры людей, пребывающих в золотом веке, о котором говорит классическая традиция, можно найти среди современных примитивных народов. К счастью,— говорит автор, — до сих пор существует примерно тридцать племен, которых можно безошибочно считать первобытными и которые, несомненно, представляют собой остатки общего для всего человечества состояния до цивилизации. Ссылаясь на отзывы этнографов и путешественников о веддах, негритосах Малайского полуострова и архипелага, индейцах Калифорнии, пигмеях Конго, бушменах, эскимосах, лапландцах, самоедах, кубу на Суматре и пр., автор всерьез приходит к заключению, что все эти народы, в их нетронутом цивилизацией состоянии, дают свидетельства, как он выражается, красоты, миролюбия и душевного мира как в личных отношениях, так и в общественной жизни. Все отрицательные черты быта этих примитивных народов являются только результатом влияния цивилизации, с которой им пришлось столкнуться.

Переходя к другой части своей темы — истории идеи золотого века в истории мысли, — Мессингем говорит, что эта концепция, признанная в качестве исторической реальности греческими и римскими мыслителями, принимает в позднейшей литературе пессимистическую и фаталистическую окраску: упадок и деградация принимаются как процесс неизбежно и механически следующий за примитивным совершенством. Несмотря на глубокую противоположность мировоззрений средневековой и классической мысли, существует близкое сходство соответствующих представлений о золотом веке: налицо очевидная параллель между греческим циклом начального совершенства, за которым следует постепенный упадок, и теологической догмой о первородном грехе и последующем падении человечества. В XVII и XVIII веках зарождается и получает первое оформление идея прогресса, игнорирующая, однако, концепцию золотого века. Руссо первый соединил признание исторической действительности золотого века с теорией человеческого прогресса. С господством энциклопедистов над умами Франции золотой век начинает впервые в истории занимать свое настоящее место в царстве идей, соединяя прошлое с проекцией в будущее. В этой новой форме концепция золотого ве-

ка входит в идейный обиход ряда позднейших писателей, в том числе и представителей утопического социализма. Великим грехом современного социализма автор считает отход от идеи золотого века с его верой в изначальное совершенство человеческой природы. Автор скорбит о том, что марксизм утратил старую, пацифистскую, как он выражается, концепцию и те основные догматы, которые логически, прямо или косвенно, вдохновлялись верой в золотой век. С другой стороны, великой заслугой английской диффузионистской школы является для Мессингема воврождение идеи золотого века. В заключение автор предлагает ряд своих идеологических тезисов, из которых достаточно привести один: «Ни прогресс, ни регресс, — говорит он, — не представляют собой неизбежного процесса. Каждый из них обусловлен социальными и политическими факторами, создаваемыми самим же человеком. Другими словами, мы приближаемся к более полному просвету или возвращаемся к еще большему варварству в зависимости от того, стараемся ли дать простор человеческому духу или отвергаем его».

Таково вкратце содержание беглого, местами сумбурного, выдержанного в напыщенном стиле, очерка английского автора, представляющего собой, однако, весьма яркий образчик буржуазной идеалистической стряпни. Между тем история идеи золотого века, ее литературной судьбы и ее общественного влияния несомненно заслуживает нового специального исследования. Не менее интересна в известной мере параллельная тема о влиянии представлений о так называемых примитивных народах на историю социальной мысли. Идеализация современных наиболее отсталых народностей, столь абсурдно возрожденная Мессингемом, путем вульгарного использования этнографического материала, представляет собой на самом деле весьма любопытную главу истории как художественной, так и социологической литературы.

V. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ НА ЗАПАДЕ

В. А. Васютинский. Разрушители машин в Англии. Изд. «Московский рабочий», М. 1929, стр. 148.

Книга Васютинского знакомит читателя с ранним периодом истории английского рабочего движения. Автор описывает движение луддитов, возникшее в начале XIX столетия как результат промышленного переворота. Книга состоит из восьми небольших глав. Две первые из них посвящены рабочему законодательству Англии начала XIX века и зарождению профессионального движения («рабочие союзы»); в III—V главах рассматривается технический прогресс и его социальные последствия в трикотажной, суконной и хлопчатобумажной промышленности; VI—VIII главы излагают самое движение луддитов в Ноттингэме, Иоркшире и Ланкашире. В введении автор отмечает малую освещенность вопроса не только в русской, но даже и в английской литературе. «Только труд Гаммондов «Квалифицированный рабочий» («The skilled labourer») положил начало его серьезному изучению» (стр. 3). Свою работу автор рассчитывает на читателя типа вузовца или профработника, скромно признавая, что книжка не претендует на значение исследования, «хотя и написана главным образом на основании первоисточников» (стр. 3).

Автор затронул очень интересную тему. Для своей работы он использовал большой материал, собранный в английском кабинете Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Книга написана довольно живо и популярно. Автор стремился придать своему труду вполне марксистский характер. Он подчеркивает обострение классовых противоречий в результате промышленного переворота и самыми яркими красками описывает бедственность положения широких рабочих масс и трагическую судьбу «разрушителей машин». В то же время он сопоставляет луддитское движение с современностью. «Как тогда, так и теперь, — замечает он, — основной тенденцией буржуазии была рационализация производства и извлечение возможно большей прибыли. Под этим лозунгом проходила промышленная революция в Англии, с этим же девизом ведут борьбу против рабочего класса современные твердолобые» (стр. 140). Однако в работе есть ряд таких противоречий и недостаточно

продуманных положений, которые в значительной степени обесценивают ее положительные стороны. Крупнейшим недостатком книги является то, что автор явно не разобрался в самой проблеме промышленного переворота. Подчеркивая техническую сторону — распространение машинизма, он совершенно недостаточно учитывает социально-экономический момент в промышленной революции и часто не различает торговый капитал от промышленного капитала. В результате искажается перспектива промышленного переворота, и последний в изображении т. Васютинского превращается в картину довольно длительных технических изменений, теряя свой подлинный характер — настоящей революции социально-экономических отношений.

Смешение понятий (торгового и промышленного капитала), нечеткое представление о сути промышленного переворота чувствуется с самого начала работы. Автор рассматривает трикотажную промышленность, считая ее наиболее типичной и интересной при изучении промышленного переворота. «Большинство писателей, исследовавших историю промышленности в Англии,— пишет В. А. Васютинский, — в качестве примера наиболее быстрого распространения машинизма ссылаются на хлопчатобумажное производство, в качестве образца пролетаризации ремесленников — на шерстяное. Существует, однако, еще одна область текстильной индустрии, где и то, и другое явление наблюдается в не менее яркой, а может быть, и в более типичной форме, — мы имеем в виду трикотажную промышленность...» «Если задаться мыслью установить хронологическую дату наступления промышленной революции в применении к трикотажному производству, то наши цифры указывают ее с почти неопровержимой точностью, именно: начало второй половины XVIII века» (стр. 42). Но в дальнейшем, рассказывая, какова же была эта промышленная революция, автор приводит целый ряд фактов, которые говорят лишь о системе так называемой «домашней промышленности». Автор констатирует, что «производство попрежнему происходило на дому, что крупное механическое производство прививалось мало», что «только в 40-х годах XIX века началось развитие собственно-фабричной системы» (стр. 45). Касаясь изменений в социальном составе трикотажников, автор подчеркивает факт экономического расслоения, наблюдавшийся еще в 60-х годах XVII столетия, когда мелкие мастера стали попадать во все увеличивавшуюся зависимость от богатых трикотажников. Он описывает, как скупщики постепенно превращались в предпринимателей, снабжая работавших на них кустарей не только сырьем, но и орудиями труда. Все эти факты характеризуют лишь систему мануфактурного строя производства, своеобразное переплетение торгового капитала с промышленным, но еще не настоящий промышленный переворот в классической его форме, т. е. в форме возникновения фабричной промышленности. Кустарь, работавший у себя на дому, хотя бы и орудиями мануфактуриста-скупщика, все же не представляет собою настоящего индустриального рабочего, равно как и скупщик, даже на этой стадии, не есть еще настоящий фабрикант. Кроме того, надо учесть и то обстоятельство, что на-ряду с кустарями, работавшими орудиями хозяев, многие другие мелкие производители имели и собственные станки, причем соотношение между обеими категориями для второй половины XVIII века еще точно не определено, а приводимые цифры носят лишь примерный характер (стр. 47). Во всяком случае движение вязальщиков, как это признает и автор, оставалось все время на почве ремесленного производства, трикотажники мечтали лишь освободиться от эксплоатации предпринимателей, по отношению к которым они являлись арендаторами станков; они мечтали вернуть себе прежнее самостоятельное положение (стр. 52). Но если, таким образом, термин «промышленная революция» не может быть в настоящем смысле слова применен к трикотажной промышленности рассматриваемого периода, то неправильным, необоснованным является и то предпочтение, которое оказывает ей автор по сравнению с хлопчатобумажной промышленностью, где действительно промышленная революция получила полный, законченный характер. В связи с этим книга значительно выиграла бы от изменения плана; следовало начать именно с хлопчатобумажной промышленности. Автор же начинает свою книгу с главы «о рабочем законодательстве в начале XIX века»!

Ряд возражений вызывает и глава о суконной промышленности. Автор считает,

что механизация способов производства началась здесь позднее, чем в трикотажной и хлопчатобумажной промышленности. «Тем не менее, — подчеркивает В. А. Васютинский, — не следует преуменьшать темп проникновения машинизма в суконное производство: ряд новых изобретений был введен именно здесь, как это доказывают самым убедительным образом новейшие исследователи, и приводимые в дальнейшем цифры подтверждают это положение» (стр. 55). Автор приводит целый ряд данных, которые действительно, с одной стороны, говорят о распространении машин и даже отчасти фабричной системы в суконной и шерстяной промышленности уже во второй половине XVIII века, а с другой — свидетельствуют о большом росте этой отрасли промышленности в смысле увеличения продукции, вложения капиталов, увеличения числа занятых рабочих и т. п. Но вывод, который при этом делает автор, звучит опять-таки довольно странно. «Приведенные факты, — пишет он, — свидетельствуют о проникновении капиталистических начал в шерстяное производство. Поэтому, кажется нам, некоторые исследователи ошибаются, когда говорят о слабом и более позднем проникновении капитализма в эту отрасль промышленности, чем в хлопчатобумажную». Как будто торговый капитал, уже начиная с XV века, не проникал в эту старейшую отрасль английской промышленности! Сама домашняя система производства, о которой двумя страницами далее говорит автор, является, конечно, тоже капиталистической системой, основанной на эксплоатации кустаря скупщиком-капиталистом. Как видим, и здесь социально-экономический момент у автора смешивается с понятием главным образом чисто технических изменений. Для читателя остается не совсем убедительным и другое положение автора, вытекающее из его сравнения переворота в суконной и хлопчатобумажной промышленности. У автора заметна явная тенденция к некоторой переоценке сдвигов в первой по сравнению со второй. Между тем материал V главы определенно говорит о том, что процесс технической революции и развитие фабричной системы в хлопчатобумажной отрасли производства происходили в несравненно более бурных и ярких формах, чем это наблюдалось во всех иных отраслях производства.

Главы о луддизме изложены более удачно. Автор, опираясь на работу Гаммондов и на основе непосредственного знакомства с некоторыми источниками (парламентские дебаты, судебные отчеты, отчасти современная пресса), не только передал основные факты движения, но и осветил ряд интересных сторон этого движения. В частности очень рельефно изображена политика правительства и связь последнего с промышленной буржуазией, поставлен интересный вопрос об отношении к рабочему движению либералов и радикалов. Определяя классовое лицо луддитов, автор правильно рассматривает их движение как борьбу разоряющихся мелких производителей против наступавшего промышленного капитала. «Социальной состав участников луддитского движения, — пишет он, — был таким же, как и в более ранних рабочих волнениях: рабочие домашней промышленности или мелких мастерских, как, напр., стригали, рассчитывающие при благоприятных обстоятельствах сами сделаться хозяевами. Таким образом, движение луддитов было движением мелких ремесленников и кустарей, т. е. мелкобуржуазным и полупролетарским» (стр. 138—139). К сожалению, автору не удалось конкретизировать это положение. Не совсем ясно, какую роль играли в движении ремесленные элементы, кустари, еще владевшие собственными орудиями производства, и те «полупролетарские» элементы, которые уже успели превратиться в мануфактурных рабочих (мануфактурно-децентрализованного типа). Также вызывает сомнение другое усиленно подчеркиваемое автором положение, что луддиты ничего не имели против самих машин, а боролись лишь против фабричной системы с ее эксплоатацией. «Наивно было думать, — читаем мы, — что машины сами по себе вызывали ненависть луддитов. Наоборот, разрушая машины, они били в самое сердце капиталиста, подрывали его силы и наносили убыток; это, думали они, остановит проникновение фабричной системы» (стр. 63, 82 и 119). То, что луддиты боролись против фабричной системы, — неоспоримо. Но можно ли в данном случае отделять от фабричной системы самые машины и говорить, что, выступая против фабрикантов, против фабрики как таковой, луддиты не боролись против самих машин? Конечно, нет. В этом

и состоит своеобразие их борьбы, ее отличие от более позднего рабочего движения, в котором будут участвовать уже настоящие индустриальные рабочие, иначе относившиеся как к фабричной системе, так и к самим машинам, и потому совершенно по-иному строившие свою борьбу. Кустарь мог использовать усовершенствованный станок и даже небольшую ручную машину (вроде «дженни»), но он не мог примириться с настоящей машиной развитого типа, которая в корне меняла способы производства, обрекая его, как мелкого производителя, на гибель. Поэтому, разрушая машины, луддиты — мелкие ремесленники и рабочие-кустари — не просто «мстили» фабрикантам, нанося им материальный ущерб, но действительно боролись против новой техники, угрожавшей их относительно независимому существованию. Именно в этом обнаружился экономически реакционный характер их движения.

Подведем итоги нашим замечаниям. Книга т. Васютинского будет прочтена не без интереса теми читателями, для которых она предназначается. Но она могла быть написана лучше, если бы В. А. Васютинский был более точен в своих формулировках и более глубоко подошел к исследованию самого промышленного переворота. Автору нужно изжить как можно скорее методологическую путаницу в этом важном вопросе.

С внешней стороны книга подготовлена к печати тщательно. Несколько громоздким кажется аппарат примечаний, число которых могло быть значительно уменьшено без ущерба для дела. К книге подобран ряд иллюстраций, заметно оживляющих текст. К сожалению, качество бумаги оставляет желать лучшего.

L. de Cardenal, membre de la Société de la Révolution et de la Société des études robespierristes. La Province pendant la Révolution. Histoire des clubs jacobins (1789 — 1795). Payot, Paris 1929, p. 517.

Л. де-Карденаль, член Общества истории революции и Общества, занимающегося изучением деятельности Робеспьера. Провинция во время революции. История якобинских клубов (1789 — 1795).

Сам Карденаль признает в предисловии, что, «конечно, лучше было бы представить результаты этого труда с массой объяснительных примечаний и ссылок; благодаря этому легче было бы проследить взаимную связь различных течений и установить их различные оттенки». Но, боясь смутить читателя объемистым аппаратом, Карденаль предпочел представить текст, «освобожденный от всяких дополнений, могущих дать читателю объяснения, но в то же время способных и оглушить его», и ограничился указанием литературы предмета.

Признавая, что еще нет многих данных, наличность которых позволила бы написать с чисто объективной точки зрения совершенно беспристрастную историю политических клубов революционной эпохи, Карденаль предостерегает от «рискованных обобщений». По мнению Карденаля, якобинские клубы представляют собой «галлерею искренних патриотов, кротких энтузиастов, свирепых сектантов и ловких эгоистов». Окончательный вывод Карденаля, который «может показаться чрезмерно упрощенным», но представляется ему «приемлемым как для поклонников, так и для противников» якобинской идеологии, сводится к тому, что «если во многих из якобинских клубов встречались опасные фанатики и преступники, то даже в худшие дни в них можно было найти не только каннибалов и шарлатанов» (стр. 7).

В кратком очерке, посвященном клубам, существовавшим во Франции до революции, Карденаль подчеркивает, что франк-масонство не было антиправительственной организацией, хотя некоторые ложи, может быть, были склонны к непосредственно революционной деятельности. Он не отмечает попытки графа Мирабо выработать для масонства конкретную социально-политическую программу.

Заслуживают внимания критические замечания о попытках связать возникновение Бретонского клуба (из которого вырос Якобинский клуб) с «первыми революционными клубами, возникшими в Ренне под мирным названием читален» (стр. 29). Карденаль дает сводку данных о провинциальных клубах, например о дижонском, основанном 7 сентября 1789 г., когда Парижский якобинский клуб «еще не вышел из эмбрионального состояния» (стр. 35). В общем очерк «происхождения, развития и упадка

клубов» составлен слишком суммарно. В указателе литературы, на-ряду с общими историями революции, отмечены и специальные монографии о провинциальных клубах. Глава о личном составе клубов и об изменениях состава дает гораздо меньше, чем можно было бы ожидать, судя по заглавию. Карденаль ограничивается общим замечанием, что «клубы вовсе не состояли, как часто утверждали, из подонков общества»; что «из документов выясняется, что основатели якобинских клубов принадлежали к буржуазии и к образованным кругам» и что «огромное большинство членов клубов было активными гражданами, т. е. принадлежали к классу, общественное положение которого не позволяет считать его чернью; и следует предполагать, что пассивные граждане, допускаемые в клубы, удостаивались этой чести лишь при наличности нравственных качеств, обеспечивавших за ними все голоса» (стр. 49).

Отметив, что после 10 августа, когда исчезло различие между активными и пассивными гражданами и когда в принципе клубы стали доступными для всех граждан (как требовал Робеспьер в день падения монархии), Карденаль ограничивается общим указанием на увеличение количества ремесленников, земледельцев и т. п. в клубах и подчеркивает, что «основное ядро попрежнему набирается из чиновников, педагогов, книгопродавцев, судоховяев, торговцев, врачей, юристов и т. п.» (стр. 51). Но сколько-нибудь точных данных о составе якобинских клубов в разные эпохи не дано.

«Чистки» клубов детально не рассмотрены; указания на изменения, вызванные чистками, недостаточно конкретны.

Провинциальные клубы Карденаль сравнивает с Конвентом в миниатюре: «Если в них были Горы, то в них оказывались и Равнины, и Болота. Огромное большинство членов клубов состояло из граждан, не отличавшихся широким размахом, ограничивавших свой кругозор злобой дня. Послушные и робкие, они шли за вожаками..., а раз избавившись от обычной робости, эти взбесившиеся бараны с тем большим озлоблением выступали против своих вожаков, чем больше они их до тех пор боялись» (стр. 59). Все это слишком бледно и схематично. Заслуживают внимания указания относительно провинциальных детских и женских клубов, особенно клубов девочек 8—10-летнего возраста.

Очень содержательная глава о внутренней организации клубов и об ее распаде дает представление о том, как функционировали якобинские провинциальные клубы. Процесс деворганизации якобинских клубов после 9 термидора изображен конкретно по протоколам клуба в Rodez; характерны детали «демаратизации». Карденаль утверждает, что приемы, применявшиеся руководителями термидорианской реакции, были «практически тождественны» с приемами, применявшимися в свое время монтаньярами (стр. 102), и сопоставляет те обвинительные речи, которые произносились после 9 термидора против вожаков клубов, с обвинительными речами этих вожаков против подозрительных во II году. И в этом отношении обнаруживается сходство с Конвентом: основное ядро составляло Болото... И в этой главе ценны библиографические указания.

В главе «Политическая жизнь. Оппозиция и ее ухищрения» дан исторический очерк расколов в якобинских клубах. В главе «Переход от монархии к республике» изложено пробуждение и развитие антимонархических настроений в провинции.

В главе «Революционное правительство» констатируется отмеченное Сен-Жюстом в речи, произнесенной им 23 вантоза II года, и живо изображенное Матьезом все возраставшее преобладание чиновников в якобинских клубах.

Одобрение Конвенту, выраженное многими клубами после 9 термидора, Карденаль считает «столь же искренним, как и прежние заявления». «Уверения в сочувствии Конвенту в действительности относились лишь к сильнейшей стороне; весьма вероятно, что если бы победителем в борьбе оказался Робеспьер, то он и его сторонники получили бы — под именем Конвента — точно такие же приветствия и такие же похвалы».

Затем Карденаль рассматривает якобинскую идеологию и выясняет реальный смысл лозунга «свобода, равенство, братство» в «преддемократический период» истории клубов и у «искренних санкюлотов».

Упомянув, что Дантон пользовался популярностью главным образом в Париже, Карденаль отмечает возрастание популярности Робеспьера в провинциальных клубах

и, поставив вопрос: что же такое представляла собой «робеспьеристская партия», приходит к заключению, что таковой в сущности не существовало и что термидорианцы намеренно объединяли искренних демократов, убежденных террористов и своекорыстных шарлатанов в группу «последователей Робеспьера».

Карденаль отчетливо выясняет роль клубов в организации национальной обороны и их просветительную деятельность. В главе «Аффилиация и федерация клубов» заслуживает внимания подчеркивание того, что на первых порах парижский клуб, «повидимому, не оказывал методически-творческого влияния на развитие провинциальных клубов» (стр. 396) и что и впоследствии «преимущественно моральное подчинение» провинциальных клубов парижскому «не исключало независимости провинциальных клубов, которую они проявляли каждый по-своему и которую они ревниво отстаивали» (стр. 402).

«Непосредственная борьба против врагов революции» охарактеризована объективно. Обстоятельно рассмотрены «сношения клубов с национальным представительством и с установленными конституцией властями» и возникавшие между ними трения, вызываемые разногласиями относительно желательного темпа революционной деятельности. Отмечено использование клубов, как органов надзора и общественной инициативы, Комитетом общественного спасения. Последняя глава посвящена «экономической деятельности клубов», в особенности их роли при осуществлении законов об установлении твердых цен. Карденаль подчеркивает «узко местный эгоизм» клубов в продовольственном деле.

«В «заключении» Карденаль утверждает, что «якобинский дух проявлялся при всех критических обстоятельствах», и говорит о «якобинстве Спартака и Цезаря, Игнатия Лойолы и Робеспьера, Ришелье и Фуше, Ленина и Муссолини» (стр. 506), признавая, что дать определение «якобинства» в истории революции так же нелегко, как в настоящее время нелегко определить, что такое «республиканец». В конце концов, Карденаль утверждает, что в «настоящее время мы называем большевизмом эволюционировавшее якобинство, которому, в свою очередь, суждено распасться на умеренный большевизм правого уклона и левый большевизм, или сверхбольшевизм». Эти рассуждения не свидетельствуют о ясности представлений Карденаля относительно «эволюции якобинства».

VI. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР

С. Я. Елпатьевский. Воспоминания за пятьдесят лет. Изд. «Прибой» Л. 1929, стр. 397.

Воспоминания С. Я. Елпатьевского, вышедшие в издательстве «Прибой» толстой книгой в 1929 г., в значительной своей части были напечатаны в 1928 г. в «Красной нови».

В. И. Ленин в свое время характеризовал Елпатьевского как «внимательного наблюдателя русской обывательской жизни», настроениям которой он «чутко» поддается. Ленин писал: «Поучительны взгляды и прямых врагов, и прикрытых врагов, и неопределенных, и неопределенно-«сочувствующих» людей, если это сколько-нибудь толковые, знающие и чуточку смыслящие в политике люди. К этому последнему разряду людей относится, несомненно, «трудовик» или «народный социалист» — а ежели говорить по правде, то радикальный буржуа или буржуазный демократ — Елпатьевский».[1] Вот этой точке зрения «буржуазного демократа», «чуткого обывателя» остался верен С. Я. Елпатьевский и в настоящий момент.

Несомненно, книга в целом не лишена известного бытового и исторического интереса: она захватывает уж очень большой промежуток времени (воспоминания начинаются 1870 годом и кончаются началом империалистической войны, 1914 годом). Елпатьевский сообщает не лишенные интереса подробности об эпигонах народоволь-

[1] Н. Ленин, На темы дня. Радикальный буржуа о русских рабочих. (Собр. соч., т. XII, ч. II.)

чества Мартынове, Лебедеве, о мало известных шестидесятниках, как Ведерниковы, Голиков, Хвощинская и др. Но принадлежа к людям, по замечанию Ленина, хоть «чуточку смыслящим в политике», являясь передовым русским «ликвидатором», «социал-кадетом», Елпатьевский и в «Воспоминаниях» своих часто больше публицист, нежели мемуарист.

С. Елпатьевский вышел как врач на арену общественной деятельности в конце 70-х годов, в эпоху увядания дворянства, в эпоху разорения «дворянских гнезд». Этому явлению гр. Елпатьевский дает следующее «социологическое» объяснение:

«Реформы и «воспособления» дворянского царя не остановили процесса умирания дворянства как сословия. В литературе [!?] прочно утвердилось мнение, что все дело в психологии дворянства, в его неумении приспособиться к новым условиям жизни и освободиться от традиций и психологии крепостных времен» (стр. 33).

Это — оригинальная точка врения! Но о какой «литературе» говорит г. Елпатьевский? Разорение дворянства как результат «дворянской психологии»! Елпатьевский и теперь еще не в силах отделаться от элегического чувства, возбуждаемого в нем мыслями о русском дворянстве. У него осталось «впечатление», что «русское дворянство» — «самое демократическое»; он умиленно сообщает: «на моих глазах происходило удивительно простое и легкое ассимилирование дворянства с русскими разночинцами» (стр. 47).

Но не только «дружбу» с «разночинцами» ставит гр. Елпатьевский в заслугу дворянству. «Первое революционное движение с требованием народоправства и освобождения крестьян исходило от дворян», «вся великолепная классическая и такая демократическая литература создана была дворянством», и, наконец, «бытовые явления [!!] дворянства были непохожи на западно-европейскую жизнь».

Арестованный в середине 70-х годов — Елпатьевский дает совершенно идиллическое изображение тюремного быта и нравов. Первую ночь и день ареста Елпатьевский мирно проводит на квартире ротмистра. («В тюрьму вас не отправлю. Не могу. Что за тюрьма здесь! Гнилушка, грязь, вонь, камеры холодные, гулять негде. Клоака»!) Пасху он проводит следующим образом: «А на другой день начались визиты. Я не говорю уже о моих друзьях, приезжал городской голова, обращавшийся ко мне за советом, мировые судьи, нотариус, член земской управы, коекто из уезда» (стр. 81).

Эта идиллическая патриархальность, конечно, объясняется не только чрезмерной провинциальностью скопинской жизни. На самом деле нравы были уже и в то время не столь просты и легки. В ссылке в Уфе «губернатор Шрамченко встретил меня очень любезно» (стр. 87), — пишет гр. Елпатьевский; другому губернатору, Щепкину (стр. 90) «вменялось в вину, что он был в близких сношениях с известным политическим преступником Елпатьевским», в доказательство чего приводилось, что Елпатьевский купил у него, Щепкина, пару лошадей (за 130 руб.).

Даже этап, в котором автору пришлось принять участие осенью 1884 г., он изображает почти элегически: «Партию сопровождали справа и слева конвойные, но не было ничего мрачного в общей картине. Вся партия с детьми, бегавшими по опушке леса за красными ягодами шиповника, казалась собранием людей, добровольно снявшихся с места» (стр. 145).

Гражданина Елпатьевского умиляет и восторгает не только «внеклассовое» «демократическое» дворянство, но и фигура предпринимателя, купца, промышленника. Он любовно описывает Сибирь, пространно говорит о «душе сибиряка», о типе культурного купца.

Историю русской революции гражданин Елпатьевский изображает так: «Ни революций, ни гражданских войн, как Западная Европа, Россия никогда не переживала. Она всегда просила и ждала и никогда не требовала и никогда не брала».

Настроение страны перед революцией 1905 г. наш запоздалый кадетофил описывает так: «К тому времени, когда созрела революция 1905 г., около правительства

оставалась незначительная для многомиллионной России кучка бюрократии и высшего дворянства» (стр. 340). А вся масса России, начиная от интеллигенции, общественных деятелей, представителей промышленного мира, кончая рабочими и крестьянством, уже ушла от власти и составила, можно сказать, огромный, всероссийский противоправительственный союз. «Эта общность психологического настроения яркой полосой вставала в тогдашнем общественном движении. В уличной толпе, на митингах, в железнодорожных вагонах, на волжских пароходах не чувствовалось, как обычно, отделенности сюртука и пиджака от поддевки и косоворотки» (стр. 340).

«Как видите, не широк кругозор нашего народника, — писал Ленин, — и мелок его анализ: все то же противопоставление власти и общества. О классовой борьбе внутри общества, о буржуазии и рабочих, об углубляющейся розни между либерализмом и демократией трудненько сказать что-либо с точки зрения провинциального обывателя!» [1]

15 лет спустя гражданин Елпатьевский о революции 1905 г., явившейся «генеральной репетицией 1917 г.», пишет в тех же тонах, рассчитывая, вероятно, на советского издательского простофилю, которому куда до таких «тонкостей», как марксистское, классовое объяснение истории и исторических событий. Величайший памятник нашего революционного прошлого автор склонен видеть в первой Государственной думе. «Первую Государственную думу в то время любили называть Думой народного гнева. Родившаяся из народных волнений, из забастовки, из долгой борьбы интеллигенции с правительством, Дума была Думой бунта, Думой общей оппозиции России правительству». Дума с кадетским большинством — вот политическое credo, вот политический идеал гражданина Елпатьевского. Следующие Думы уже не в состоянии его удовлетворить, ибо постепенно «центр Думы передвигался слева направо от кадетов к октябристам и националистам».

«Воспоминания» Елпатьевского оканчиваются на эпохе империалистической войны. Войну он воспринимает в том же нестерпимо либеральствующе-кадетском тоне, как и все предыдущие события. «А Россия шла суровая, молчаливая. И были в ней люди, которые еще недавно устраивали «иллюминации» по деревням и выгоняли помещиков из имений, и были рабочие, что устраивали забастовки, организовывали тайные типографии с революционной литературой, и были городские люди, что недавно еще кричали: «Долой самодержавие!» Шли разные люди. Шла вся Россия. Молча шла».

Резюмируем. Мы за мемуары не только революционеров, но даже людей «со стороны», как определял В. И. Ленин Елпатьевского, поскольку они могут дать интересный бытовой и фактический материал своей эпохи. Но мы решительно против плохонькой кадетской публицистики в оценке нашего исторического прошлого.

Своей природе обывателя гр. Елпатьевский остается верен до конца. Дешевая сенсация, «мне рассказывали», «я слышал», «мне передавали» — едва ли не излюбленные его выражения, особенно там, где дело идет о «великих людях», о которых гр. Елпатьевскому приходится пользоваться сведениями из вторых или третьих рук. Гр-ну Елпатьевскому лестно написать, что и он слышал кое-что (!) о Марксе.

«Максим Максимович [Ковалевский] со своей лукавой улыбкой рассказывал, что в кабинете Маркса стоял бюст Зевса Олимпийского, имевшего некоторое сходство с головой Маркса, что Маркс знал это и во время разговора частенько поглядывал на Зевса» (стр. 250). Стоит только сравнить то, что написано по этому поводу самим М. М. Ковалевским, с «интерпретацией» гр. Елпатьевского, чтобы, перефразируя известное выражение, сказать: он ищет в других то, что характерно для него самого. В статье «Мое научное и литературное скитальчество» («Русская мысль», 1895, кн. 1, стр. 71) М. Ковалевский, вспоминая свое первое знакомство с Марксом или, точнее сказать, «первое впечатление» от него, писал: «Он [Маркс] принял меня в своем известном салоне, украшенном бюстом Зевса Олимпийского. Его нахмуренные брови и,

[1] Там же.

как показалось мне с первого раза, суровый взгляд невольно вызывали в уме сравнение с этим бюстом, особенно ввиду чрезмерного развития лба и падавших назад обильных вьющихся и уже седых волос»...

Много лет спустя, в своих известных воспоминаниях «Две жизни» («Вестник Европы», кн. 7, июль 1909, стр. 17 — 18) М. Ковалевский писал о Марксе, что «на расстоянии двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем благодарную память как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности»; в другом месте М. Ковалевский замечает, что каждое посещение Маркса давало ему «новый стимул к научным работам». Ковалевский был знаком и с семьей Маркса и рисует Маркса в семейной жизни очень простым, веселым человеком, которому решительно «ничто человеческое не было чуждо». И потому Ковалевский считает совершенно неправдивым рассказ анархиста Реклю.

По словам Реклю, «Маркс, принимая членов Международного товарищества рабочих, в том числе и самого Реклю, не выходил из задней части своей гостиной и держался поблизости к бюсту Зевса Олимпийского, которым эта гостиная была украшена, как бы подчеркивая тем свою принадлежность к числу великих типов человечества».

Ковалевский от себя прибавляет: «Такая ходульность совершенно несогласна с представлением о человеке, который настолько знал себе цену, что не видел надобности подчеркивать свое значение внешними приемами», и видит в подобном рассказе Эл. Реклю личный выпад человека, «лишенного необходимой объективности при оценке принципиального противника».

Читатель легко может убедиться, как далеки эти высказывания М. М. Ковалевского от того, что «рассказывали», что «слышал» или что «почудилось» гр. Елпатьевскому.

А. Н. Бах. Записки народовольца. Предисловие П. Анатольева. Изд. «Молодая гвардия». М. 1925, стр. 263.

«Записки народовольца» были напечатаны еще в 1907 г. в журнале «Былое», но подверглись значительным редакционным сокращениям, причем фамилии участников были заменены инициалами или же вовсе не были указаны. В настоящем издании восстановлен полный текст рукописи, а кроме того впервые печатается первая глава «Студенческие волнения 1878 г. в Киевском университете и Охотнорядское побоище в Москве» и перепечатывается «Автобиография» А. Баха из словаря Граната. В издании «Молодой гвардии» расшифрованы и восстановлены все завуалированные или пропущенные в 1907 г. редакцией «Былого» имена участников.

До появления в свет «Народовольческих сборников» (изд. «Каторга и ссылка») «Записки народовольца» А. Баха являлись почти единственным материалом по истории «Народной воли» послемартовского периода 1881 г., когда сильная централизованная организация партии была разбита царским правительством и в ее разрозненных рядах начался идейный разброд и искание новых путей. Этот процесс переоценки идейных ценностей болезненно переживался активными революционерами, что не могло не отразиться и на характере воспоминаний Баха. Написанные спустя двадцать лет после пережитых событий, эти воспоминания все еще носят на себе следы былой борьбы, выраженные в глубоко субъективных оценках политических событий и несколько пристрастной характеристике отдельных участников народовольческого движения 80-х годов (Г. А. Лопатина, П. Ф. Якубовича, Степурина и др.).

Бах в своих записках дает подробную картину своей революционной деятельности до выезда за границу, а в главе «Ликвидация» сообщает вкратце биографические сведения о своей дореволюционной жизни.

В своем обширном предисловии т. Анатольев дает яркий очерк революционного движения 80-х годов, отчасти полемизируя и с автором «Воспоминаний».

В весьма ценных примечаниях вносятся некоторые коррективы по поводу замечаний и оценки автором отдельных событий и характеристик революционных деятелей.

В. Алексеев. Липецк и Воронеж. (К пятидесятилетию съездов партии «Земля и воля».) Изд. «Музей революции», 1929, стр. 34 + 2 ненумерованных и 8 листов иллюстраций.

Под таким заглавием вышла в свет довольно тощая и поверхностно написанная брошюрка, целью которой было «крайне сжато осветить местные революционные события конца 70-х годов, на фоне которых, так сказать, происходили два исторических съезда землевольцев» (стр. 4). Задача, несомненно, почтенная; но она не совсем удалась автору. Если главы 2 — 4-я, посвященные местному революционному движению, более или менее интересны (дают свежий, неиспользованный архивный материал), то этого уже нельзя сказать об остальной части брошюры, посвященной народничеству, главным образом землевольчеству. Нельзя, разумеется, рассматривать сложную, многообразную эволюцию русского революционного движения 70-х годов как одно монолитное целое. О «народничестве» Н. Г. Чернышевского, бакунистов и лавристов первой половины 70-х годов можно, конечно, говорить лишь условно. «Народничество», как более или менее цельное мировоззрение (основной особенностью которого была слепая вера в особенные исторические пути России, которая, наперекор «тлетворному» Западу, минуя капиталистическую фазу, непосредственно перейдет к социалистическому строю), сложилось в середине 70-х годов, и первой чисто народнической революционной организацией именно и была «Земля и воля».

Между тем автор говорит: «Идеалы народничества... остались попрежнему на знаменах землевольцев» (стр. 6). Такое категорическое утверждение является, по нашему мнению, весьма спорным. Едва ли также можно согласиться и с основным положением автора, что Липецкий и Воронежский съезды являются той гранью, «по одну сторону которой осталась полоса восхождения, по другую закат...» (стр. 5). Как бы ни относиться к народовольчеству, но нельзя не признать, что период 1879 — 1881 гг. был периодом наивысшего расцвета революционного народничества. Этого не отрицал и В. И. Ленин, который во время самых ожесточенных споров с упадническим народничеством 90-х годов всегда отдавал должное историческим заслугам народовольцев первого призыва.

Благодаря такому формальному подходу автора к историческим событиям для читателя остается неясным: что же такое, в конце концов, «землевольцы», чей был съезд в Липецке, либералов или революционеров, и т. д. Самим съездам посвящены две странички (из 34-х), в частности Воронежскому — всего несколько строк. Не мало также в брошюре исторических ошибок: известные революционеры П. Алексеев и Ип. Мышкин (последний к тому же не рабочий, а типичный революционер-разночинец, интеллигент) никогда, как всем известно, не были «землевольцами» (стр. 1). Умерший еще в 1877 г. Н. А. Некрасов (стр. 4), конечно, не мог воспевать террористические подвиги «землевольцев», а тем более еще народовольцев (события, происходившие в 1879 — 1881 гг.). Непонятна также подпись под одним из рисунков: «Дом в Липецке, где происходили совещания землевольцев» (стр. 22). Хотелось бы знать, откуда у автора подобные сведения, тогда как до сих пор считалось установленным, что все заседания Липецкого съезда происходили на открытом воздухе.

СОДЕРЖАНИЕ

К ГОДОВЩИНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Стр.

Д. Рязанов. Новые данные о «героине Парижской Коммуны» Елизавете Дмитриевой 3

Г. Бакалов. Как Парижская Коммуна была встречена у болгар 10

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Переписка К. Маркса с Николаем —оном. С предисловием Д. Рязанова. 25

ИЗ ЖИЗНИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Д. Рязанов. Маркс, Герцен, Чупров и венская печать 132

П. Виноградская. Поездка Энгельса на европейский континент в 1893 г. 137

Третье письмо Энгельса к болгарам. (Сообщение Г. Бакалова) 149

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Письма П. Л. Лаврова к Герману Юнгу. С предисл. В. Николаевского. . 151

КРИТИКА, ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. Попова. Обзор статей о диалектическом материализме в германской журнальной литературе за 1925—1928 гг. 182

Рецензии

I. Диалектический материализм и история философии. 197

II. Марксизм и религия 203

III. Политическая экономия 205

IV. История общественных форм 211

V. История социализма и рабочего движения на Западе 213

VI. История социализма и революционного движения в СССР. 218

Указатель рецензированных книг и статей

На русском языке: Стр.

Алексеев, В. — Липецк и Воронеж 222

Бах, А. Н. — Записки народовольца 221

Васютинский, В. А. — Разрушители машин в Англии 213

Вороницын, И. П. — Декабристы и религия 203

Гребенев, К. В. — Джон Локк. 197

Гурвич, С. А., и Позняков, В. Н. — Заработная плата 207

Елпатьевский, С. Я. — Воспоминания за пятьдесят лет 218

Петров, Н. Г., и Степанов, И. Г.—Предметный указатель к I тому «Капитала» Маркса 205

На иностранных языках: Стр.

Adler, Mortimer J.— Dialectic 199

Cardenal, L. de.— La Province pendant la Révolution 216

Goblot, E. — La nécessité logique et la logique formelle 120

Haldar, Hirulal.—Neo-Hegelianism. 220

Hertel, Rudolf.—Die Erklärung der Krisen bei J. St. Mill und Marx. . . 208

Kramer, Kurt. — Freidenker im Kampf um die sozialistischen Massen. 204

Malinowski, Bronislaw.— The father in primitive Psychology. 211

Massingham, H. I. The Golden Age. 212

Schlesinger, L.—Spinoza u. Einstein. 201

Tarozzi, G.—La necessità spinoziana e il determinismo contemporaneo. —

Ответственный редактор Д. Рязанов.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХИВ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Под редакцией Д. Рязанова

КНИГА I. М. 1924. Стр. 497. Ц. 4 р.

Содержание: От редакции. — **Отдел I. Статьи и исследования:** А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк I. Диалектика у Канта. — Э. Цобель. К истории Союза коммунистов. Кельнская община Союза до мартовской революции. — Д. Рязанов. Международное товарищество рабочих. Возникновение Первого Интернационала. — **Отдел II. Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса.** К. Маркс и Ф. Энгельс о Фейербахе: Предисловие редактора. Тезисы о Фейербахе. Проект предисловия к „Немецкой идеологии". Фейербах. (Идеалистическая и материалистическая точки зрения.) — Д. Рязанов. Введение Энгельса к „Классовой борьбе во Франции". — **Отдел III. Из переписки Маркса и Энгельса.** В. Засулич и К. Маркс. — Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну. **Отдел IV. Критика и рецензии.** А. Удальцов. К теории классов у Маркса и Энгельса. — А. Неусыхин. Новый опыт построения систематической истории хозяйства. — Ф. Ротштейн. Новая литература о чартизме. — Ник. Карев. Маркс и Гегель. — И. Луппол и Гр. Баммель. Кант или Маркс. — Г. Тымянский. Исторический материализм. — И. Рубин. Политическая экономия. — Э. Цобель. История.

КНИГА II. С портретом Ф. Энгельса на отдельном листе. М. — Л. 1925. Стр. XXXII + 504. Ц. 6 р.

Содержание: Фр. Энгельс. Диалектика природы (немецкий и русский тексты); с предисловием Д. Рязанова. **Приложение.** Вариант введения к „Анти-Дюрингу". Zitatenanhang. Список цитированных произведений. Указатель имен. — **Приложение.** Иностранная литература о Марксе, Энгельсе и марксизме (1914 — 1925). Библиографический опыт. Сост. Э. Цобель и П. Гайду.

КНИГА III. М. — Л. 1927. Стр. 521. Ц. 5 р.

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк II. Диалектика у Фихте. — Е. Тарле. Лионское рабочее восстание. — **Отдел II. Из литературного наследства Маркса и Энгельса.** Д. Рязанов. От „Рейнской газеты" до „Святого семейства" (вступительная статья). — К. Маркс. Критика философии права Гегеля. — К. Маркс. Подготовительные работы для „Святого семейства". — Гимназические работы К. Маркса (с предисловием К. Грюнберга). — **Отдел III. Материалы и сообщения.** К. Грюнберг. Бруно Гильдебранд о коммунистическом просветительном рабочем союзе в Лондоне. — Р. Постгейт. Документы Первого Интернационала. — Е. Косминский. Книга протоколов Генерального совета Первого Интернационала (1866 — 1869). Дополнение к сообщению Р. Постгейта. — Ф. Шиллер. Георг Вебер, сотрудник парижского „Vorwärts". — Письма М. А. Бакунина к Альберу Ришару. С предисловием и примечаниями Ю. Стеклова. — **Отдел IV. Критика и рецензии.** И. Луппол. Интерпретация марксизма в Америке. — А. Гуральский. Проблема революции в новейшей социологии. — Е. Косминский. Английский рабочий в эпоху промышленного переворота. — Г. Лукач. Новая биография М. Гесса. — В. Волгин. Исторический памфлет против коммунизма. **Рецензии.** Г. Баммель. Демокрит и Платон. — А. Тальгеймер. К вопросу о социологическом методе. — И. Рубин. Из новой литературы о марксовой теории денег. — С. Лурье. Социализм в древности. — Г. Зайдель. Один из предшественников Маркса. — Ц. Фридлянд. Новое исследование о Парижской Коммуне.

КНИГА IV. М. 1929. Стр. 514. Ц. 4 р. 50 к.

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. В. Максимовский. Вико и его теория общественных круговоротов. — И. Рубин. К истории текста первой главы „Капитала" К. Маркса. — В. Волгин. Социологические взгляды Фурье. — М. Домманже. Социальная критика в сочинениях Виктора Консидерана. — Ф. Потемкин. Причины восстания лионских рабочих в 1831 г. — **Отдел II. Из литературного наследства Маркса и Энгельса.** — К. Маркс и Ф. Энгельс. Из „Немецкой идеологии" (с пред. Д. Рязанова). — Ф. Энгельс. Конспект первого тома „Капитала" (с предисл. Д. Рязанова). — К. Маркс. Выписки из Макиавелли. Со вступительной статьей В. Максимовского. — **Отдел III. Материалы и сообщения.** Б. Николаевский. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. — Ф. Потемкин. Промышленная революция во Франции по новейшим работам. — Е. Косминский. Энгельс и Бюре. — **Отдел IV. Критика и рецензии.** И. Рубин. Новый „Анти-Маркс". — **Рецензии.** Исторический материализм. Политическая экономия. История социализма и рабочего движения. — Письма в редакцию.

КНИГА V. (Печатается.)

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. К. Шмюкле. Учение Гоббса о государстве. — И. Рубин. Учение Маркса о производстве и потреблении. — Е. Преображенский. О двух спорных вопросах марксовой теории денег. — Ф. Шиллер. Георг Веерт как поэт „Новой рейнской газеты". — Ф. Потемкин. Детский труд на французской фабрике в эпоху промышленной революции. **Отдел II. Из литературного наследства Маркса и Энгельса.** — К. Маркс. Великие люди эмиграции (с предисл. Э. Цобеля). Последняя экономическая работа Маркса (с пред. Д. Р. Рязанова). **Отдел III. Сообщения.** М. Беер. Дневник Вильяма Оуэна. — М. Беер. Из биографии Джона Фрэнсиса Брэя. — Бергер. Демократическая революция в Византии XIV в. — А. Живелегов. Восстание чомпи и гуманисты. **Отдел IV. Критика и рецензии.** Я. Стэн. Ленин и теория материалистической диалектики. — Ф. Шиллер. Новые материалы о Вейтлинге. — М. Косвен. Теория сакрального происхождения власти. — В. Максимовский. Новая литература о Макиавелли. **Рецензии.**

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

КНИГА ПЕРВАЯ

От редакции. — **Статьи и исследования.** — Д. Рязанов. Военное дело и марксизм. — А. Деборин. Новый поход против марксизма. — Г. Штейн. Карл Маркс и мозельские крестьяне. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Ф. Энгельс. К. Маркс о капитале. — К. Маркс. Борьба якобинцев с жирондистами. — **Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс — Франкелю и Варлену. — Ф. Энгельс — Ламплё. — Два письма Энгельса к болгарам. — **Из истории марксизма в России.** Г. Плеханов. Речь на конгрессе в Париже в 1889 г.—Его же. Письма к Геду.—Его же. Анкета.—Б. Николаевский. Ленин в Берлине в 1895 г. — Е. Гурвич. Из воспоминаний. Мой перевод „Капитала". — **Критика и рецензии.** — **Сообщения кабинетов Института.** Fichteana в Кабинете философии. — Труды английских экономистов XVII века (1582 — 1708). — Собрание рукописей, относящихся к Парижской коммуне 1871 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ

Статьи и исследования. А. Деборин. Наши разногласия. — Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. „Бакунин: Государственность и анархия".—**Письма и документы.** П. Лафарг. Письма к Николаю —ону. — М. Бакунин. Письма к А. Руге. — **Критика и рецензии.** — **Сообщения кабинетов Института.** Труды английских экономистов XVII века (1582 — 1708). — Сочинения А. Клоотса в Кабинете истории Франции. — Сочинения Р. Оуэна в Кабинете истории социализма. Стр. 180. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Статьи и исследования. А. Деборин. Спинозизм и марксизм. — Д. Рязанов. Маркс и Энгельс о браке и семье. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. Письма об Индии. — И. Гумбель. О математических рукописях К. Маркса. — **Письма и документы.** Б. Николаевский. К истории петербургской социал-демократической группы стариков. — А. Воден. На заре „легального марксизма". — М. Бакунин. Письма к графине Е. В. Салиас. — **Критика и рецензии.** — **Сообщения кабинетов Института.** Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

К 60-летию первого тома „Капитала". Ф. Энгельс. Четыре рецензии на „Капитал" Маркса. — Г. В. Плеханов. Философские и социальные воззрения К. Маркса. — Его же. О так называемом кризисе в школе Маркса. — **Статьи и исследования.** М. Дынник. От примирения с действительностью к апологии разрушения. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Ф. Энгельс. Англия. — Из черновой тетради К. Маркса. — **Материалы и сообщения.** Из архивных материалов о Марксе. — Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове. — Неизданное стихотворение И. С. Тургенева. — Письма М. А. Бакунина к польским корреспондентам. — А. Воден. На заре „легального марксизма". — **Критика и рецензии.** — **Письмо в редакцию.** — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Постановление ЦИК СССР. — Из доклада наркома по просвещению. — Сообщение Д. Б. Рязанова об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ПЯТАЯ

Статьи и доклады. Д. Рязанов. Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи.—**Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову.—**К 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова.** Г. В. Плеханов. Два слова читателям-рабочим. — Г. Бакалов. Г. В. Плеханов в Болгарии.—М. М. Ковалевский о книге Бельтова.—**Материалы и сообщения.** Письма М. А. Бакунина к Косиловскому.—Х. Раппопорт. Воспоминания о Фридрихе Энгельсе.—**Критика и рецензии.**—**Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** А. Шмюкле. Первый том международного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.—Выставка по истории Великой французской революции. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: за 4 книги — 5 руб., за 2 кн. — 2 р. 50 к. Подписка принимается с кн. 1 (XI).

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: в Периодсектор Госиздата. Москва, Центр, Ильинка, 3, во все отделения и магазины Госиздата, в киоски «Союзпечати» и на почту.

1 р. 50 к.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

КНИГА ШЕСТАЯ

Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль. Переписка Лассаля с Бисмарком. — **Статьи и исследования.** Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского. — Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте. — Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским. — **Материалы и сообщения.** Письмо Н. И. Сазонова к К. Гервегу. — П. Аксельрод. Группа „Освобождение труда" (Неопубликованные главы из второго тома „Воспоминаний"). — **Критика и рецензии.** — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Выставка Маркса и Энгельса. — Читальный зал за 1923—1927 гг. Стр. 175. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ВОСЬМАЯ

К столетней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского. А. Деборин. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. — И. Рубин. Чернышевский как экономист. — Ц. Фридлянд. Н. Г. Чернышевский как историк. — Д. Рязанов. Маркс и Чернышевский. — **Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письмо Г. Лопатина к Ф. Энгельсу. — Письмо Ф. Энгельса к неизвестному о русских делах. — **Материалы и сообщения.** И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская („Елизавета Дмитриева"). — Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям. — Из переписки М. А. Бакунина (Письма к В. Ф. Лугинину и к И. Дементовичу). — Письмо Жорж Занд к М. А. Бакунину. — **Критика, обзоры и рецензии.** Д. Рязанов. Ответ на „открытое письмо" В. Полонского. — Е. Каганович. Обзор статей по теоретической политической экономии, помещенных в „Вестнике Коммунистической академии" за 1922—1927 гг. — Рецензии. — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Коллекция рукописей из литературного наследства Ф.-Домелы Ньювенгуйса. — „Парижская коммуна 1871 г." Стр. 271. Ц. 2 р.

КНИГА ДЕВЯТАЯ—ДЕСЯТАЯ

Статьи и исследования. Г. Бакалов. Христо Ботев и Сергей Нечаев. — Б. Николаевский. Взгляды М. А. Бакунина на положение дел в России в 1849 г. — **Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письмо Флеровского о Марксу. — **Материалы и сообщения.** Две статьи Г. В. Плеханова из болгарского „Социалиста". — Анонимная брошюра М. А. Бакунина „Положение в России". — Письма М. А. Бакунина к брату Александру и к Н. И. Тургеневу. — **Критика, обзоры и рецензии.** А. Реуэль. Обзор статей по теоретической политической экономии в журнале „Под знаменем марксизма" за 1922—1927 гг. — Рецензии. — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Коллекция писем Л. Фейербаха. — Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 250. Ц. 2 р.

КНИГА ПЕРВАЯ (ОДИННАДЦАТАЯ)

К двухсотпятидесятилетию со дня смерти Гоббса. И. Луппол. Томас Гоббс. — И. Рубин. Экономические взгляды Томаса Гоббса. — **Статьи и исследования.** Ф. Шиллер. Энгельс и литература. — Х. Кабакчиев. Дмитрий Николаевич Благоев. — **К истории „Капитала" в России.** А. Реуэль. Полемика вокруг „Капитала" Карла Маркса в России 1870-х годов. — О. Маркова. Отклики на „Капитал" в России 1870-х годов. — **К истории марксизма в России.** Г. Плеханов. Фердинанд Лассаль. Его жизнь и деятельность. — **Критика и рецензии.** — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Постановление ЦК ВКП(б) от 1 июня 1929 г. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: за 4 книги — 5 руб., за 2 кн. — 2 р. 50 к. Подписка принимается с кн. I (XI).

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: в Периодсектор Госиздата — Москва, Центр, Ильинка, 3, во все отделения и магазины Госиздата, в киоски «Союзпечати» и на почту.